

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 18 (61)/10

Scientific journal

Historical science. World history Series

Moscow 2010

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 18 (61)/10

Научный журнал

Серия «Исторические науки. Всеобщая история»

Москва 2010

УДК 94(05)
ББК 63.3(0)я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редакционная коллегия
серии «Исторические науки. Всеобщая история»
Н.И. Басовская – ответственный редактор
О.В. Саприкина – заместитель ответственного
редактора

В.А. Бароне – ответственный секретарь

О.В. Ауров

Л.М. Брагина

Е.Д. Браун

В.П. Буданова

А.В. Воеводский

В.М. Володарский

Ю.П. Зарецкий

Г.И. Зверева

Н.П. Калмыков

Л.П. Репина

В.И. Уколова

П.П. Шкаренков

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

<i>Я.П. Талбацкий</i>	
Император Констанций в «Церковной истории» Сократа Константинопольского	11
<i>И.Е. Ермолова</i>	
Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами	20
<i>О.В. Аузов</i>	
«Gladio vindice leuugildi»: Король-реформатор перед лицом памяти	33
<i>М.С. Петрова</i>	
Способы прочтения и интерпретация эпистолярного наследия Эйнхарда (руководство к действию)	51
<i>Д.А. Боровков</i>	
Польско-имперские отношения в X – первой трети XI в.	63
<i>Н.И. Басовская</i>	
Диалог короля и сословий на закате Средневековья: Карл V Мудрый	76
<i>В.А. Бароне</i>	
Женщины Нормандии в Столетней войне	84

Личность, общество и власть в XVI–XX веках

<i>Р.В. Зарапин</i>	
Атауальпа и концепция верховной власти в доиспанском Перу	101
<i>В.В. Упадъшев</i>	
Библиотечная утопия XVI века	113
<i>М.А. Туманов</i>	
Уильям Бредфорд: американский кальвинист об умеренности в повседневной жизни	121

<i>А.В. Воеводский</i>	
Кечвайо – последний независимый правитель зулусов	136
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Прусский предприниматель Давид Ганзман (1790–1864) в борьбе за конституционализм	153
<i>А.М. Гнедовский</i>	
Церковный вопрос в документах левоцентристских и левых партий в Испании в последней четверти XIX – первой трети XX века	162
<i>И.А. Женин</i>	
Понятие «народ» в концепциях «консервативной революции»	175
<i>А.А. Турыгин</i>	
На службе у фюрера, партии и государства: к истории возникновения и развития «Völkischer Beobachter» – главного печатного издания НСДАП	187
<i>В.А. Садовский</i>	
«Заговор против цивилизации»: Антибольшевистские фобии в оформлении британского правого радикализма	200
<i>А.Н. Комаров</i>	
Канадский консерватизм от Д. Дифенбейкера до С. Харпера: основные тенденции развития	209
<i>С.Ю. Серёгичев</i>	
Строительство исламского государства в Судане: основные этапы и их результаты	226
<i>О.О. Медведева</i>	
Социальная политика администрации Б. Клинтона: стратегия национальной консолидации	238
<hr/> История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки <hr/>	
<i>Е.Д. Браун</i>	
Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии	243

<i>О.В. Саприкина</i>	
Трактовка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах Журнала министерства народного просвещения	258
<i>А.В. Шарова</i>	
Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина)	270
<i>Т.А. Мухаматулин</i>	
Восприятие России в публицистике и политической деятельности К. Санчеса-Альборноса	288
Abstracts	297
Сведения об авторах	308

CONTENTS

The person and society in the civilizations of the Antiquity and the Middle Ages

<i>I.P. Talbatsky</i>	
Socrates of Constantinople on Constantius II	11
<i>I.E. Ermolova</i>	
The economical aspect of the Later Roman Empire' relations with external peoples	20
<i>O.V. Aurov</i>	
«Gladio vindice Leuigildi»: the great king in the context of memory	33
<i>M.S. Petrova</i>	
Different ways to read and interpret Eingard's letters (a guide)	51
<i>D.A. Borovkov</i>	
Relations of Poland and Empire in the X – first third of the XI century ...	63
<i>N.I. Basovskaya</i>	
Dialogue of the king and estates on the Middle Ages decline: Charles V the Wise	76
<i>V.A. Barone</i>	
Women of Normandy in the Hundred Years' war	84

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>R.V. Zarapin</i>	
Atahualpa and conception of supreme power in prehispanic Peru	101
<i>V.V. Upadishev</i>	
Library utopia of the XVI century	113
<i>M.A. Toumanov</i>	
William Bradford: American Calvinist on «Sobriety» in daily life	121

<i>A.V. Voevodskiy</i>	
Cetshwayo – the last independent Zulu ruler	136
<i>N.V. Rostislavleva</i>	
The Prussian businessman David Hansemann (1790–1864) in the struggle for constitutionalism	153
<i>A.M. Gnedovsky</i>	
Church question in the left-of-centre and left parties in the last quarter of the XIX and first third of the XX centuries in Spain	162
<i>I.A. Zhenin</i>	
The concept of «Volk» in the ideological constructions of the conservative revolution	175
<i>A.A. Turygin</i>	
On the Fuhrer's party's service: to the history of occurrence and development of the main printing edition N.S.D.A.P.	187
<i>V.A. Sadvovskiy</i>	
«The Plot against Civilization»: Anti-Bolshevist Phobias in Formation of British Right-wing Radicalism	200
<i>A.N. Komarov</i>	
The Canadian conservatism from John Diefenbaker to Steven Harper: the main tendencies of development	209
<i>S.Yu. Seregichev</i>	
Islamic Republic of Sudan as one of version for the development of Sudanese society and state	226
<i>O.O. Medvedeva</i>	
The social policy of Clinton's administration strategy of national consolidation	238

The history of world civilizations in historical perspective

<i>E.D. Braun</i>	
British and Russian historiography of the Wars of the Roses: comparative analysis	243

<i>O.V. Saprikina</i>	
Interpretation of Slavic idea by V.I. Lamansky on the pages of Ministry's of Public Education Journal	258
<i>A.V. Sharova</i>	
The University and the state authorities in Russia at the beginning of the XX century (A.N. Savin's diary)	270
<i>T.A. Mukhamatulin</i>	
The idea of Russia in politic essays and activity of Dr. C. Sanchez-Albornoz	288
Abstacts	297
General data about the authors	308

Человек и общество в цивилизациях древности и средних веков

Я.П. Талбацкий

ИМПЕРАТОР КОНСТАНЦИЙ В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» СОКРАТА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Сократ, описывая царствование Констанция II во второй книге своей «Церковной истории», обращался к различным традициям в изображении этого императора от Афанасия Александрийского до Юлиана Отступника. Цель данной статьи – проанализировать созданный Сократом образ Констанция. Чтобы выявить особенность представления Констанция Сократом, исследуются также труды двух других греческих церковных историков – Созомена и Феодорита. Разбор сообщений, в которых появляется Констанций, показывает, что у Сократа существовали две тенденции. Первая – уменьшающая вину императора за его преследования никейских епископов, которые он совершает по проискам арианствующих. И вторая – представляющая императора убежденным арианом, стремящимся принуждением и насилием добиться преобладания арианства. Эта линия в изображении Констанция к концу книги становится доминирующей.

Ключевые слова: поздняя античность, арианство, греческие церковные историки, Констанций II.

Работа Сократа пользовалась несомненной популярностью, о чем уже говорят сделанные с нее переводы на латинский, армянский и сирийский языки, и тем самым оказала существенное влияние на формирование исторических представлений у последующих поколений¹. Родившийся самое позднее в 390 г.², Сократ мог составить собственное мнение о правлении Констанция II и его церковной политике лишь с чужих слов. Однако авторы, чьими сочинениями он пользовался, принадлежали к разным христианским группам, что, естественно, накладывало отпечаток на их интерпретацию событий³. Даже внутри ортодоксальной традиции отношение

к Констанцию II со временем претерпело ощутимые изменения. Так, предвестник антихриста⁴ превратился буквально через несколько лет после своей смерти в христоролюбивейшего из государей⁵. У Сократа была также возможность дополнить свои знания об этом периоде благодаря общению с новацианским пресвитером Авксаноном. Таким образом, анализ образа Констанция II у Сократа позволит не только лучше понять оценку, данную его современниками своему ближайшему прошлому, но и раскрыть взгляды его потомков на один из ключевых моментов в истории христианской церкви. В данной статье мы предполагаем наметить основные контуры выбранной Сократом модели изображения Констанция II и выявить ее особенности. Значительную помощь в этом нам окажет сравнение трудов Сократа с использованными им источниками, а также работами его современников.

Впервые Констанций II появляется во второй книге, посвященной целиком его правлению, в связи с рассказом об арианском священнике. Как у Руфина⁶, вероятного источника Сократа, так и у Феодорита⁷, другого церковного историка V в., эта история вводит мотив, позволявший в дальнейшем объяснять многие поступки императора в церковной области. Священник, став одним из близких людей к Констанцию II, использовал его расположение для интересов арианской партии. Вместе с епископами, получившими благодаря ему доступ к императору, он склоняет ложными обвинениями и наветами Констанция II к преследованию предстоятелей, державшихся никейского символа. В результате основная ответственность за случившееся падает на арианских епископов, в то время как виновность Констанция II значительно уменьшается. Версия Сократа отличается одной существенной особенностью: ни слова не говорится о том, что император подпал под влияние священника. Тот обращает в арианство его окружение и ответственен за возобновление споров вокруг веры⁸. Не исключено, что Сократ хотел таким образом несколько дистанцироваться от общепринятой модели объяснения враждебности Констанция II к никейским епископам.

Касаясь обстоятельств возвращения Афанасия из второго изгнания, Сократ снова отклоняется и от своего источника, и от других церковных историков. У Руфина Констанций II, напуганный (*perterritus*) письмом своего брата Константа, угрожавшего войной в случае отказа восстановить александрийского епископа на его престоле, призывает к себе Афанасия (X 20, р. 986, 9–18). Взяв за основу версию Руфина, Сократ в то же время вносит детали, которые представляют Констанция II как непримиримого противника Афанасия. Во-первых, у Сократа Констант обращается к угрозам,

поскольку его предыдущие просьбы позволить вернуться Афанасию были проигнорированы Констанцием II (II 20, 2, р. 117; II 22, 3 р. 123). Во-вторых, перспектива гражданской войны хотя и производит на Констанция II впечатление, однако не до такой степени, чтобы заставить пойти на уступки. Лишь по совету епископов он соглашается удовлетворить требование Константа (II 23, 1–2, р. 124). В отличие от Сократа, Созомен⁹ и Феодорит (II 8, 55–56, р. 376; II 10, 2, р. 382, 384), напротив, смягчают тона, снижая напряженность между братьями и представляя Констанция II как настроенного против Афанасия лишь по заблуждению.

Схожим образом перерабатывает Сократ и историю об уступке церкви, истребованной Констанцием II у Афанасия. В описании Руфином этой сцены, император изображается хотя и зависимым от ариан человеком, но отнюдь не врагом Афанасия. Поведение александрийского епископа не только вызывает у Констанция II неподдельное восхищение, но и открывает глаза на его арианских советчиков (X 20, р. 986, 18–25–987, 1–9). Сократ, во-первых, опускает все элементы, которые настраивали читателя на благоприятное отношение к Констанцию II. Во-вторых, он неявно сравнивает Констанция II с Арием через использование одного и того же глагола «σοφίζομαι» (I 38, 2–3, р. 88; II 23, 33, р. 129). В-третьих, оставляя конец истории открытым, Сократ, возможно, намекал на то, что Констанций II действовал не под влиянием ариан, а заодно с ними (II 23, 33–38, р. 128–129). Созомен (III 20, 5–7, р. 134–135) и Феодорит (II 12, 1–3, р. 384, 386) в свою очередь следуют достаточно близко за вариантом Руфина.

Отличие Сократа от двух других греческих историков проявляется даже в такой маленькой детали, как описание чувств Констанция II при встрече Афанасия. Александрийский епископ получает у Сократа наименее радушный прием (οὐκ ἄπτεχθῶς Socr. II 23, 33, р. 128; εὖνον καὶ ἐπιεικοῦς Soz. III 20,5, р. 135; εὐμενῶς Theod. II, 12, 1, р. 384).

Также только Сократ приписывает изгнание Мелетия Антиохийского за проповедь никейской веры и избрание на его место Евзоя, осужденного сотоварища Ария, инициативе самого императора (II 44,4–5, р. 182), а не стараниям Евдоксия и его приверженцев, как у Созомена (IV 28, 9, р. 186) и у Феодорита (II 32, 9–10, р. 492).

Однако Сократ не ограничивается тем, что делает образ Констанция II более отрицательным, чем в источниках и в работах ближайших современников. Он также упоминает о таких вещах, о которых другие церковные историки предпочли умолчать, чтобы не бросить тень на императора.

В отличие от Феодорита, осмотрительно прерывающего цитату из Афанасия на нужном месте (II 24, 2, р. 446), Сократ не скрывает, что Леонтий, оскопивший себя, чтобы беспрепятственно сожительствовать с женщиной, получил антиохийскую кафедру с согласия и при поддержке Констанция II (II 26, 9–10, р. 136)¹⁰. Также не забудет сообщить Сократ и о крещении Констанция II арианином Евзоем (II 47, 3, р. 186)¹¹. Сократ вспоминает и некоторые из гражданских дел: неудачи в войнах с Персией (II 23, 5, р. 134) и сомнительное поведение императора во время расправы над его родственниками (II 23, 3, р. 133)¹². Вместе с тем Сократ не представляет произошедшие бедствия как наказание, постигшее нечестивого правителя за притеснения правоверных христиан на манер Евсевия.

Очевидно, что Сократ существенно отступает от той модели изображения Констанция II, которая пыталась затушевать причастность императора к церковным неурядицам и представить его как достойного правителя и христианина, поступавшего предосудительно только из-за интриг ариан. Сократ дает иной портрет Констанция: непримиримого противника Афанасия и покровителя ариан. В то же время Сократ одинаково далек и от тех обличений, которые встречаются в поздних работах Афанасия и в сочинениях Люцифера Каларисского.

Однако у Сократа отсутствует единая линия в изображении Констанция II. Несколько примеров с наглядностью показывают, как у него сосуществуют порой совершенно противоположные тенденции.

Так, затрагивая роль Констанция II в судьбе Афанасия, Сократ значительно приближается в своем описании к Созомену и Феодориту. Как и они, Сократ настаивает в первую очередь на ответственности ариан за постигшие александрийского епископа несчастья. Своей клеветой и ложными обвинениями им удастся настроить Констанция II против Афанасия и в результате добиться от императора желаемых мер (II 3, 5–7, р. 95; 11, 1–6, р. 102–103; 17, 1–3, р. 109)¹³.

При рассказе о злключениях Павла Констанций II предстает в ином свете. Нет ни слова об интригах ариан, жертвой которых становится константинопольский епископ. Настоящим его противником, убежденным и непримиримым, является сам Констанций II, охотно прибегающий к силе, чтобы избавиться от епископа. Ариане же появляются лишь на заднем плане как зачинщики беспорядков и подручные императора, послушные его воле (II 7, 1–2, р. 97; II 13, р. 104–105; II 16, 1–2, р. 107). Показательно, что Созомен, напротив, старается во всех случаях преуменьшить вину императора и настроить читателя на более благожелательное отно-

шение к Констанцию II. Он либо перекладывает ответственность на ариан (III 3, 5 и 4, 2–3, р. 104–105; III 9, 1, р. 111–112), либо вносит небольшую деталь, делающую образ Констанция II менее отрицательным (III 7, 7, р. 110), либо списывает все на исполнителей приказа (III 9, 4, р. 112).

То, что Сократ зависит от разных традиций, особенно выделяется, когда они оказываются переплетены в одном рассказе. Касаясь изменений, произошедших в церковной политике после гибели Константа, Сократ посвящает главу 26 дальнейшей судьбе Афанасия и Павла. В манере, типичной для других сообщений об Афанасии, Сократ рассказывает, как зреет заговор ариан против александрийского епископа до § 4. Резкая смена действующих лиц происходит с переходом к Павлу, на сцену выходит Констанций II, принимающий самостоятельно решение об изгнании неугодного предстоятеля¹⁴. Возвращение к Афанасию ознаменовывается возобновлением прежней линии: обвинения, воздвигнутые арианами, приводят императора в состояние, близкое к бешенству (II 26, 3–7, р. 135–136). Подобным же образом Сократ делает ответственными то арианских предстоятелей, то Констанция II за вырванное силой у Осии Кордовского согласие с новым символом веры, при этом не замечая, что различные части скроенного таким образом рассказа плохо согласуются между собой и даже местами явно противоречат друг другу (II 31, 2–4, р. 147)¹⁵. Гораздо более серьезная путаница происходит при упоминании Сократом намерения Констанция II созвать вселенский собор. Согласуясь, по-видимому, с благожелательно настроенной к Констанцию II традицией, Сократ с симпатией отзываясь о его желании достигнуть согласия между епископами. Однако энтузиазм историка выглядит несколько странно в свете его недавних заявлений о давнишней преданности императора арианской вере (II 37, 1–4, р. 152). Об этом Сократ снова вспомнит, касаясь враждебности Констанция II к посланникам Ариминского собора, не без того, чтобы дать заодно и другую версию, обвиняющую арианских епископов в таком настрое императора (II 37, 75–76, р. 160–161)¹⁶.

Отсутствие согласованности проявляется и в не всегда уместном соседстве рассказа Сократа с отрывком из документа, который не подтверждает слова историка, а, наоборот, опровергает их. Так, вслед за упоминанием об угрозах Константа, сыгравших решающую роль в возвращении Афанасия, Сократ цитирует письмо Констанция II, где тот утверждает, что именно он упросил своего брата позволить вернуться александрийскому епископу (II 23, 5–7, р. 124–125)¹⁷. В другой раз, указав арианство Констанция II как причину долгого ожидания епископами приема при дворе, Сократ приводит затем

письмо императора, ссылающегося на войну с варварами в свое оправдание (II 37, 78–81, р. 161). То, что Сократ намеревался таким образом продемонстрировать лживый и притворный характер Констанция II, кажется маловероятным¹⁸.

Но лучше всего о сосуществовании у Сократа противоположных традиций в изображении Констанция II свидетельствуют сообщения о Ветранионе и Магнеции. Нет серьезных оснований предполагать, что Сократ собирался дать дифференцированную картину правления Констанция II, чтобы отдать должное сложной натуре императора. Скорее всего, в большинстве случаев Сократ лишь механически копировал сведения источников, не особенно задумываясь о том, чтобы согласовать их между собой. В рассказе о Ветранионе Сократ наделяет Констанция II одной из центральных императорских добродетелей – милосердием. Император не только сохраняет жизнь своему противнику, но и обеспечивает ему достойную старость. Констанций II даже сравнивается с отцом, Константином Великим, через использование Сократом глагола «φιλανθρωπεύομαι» (I 4, 3, р. 5; II 28, 16–20, р. 139). Подобного человеколюбия было сложно ожидать от того, кто, согласно Сократу, незадолго до этого отдал приказ казнить Афанасия. Для христианской традиции характерно представление, согласно которому только правитель, державшийся истинной веры, получал от Бога помощь в делах. Но здесь была обратная связь – божественная поддержка императору свидетельствовала об истинности его веры. Соответственно, появление Констанция II в эпизоде с Магнецией в качестве правителя, чья власть одобрена Богом, не могло иначе рассматриваться как подтверждение божественности арианской веры, которую тот исповедовал (II 32, 2–4, р. 147–148). Сократ, однако, не обращал внимание на такого рода противоречия.

Как бы порой странно ни перемешивались различные традиции в работе Сократа, у него, подобно другим церковным историкам, происходит изменение в изображении Констанция II после рассказа о гибели Константа. В его повествовании начинают все больше преобладать отрицательные нотки, становясь к концу книги доминирующими. Сократ переходит от намеков на арианство Констанция II к констатации его давнего пристрастия к нему (Ср.: II 23, 13–14, р. 126 и II 26, 5, р. 135). Теперь Сократ приписывает самому императору, а не епископам, намерение добиться утверждения арианской веры (Ср.: II 2,1, р. 93; II 37, 89, р. 162). Именно с его именем отныне связываются волнения в церкви. Уже не интригам ариан обязаны своими несчастьями предстоятели, защищавшие никейский символ, но неподчинению воле Констанция II (II 37,1, р. 152). Одним словом, становится ясно, кто на самом деле стоял за всеми

попытками ниспровергнуть Никейский символ и махинациями, направленными против епископов. Но самое существенное: Сократ обвиняет Констанция II в использовании принуждения и силы, в развязывании настоящих гонений, не уступавших по своей жестокости преследованиям языческих правителей. Если даже на передний план чаще выставлен не император, Сократ все равно подчеркивает его равнодушие к творимому и прямое пособничество преследователям (II 27, 1–7, р. 136–137¹⁹; II 37, 93, р. 163; II 38, 5–33, р. 164–167²⁰). Неудивительно, что в конце книги Сократ подводит неутешительный итог правлению Констанция II. Пренебрежение канонами при поставлении и низложении епископов приводит к нарушению идущей от апостолов линии преемств (II 42, 2–5, р. 179; 43, 7–8, р. 180–181). С появлением доктрин Македония и Аполлинария Лаодикийского новые разделения охватывают церковь (II 45, 3–6, р. 183 и 46, 7–11, р. 185–186). Нелепицы ариан бросают тень на христианское учение (II 43, 11–15, р. 181; 45, 12–14, р. 184). Постоянные соборы искажают переданную от Спасителя веру. Наиболее ярко глубину кризиса, охватившего церковь, выражает перечисление Сократом девяти символов веры, составленных за время царствования Констанция II (II 41, 17–22, р. 178–179).

Итак, Сократ, во-первых, идет вразрез с укоренившейся к его времени моделью изображения Констанция II. В противовес другим церковным историкам, Сократ не уводит в тень его причастность к попытке пересмотра никейской веры и связанных с этим событий. Он, напротив, подчеркивает враждебность Констанция II к епископам, сопротивлявшимся его церковной политике. Во-вторых, Сократу не удалось создать внутренне непротиворечивой картины правления Констанция II. Различные традиции, от резко враждебной до панегирической, соседствуют у него рядом друг с другом, часто приводя читателя в замешательство. В-третьих, чем ближе к концу книги будет подходить Сократ, тем больше он будет сгущать краски и подчеркивать отрицательные стороны царствования Констанция II.

Примечания

¹ См.: *Ширинян М.С.* Исторический труд Сократа Схоластика и его древнеармянские версии (Из истории византино-армянских культурных связей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1987. 23 с.; *Hansen G.C.* Einleitung // *Socrates. Kirchengeschichte* / Hg. v. G.C. Hansen mit Beiträgen v. M. Širinjan. Berlin: Akademie-Verlag, 1995. P. XXIV–XXXIII (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhundert, Neue Folge, Bd. 1); The Armenian adaptation

- of the Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus, commonly know as «The Schorter Socrates» / Trans. and com. by R.W. Thomson. Leuven: Peeters, 2001. 254 p. (Hebrew University. Armenian Studies, 3).
- 2 См.: *Wallraff M.* Der Kirchenhistoriker Sokrates. Untersuchungen zu Geschichtsdarstellung, Methode und Person. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. P. 209 (Forschungen zur Kirchen- und Dogmengeschichte, 68); *Leppin H.* The Church Historians: Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman historiography in late Antiquity: fourth to sixth century A.D. / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 221; *Van Nuffelen P.* Un héritage de paix et de piété. Etude sur les Histoires ecclésiastiques de Socrate et de Sozomène. Leuven; P.; Dudley: Uitgeverij Peeters and Departement Oosterse Studies, 2004. P. 1 (Orientalia Lovaniensia analecta, 142).
 - 3 К источникам Сократа: *Geppert F.* Die Quellen des Kirchenhistorikers: Socrates Scholasticus. Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung, 1898. P. 19–58, 66–81 (Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche. Bd. 3. Heft 4); *Hansen G.C.* Op. cit. P. XLIII–LV.
 - 4 *Ath. Hist.* Arian. 67 (PG 25b, col. 773B).
 - 5 *Greg. Naz. Or.* 4, 35 (PG 35, col. 560C).
 - 6 *Rufin.* H. E. X 12, p. 978,7–19; *Rufin.* Historia ecclesiastica // Eusebius. Werke: Die Kirchengeschichte / Hg. von Ed. Schwartz und Th. Mommsen. 2., unveränd. Aufl. von F. Winckelmann. Berlin: Akademie Verlag, 1999. Bd. 2 (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. Neue Folge, Bd. 6). В дальнейшем в тексте даются ссылки на это издание.
 - 7 *Theod.* H. E. II 3, 6–7, p. 340. *Théodoret de Cyr.* Histoire ecclésiastique / Tr. P. Canivet, introd. A. Martin, rev. et annotée par J. Bouffartigue. Paris: Edition du Cerf, 2006 (Sources chrétiennes; 501). В дальнейшем в тексте даются ссылки на это издание.
 - 8 *Socr.* H. E. II 2, 2–7, p. 93. *Socrates.* Kirchengeschichte. В дальнейшем даются в тексте ссылки на это издание.
 - 9 *Soz.* H. E. III 20, 2, p. 134. *Sozomenus.* Kirchengeschichte / hrsg. von J. Bidez, eingeleitet, zum Druck besorgt und mit Registern versehen von G.C. Hansen. Berlin: Akademie-Verlag, 1960 (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte; 50). В дальнейшем ссылки даются в тексте на это издание.
 - 10 Ср.: *Ath. Apol. de fuga sua* 26, p. 240. *Athanase d'Alexandrie.* Deux apologies / Introd., texte critique, trad. et notes de J.M. Szymusiak. 2e éd., rev. et cor. P.: Edition du Cerf, 1987 (Sources chrétiennes; 56 bis).
 - 11 Ср.: *Ath. De syn.* 31 (PG 26, col. 749A).
 - 12 Созомен знает об этих событиях, но умалчивает о роли Констанция II в них (V 2, 8, p. 191). Феодорит вспоминает о причастности Констанция II к убийству родных, лишь рассказывая о правлении Юлиана (III 2, p. 177). *Theodoret.* Kirchengeschichte / Hg. von L. Parmentier. 3, durchges. Aufl. von G.C. Hansen. Berlin: Akademie Verlag, 1998 (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, Neue Folge, Bd. 5).

- 13 Сократ в принципе повторяет с некоторыми ошибками лишь то, что нашел у самого Афанасия. Ср.: *Ath. Apol. de fuga sua* 24, p. 234; *Ath. Apol. sec.* 18 (PG 25b, col. 277A-C).
- 14 Ср.: *Soz. Н. Е. IV* 2,1, p. 140.
- 15 Ср.: *Soz. Н. Е. IV* 6,5 и 6,13, p. 144, 145. Присутствие у Сократа некоторых деталей, которые отсутствуют у Афанасия, кажется, исключают возможность заимствования рассказа об Осии из сочинений александрийского епископа (*Ath. Apol. sec.* 89 (PG 25b, col. 409A-B); *Ath. Apol. de fuga sua* 5, p. 186).
- 16 Ср.: *Soz. Н. Е. IV* 19,1, p. 167.
- 17 Созомен, передавая содержание писем Констанция II Афанасию, упоминает лишь о том, что император поторапливал епископа с возвращением (III 20,2, p. 134). Феодорит, в свою очередь, приводит лишь второе письмо Констанция II, где тот не касается обстоятельств возвращения Афанасия. При этом Феодорит ссылается на его краткость, но не исключено, что он руководствовался и иными причинами (II 11, p. 384).
- 18 Афанасий, у которого Сократ нашел письмо епископам, заявляет, что из него желающие могут узнать о коварстве Констанция II (*Ath. De syn.* 55 (PG 26, col. 789D)).
- 19 Созомен не только ничего не говорит о причастности Констанция II к преследованиям, устроенным Македонием в столице, но, напротив, утверждает, что узнав о них, император осудил епископа (IV 2, 3–4, p. 141).
- 20 В конце рассказа Сократ отмечает, что дела Македония вызвали недовольство Констанция II. Однако чувства последнего кажутся связанными отнюдь не со страданиями, перенесенными сторонниками никейской веры, но исключительно с гибелью солдат, задействованных в преследовании, и с самовольным перенесением епископом останков Константина Великого (II 38, 35, p. 167; 38, 43, p. 168). Показательно, как представляет те же события Созомен. Он не только описывает произошедшее менее драматическими красками, но и дает понять, что Македоний лишь прикрывался императорскими постановлениями, творя насилие (IV 20, 3, p. 170).

И.Е. Ермолова

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ВНЕШНИМИ НАРОДАМИ¹

Статья посвящена анализу данных позднеантичных письменных источников об обмене римлян с другими народами, включающем не только торговлю различными товарами, но и работу римских ремесленников за границами империи. Особое внимание уделяется позднеримскому законодательству, регулиющему экономические отношения с варварами.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, торговля, границы, провинции, ограничения.

Развитие экономики ни в одном древнем государстве не было приоритетным направлением, экономические отношения складывались в значительной мере стихийно, без помощи правительства². Изучение данной сферы жизни общества представляет значительные трудности, так как в письменных источниках ей уделяется немного внимания, а археологические данные без опоры на эти источники сложно интерпретировать, особенно находки импортных изделий. Если принимать их за свидетельства торговых связей между районами, где эти вещи найдены, и теми местами, где они изготовлены, то всегда остается опасность преувеличить уровень их развития, так как возможны и другие варианты попадания иноземных предметов на те или иные территории: они могли быть и частью военной добычи, и платой за службу, и дипломатическими дарами³.

Для исследователей истории поздней Римской империи и окружающих ее народов взвешенная оценка результатов археологических раскопок также является серьезной проблемой. Некоторые ученые склонны считать большую часть римских предметов и монет, найденных за лимесом, плодами грабительских рейдов и платой за ненападение⁴, кто-то считает их подтверждением зна-

© Ермолова И.Е., 2010

чительного подъема торговли между римлянами и варварами в III–IV вв.⁵, а кто-то колеблется между этими точками зрения⁶. Поэтому анализ письменной традиции, несмотря на ее неполноту, сохраняет свою актуальность.

Существуют различные мнения по поводу изменений уровня и масштабов торговых отношений римлян с другими народами в ранний и поздний имперские периоды. Часть антиковедов полагает, что они резко уменьшились в III–V вв.⁷, некоторые не видят заметной разницы в интенсивности торговли на протяжении I–V вв.⁸ Представляется, что сравнительный анализ таких протяженных во времени экономических явлений чрезвычайно сложен в связи с недостатком количественных данных, и трудно прийти к обоснованным выводам. Задача данной работы гораздо скромнее – рассмотреть сохранившиеся сведения об экономических отношениях поздней Римской империи с соседями, прежде всего о торговле с ними.

Данные нарративных источников свидетельствуют о достаточно оживленных торговых отношениях населения римских приграничных провинций с различными варварскими народами. Аммиан Марцеллин показывает, что для готов тервингов торговля с римлянами была не просто давно привычной, но и жизненно важной, ведь «запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 7)⁹. Не только для готов, но и для других племен торговля с римлянами была чрезвычайно значима. «При всей своей перевозченной агрессивности мир варваров был заинтересован в поддержании торговых отношений с Римом»¹⁰. Варварские общества хотели больше материальных контактов с провинциями, но были не в состоянии производить товары, достаточно качественные или интересные римскому миру. Только ослабление римских границ дало варварам возможность эксплуатировать богатства империи¹¹.

Римские императоры никогда не стремились организовать торговлю с внешними народами, исходя из хозяйственных соображений. Возможно, в этом не было особой надобности, так как огромная территория и разнообразные возможности включенных в империю стран позволяли аккумулировать ресурсы первой необходимости внутри государства. Но Плиний Старший пишет, что римские полководцы в войнах всегда заботились о торговле (*Plin.* H. N. XXVI. 9. 19)¹², ибо торговые связи с покоренными или умиротворенными племенами использовались как средство давления на них¹³. Невозможно оценить соотношение экспорта и импорта, тем не менее баланс в торговле был в пользу Рима¹⁴.

Когда варварский мир (к которому римляне относили и Персию) становился опасным, в Риме принимали законодательные

меры, регулирующие отношения с ним в экономической сфере, целью которых было ограничение его материальных возможностей и сохранение своего военного превосходства. Следовало воспрепятствовать созданию благоприятных условий для варваров. Экспорт провианта, военного снаряжения, оружия, лошадей, денег, вьючного скота, точильных камней, железа, зерна, соли, передача заложников и чего-либо другого ценного в военном отношении стал расцениваться как преступление против величия римского народа и соответствующим образом наказываться. Вероятно, такого рода правовые нормы начали действовать со времени Марка Аврелия, так как в Дигесты Юстиниана они попали частично из «Правил» Квинта Цервудия Сцеволы, советника и юридического консультанта этого императора¹⁵, частично из «Сентенций» Юлия Павла, ученика Сцеволы¹⁶. Первоначально запрет распространялся на врагов (*hostibus populi Romani*), т. е., вероятно, только на тех, кто в данный конкретный момент находился в состоянии войны с римлянами (*Dig. XLVIII. 4. 1. 1; 4; XXXIX. 4. 11 pr.*)¹⁷.

Безымянный автор «*Expositio totius mundi et gentium*», написавший это сочинение в 350 г.¹⁸, рисует оживленные торговые отношения между Римской империей и Персией. Он рассказывает о купцах Нисибина и Эдессы, разбогатевших на торговле всем, «кроме меди (бронзы) и железа; ведь две эти товарные статьи, то есть медь (бронзу) и железо, не позволено передавать врагам» (*Expositio. XXII*)¹⁹. После смерти императора Константина римляне почти непрерывно воевали с иранцами, и последние относились к разряду врагов, но торговля с ними другими товарами, как свидетельствует данный источник, не прекращалась.

В 456 г. император Восточной Римской империи Маркиан повторил норму о запрете торговли металлом и оружием, попавшую в Дигесты, но с гораздо более подробным перечнем и более строгими ограничениями: под страхом смертной казни запрещалось продавать что-либо подобное каким бы то ни было варварам (*quacumque nationum barbaris alienigenis*). Несоблюдение данного требования приравнивалось к измене Римской империи (*Romano imperio prodicioni*) (*CJ. IV. 41. 2*)²⁰. Закон Маркиана продолжал действовать при Юстиниане. Ряд подтверждений этому есть в сочинениях Прокопия Кесарийского. Последний сообщает, что в соответствии с ним жители побережий Красного моря не могут купить у римлян ни железо, ни какой-либо другой металл (*Proc. V. P. I. 19. 24*)²¹. Прокопий также рассказывает об исключении, которое было сделано императором для одного персидского посла: «Из всех послов один этот не находился под надзором; и сам он и те варвары, которые следовали за ним в очень большом числе,

имели полное право ... покупать и продавать, что заблагорассудится, составлять контракты и заниматься торговыми сделками вполне безопасно, как будто в своем собственном городе, причем никто из римлян не сопровождал их и не считал нужным, как бывало прежде, наблюдать на ними» (*Proc. V. G. IV. 15. 20*)²².

С римской стороны в торговле участвовали те, кто получал от нее выгоду²³. Синезий в начале V в. сетует, что те, кто должен охранять границы, превращаются в торговцев (*Synes. Ep. 94*)²⁴. Римские авторы с неодобрением пишут о тех, кто иногда забирался довольно далеко в глубь чужой, часто враждебной, страны. Так, Тацит сообщает, что во владениях вождя маркоманов Маробода «были обнаружены захваченная свебами в давние времена добыча, а также маркитанты и купцы из наших провинций, которых – каждого из своего края – занесли во вражескую страну свобода торговли (*ius commercii*), жажда наживы (*cupido augendo pecuniam*) и, наконец, забвение родины (*postremo oblivio patriae*)» (*Tac. Ann. II. 62. 3*)²⁵. Хотя существует мнение, что в IV в. римские купцы вряд ли рисковали отправляться в глубь враждебной Европы²⁶, даже в беспокойные 70-е годы этого века римские отряды встречали в германских лесах за Рейном своих торговцев. Их ожидало много опасностей. Во время восстания Цивилиса «германцы захватили и разграбили лагерь, а потом бросились преследовать и убивать римских торговцев и обозных слуг, которые, считая, что время мирное, разбрелись по всей округе» (*Tac. Hist. IV. 15. 3*)²⁷. В эпизоде же «Деяний» Аммиана Марцеллина они и вовсе погибают от рук соотечественников: «Тут ему [императору Валентиниану. – *И. Е.*] случайно попалась навстречу торговцы, которые вели на продажу рабов; опасаясь, что через них может быстро распространиться весть о том, что они видели, он предал всех их смерти, отняв их товар» (*Amm. Marc. XXIX. 4. 4*)²⁸.

Во второй половине V в. на западе империи экономические отношения с соседними племенами, возможно, становятся жизненной необходимостью и для провинциалов. Граждане города Батавия в Норике «смирненно обратились к блаженному мужу [св. Северину. – *И. Е.*], дабы тот, придя к королю ругиев Феве, испросил им разрешение на торговлю» (*Eug. Sev. XXII. 2*)²⁹.

Узнать из нарративных источников, чем торговали римляне с далекими и близкими соседями, почти не представляется возможным. Только Аммиан Марцеллин уточняет, что торговцы вели рабов (*op. cit.*), они же были на торжище ругиев (*Eug. Sev. IX. 1–2*). Вероятно, рабы пользовались постоянным спросом в поздней античности.

Отношения Рима и Персии также имели экономическую сторону, существовала взаимная заинтересованность в обмене.

Правда, создается впечатление, что гораздо больший интерес к тому, что можно было приобрести у соседей, проявляли иранцы. Возможно, это несколько субъективная трактовка, вызванная односторонностью источников, так как персидская историческая традиция, частично дошедшая через Табари, Балами, Фирдоуси и других средневековых писателей, для этого периода не особенно достоверна³⁰, а армянские историки V–VII вв. Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Егишэ (Елишэ), Себеос полностью сосредоточены на делах своей страны. Персы и греки появляются в их сочинениях только в связи с их реакцией или участием в событиях в Армении. Правда, во время правления династии Аршакидов (149 г. до н. э. – 428 г. н. э.) Армения постоянно была яблоком раздора между Римом и Ираном, всегда возникал и не разрешался вопрос о преимущественном контроле того или другого над этой областью древнего мира³¹.

В Персидском царстве особым спросом пользовались римские стратегические товары. Экономическую заинтересованность парфян хорошо иллюстрирует почти анекдотический рассказ Геродиана о притворном сватовстве Каракаллы к дочери персидского царя. Главный аргумент, из-за которого парфяне поддались обману, заключался в выгодах мирной и беспошлинной торговли в пределах объединенного государства. «Благоуханные травы, растущие у парфян, их знаменитые ткани, с другой же стороны, римские изделия из металла и другие превосходные произведения ремесла – все это купцы не станут, как раньше, ввозить с трудом, в малом количестве и тайно; теперь, когда будет одна земля и одна власть, пользование всем этим станет общим и беспрепятственным для обеих сторон» (*Herodian. Hist. IV. 10. 4*)³². Таким образом, римский металл и ремесленные изделия предлагалось обменивать на специи и цветные ткани, т. е. предметы роскоши.

В 337 г., когда тогдашний персидский царь Шапур II задумал начать войну против римлян, он обратился к Константину с просьбой продать ему железо. И хотя императору, по мнению Либания, было совершенно понятно, зачем персам нужен металл, он согласился его поставлять. «Вскоре он умер, а его преемник наблюдал, как римляне убивают римским же металлом»³³. Поскольку речь, из которой известен данный факт, была произнесена в честь сыновей Константина, то Либаний очень изящно его обыгрывает: «Но государь отлично знал действительную причину ... хотя можно было воспротивиться, охотно дал ... совесть оставить сыну врагов безоружными <...>. Ведь блеск побежденных содействует славе победителей» (*Lib. Or. LIX. 67*)³⁴. Такие действия императора Константина вызывают недоумение. В IV в., вероятно, действовало еще

положение Дигест. И если во время заключения торгового соглашения Рим и Персия находились в состоянии мира, то император Константин не нарушил законов собственного государства. Тогда остается только удивляться его недалекости или алчности (если предполагаемая прибыль от продажи железа была очень велика).

Римские металлические предметы все же попадали на варварские территории не только на востоке, но и на западе, может быть, путем контрабанды или в виде военной добычи. Римские мечи и инструменты IV в. находят не только в Тюрингии, но и в Скандинавии³⁵.

В 70-е годы IV в. в римском законодательстве появилась конституция о золоте. Отток золота из империи усиливал ее финансовые затруднения, поэтому императоры Валентиниан и Валент требовали не только препятствовать передаче или продаже золота варварам, но и стараться хитростью изъять его. Наказанием за несанкционированные операции римских торговцев с золотом была смерть (CJ. IV. 63. 2)³⁶. Примерно в то же время должностным лицам предписывалось взять под государственный контроль поступление к варварам также вина, масла и соуса (CJ. IV. 41. 1)³⁷. Причем теперь запреты касались не только *hostes*, а всех варваров вообще. По всей вероятности, к концу IV в. положение на границах стало настолько сложным, что разбираться в каждом конкретном случае экспорта и выяснять, воюет ли данное племя с Римом или находится в мире, не было возможности, проще было ввести самую жесткую норму.

Приведившееся выше сообщение Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc. XXVII. 5. 7*) свидетельствует о том, что прекращение торговых отношений было одним из эффективных способов борьбы императора Валента с тервингами. В связи с этим существует предположение, что закон 370–375 гг. о запрете экспорта варварам вина, масла и соуса был частью экономической блокады аламаннов Валентинианом I³⁸. Такие же меры практиковались и позднее. В 466 г. «прибыло к царю Леонту посольство от сыновей Аттилы, с предложением о прекращении прежних несогласий и о заключении мира. Они желали по древнему обычаю съезжаться с римлянами на берегу Истра, в одном и том же месте, продавать там свои товары и взаимно получать от них те, в которых имели нужду. Их посольство, прибывши с таким предложением, возвратилось без успеха. Царь не хотел, чтобы унны, нанешие столько вреда его земле, имели участие в римской торговле» (*Prisc. Pan. Fr. 36*)³⁹.

Римские власти стремились получать доход от внешней торговли, облагая экспорт и импорт пошлинами, достигавшими,

по мнению исследователей, 5%⁴⁰. При Октавиане Августе доходы от пошлин на вывоз и ввоз товаров в столь отдаленную область, как Британия, с успехом заменяли дань с острова (*Strabo*. IV. 5. 3)⁴¹, а жители Агриппиновой колонии во время восстания Цивилиса спасли себя и свой город ценой отмены пошлин и других ограничений торговли с германцами (*Tac. Hist.* IV. 65). В конце IV в. римские императоры Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий запретили покупать шелк у варваров, т. е. персов, кому бы то ни было помимо комитета торговли (*SJ*. IV. 40. 2)⁴², видимо, стремясь сосредоточить торговлю этим дорогим товаром в руках государства. А чуть позже Гонорий и Феодосий II запретили общинам принимать у себя приезжих торговцев без санкции того же комитета⁴³. В данном случае, по-видимому, речь идет о комитете торговли на Востоке и в Египте (*N. D. Or.* XIII)⁴⁴. Служащие того же ранга отвечали за другие участки римской границы (*ibid.*; *N. D. Oc.* XI)⁴⁵. В обоих указанных случаях ограничения должны были, вероятно, облегчить сбор торговых пошлин и увеличить доходы государства.

Чтобы сделать контроль за внешней торговлей более результативным, римляне назначают определенные пункты для этого, объявляя остальные участки границы закрытыми⁴⁶. В поздней античности разрешенных переходов через границу Римской империи, как считает Р. Блокли, было мало. Ограничение было связано и с общим нежеланием разрешать людям путешествовать и встречать чужаков, и с желанием, с одной стороны, получать максимальный доход от сбора пошлины на экспорт и импорт, с другой стороны, эффективно препятствовать вывозу запрещенных товаров, а заодно и утечке стратегической информации⁴⁷. Поэтому Валент после заключения мирного договора с тервингами ограничил торговлю с ними двумя городами (*Themist. Orat.* X. 135)⁴⁸. Иногда для таких целей создавалось особое поселение. Сохранилась уникальная, датированная 371 г. надпись о строительстве нового укрепления на Дунае в Паннонии под названием *Commercium* специально для торговли с окрестными племенами (*ILS*. 775)⁴⁹.

Политика государственного контроля за связями с другими народами лучше всего известна в отношении Персии. По договору, заключенному Диоклетианом и шаханшахом Нарсе в 299 г., торговля между Римской империей и Персией должна была быть сосредоточена в одном городе – Нисибине на Тигре⁵⁰. Правда, для середины IV в. Аммиан Марцелин указывает в качестве торгового также город Батну близ Евфрата (*Amm. Marc.* XIV. 3. 3). Неизвестно, были ли отменены условия перемирия 299 г. или они просто не соблюдались. По конституции Гонория и Феодосия II 408 или 409 г. были установлены уже три пункта: Нисибин, Каллиник

и Артаксата (СJ. IV. 63. 4). Каллиник и ранее был известен как богатый торговый город (*Amm. Marc.* XXIII. 3. 7). В VI в. данную практику продолжала осуществлять Византийская империя⁵¹.

При Юстиниане у Босфорского пролива был учрежден специальный пост, чтобы следить, «не вывозится ли к поселившимся у Понта Эвксинского варварам что-нибудь из недозволенного к вывозу из земли римлян к варварам» (*Proc. Anecd.* XXV. 4)⁵².

Техническое превосходство империи ясно осознавалось ее соседями, которые стремились заполучить римских мастеров разных специальностей. Из конституции императоров Гонория и Феодосия II 419 г. следует, что некие их подданные научили каких-то варваров строить корабли (...conficiendi naves incognitam ante peritiam barbaris tradiderunt...). Каким варварам были открыты секреты кораблестроения, неизвестно. Поскольку с письмом по поводу этих событий к императорам обратился епископ Херсонеса (СTh. IX. 40. 24)⁵³, то, видимо, жившим в Крыму, хотя трудно представить, что гунны решили стать мореплавателями. Впрочем, данные археологии свидетельствуют о том, что гунны обращались к услугам херсонесских ремесленников, часть которых могли уводить в глубь степи⁵⁴. Из сочинения Приска Панийского следует, что гунны эпизодически использовали римских специалистов. Онегесий, приближенный Аттилы, приказал взятому в плен архитектору из Сирмия построить каменную баню, что тот и сделал, надеясь получить свободу в награду за свое искусство. Но отпускать сирмийца на волю не собирались, его строительные навыки, вероятно, больше никому из гуннской аристократии не понадобились, и он «был подвергнут трудом более тяжким, чем скифская неволя. Онегесий сделал его своим банщиком. Он должен был прислуживать ему и домашним его, когда они мылись в бане» (*Prisc. Pan.* Fr. 8). Для изготовления оружия варвары обращались к галльским кузнецам и копировали технические приемы римлян⁵⁵.

Даже Персидское царство, извечный мощный противник Рима, также нуждалось в знаниях и умениях подданных последнего. Персы охотно принимали перебежчиков-ремесленников или нанимали римских мастеров. По мнению Геродиана, еще парфяне серьезно усилились благодаря римским специалистам в области военной техники, бывшим на службе у претендента на императорскую власть Нигера и вынужденным бежать за границу после победы над ним Септимия Севера в 193 г. «Большое число их удалилось в чужие страны. Это и послужило главной причиной того, что варвары этой области впоследствии стали более упорными в рукопашных сражениях с римлянами. Ведь раньше они только стреляли из лука, сидя на конях, но не защищали себя тяжелым вооружением

и не осмеливались в битве использовать мечи и копья; имея на себе легкие развевающиеся одежды, они обычно сражались, отступая и пуская назад стрелы. Когда же у варваров появились беглецы-воины, среди которых много было ремесленников, принявших варварский образ жизни, то они научились не только пользоваться оружием, но и изготавливать его» (*Herodian. Hist.* III. 4. 8–9)⁵⁶. А в 421–422 гг. очередная римско-персидская война началась в том числе и «потому, что персы не хотели возвращать золотокопателей, которых они взяли у римлян за известную плату, и сверх того отняли товары у римских купцов» (*Сосг. Н. Е.* VII. 18. 4)⁵⁷. При Юстиниане из-за финансовых притеснений чиновников бежали в Персию купцы, ремесленники и мастера, занимавшиеся изготовлением шелковой одежды и с давних пор жившие в Бейруте и Тире (*Proc. Anecd.* XXV. 14–15; 25)⁵⁸.

Таким образом, в поздней Римской империи велась достаточно оживленная приграничная торговля, большой интерес к которой проявляли ее соседи. Римские власти предпринимали серьезные усилия с целью регулирования внешней торговли, с одной стороны, для получения максимального дохода для государства, а с другой стороны, для недопущения вывоза за пределы империи стратегических и ценных товаров, которые могли усилить варваров. О такой политике свидетельствует принятие римлянами последовательно ужесточавшихся норм и правил, регулировавших торговые отношения с внешними народами.

Примечания

- ¹ В основе данной статьи лежит доклад «Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами», сделанный на Девятых Жебелевских чтениях. См.: *Кулишова О.В., Фролов Э.Д.* Девятыя Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском университете (31 октября – 2 ноября 2007 г.) // ВДИ. 2008. № 2. С. 204. Фамилия автора в этой хронике искажена.
- ² Существует и другое мнение, преувеличивающее, как представляется, заботу римских императоров I–II вв. об экономике. См.: *Charlesworth M.P.* Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. 2d ed., rev. N. Y., 1970 (первое издание – 1926 г.).
- ³ *Скрипкин А.С.* К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3. С. 194, 199.
- ⁴ *Fulford M.G.* Roman Material in Barbarian Society. 200 BC – AD 400 // *Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium BC* / Ed. by T.C. Champion and J.V.S. Megaw. Leicester, 1985. P. 92, 100–102; *Hedeager L.* A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the

- Limes (0–400 AD), and the Question of Roman-Germanic Exchange // *Studies in Scandinavian Prehistory and Early History. I. New Directions in Scandinavian Archaeology* / Eds. K. Kristiansen and C. Paluden-Müller. Copenhagen, 1978. P. 194, 198ff; 210; *Todd M.* The Northern Barbarians, 100 BC – AD 300. Oxford; N. Y.; Blackwell, 1987. P. 26; *Brogan O.* Trade between the Roman Empire and the Free Germans // *JRS*. 1936. Vol. XXVI. P. 222; История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 33.
- 5 *Gabler D.* Zu Fragen der Handelsbeziehungen zwischen den Römern und den «Barbaren» im Gebiet östlich von Pannonien // *Römer und Germanen im Mitteleuropa*. Berlin, 1975. S. 105.
- 6 *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955. P. 15–18, 24–28.
- 7 *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., 2000. С. 149–150, 340; *Hopkins K.* Taxes and Trade in the Roman Empire // *JRS*. 1980. Vol. LXX. P. 105.
- 8 *Whittaker C.R.* Late Roman Trade and Traders // *Trade in the Ancient Economy* / Ed. by P. Garnsey, K. Hopkins and C.R. Whittaker. Berkeley; Los Angeles, 1983. P. 179.
- 9 *dein quod commercii vetitis ultima necessariorum inopia barbari stringebantur (Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод здесь и далее по изд.: *Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996).
- 10 *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 184.
- 11 *Fulforf M.G.* Op. cit. P. 106.
- 12 *curve Romani duces primam in bellis commerciorum habuere curam? (Plinius Secundus, Gaius. Natural History* / With an English translation by W.H.S. Jones in ten volumes. Vol. 7. L., Cambr., Mass., 1980).
- 13 *Колосовская Ю.К.* Правовые основы торговли римлян с варварами // *Торговля и торговец в античном мире. Доклады «круглого стола» 29 января 1997 г. М., 1997. С. 100; Она же.* Рим и мир племен... С. 158; *Грушевой А.Г.* Принципы взаимоотношений Рима и ранней Византии с арабийскими кочевниками // *Мнемон.* 2007. Вып. 6. С. 337. М.Р. Charlesworth считает возможным буквальное понимание этого положения, если не для республиканского времени, то для империи (*Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 232).
- 14 *Bernardy A.* The Economic Problems of the Roman Empire at the Time of its Decline // *The Economic Decline of Empires* / Ed. C.M. Cipolla. L., 1970. P. 20.
- 15 *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 343.
- 16 Там же. С. 341.
- 17 *Digesta Iustiniani. Дигесты Юстиниана* / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I–VIII. М., 2002–2006.
- 18 *Лигулевская Н.В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М., 1951. С. 36.
- 19 *Expositio totius mundi et gentium* // *Geographi graeci minores* / Ed. C. Müller. Vol. 2. P., 1861.

- 20 Codex Justinianus // Corpus juris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. 2. Berlin, 1906. Маловероятно, что эта норма задним числом была внесена в Дигесты редакторами Юстиниана, так как в конституции Маркиана и Дигестах различаются не только перечни того, что запрещалось продавать, но и те, против кого направлен запрет: в раннем варианте – только враги, в более позднем – все варвары.
- 21 *Procopii Caesariensis. De bello Persico* // Procopii Caesariensis. Opera omnia / Rec. J. Havry, G. Wirth. Vol. 1–3. Lips. 1962–1963.
- 22 *Idem. De bello Gallico* // Ibid. Пер. по изд.: *Проконий Кесарийский. Война с готами. О постройках* / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1996.
- 23 К.Р. Уиттакер пишет, что, хотя торговцы не обязательно были императорскими агентами, законодательство Гонория и Феодосия предполагало, что торговлю с Персией часто вели legati императора, а греческий купец из Виминакия, которого встретил Приск Панийский, был рабом гуннского короля Аттилы (*Whittaker C.R.* Op. cit. P. 167). Но в конституции, на которую он ссылается (CJ. IV. 63. 4), речь идет о регламентации торговой деятельности тех, кто сопровождает персидских послов, а собеседник Приска, попав в плен при взятии города, был отдан в рабство Онегесию, ближайшему помощнику Аттилы, и воевал ради добычи для последнего, а не торговал (*Priscus Panitus. Fragmentum 8* // *Fragmenta historicorum graecorum* / Ed. C. Muller. T. IV. P., 1868).
- 24 *Synesii Ptolemaidis episcopi. Epistulae* // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 66. P., 1859. Col. 1464.
- 25 *Cornelii Taciti. Annalium ab excessu divi Augusti libri* // Cornelii Taciti. Opera / Ex rec. Ioh. Augusti Ernesti denuo cur. Ier. Jac. Oberlinus. T. I. P. 1. Lips., 1801. Пер. А.С. Бобовича по изд.: *Корнелий Тацит. Анналы* // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. Т. I. М., 1993.
- 26 *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен... С. 181.
- 27 *Cornelii Taciti. Historiarum libri qui supersunt* / Ed. par J. Gantrelle. P., 1880. Пер. Г.С. Кнабе (изд. см.: сн. 25).
- 28 et quia suspicabatur venalia ducentes mancipia scurras, casu illic repertos, id, quod viderant, excursu celeri nuntiare, cunctos mercibus direptis occidit.
- 29 Interea beatum virum cives oppidi memorati suppliciter adierunt, ut pergens ad Febanem, Rugorum principem, mercandi eis licentiam postularet (*Eugippius. Vita sancti Severini* // *Житие святого Северина (с приложением оригинального латинского текста)* / Пер. с лат., вступ. ст., комм. А.И. Донченко. СПб., 1998).
- 30 *Ибатуллин Р.У.* Избранные источники по истории римско-персидских отношений в 299–363 гг. н. э. Краткий исторический очерк и характеристика источников // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учеб.-метод. комплекс. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 227.
- 31 *Ammiani Marcellini. XVII. 5. 7; XXX. 2. 2; Адоиц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. С. 3; *Sommer M.* Roms orientalische steppengrenze. Palmyra –

- Edessa – Dura-Europos – Hatra. Eine Kulturgeschichte von Pompeius bis Diocletian. Stuttgart, 2005. S. 68, 78.
- 32 *Herodian*. Collected Works in two volumes / With an English translation by C.R. Whitaker. Vol. I. Cambr., L., 1969. Пер. здесь и далее по изд.: *Геродиан*. История императорской власти после Марка: В 8 кн. / Пер. под ред. А.И. Доватура. СПб., 1995.
- 33 *Thompson E.A.* Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. Wisconsin, 1982. P. 10 (*Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 13).
- 34 *Libanii*. Oratio LIX // *Libanii*. Opera / Rec. R. Foerster. Bd. 4. Lips., 1908. Пер. по изд.: *Либаний*. Речи / Пер. с греч., прим. С. Шестакова. Т. 1. Казань, 1912.
- 35 *Brogan O.* Op. cit. P. 214.
- 36 Non solum aurum barbaris minime praebeatur, sed etiam si apud eos inventum fuerit, subtili auferatur ingenio. Si ulterius aurum pro mancipiis vel quibuscumque speciebus ad barbaricum fuerit translatum a mercatoribus, non iam damnis, sed supplicii subiungentur, et si id iudex repertum non vindicat, tegere ut conscius criminosa festinat.
- 37 Ad barbaricum transferendi vini et olei et liquaminis nullam quisquam habeat facultatem ne gustus quidem causa aut usus commerciorum.
- 38 *Blockley R.* East Roman Foreign Policy. Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds, 1992. P. 149.
- 39 Перевод здесь и далее по изд.: Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. АН. Кн. VII, вып. 1. СПб, 1861. С. 93.
- 40 *Bernardy A.* Op. cit. P. 21.
- 41 *Strabo*. The Geography in eight volumes / With an English translation by Horace Leonard Jones. Vol. II. Cambr., L., 1969.
- 42 Comparandi serici a barbaris facultatem omnibus, sicut iam praeceptum est, praeter comitem commerciorum etiam nunc iubemus auferri.
- 43 Si qui inditas nominatim vetustis legibus civitates transgredientes ipsi vel peregrinos negotiatores sine comite commerciorum suscipientes fuerint deprehensi, nec proscriptionem bonorum nec poenam perennis exilii ulterius evadent. См. также: *Пигулевская Н.В.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V–VII вв. // ВВ. Т. I (XXVI). 1947. С. 193 (номер конституции указан неверно).
- 44 Comites commerciorum: per Orientem et Aegyptum (Notitia dignitatum omnium tam civilium quam militarum in partibus Occidentis, in partibus Orientis / Ed. O. Seeck. Berlin, 1876).
- 45 Comites commerciorum: <...> per Moesiam, Scythiam et Pontum. per Illyricum.
- 46 *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. СПб., 1995. С. 315, примеч. 2; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284–602). Oxf., 1964. Vol. 2. P. 827.
- 47 *Blockley R.* Op. cit. P. 147–148.
- 48 *Themistii* Orationes quae supersunt / Rec. H. Schenkl. Vol. I. Leipzig, 1971. См. также: *Brogan O.* Op. cit. P. 202; *Thompson E.A.* Op. cit. P. 13 (*Томпсон Э.А.* Указ. соч. С. 17).

И.Е. Ермолова

- 49 Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. Vol. I. Berolini, 1892.
- 50 *Petri Patricii*. Ex historia excerpta de legationibus Romanorum ad gentes // Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt / E recensione Imm. Bekkeri et B.G. Niebuhrii. Bonnae, 1829. P. 135–136.
- 51 *Menandri Protectoris*. Ex historia excerpta de legationibus barbarorum ad Romanos // Ibid. Eunapii... P. 360; см. также: *Грушевой А.Г.* Указ. соч. С. 362–363.
- 52 *Procopii Caesariensis*. Historia quae dicitur arcana // Procopii Caesariensis. Opera omnia. Пер. по изд.: *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. М., 1993.
- 53 Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen et P.M. Meyer. Vol. 1–2. В., 1905.
- 54 *Болгов Н.Н.* Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Торговля и торговец в античном мире. С. 134 (со ссылкой на ст.: *Михайлов Б.Д.* Погребение медника гуннского времени в Северном Приазовье // Археология. 1977. № 24. С. 74–82).
- 55 *Bernardy A.* The Economic Problems... P.d., 20 n. 1 (Lesmas...)
- 56 См. также: *Thompson E.A.* Op. cit. P. 7 (*Томпсон Э.А.* Указ. соч. С. 11).
- 57 *Socratis Scholastici*. Historia ecclesiastica // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 67. P., 1859. Пер. по изд.: *Сократ Схоластик*. Церковная история / Отв. ред. М.А. Тимофеев. М., 1996.
- 58 См. также: *Пигулевская Н.В.* Византия на путях в Индию... С. 49.

О.В. Ауров

«GLADIO VINDICE LEUUIGILDI»¹:
КОРОЛЬ-РЕФОРМАТОР ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАМЯТИ

В статье делается попытка решения проблемы реконструкции биографии раннесредневекового испанского политика – правителя Толедского королевства Леовигильда (568–586). Задача осложняется наличием многочисленных пластов исторической памяти: в хронистике VII–XIII вв. присутствуют разные трактовки его образа. Современники короля (Иоанн Бикларский, Исидор Севильский, Григорий Турский, Псевдо-Фредегар и другие) давали неоднозначный образ правителя, причем в их оценках превалировало осуждение религиозной политики Леовигильда. Однако сопоставление конкретных текстов показывает, что король отнюдь не был религиозным фанатиком и что такая трактовка – дело рук ортодоксального клира, главного создателя исторической памяти в государстве вестготов. При ближайшем рассмотрении Леовигильд оказывается подлинным королем-реформатором, заслуги которого были в значительной степени приписаны его сыну и преемнику Реккареду Католику.

Ключевые слова: Толедское королевство, Леовигильд, арианство, ортодоксальное христианство, готы, франки, анти-Византия.

Научная биография переживает ныне явный подъем. Он объясняется как растущим читательским интересом к «персонализированной» истории, так и глубокими изменениями в характере самого этого жанра. В немалой степени последние связаны с именем Ж. Ле Гоффа², который одним из первых существенно расширил рамки биографии, связав ее с феноменом истории памяти. Более того, в процессе своего исследования видный французский медиевист прямо поставил вопрос о том, способен ли исследователь Средневековья приблизиться к пониманию индивидуальных особенностей избранного персонажа, или он обречен

оставаться вечным пленником идеального облика, сознательно сформированного агиографами и хронистами³.

Скептически отзываясь о «раздражающей привычке» историков «усматривать в многочисленных исторических периодах появление или становление индивидуума»⁴, Ж. Ле Гофф тем не менее пускается в пространное рассуждение, в конечном итоге присоединяясь к точке зрения К. Байнума, согласно которой, с весьма значительными оговорками, переломными в этом отношении следует считать XII–XIII вв., с которыми связано начало расцвета автобиографии, «интериоризация нравственной жизни» и «трансформации интеллектуальных методов», благодаря чему «“авторитеты” уступили место “доводам” и мутациям эмоциональности и духовности, особенно ощутимым в сфере любви и смерти»⁵.

Тем не менее и после выхода книги Ж. Ле Гоффа остается неясным, как следует поступать, если персонаж биографии жил в эпоху Раннего Средневековья, для которой характерна относительная немногочисленность и чрезмерная лапидарность письменных свидетельств (к тому же лишь в незначительной степени сохранившихся до нашего времени). На уровне общетеоретических рассуждений просто невозможно понять, способен ли историк нащупать какие-либо живые следы, оставленные его героем (пусть и зафиксированные не им лично и дошедшие до нас из вторых, а то и из третьих рук), или же он имеет дело лишь со всполохами искусственной памяти, чье соотношение с образом реального человека так и останется невыясненным.

Думаю, что единый ответ на этот вопрос не только невозможен, но и не нужен. Более того, я уверен, что сама его постановка – лишь свидетельство весьма ограниченной ценности абстрактных историко-теоретических рассуждений, не выдерживающих проверки конкретными текстами. Ниже на избранном мной примере – биографии короля вестготов Леовигильда (568–586) – я постараюсь показать, что использование вполне «традиционных» методов исторического исследования (опора на всю массу доступных свидетельств и их тщательное сопоставление при учете не только факта, но и конкретного характера субъективности их авторов) позволяет получить достаточно целостное впечатление как о самом персонаже, так и о ключевых особенностях проводимого им политического курса.

1. Вступительные замечания

К 568 г. – началу правления Леовигильда – Толедское королевство вестготов, преемник Тулузского королевства (416–506/7), включало в свой состав территорию Пиренейского полуострова

и прилегавшую к нему область Септиманию (бывшую римскую Нарбоннскую Галлию)⁶. К середине VI в. оно все еще так и не преодолело последствий поражения от франков в битве при Пуатье (506/507 г.), а затем – византийского завоевания остготской Италии, тесная связь с которой спасла вестготов от неминуемого завоевания Хлодвигом. Династия Балтов-Амалов прервалась: в 531 г. от рук все тех же франков пал Амаларих, единственный наследник погибшего при Пуатье Алариха II⁷. Бывший римский диоцез Испании, ставший ядром того, что осталось от некогда могущественного королевства Эвриха, сотрясали смуты и мятежи: влиятельные военачальники в опоре на свои войска спешили объявить себя королями. Никто из них не контролировал всех испанских земель, а сама их власть оставалась непрочной: перевороты следовали один за другим⁸.

На этом фоне приход к власти Леовигильда знаменовал собой резкое изменение политической ситуации: на смену анархии быстро пришел порядок, а череда сплошных поражений от франков и высадившихся на полуострове византийцев сменилась военными победами.

2. Леовигильд в «Готской истории» Родриго Толедского

Выдающаяся роль Леовигильда как короля-воителя была признана уже современниками и сохранялась в исторической памяти многие столетия спустя после смерти вестготского короля. В частности, в середине XIII в., когда «быстрая реконкиста» королей Фернандо III Святого (1217–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284) почти мгновенно превратила небольшое королевство Кастилия в одно из наиболее могущественных государств своего времени, хронист Родриго Хименес де Рада (ок. 1170–1247) с восхищением отзывался о вестготском монархе: «Славный своим мужеством и победами, он подчинил многие народы»⁹. В быстрых победах Леовигильда, «решившего расширить свое королевство военным путем», хронист ощущал параллели современным ему великим победам над маврами: именно поэтому с таким восторгом перечисляются завоевания вестготского короля, который «значительно расширил Испанию, ибо прежде народ готов сжимала теснота границ»¹⁰. В этой оценке Р. Хименес де Рада предвосхищал столь же восторженные отзывы о победах Леовигильда, которые давали ему хронисты и последующего периода, писавшие на старокастильском языке¹¹.

Однако тональность повествования резко меняется, когда речь заходит о вероисповедании вестготского короля. «Однако грех нечестия затмил в нем славу таковых заслуг», – пишет толедский

архиепископ, и добавляет характеристику, окончательно перечеркивающую все то позитивное, о чем писал выше: «Был он преисполнен безумием арианской ереси». После чего перед читателем предстает уже совсем другой Леовигильд. Прежде всего – это «нечестивый сыноубийца», жестоко подавивший восстание, поднятое его старшим сыном, Герменегильдом, осмелившимся поднять восстание против отца из-за своего нежелания следовать отцовским «гнусным ритуалам»¹²; непримиримый фанатик, дерзнувший переkreщивать католиков, направивший в изгнание «святейших епископов» – Леандра Севильского и Масону Меридского, не жалевший даже своих единоверцев, которых, невзирая на их знатность и могущество, подвергал отсечению головы и конфискации имущества¹³.

Эти однозначно негативные оценки в эмоциональном плане затмевают сказанное далее о Леовигильде как о государственном деятеле, который «наполнил фиск», защитив его от расхищения врагами, первым облачился в королевские одежды и воссел на престоле, основал город Рекополь, а также привел в порядок, исправил и дополнил законодательство¹⁴. Лишь на смертном одре, страдая от тяжелой болезни, король как будто осознал пагубность своего поведения: он приказал своему сыну Реккареду возратить из изгнания Леандра Севильского и Фульгенция из Астиго, «знаменитых своими знаниями в церковном вероучении», и следовать им «как отцам»¹⁵.

Таким образом, рассказ хрониста, начатый как панегирик военным победам, по мере развития превратился в нравоучительное повествование о кающемся грешнике, причем индивидуальные особенности как бы стерлись под гнетом стандартных эпитетов («arianaе perfidie furore repletus», «parricida impius», «ausus» и др.) вплоть до игнорирования отдельных фактов биографии Леовигильда, хорошо известных из других источников¹⁶. Если сравнить этот рассказ с первоисточником – фрагментом «Истории готы, вандалов и свевов» Исидора Севильского (ок. 570–636)¹⁷, то окажется, что хронист XIII в., воспользовавшись материалом своего предшественника, сознательно «спрямил» острые углы, поместив сухое собрание разрозненных фактов раннесредневекового анналиста в прокрустово ложе стандартной фабулы.

Сведения о раскаянии Леовигильда почерпнуты Родриго Толедским из «Истории...» Григория Турского (современника вестготского короля), утверждавшего, что перед смертью Леовигильд даже принял ортодоксальное вероисповедание¹⁸, несмотря на противоположное свидетельство другого современника – папы Григория I Великого¹⁹. Еще менее ясно, пользовался ли Р. Хименес де Рада

текстом Григория Турского напрямую, или (что более вероятно) почерпнул соответствующую информацию из вторых или третьих рук. Тем не менее очевидно, что хронист XIII в. вовсе не стремился извратить правду: он лишь «творчески» использовал доступные ему сведения для придания им нравоучительного характера.

Отныне Леовигильду надлежало остаться в памяти потомков прежде всего раскаявшимся грешником: в конце концов чем, кроме воли христианского Бога, толедский епископ мог объяснить все его позитивные свершения? И (в продолжение предыдущего вопроса) могла ли эта помощь быть оказана закоренелому еретику? Можно предположить, что подобных умозаключений было вполне достаточно для человека XIII в. Однако для нас многое остается неясным.

Проблемы создают другие стереотипы – те, которые возникли много раньше времен Р. Хименеса де Рада. Прежде всего я имею в виду сообщение анонима, вошедшего в историю под именем Исидора Бежского, автора одного из наиболее известных продолжений хроники Исидора Севильского – так называемой «Мосарабской хроники 754 года». Для хрониста, писавшего по горячим следам мусульманского завоевания, имя Леовигильда ассоциируется исключительно с забытым чувством мира, безопасности и защищенности, в каковом блаженном состоянии оно пребывало «почти 140 лет»²⁰. На этом фоне события, связанные с вероисповеданием короля, казались не заслуживающими специального упоминания. Важным же было лишь то, что Леовигильд являлся миротворцем. И хотя эта оценка при ближайшем рассмотрении оказывается столь же лишенной индивидуальных черт, как и нравоучительное повествование Р. Хименеса де Рада, тем не менее сам факт ее наличия создает определенное пространство для толкований, заставляющее более тщательно проанализировать свидетельства современников.

При обращении к ним следует прежде всего оговорить два момента. Во-первых, – это относительное (разумеется, по масштабам эпохи) изобилие таковых. Период конца VI – первой половины VII в. был временем, когда сохранялась живая память о Леовигильде, еще не вытесненная полностью памятью искусственной²¹. На эти годы приходится создание основных сочинений Исидора Севильского (в том числе его «Хроники» и «Истории...»), анналов Иоанна Бикларского²², в значительной степени посвященных эпохе Леовигильда, а также ряда агиографических текстов, в числе которых и пространное анонимное «Жития святых Отцов меридских». Некоторую значимую информацию дают также неписьменные источники, о которых специально будет сказано ниже.

Во-вторых, что представляется еще более важным, у нас есть возможность посмотреть на личность и эпоху Леовигильда с принципиально иной точки зрения, поскольку, как уже отмечалось, его современниками являлись знаменитый франкский историк Григорий Турский, неоднократно и достаточно подробно рассказывавший о событиях интересующего нас времени²³, а также Псевдо-Фредегар. Вместе они дают столь необходимый внешний взгляд на процессы, происходившие к югу от Пиренеев.

3. Характер короля: сквозь пласты памяти

Обращаясь к материалу источников, постараюсь прежде всего выяснить, столь ли однозначны свидетельства о жестокости характера Леовигильда, как может показаться на первый взгляд? С одной стороны, живший в непростое время Леовигильд, разумеется, не отличался мягкосердечием. В этом смысле негативные характеристики, присутствующие в «Житиях святых Отцов меридских», несомненно вызваны не только антипатией анонимного автора к королю-арианину, но и в какой-то мере воспроизводят устную традицию, еще доступную агиографу, писавшему в первой трети VII в. Он называет Леовигильда «свирепым и безжалостным», «жесточайшим» и «неблагодетельным» «тираном», «бешеным королем»²⁴. Все эти качества король проявляет по отношению к Масоне, епископу Мериды, вскоре после смерти причисленному к лику святых. В итоге (в противовес заявлениям как Григория Турского, так и Р. Хименеса де Рада) жестокая смерть тирана оказывается не чем иным, как заслуженной карой за многочисленные злодеяния²⁵.

Мы видим Леовигильда оказывающим грубое давление на Массону, которого он пытается склонить к принятию арианской ереси²⁶. Вместе с тем авторы других дошедших до нас свидетельств (даже Григорий Турский) не употребляют никаких негативных эпитетов для характеристики личности короля. Более того, в ряде случаев встречается обратное, а именно если даже и не откровенно позитивные, то несомненно уважительные характеристики. Так, в цикле меридских житий Леовигильд выступает не только как гонитель Массоны, но и как защитник аббата Нанкта²⁷, а в судебной тяжбе король и вовсе выносит решение в пользу невинно обвиненных ортодоксальных христиан²⁸. В «Житии св. Эмиллиана», написанном любимым учеником Исидора Севильского Браулионом Сарагосским во второй трети VII в., репрессии короля оказываются лишь Божьей карой, обрушившейся на противников святого²⁹.

Более того, некоторые из источников снимают с Леовигильда часть ответственности даже за репрессии по отношению к ортодок-

сальным христианам. Так, например, вопреки свидетельству Исидора Севильского франкские писатели Григорий Турский и Псевдо-Фредегар склонны возводить ответственность за преследования ортодоксальных христиан на вторую жену Леовигильда королеву Госвинту³⁰. В отличие от первой супруги короля – Теодозинды, дочери дукса Картахенской провинции Севериана³¹, от брака с которой родились сыновья Герменегильд и Реккаред и которую Леовигильд оставил (по другим сведениям она скончалась)³², вторая жена, вдова умершего Лиувы (573 г.), проявила недюжинные властолюбие и энергию, откровенные фанатизм и злость³³. Замечу, что в этих свидетельствах франкских хронистов можно было бы заподозрить чрезмерную ангажированность, если бы не аналогичные замечания явно антифранкски настроенного Иоанна Бикларского³⁴.

Таким образом, негативные эпитеты характера короля, употребленные автором жития Масоны, следует считать проявлением явной ангажированности. Даже ответственность за гонения на ортодоксальных христиан Леовигильд, как минимум, должен разделить с королевой Госвинтой.

4. «Жестокий сыноубийца»? (казус св. Герменегильда)

Как, однако, быть с жестоким подавлением восстания, поднятого Герменегильдом, старшим сыном короля? Не противоречит ли это наблюдениям, изложенным выше? Можно ли снять ответственность с того, кого Р. Хименес де Рада прямо именует «жестоким сыноубийцей»?

Присмотримся, однако, к этим событиям более внимательно. Восстание Герменегильда, с 572 г. управлявшего Севильей и всем югом полуострова, началось в 579 г.³⁵ Григорий Турский объясняет его прямым влиянием франкской принцессы Ингунды, сохранившей твердую верность ортодоксии. Поэтому ее муж принял повторное крещение, признал Никейский символ и принял имя Иоанн. После этого он отверг призыв отца к примирению и обратился за помощью к византийцам. Восстание быстро разрослось и охватило земли вплоть до Мерида, вскоре отвоеванной Леовигильдом. Затем последовала осада Севильи, где укрылся Герменегильд вместе со своими людьми и с византийцами. В то же время франки, оказывая помощь единоверцам и поддерживая дочь своего короля, вторглись в Нарбоннскую Галлию. Вскоре по тем же причинам на стороне Герменегильда выступил и свевский король Мирон: сын короля даже некоторое время скрывался от отца в свевской Галеции. В итоге восстание было жестоко подавлено, а его вождь пленен. Вскоре он был убит, Ингунда же вместе с мало-

летним сыном укрылась у византийцев и вместе с ними переправилась в Африку, где и умерла. Узнав об этом, ее дядя, король Бургундии Гунтрамн (561–592/93), вторгся в Септиманию, однако вторжение закончилось неудачей. Впрочем, войны с Леовигильдом продолжались до смерти вестготского короля, и лишь его преемнику Реккареду удалось заключить мир³⁶.

С картиной, представленной у Григория Турского, соотносятся и сообщения Фредегара. В его кратком рассказе также акцентируется роль Ингунды (которую он, правда, именует Седегундой) в обращении мужа, который стал истинным христианином и погиб от руки своего отца-еретика³⁷. Очевидно, что под влиянием этой же традиции находился и хронист XIII в. Р. Хименес де Рада.

Трактовка событий, однако, резко меняется, когда мы обращаемся к испанским хронистам. Так, Исидор Севильский (брат вынужденного спасаться бегством в Константинополь севильского епископа Леандра) не выделяет рассказ о восстании Герменегильда из описания череды военных мятежей, одним из которых оно оказывается. При этом об обращении Герменегильда-Иоанна не говорится вообще, а религиозный характер движения не акцентируется (и это при том, что сам автор был не только епископом, но и фактическим главой Церкви всей Испании!)³⁸

Но еще более показательным представляется свидетельство Иоанна Бикларского, лично пострадавшего от гонений Леовигильда. Возникновение мятежа он связывает вовсе не с притеснениями ортодоксальных христиан, а с кознями страстной арианки королевы Госвинты. Именно поэтому в целом он характеризует движение как мятеж и акт «тирании» со стороны восставших, подчеркивая, что непосредственным предлогом для его подавления стал разгром города Севильи, причем как готами, так и византийцами: лишь в ответ на это Леовигильд двинул войска против сына³⁹. Король выбил его из Севильи, тот бежал к византийцам и наконец укрылся в Кордове, где и был захвачен, после чего сослан в Валенсию⁴⁰. Через год Герменегильд был убит в Таррагоне неким Сисбертом, который, в свою очередь, был жестоко казнен уже при Реккареде⁴¹. При этом прямо о принятии Герменегильдом ортодоксии вновь не говорится ни разу: лишь последнее сообщение косвенно указывает на тот факт, что движение имело еще и некую религиозную подоплеку.

В итоге возникает впечатление, что король-арианин оказывается для испанских хронистов ближе, чем принявший ортодоксальную веру Герменегильд-Иоанн. Очевидно также, что соотечественники вовсе не желали признавать его святым. Скорее всего, его культ имеет франкское происхождение: о существовании испан-

ского жития святого применительно к VII в. ничего не известно; более того, еще и в конце IX в. «Альбельдская хроника» вообще не упоминает о нем; обращая внимание на гонения Леовигильда против ортодоксальных христиан (т. е., касаясь религиозных аспектов политики короля), хронист упоминает в числе его жертв лишь епископа Мерида Масону⁴².

Если попытаться синтезировать все эти разрозненные факты, то окажется, что, по всей видимости, жители Испании не питали иллюзий относительно мятежа Герменегильда и восприняли его прежде всего как попытку захватить власть, стоившую стране жестокой уособицы, вмешательства интервентов (франков, свевов, византийцев), человеческих жертв и разорения. И тот факт, что верхушка испано-римского населения Бетики, ставшей полем основных сражений, поддержала Герменегильда в осуществлении его честолюбивых планов, не мог изменить этого общего отношения. Более того, упоминание о Госвинте, прочность арианских убеждений которой не подлежит сомнению, в связи с возникновением мятежа как будто свидетельствует, что изначально он вообще не имел религиозной окраски и что принятие ортодоксии стало для Гермнегильда исключительно тактическим шагом.

Таким образом, говорить о «жестоком сыноубийце» нет никаких оснований.

5. Повторное крещение: правда или домысел?

Как уже отмечалось, центральное место в формировании образа Леовигильда как жестокого тирана занимают сообщения о репрессиях, предпринятых им против ортодоксальных христиан. Так, Родриго Толедский, писавший в XIII в., настаивает на том, что правитель-арианин жестко требовал от них принятия повторного крещения⁴³. При этом он несомненно следует рассказу Исидора Севильского, откуда и заимствовал соответствующие сведения (правда, опуская наиболее шокирующие подробности). Тем не менее само исидорово свидетельство не лишено одного значимого противоречия, которое заставляет усомниться в его рассказе в целом. Сообщая о том, что Леовигильд насильственно склонил к крещению «многих», он тут же отмечает, что «большинство» из вновь обращенных приняло арианство «без всякого преследования», прельстившись королевскими дарами⁴⁴. Причем в их числе был даже один епископ – Викентий Сарагосский.

Сомнения усиливаются также, если принять во внимание существенную лауну в сообщении Исидора. Сообщая об относительно недавних для него религиозных репрессиях Леовигильда, севильский епископ ни словом не обмолвился о созванном королем

в 580 г. арианском соборе в Толедо (хронист XIII в., очевидно, почерпнул соответствующую информацию из другого источника). Между тем современники (как сочувствовавшие Леовигильду, так и его враги) рассматривали этот собор как принципиально важное событие. В частности, высокую степень осведомленности о нем являет Иоанн Бикларский, которого трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к королю.

Однако последний прямо говорит о духе компромисса, свойственного соборным постановлениям. Так, ранее обязательное переkreщивание при переходе в арианство было... отменено(!). Отныне для перехода в «католическую» веру (ариане также именовали себя «католиками») оказывалось достаточно лишь рукоположения епископа, причастия и провозглашения арианского Символа веры в «Отца через Сына во Святом Духе». Причем хронист честно признает, что эта и другие предпринятые королем меры имели значимые результаты, и число обратившихся (вне зависимости от конкретных причин) было немалым⁴⁵. Стоит также добавить, что кроме этого места Иоанн ни разу не упоминает о гонениях на ортодоксальных христиан (что, разумеется, не означает, что их не было вообще).

Возникает впечатление, что образ Леовигильда как жесткого религиозного фанатика формировался вполне сознательно и что определяющую роль в этом сыграл Исидор Севильский – не только прелат и писатель, но видный политик своего времени. Именно его трудами несомненно имевшие место отдельные факты насилия на религиозной почве, отзвуки которых сохранила житийная литература, приобрели облик массовых репрессий (показательно, что и франк Псевдо-Фредегар, отнюдь не сочувствовавший Леовигильду, упоминает о репрессиях против ортодоксальных христиан лишь применительно к 579 г. т. е. к мятежу Герменегильда, при этом возлагая ответственность за них на Госвинту)⁴⁶.

Но если вестготский король не руководствовался твердолобым религиозным фанатизмом (тем более что в Испании, в отличие от вандальской Африки, традиции такового просто не существовало), то каковы тогда могли быть причины его действий? И почему понадобилось искусственно «превратить» его в фанатика?

6. Леовигильд и его «анти-Византия»

Для понимания мотивов, двигавших королем в его религиозной (и не только) политике, необходимо рассмотреть весь контекст последней. О значимости предпринятых им мер говорят, в частности, краткие указания Исидора, отнюдь не сочувствовавшего Леовигильду. Именно он упоминает о том, что король наполнил фиск,

первым облачился в королевские одежды и воссел на престол, основал город Рекополис и провел реформу законодательства⁴⁷ (впоследствии из исидоровой «Истории» эти сведения почерпнул и Родриго Толедский). Правда, у севильского епископа это сообщение теряется среди другой информации о Леовигильде. Но зато наряду с рассказами о военных победах короля оно нейтрализует общий тон повествования о «жестоком» короле.

Прежде мне уже доводилось обращать внимание⁴⁸ на тот факт, что правители романо-варварских королевств, получившие власть в результате волны военных переворотов V в., не особенно заботились о внешней легитимации этой власти. Они вполне довольствовались той реальной опорой, которую представляли собой находящиеся под их командованием варварские войска. Такая, чисто фактическая по характеру, власть до поры до времени их вполне устраивала. Однако неумолимое развитие социальных процессов, затронувших не только романское, но и существующее параллельно ему варварское общества, не могло не привести к существенным изменениям. Варварская военная верхушка, получив в свои руки власть и собственность, постепенно теряла заинтересованность в подчинении своим предводителям.

Внешним проявлением осознания ее самостоятельности стала волна мятежей военной знати. Толедское королевство вестготов не было исключением из общего правила: выше уже говорилось о том, что правлению Леовигильда предшествовала полоса жестоких усобиц. Тем не менее это королевство (по сравнению, например, со своим вечным врагом – галльскими королевствами Меровингов) стояло перед проблемой, пожалуй, не имевшей аналогов на землях бывшего западноримского мира: после 531 г. оно не имело ничего подобного роду «длинноволосых королей»: династия Балтов-Амалов пресеклась резко и окончательно. На фоне этих потрясений центральная власть в королевстве вестготов практически исчезла. Один за другим объявлявшие себя королями удачливые военачальники кончали жизнь в результате насильственной смерти. Ситуация усугублялась внешними угрозами: франки, византийцы, свевы активно вмешивались во внутренние усобицы, превратив военные действия в перманентное состояние.

Эти проблемы являлись столь глубокими, что не могли быть разрешены исключительно военным путем и репрессиями по отношению к непокорной знати. Именно поэтому Леовигильд не ограничился только этими мерами. По существу он первым не только из вестготских, но и из всех варварских королей приступил к строительству «настоящего» государства («*res publica*»), которое в современном ему мире существовало лишь в Византии.

И прежде всего изменения коснулись самого облика королевской власти, отправной моделью для реформы которой стала власть ромеев, легитимный характер которой подчеркивался сложной системой символов и ритуалов, унаследованных от позднеантичного времени и постоянно развивавшихся применительно к меняющимся условиям.

Первой из таких мер стало превращение Толедо в настоящий «Царьград» («*urbs regia*»), как писатели того времени называли Византий-Константинополь. Важнейшим «столичным» атрибутом стала постоянная королевская резиденция, не имевшая аналогов в предшествующий период. О толедском дворце Леовигильда, в частности, сообщают «Жития св. Отцов меридских». Король-арианин, судящий ортодоксального епископа Масону, восседает на престоле (*tronus*)⁴⁹, установленном в его дворце (из окон которого он смотрит на отправляемого в ссылку мученика)⁵⁰.

Начинает складываться и парадный королевский ритуал. Выше уже отмечалось, что Исидор Севильский подчеркивал: именно Леовигильд первым облекся в особые «королевские облачения» (*regali veste*)⁵¹. Как понимать исидорово «*regali veste*»? Несомненно, оно включало пурпурную мантию: именно в пурпур облачен король в «стандартном» описании, включенном в исидоровы «Этимологии»⁵², что вполне логично, ведь в Византии пурпурный цвет был абсолютной монополией императора⁵³. С большой долей вероятности можно предположить, что еще одной принадлежностью официального облачения короля, введенной в обиход уже Леовигильдом, был скипетр⁵⁴.

Вероятно, этот перечень может быть продолжен. Так, описание внешнего облика идеального правителя, содержащееся в кодексе Речесвинта (речь о котором пойдет ниже), наряду с пурпурным одеянием упоминает и диадему (корону) – “*diadema et purpuram gloriam*” (LI. I.2.6). Очевидно, речь идет о золотом венце византийского образца (такие венцы известны применительно к более позднему времени). Можно также предположить, что в число королевских регалий уже при Леовигильде вошел золотой крест: во всяком случае подобный символ известен с 20-х годов VII в. Тем более что в литургической традиции преемников Леовигильда крест имел четко выраженный военный характер, призванный подчеркнуть Божественную помощь толедским королям-полководцам⁵⁵.

Можно также отметить факт следования византийским образцам в процедуре королевского суда, описанной в том же житии. Судебное заседание, происходившее в толедском дворце Леовигильда (пусть речь идет о суде неправедном, вершимом «жесточайшим тираном»), описывается в тех же выражениях, что и его римско-

византийский прототип⁵⁶. Среди прочего упоминаются и присутствие епископов (естественно, арианских), и судей, и издание эдикта о вызове в судебное заседание, и судебное постановление короля («sententia»).

Все эти детали выглядят вполне логично, если учесть, что именно Леовигильд первым из вестготских королей выступил как кодификатор⁵⁷. Правда, сам текст составленного по его указанию кодекса не сохранился, однако К. Цеймер уверенно констатировал факт его существования⁵⁸, а Р. де Уренья-и-Сменхауд⁵⁹ попытался даже реконструировать этот «Codex revisus» на основе королевского судебника («Книги приговоров», или «Вестготской правды»), изданного Рецесвинтом ок. 654 г. и включившего более ранние законы, начиная со времен Эвриха⁶⁰. Оценивая вклад короля в историю законодательства его времени, Р. де Уренья уверенно именуется Леовигильда «монархом-реформатором»⁶¹.

При всей очевидной важности самого акта кодификации нельзя недооценивать и его символического значения. Младший современник Юстиниана I, вестготский король несомненно ассоциировал себя с ним, выступая в качестве правителя-законодателя. Аналогичным образом следует рассматривать и наполнение Леовигильдом королевского фиска и казны городов, которое было не только прагматической, но и символической мерой, значимость которой был вынужден признать даже Исидор Севильский⁶².

Однако еще более важной представляется другая императорская ипостась, также воспринятая Леовигильдом. Речь идет о роли принцепса в религиозных делах. О символическом значении этой функции говорит уже сам факт помещения главы о Юстиниане в сочинение Исидора Севильского «О знаменитых мужах», где император фигурирует в числе выдающихся церковных писателей своего времени. Показательно, что эта маленькая главка, посвященная императору, – единственное, что специально написано о нем во всем обширном корпусе сочинений Исидора, без всякого пиетета относившегося к Константинополю. Видимо, игнорировать этот аспект севи́льский прелат *ортодоксальной Церкви* позволить себе не мог⁶³.

Однако для Леовигильда церковные дела имели явно не меньшее значение, чем для Юстиниана. Противопоставление себя Восточной империи, экспансия которой развивалась под религиозными лозунгами, требовало адекватного ответа на обвинения в ереси. После уничтожения королевств вандалов и вестготов, Толедское королевство естественным образом воспринимало себя как главный центр арианства в пределах всего бывшего римского мира. И эта четко выраженная религиозная идентичность естественным

образом сочеталась с идентичностью политической – последовательным противопоставлением себя как ортодоксам-византийцам, так и ортодоксам-франкам.

Определенное значение имел также и свевский фактор: ведь начиная с 60-х годов VI в. свевы также приняли ортодоксальное христианство. Не являясь серьезным военным противником, они тем не менее представляли собой своеобразную «пятую колонну» в тылу Леовигильда, роль которой четко проявилась в ходе мятежа Герменегильда. Кроме того, акцентирование религиозных различий могло служить и обоснованием захватнических планов вестготского короля, которые были реализованы около 585 г.⁶⁴

С учетом этого становится понятным, почему Леовигильд резко изменил политике веротерпимости, которой придерживались его предшественники. Принимая во внимание все сказанное об избранных им мерах, целью короля могла быть лишь интеграция христиан его королевства на основе единого (в данном случае – арианского) толка. Учитывая роль соборного начала для христианской Церкви, он, опять же подобно как позднеримским, так и византийским императорам, созывавшим вселенские соборы для обнаружения единой позиции по ключевым религиозным проблемам, в 580 г. созвал Толедский собор – арианскую анти-Никею.

* * *

Таким образом, восседающий на престоле в своей столице, в своем дворце победоносный арианский король Леовигильд, окруженный придворными, издающий законы, вершащий суд, созывающий всеиспанский церковный собор, должен был восприниматься современниками как прямой антипод византийского императора, как глава западной арианской «анти-Византии». Вне всякого сомнения, этот облик должен был обладать существенной привлекательностью не только для готов, но и для значительной части испано-римлян, не только для ариан, но и для части христиан-ортодоксов, служивших ему верой и правдой.

Именно Леовигильду Толедское королевство было обязано своим спасением от казалось бы неминуемой гибели вследствие как внутренних усобиц, так и действий могущественных и амбициозных врагов. Более того, именно он, по существу, и создал это королевство, придав рыхлому административно-политическому устройству одного из бывших диоцезов Западной империи характер настоящего государства. И это наследие вестготского короля воплотилось в пышных королевских ритуалах, общегосударственных церковных соборах и масштабной законодательной деятельности его преемников, развивших и дополнивших начатое Леовигильдом.

Однако в полной мере леовигильдово наследие все же не могло сохраниться: идея религиозной унификации королевства на основе христианства арианского толка, по всей видимости, могла быть реализована лишь при жизни короля. Свидетельством мощи позиций ортодоксального епископата стали события 579–584 гг. – «обычного» мятежа, быстро переросшего в пятилетнюю кровавую смуту. В полной мере они явили ограниченность арианской «анти-Византии», созданной Леовигильдом на Пиренейском полуострове. И сразу после смерти отца его сын и сподвижник Реккаред отказался от попыток дальнейшего внедрения арианства и принял Никейский символ. В 589 г. ортодоксальный III Толедский собор запретил исповедание арианского толка.

В полной мере этот шаг был, естественно, оценен прежде всего ортодоксальным епископатом – главным хранителем исторической памяти. Исидор⁶⁵, Иоанн Бикларский⁶⁶ и анонимные «Жития святых Отцов меридских»⁶⁷ наперебой дают восторженные оценки личности Реккареда Католика. На фоне всего сказанного выше представляется очевидным, что пышные эпитеты, адресованные первому королю-ортодоксу, чьи заслуги ограничились лишь созывом III Толедского собора, объясняются не только колоссальным значением последнего для христианского клира, но и сознательным стремлением заслонить образом «мягкосердечного» («*clemens*») сына обаяние «жестокотого тирана» отца. При этом умозрительность заслуг Реккареда (за исключением, разумеется, его церковной реформы) обильно компенсируется пространностью риторических упражнений. «*Provincias autem, quas pater proelio conquisivit, iste rase conservavit*», замечает Исидор⁶⁸. Что ж, отсутствие военных побед можно назвать и сознательным миротворчеством...

Эта очевидная «приглаженность» сообщений испанских хронистов рубежа VI–VII вв. о Реккареде явно диссонирует с неоднородностью их же рассказов о Леовигильде. Кому как не им, носителям живой памяти, было ведомо, насколько сын уступал отцу?! Что же касается Родриго Толедского, жившего в XIII в., то он уже не считал нужным разбираться в сложности перипетий прошлого. В конечном итоге человек эпохи, в которую, по мнению К. Байнума и Ж. Ле Гоффа, начали формироваться основы европейского индивидуализма, создал предельно деиндивидуализированный исторический портрет, заменив живую «кровоточащую» историю «поучительным» рассказом о раскаявшемся короле-грешнике...

- 1 «Карающим мечом Леовигильда». См.: Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani. XXVI.33
- 2 Русский перевод см.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001.
- 3 Там же. С. 380.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 387. См. также: *Vynum C.* Did the Twelfth Century discover the Individual? // *Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages.* Berkeley, 1982. P. 82–109.
- 6 Об основных этапах истории вестготского королевства см.: *Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002; *Orlandis Rovira J.* Época visigoda. Madrid, 1987; *D'Abadal i de Vinyals R.* Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid, 1960; *Rouche M.* Le royaume Wisigothique de Toulouse et d'Espagne // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII.* III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 281–290; *García Moreno L.A.* História de España visigoda. Madrid, 1989.
- 7 Iord. Get. 302.
- 8 См., например: *Chronicae que dicuntur Fredegarii scholastici Libri IV* / Ed. B. Kursch. III. 42. // *MGH: SRM.* T. 2. Hannoverae, 1888 (далее – Fredeg.): «Gothi vero iam olim habent vicium, cum rex eis non placeat, ab ipsis interficetur».
- 9 *Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Cura et studio Juan Fernández Valverde* // *Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis.* Vol. LXXII. Turnholti, 1987 (далее – Rod. Hist.). III.14.
- 10 Ibid.
- 11 См., например: *Primera cronica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* / Publ. por R. Menendez Pidal. Vol. 1. Madrid, 1955. Passim.
- 12 Rod. Hist. III.14.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid.
- 15 Ibid.
- 16 В частности, Р. Хименес де Рада сообщает лишь о первом браке короля, ничего не сообщая о втором, с Госвинтой, вдовой его брата Лиувы, которому другие источники придают большое значение с учетом роли этой королевы в религиозной и государственной политике (см., например: *Greg. Turon. Hist.* IV. 38).
- 17 *Isidorus Hispalensis. Historia gothorum, wandalorum svevorumque* // *MGH: Chronica minora.* Vol. 2. Berlin, 1961 (далее – Isid. Hist.). 48–52.
- 18 *Greg. Turon. Hist.* VIII.46; V.43.
- 19 *Sancti Gregorii Magni Dialogi.* III. 31 (см.: *PL.* T. 77. P., 1850. Col. 292).
- 20 *Continuatio Hispana a. DCCLIV* // *MGH: AA: Chronica minora* / Ed. T. Mommsen. Vol. 2. Berolini, 1994. 67.
- 21 Общие сведения об испанской хронистике вестготского времени см., например: *Hillgarth J.N.* Historiography in Visigothic Spain // *Settimane di studio del*

- centro italiano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 261–312.
- 22 Об этом хронисте, жившем на рубеже VI–VII вв., подробнее см.: Juan de Biclaro, obispo de Gerona: Su vida y su obra / Introd., texto crit., com. por J. Campos. Madrid, 1960. Текст хроники Иоанна (далее – Ioh. Bicl. Chron.) приводится по этому изданию.
- 23 См.: Greg. Turon. Hist. IV. 38; V. 38; V. 43; VI. 18; VI. 29; VI. 33–34; VI. 40; VI. 43; VIII. 28; VIII. 30; VIII. 35; VIII. 46; IX. 1; IX. 24.
- 24 Vitas sanctorum partum Emeritensium // Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. 116 / Ed. A. Maya-Sánchez. Turnholti, 1992 (далее – VPE). V.4.1: «seuissimi atque crudelissimi»; V.4.8: «atrocissimum tyrannum»; V.8.3: «impio Leovigildo tiranno»; V. 8. 6: «insanissimus rex».
- 25 Ibid. V. 9.2.
- 26 Ibid. V. 4, 6, 8, 9.
- 27 Ibid. III. 1. 9.
- 28 Ibid. III. 1. 13–15.
- 29 Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. crit. por L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943. XXVI. 33.
- 30 Isid. Hist. Goth. 50. Cfr.: Fredeg. III. 82.
- 31 Ее имя упоминается лишь в поздних текстах. См.: Rod. Hist. III. 14. См. также выше прим. 17.
- 32 Ioh. Bicl. Chron. [a. 573].
- 33 Greg. Turon. V. 38.
- 34 Ioh. Bicl. Chron. [a. 589].
- 35 Ibid. [a. 572].
- 36 Greg. Turon. V. 38; VI. 18, 29, 33; VIII. 30, 35.
- 37 Fredeg. III. 82–83.
- 38 Isid. Hisp. Hist. Goth. 49.
- 39 Ioh. Bicl. Chron. [579]; [a. 582].
- 40 Ibid. [a. 584].
- 41 Ibid. [a. 585], [a. 587].
- 42 Chronicon Albeldensis. 19 // Bonnaz Y. Chroniques asturiennes (fin IXe siècle). P., 1987 (далее – Chron. Alb.). Общие сведения о хронике см.: *Díaz y Díaz M.* La Historiografía hispana desde la invasión árabe hasta el año 1000 // Settimane di studi del centro italiano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 313–343.
- 43 Rod. Hist. III. 14.
- 44 Isis. Hist. Got. 50.
- 45 Ioh. Bicl. Chron. [a. 580].
- 46 Fredeg. III. 82–83.
- 47 Isid. Hist. Goth. 51.
- 48 См., например: *Ауров О.В.* Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Вып. 31. С. 73–103.

- 49 Vitas sanctorum patrum emeretensium. V.6.22 // VPE. Vol. 116. Brepols, 1992.
- 50 Ibid. V. 6. 25.
- 51 Isid. Hist. Goth. 51.
- 52 Isid. Etym.VII. 2. 2.
- 53 См., например: СТ. I. 23. 6рг.
- 54 Это так, если воспринимать буквально выражение «принял скипетры» для обозначения вступления на престол, используемое уже Иоанном Бикларским (см., например: Ioh. Bicl. Chron. [a.586]). Показательно, что ранее Иоанн его не употреблял; в дальнейшем же (также как и у Исидора) оно становится обычным.
- 55 См., например, описание ритуалов торжественных проводов короля в поход и его встречи из похода в: Liber Ordinum en usage dans l'Église wisigothique et mozarabe d'Espagne / Ed. M. Férotin. P., 1904. Col. 149–153: XLVIII; Col. 154–155: XLVIII.
- 56 VPE. V. 5. 13, V. 6. 24.
- 57 Isid. Hisp. Hist. Goth. 51; Chron. Alb. 19.
- 58 Zeumer K. Historia de la legislación visigoda. Barcelona, 1944. P. 74–79.
- 59 Ureña y Smenjaud R. La legislación gótico-hispana (Leges antiquiores – Liber Iudiciorum). Madrid, 1905. P. 327–371.
- 60 Наиболее распространенное издание судебника подготовлено К. Цеймером. См.: Leges Visigothorum // MGH: Legum sectio, 1. Berolini, 1902. Цеймер назвал свое издание «Вестготской правдой» («Lex Visigothorum»), хотя в рукописях судебник именуется «Liber iudiciorum», реже (в порядке убывания) – «Liber Iudicum», «Liber de iudiciis» и «Forum Iudicum». Соответственно, наиболее предпочтительным является оригинальное название «Liber iudiciorum» (далее – LI).
- 61 Ibid. P. 421.
- 62 Isid. Hisp. Hist. Goth. 51.
- 63 Isidori Hispalensis De viris illustribus. XXXI // PL. T. 83. P., 1850.
- 64 О Свевском королевстве см., например: *Клауде Д.* Указ. соч. С. 213–224; *Reinhart W.* Historia general del reino hispánico de los suevos. Madrid, 1952.
- 65 Isid. Hist. Got. 52–57.
- 66 Ioh. Bicl. Chron. [a. 587], [a. 590].
- 67 VPE. V. 12. 3–5.
- 68 Isid. Hist. Goth. 55.

М.С. Петрова

СПОСОБЫ ПРОЧТЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЭЙНХАРДА
(Руководство к действию)*

В статье анализируются письма видного деятеля эпохи Каролингов Эйнхарда к императрице Юдифи, Людовику Благочестивому и другим лицам королевского окружения; реконструируется эпизод из придворной жизни Эйнхарда времен династической смуты 30-х годов IX в., связанный с его нежеланием подчиниться приказу императрицы. С этой целью принимается во внимание политическая ситуация 830-х годов и учитываются относящиеся к тому времени источники хронологического, правового и нарративного характера. На основании сопоставления разнообразных свидетельств воссоздаются не только поступки Эйнхарда, но и их мотивы.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, источник, текст, историческая ситуация, интерпретация, реконструкция.

Эйнхарду (ок. 770–840), одному из выдающихся авторов эпохи Каролингов¹, принадлежат не только два, полностью дошедшие до нашего времени сочинения – «Жизнь Карла Великого» («*Vita Karoli Magni*»)² и «Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра» («*Translatio et miracula sanctorum Marcellini et Petri*»)³, но и корпус писем (в количестве около 70), написанных в период между 816 и 840 гг. Эти письма, представляющие собой одно из полных эпистолярных собраний раннего Средневековья⁴, уцелели в виде небольшой книжицы благодаря единственному, весьма испорченному манускрипту (IX в.), обнаруженному в Лане⁵ и ныне хранящемуся в Парижской Национальной библиотеке (MS Parisinus Latinus 11379). Помещенные на на-

© Петрова М.С., 2010

* Статья написана в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» Программы фундаментальных исследований Отделения ИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

чальных тринадцати листах (fol. 3–15) манускрипта послания Эйнхарда предваряет надпись: «*Libellus epistolarum*» («Книжица писем»), с припиской после их изложения: «*Explicit Deo Gratias AMHN*»⁶ («Конец с Божьей помощью, аминь»)⁷.

Изучаемые на протяжении длительного времени письма Эйнхарда неоднократно издавались⁸. Мы укажем лишь на два, наиболее доступных, издания источников, в которых послания Эйнхарда пронумерованы и приведены в хронологическом порядке, это *Patrologia Cursus Completus, Seria Latina* (далее – PL)⁹ и *Monumenta Germaniae Historica* (далее – MGH)¹⁰.

Среди корреспондентов Эйнхарда – император Людовик Благочестивый (778–840) и императрица Юдифь (ум. 843), их сыновья – короли Лотарь (796–855) и Людовик Германский (ок. 806–876); епископ Вормса Бернгард, аббат Фульды Рабан Мавр (780 – ок. 856), аббат монастыря в Ферье Серват Луп (805–862)¹¹, а также многие другие лица, занимавшие высокое положение в тот период. Несколько писем написаны Эйнхардом от лица императора Людовика; одно – от имени его супруги Иммы¹².

При изучении эпистолярного наследия Эйнхарда у современного историка возникает множество вопросов, на которые зачастую нельзя получить однозначных ответов. Так, вряд ли когда-нибудь удастся узнать, была ли эта коллекция писем собрана воедино самим Эйнхардом, или же это было сделано позднее кем-то из переписчиков; в каком из упомянутых в письмах и принадлежащих Эйнхарду монастырей¹³ могла быть составлена такая коллекция¹⁴ и т. п. Тем не менее из корреспонденции Эйнхарда можно извлечь немало важной и достоверной информации, относящейся к его личности. Например, можно попытаться определить круг его общения и очертить интеллектуальное окружение. По стилю Эйнхарда, его манере обращения возможно понять, в каких отношениях он находился со своими адресатами: в деловых, дружеских, доверительных или каких-то иных. Кроме того, на основании содержания конкретного послания, возможно установить, что именно заботило Эйнхарда в тот или иной момент его жизни, чем он был занят и обеспокоен, о ком и о чем думал и переживал. Если же обратить внимание на упомянутых Эйнхардом второстепенных лиц, а именно их пол, возраст, социальное положение, род деятельности, имена и т. д., то можно попытаться воссоздать духовные, правовые, социальные отношения, сложившиеся в каролингской элите в интересующее нас время¹⁵. Более того, прочтение писем Эйнхарда возможно не только в узком ракурсе – в контексте его частной, общественной и придворной жизни или хозяйственной деятельности, но и в более широкой перспективе – в контексте го-

сударственной политики, экономической и социальной ситуации. Очевидно, что такой перечень возможностей изучения писем Эйнхарда (впрочем, как и любого другого исторического источника) можно продолжить.

Цель нашей работы, прежде всего ориентированной на студентов-историков и аспирантов, – учебно-методическая. Мы предпримем попытку продемонстрировать пытливому читателю, каким образом можно интерпретировать письма Эйнхарда, реконструировав один из эпизодов его придворной жизни времен династической смуты 30-х годов IX в. Нас будут интересовать те послания Эйнхарда, которые написаны в начале 830 г. и обращены к Юдифи и Людовику Благочестивому, а также людям из королевского окружения¹⁶. Предварительно заметим, что при реконструкции того или иного события необходимо учитывать не только содержание писем автора, но и политическую ситуацию того времени, а также широкий пласт самых разных источников, позволяющих проверить, дополнить или уточнить эпистолярную информацию. В связи с этим мы примем во внимание описанные Эйнхардом обстоятельства перенесения останков святых Марцеллина и Петра¹⁷ из Рима во Франкию (827 г.)¹⁸, а также будем учитывать ряд относящихся к тому времени источников хронологического, правового и нарративного характера. Сопоставление указанных свидетельств позволит нам не только воссоздать поступки Эйнхарда, но и выявить их мотивы.

Для удобства оперирования полученными данными, а также для возможной проверки наших рассуждений, мы приводим нумерацию посланий так, как она дана в MGH и PL, а также указываем порядковый номер письма из сохранившегося манускрипта (MS Par. Lat. 11379).

* * *

Похоже, Эйнхард был весьма осторожным человеком. Подтверждением этого служат слова Валафрида Страба (809–849)¹⁹, составившего «Пролог» к изданному им (после 840 г.) жизнеописанию Карла Великого (ок. 747–814), в котором имеются слова:

...не только во времена ... Карла, но *что еще удивительнее* (выделено автором. – М. П.) и в правление императора Людовика, когда государство франков содрогалось от множества разнообразных потрясений ... Эйнхард чудесным образом по наитию свыше сохранил положение и, при покровительстве Божьем, уберег себя от того, чтобы преждевременно утратить свое высокое звание, бывшее для многих причиной краха, и не лишился его в смертельных опасностях²⁰.

В приведенном высказывании Валаффрид скорее всего имел в виду наступившее сразу после смерти Карла Великого (814 г.) смутное время, когда на престол вступил Людовик, которого сам Карл еще при жизни (813 г.) и «всеобщем согласии знатнейших франков» провозгласил соимператором и наследником²¹. Вряд ли случайно то, что многие из подписавших составленное Карлом завещание²² позднее, после принятия в 817 г. документа о разделе империи (*Divisio imperii*) между тремя сыновьями Людовика²³, рожденными в его первом браке с Эрменгардой (ок. 794–818), открыто выступили против императора, были удалены от двора или заключены в тюрьму²⁴.

Кроме того, в указанной цитате Валаффрид мог подразумевать события, связанные с пересмотром Людовиком (в 829 г.) условий упомянутого договора о разделе империи в пользу рожденного императрицей Юдифью²⁵ младшего сына – Карла (823–877), впоследствии прозванного Лысым. В самом деле, изменение одобренного ранее документа затронуло интересы всех старших сыновей Людовика, особенно Лотаря²⁶. Вокруг последнего объединились недовольные и прежде всего те, кто был оттеснен от двора новой императрицей Юдифью, назначавшей на государственные посты верных себе людей²⁷. За этими событиями последовали восстания франкской знати против Людовика (830–831), пленение императора (июнь 833 г.) его старшими сыновьями, не согласными с политической перераспределения земель, а также его низложение и заточение в монастырь (июнь 833–834)²⁸.

Среди перечисленных событий было еще одно, случившееся в 830 г., т. е. сразу после изменения Людовиком условий прежнего договора. Пипин, один из сыновей Людовика, и вставшие на его сторону знатные франки²⁹ обвинили Юдифь в измене, схватили ее и отправили в монастырь³⁰. Именно на это время приходится письмо Эйнхарда, обращенное к императрице и составленное в марте апреле 830 г. В нем Эйнхард отказывается прибыть ко двору по ее приказу³¹:

[*Einh.* Ep. 13 / Hampe. P. 116–117;
Eginh. Ep. 40 // PL 104. Col. 525C–526B;
Einh. Ep. 40 // MS Par. Lat. 11379]

Позвольте объяснить нашей благочестивейшей Госпоже, что после того, как я, Ваш слуга, покинул Ахен, меня охватил столь [сильный] недуг, что из Траекта до Валансьена³² я смог добраться едва ли за десять дней. Я почувствовал столь сильную боль в почках и селезенке, что, не будучи здоровым, не мог проехать в течение дня в седле даже и мили. Посему я смиренно взываю к Вашей милости, чтобы мне с Ва-

шего разрешения было позволено добраться на лодке к [монастырю] святого N.³³ и там оставаться до тех пор, пока всемогущий Господь не соизволит даровать мне силы продолжить путь. Как только я смогу сесть на коня, я поспешно прибуду к Вам или к императорскому дворцу [Людовика], или поступлю [иначе] как Вам заблагорассудится. Ныне же я со слезами взываю к Вашей милости соблаговолить и испросить для меня прощение у милосерднейшего господина моего [Людовика], когда Вы к нему прибудете, поскольку [сам] я [не в силах] предстать перед Вами. Господь свидетель, я не написал Вам ничего ложного о своем недуге; и [ведь] не только этим [я озабочен], но и прочим, более серьезным, от чего страдаю, но говорить о чем я могу лишь с самыми близкими. Однако Вы должны знать, что не сможете стяжать награды в глазах Господа, если решите, что мне надлежит поторопиться [к Вам, в то время как] я исправно служу святым мученикам Христа. В самом деле, из [монастыря] святого N. я смогу прибыть [в Муленхайм³⁴]³⁵ на лодке лишь на пятнадцатый день.

Эйнхард намеренно упоминает о других обстоятельствах, не позволивших ему явиться к Юдифи, и о болезнях, относительно которых он, по его словам, может поведать лишь близким людям. Эйнхард не мог не сознавать, насколько сильным окажется гнев императрицы³⁶, когда она получит его послание. Он также понимал, что она может захотеть удостовериться, действительно ли Эйнхард тяжело болен.

Вероятно два других письма Эйнхарда, обращенные к еще одному корреспонденту, должны были служить подтверждением его болезни. Их скрытая цель – смягчить недовольство императрицы. Первое из них написано Эйнхардом примерно в то же время, что и письмо к Юдифи; возможно, несколько позже (в апреле 830 г.). Скорее всего, оно адресовано Герварду – библиотекарю Людовика, а также распорядителю королевского двора. В нем подробно описаны те же симптомы болезни, о которой Эйнхард пишет Юдифи, но здесь они дополнены оправданиями отказа выполнить королевский приказ и просьбой о заступничестве перед Людовиком и его женой.

[*Einh.* Ep. 14 / Hampe. P. 117;
Eginh. Ep. 41 // PL 104. Col. 526B–526D;
Einh. Ep. 41 // MS Par. Lat. 11379]

Если бы мне не мешала телесная немощь, я не посылал бы этого письма, а вместо того приехал сам и находился бы возле Вас, в то время как с Вами происходили те [события]. Но теперь, когда я оказался в столь стесненных обстоятельствах, я прошу Вашу милость благо-

волить заступиться за меня перед благочестивейшим Господином нашим и Императором. Когда королева [Юдифь] отправлялась из Ахена, а я не мог сопровождать ее в то время, она приказала мне присоединиться к ней позже в Компьене. Пытаясь исполнить ее предписание, я с большим трудом прибыл в Валансьен через десять дней. Оттуда, поскольку я уже не мог ехать верхом, я двигался на лодке до [монастыря] святого N.³⁷ Сильный понос и [острая] боль в почках сменяли друг друга так часто, что не было дня после моего отъезда из Ахена, чтобы я не страдал от того или другого. Равным образом [меня беспокоили] и другие [недуги], являющиеся следствием болезни, свалившей меня в прошлом году, а именно постоянное онемение правого бедра и почти невыносимая боль в селезенке. Поскольку меня осаждают эти недуги, моя нынешняя жизнь уныла и почти полностью безотраднее, в первую очередь из-за страха, что я умру не там, где хотел бы, а [также] потому, что на меня возложены и другие дела, помимо служения святым мученикам Христовым. По этой причине я призываю и умоляю Вас через Марцеллина и Петра, блаженных мучеников Христовых, соблаговолить заступиться за мое ничтожество перед благочестивейшим императором, чтобы он не думал сердиться на меня из-за того, что я не встретил его, как те, что смогли это сделать. Я сделал бы всё от меня зависящее, чтобы приехать, если бы мог, и приеду, как только смогу; но, будучи рядом [с ним] или находясь в отдалении, я остаюсь верным ему. Посему прошу Вашу милость соблаговолить оповестить меня Вашим письмом так скоро, как только сможете, о том, что произошло или будет происходить [во дворце]. Надеюсь, Вы всегда будете процветать во Господе.

[Постскриптум:] все, что ныне совершается в этом королевстве, было предсказано два года назад в откровениях³⁸, [снизошедших] через мучеников Христовых.

Судя по симптомам, болезнь Эйнхарда напоминает дизентерию. Можно предположить, что заболевание, совпавшее с уже упомянутым выше восстанием 830 г., позволило ему затаиться в тихом месте и переждать «те события», о которых он неоднократно упоминает³⁹.

Второе письмо также адресовано Герварду, который, получив предыдущее послание, вероятно, не стал заступаться за Эйнхарда, а посоветовал ему исполнить приказ королевы. Но, поскольку опасность еще не миновала, Эйнхард в том же 830 г.⁴⁰ продолжает жаловаться Герварду на телесную слабость и недомогание. В этом послании можно уловить и нотки раздражения.

[*Einh.* Ep. 52 / Hampe. P. 135;
Eginh. Ep. 14 // PL 104. Col. 514AC;
Einh. Ep. 14 // MS Par. Lat. 11379]

Эйнхард желает вечного спасения во Господе дражайшему брату⁴¹ Герварду.

Мне неясно, что и думать о Вас⁴²: то ли Вы не поняли моего письма, то ли не обеспокоились опасностью, в которой я нахожусь. Я склоняюсь к первому истолкованию, ибо скорее подумаю, что из-за какой-то занятости мое письмо не было тщательно прочитано и понято, чем поверил бы, что Ваша милость не обеспокоилась опасностью, грозящей мне. Вы побуждаете, а скорее советуете мне перестать печься о мучениках, вместе с которыми мне приказано оставаться и неотлучно присутствовать при них, и прибыть во дворец, в то время как семидневное отсутствие грозит мне наказанием в будущем. Но в моем состоянии промедления нельзя избежать как из-за того, чтобы просто выехать во дворец, так и во время самого пути, который надлежит пройти до дворца, – ведь я редко был способен преодолеть расстояние из Ахена к обители мучеников [в Муленхайме] быстрее, чем за семь дней, и по причине дорожных трудностей, и по причине телесной слабости. Но теперь я прошу Вас и настоятельно умоляю вновь перечитать и понять письмо, которое я Вам послал. Не откажите написать мне в ответ, как я и просил Вас в моем письме уже достаточно давно, относительно того, удивили ли Вас откровение и поручение, которыми я был связан⁴³. Посланцы имеются в достатке, если хотите, пошлите то, что напишете, через моего помощника Бамота.

Надеюсь, что Вы всегда будете благополучны во Господе, дражайший и любезнейший брат и господин.

Возможно, некоторое раздражение Эйнхарда было связано с тем, что к этому моменту, он уже рассчитывал на заступничество самого Людовика, которому тоже поведал о своем затруднительном положении (вероятно, также в апреле 830 г.), сославшись на его же приказ.

[*Einh.* Ep. 15 / Hampe. P. 118;
Eginh. Ep. 42 // PL 104. Col. 527AB;
Einh. Ep. 42 // MS Par. Lat. 11379]

Ничтожный слуга [желает здравствовать во Господе] величайшему Господину [императору Людовику]. Вы, мой наипочтеннейший Господин, помните, что позволили мне в то время, когда моя Госпожа [императрица Юдифь] прибыла с Вами, продолжить дело по сбережению блаженных мучеников Христа [в Муленхайме]; я [и] желал делать это. Но затем моя Госпожа приказала мне [вместо этого]

последовать за ней в Компьень; я подчинился ее приказу и выехал вслед за ней в Компьень, как только лошади оказались готовы. Но вскоре меня охватила боль в селезенке и почках, и я оказался так слаб, что с трудом мог преодолеть расстояние от Траекта до Валансьена. В связи с этим, поскольку я не надеялся, что смогу дальше ехать верхом, я взял лодку и отправился по реке к [монастырю] святого N. [Бовона], где ныне нахожусь в крайне затруднительном положении и [мучаясь от] боли. Прошу и молю, чтобы Ваша милость соблагволила даровать мне позволение проследовать к месту [в Муленхайме], где оставлены святые тела Ваших почтеннейших покровителей. В самом деле, я могу достичь этого места на лодке за пятнадцать дней от [монастыря] святого N. [Бовона]. Вы могли бы снискать величайшую награду для себя перед Господом, если бы позволили мне продолжить службу Его святым, [а] я бы смог получить это [позволение] пока еще жив. Я верю, что святые мученики заступятся за Вас перед Господом, если Вы соблагволите возложить на меня служение им вместо моей службы Вам. И если вы окажете мне помощь в этом, я не смогу сделать большего для Вас в какой-либо другой части Вашего королевства, чем там.

Чуть позже (в том же 830 г.), получив согласие Людовика, Эйнхард навсегда покинул Ахен и королевский двор. Переселившись в Муленхайм, он до конца своих дней (14 марта 840 г.) пребывал хранителем мощей Марцеллина и Петра⁴⁴.

* * *

Итак, мы показали, каким образом можно читать письма Эйнхарда и реконструировать один из эпизодов жизни их автора. Наша интерпретация коснулась лишь малого числа Эйнхардовых посланий (всего четырех); и можно только предположить, какое множество подобных «историй», а также важных фактов и сведений о самом Эйнхарде, о событиях его эпохи скрыто в других его посланиях – тех, которые остались непрочитанными. В связи с этим мы выражаем надежду, что любознательный и заинтересованный читатель об этом узнает самостоятельно.

Примечания

¹ См.: *Петрова М.С.* Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат., примеч., составл. М.С. Петровой. М.: Институт св. Фомы, 2005. С. 7–26. Также см.: *Петрова М.С.* Эйнхард – биограф Карла Великого // Карл Великий. Реалии и мифы. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 57–74.

- 2 См.: Einhardi Vita Karoli Magni (далее – *Einh. Vita Kar.*) / Ed. O. Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica (далее – MGH): Scriptorum Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hanover, 1911; reprint. 1965. Наш комментированный перевод см. в кн.: *Эйнхард. Жизнь Карла...* С. 50–151. См. также: *Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории...* С. 39–41.
- 3 См.: Translatio et miracula sanctorum Marcellini et Petri auctore Einhardo / Ed. G. Waitz // MGH: Scriptorum (далее – Script.). Т. 15. Р. 1. Hanover: Hahn, 1888 (далее – *Einh. Translat.*). Р. 239–264. Наш комментированный перевод первой книги этого сочинения см. Средние века. Вып. 65. (2004). С. 295–310.
- 4 См.: *Dutton P.E. Charlemagne's courtier.* Broadview press, 1998. Р. xxxi.
- 5 См.: Einharti epistolae / Ed. K. Hampe // MGH: Epistolae. Т. 5. Hanover: Weidmann, 1898–1899; reprint. 1974 (далее – *Einh. Ep. / Hampe*). Р. 105.
- 6 AMHN – греческое слово, набранное унциалом, свидетельствующее о характерной для каролингской эпохи черте инкорпорирования греческих слов и фраз в латинские тексты. См., например, тексты самого Эйнхарда, вставившего и греческую пословицу ΤΟΝ ΦΡΑΝΚΟΝ ΦΙΛΟΝ ΕΧΙΣ, ΠΙΤΟΝΑ ΟΥΚ ΕΧΙΣ (Имей франка другом, но не соседом) (*Einh. Vita Kar.* 16), и отдельные греческие слова: eleimosinam (милостыня) (*Einh. Vita Kar.* 16), pleuresin (плеврит) (*Einh. Vita Kar.* 30).
- 7 *Einh. Vita Kar.* 30.
- 8 Среди исследователей и издателей писем Эйнхарда А. Duchesne, I. Weincens, К. Zeumer, G.H. Pertz, Al. Teulet, Ph. Jaffé, С. Rodenberg и др. (см. также примеч. 9 и 10).
- 9 См.: Eginhardi epistolae // Patrologia Cursus Completus. Seria Latina (далее – PL) / Ed. J.-P. Migne. Т. 104. (далее – *Eginh. Ep.*). Col. 509A–538A.
- 10 См.: Einharti epistolae / Ed. K. Hampe // MGH: Epistolae. Т. 5. Hanover: Weidmann, 1898–1899; reprint. 1974. Р. 109–142.
- 11 В одно из писем (836 г.), адресованных Сервату Лупу, входит посвященное вопросам веры небольшое изложение, озаглавленное издателями «Книжица о почитании Креста» (Libellus de adoranda Cruce). См.: *Einh. Ep. / Hampe*. Р. 146–149.
- 12 О взаимоотношениях супругов см.: *Петрова М.С. История частной жизни: Эйнхард и Имма // Диалог со временем* 23 (2008). С. 24–31.
- 13 См.: *Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории...* С. 18–20.
- 14 См.: *Dutton P.E. Charlemagne's courtier.* Р. xxxi.
- 15 См., напр., письма Эйнхарда к Ансегису, аббату Фонтанелл (*Einh. Ep.* 1 / *Hampe*. Р. 109 или *Eginh. Ep. Prima* // PL 104. Col. 509AB); Госберту, аббату монастыря св. Галла (*Einh. Ep.* 39 / *Hampe*. Р. 129 или *Eginh. Ep. II* // PL 104. Col. 509BC); Отгару, архиепископу Майнца (см. *Einh. Ep.* 43 / *Hampe*. Р. 131 или *Eginh. Ep. IV* // PL 104. Col. 510AC). Наш перевод этих писем см.: *Эйнхард. Жизнь Карла...* С. 20–21. Примеч. 66–67. В этом же плане интересно письмо заступнического характера, написанное Эйнхардом сестре Блिटтруде от имени жены Иммы (*Eginh. Ep. XV* // PL 104. Col. 514CD). Наш перевод письма см.: *Петрова М.С. История частной жизни...* С. 27.

- 16 См.: *Einh.* Ep. / Nampe. P. 105–142 или *Eginh.* Ep. Col. 509A–538A.
- 17 Этот сюжет из жизни Эйнхарда подробно рассмотрен нами в ст.: *Петрова М.С.* Эйнхард и его святые мертвецы // Средние века. Вып. 65 (2004). С. 289–295. См. также примеч. 3.
- 18 О том, что мощи святых были доставлены во Франкию, отмечено в различных версиях Анналов Франкского государства (см. напр.: *Annales Laurissenses continuatio auctore Einhardo* [a. 827] / Ed. G. H. Pertz // MGH: Script. T. 1. P. 216 [v. 40–43]; *Annales Fuldenses* [a. 827] / Ed. G. H. Pertz // MGH: Script. T. 1. P. 357 [v. 6–7]), а также в нарративных источниках (см. напр.: [Anonymi] *Vita Hludowici imperatoris* 41 / Ed. G. Petz // MGH: Script. T. 2 [далее – *Anon. Vita Hlud.*]. P. 631 [v. 8–12] – пер. А.В. Тарасовой см. в кн.: *Историки эпохи Каролингов.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 73).
- 19 Поэт при дворе Людовика Благочестивого и Юдифи, воспитатель их сына Карла. Подробнее о нем см.: *Шульц Ю.М.* Дидактическая поэзия каролингского и посткаролингского времени // Валафрид Страбон. Вандальберт Прюмский. Марбод Реннский. М.: Наука, 2000. С. 111–118.
- 20 См.: *Валафрид Страбон.* [Пролог] 7–9. Наш перевод и оригинальный текст см. в кн.: *Эйнхард.* Жизнь Карла... С. 46–49.
- 21 См.: *Einh.* Vita Kar. 30 (пер. см. в кн.: *Эйнхард.* Жизнь Карла... С. 116–119). См. также: *Петрова М.С.* Эйнхард: историк в истории... С. 39–41.
- 22 См.: *Einh.* Vita Kar. 33. (пер. см. в кн.: *Эйнхард.* Жизнь Карла... С. 122–131).
- 23 См.: *Divisio imperii* (a. 817) // PL T. 97. Col. 373C–380D, или см. MGH: *Leges.* T. 1. P. 198–200. Перевод А. Вольнец см.: Раздел империи 817 года // Сайт «Восточная литература». [Б.м., 2005]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/IX/800–820/Ludwig_I/divisio_imperii_817.htm (дата обращения: июнь, 2009). Согласно этому документу, центральные и лучшие земли были отданы старшему сыну Лотарю, назначенному соправителем отца. К нему же перешла вся полнота власти. Два других сына императора, Пипин (ок. 797–838) и Людовик (Германский), получили земли на окраинах, оказавшись в зависимости от старшего брата.
- 24 Например, епископ Орлеана Теодульф, низложенный в 817 г. См.: *Thegan.* Vita Hludowici imperatoris 22 / Ed. G. H. Pertz // MGH: Script. T. 2 (далее – *Thegan.* Vita Hlud.). P. 596 (v. 37); пер. А.И. Сидорова см. в кн.: *Thegan.* Деяния императора Людовика. СПб.: Алетейя, 2003.
- 25 Юдифь – вторая жена Людовика. Обладая не только красотой, но и властолюбивыми качествами, она подчинила своей воле императора и создала при дворе собственную партию, намереваясь самостоятельно управлять государством. О политике Юдифи по переделу наследства в пользу сына Карла см.: *Ward E.* Caesar's wife: the career of the empress Judith (819–829) // *Charlemagne's Heir: new perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840)* / Ed. P. Godman, R. Collins. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 205–227.
- 26 В результате нового документа о разделе империи (829) юный Карл получал Аламанию, Рецию и Бургундию. См.: *Thegan.* Vita Hlud. 35. P. 597 (v. 31–33).

- 27 Эйнхард, очевидно, был среди тех, кто пользовался расположением императрицы. Во всяком случае об этом может свидетельствовать пожалованный Юдифью дар мученикам Марцеллину и Петру, останки которых находились под патронатом Эйнхарда. См.: *Einh.* Translat. II, 6. P. 247 (v. 25–26): «...после совершения божественной службы, на которой присутствовали Людовик и королева Юдифь, она подарила [им] свой пояс, сделанный из золота и драгоценных камней, весом в три римских фунта» (*пер. наш*).
- 28 Старшие сыновья Людовика Благочестивого пленили его и организовали над ним суд, который проходил в Компьене и Суассоне. По решению суда Людовик был лишен власти и находился под надзором сначала в монастыре св. Медарда в Суассоне, затем в королевском дворце в Ахене. В результате дальнейших разногласий между сыновьями (Лотаря, с одной стороны, и Людовика и Пипина – с другой) вспыхнуло новое восстание (834 г.), в результате которого Людовик был освобожден и официально восстановлен на престоле (835 г.). См.: *Thegan.* Vita Hlud. 35–51. P. 587–601; *Anon.* Vita Hlud. 47–52. P. 634–639; *Nithardi historiarum libri IV I, 2–4* / Ed. G.H. Pertz // MGH: Script. T. 2. P. 651–653; *Annales Xantenses (a. 829–834)* / Ed. G.H. Pertz // MGH: Script. T. 2. P. 225–226; *пер. А.И. Сидорова «Истории в четырех книгах Нитхарда и Ведастинских анналов» см. в кн.: Историки эпохи Каролингов. С. 97–140 и 161–185.*
- 29 Вместе с Пипином выступили епископ Амьена Иессе, ранее подписавший завещание Карла Великого (см.: *Einh.* Vita Karoli 33) и архикапеллан Людовика Благочестивого и аббат монастыря св. Медарда в Суассоне Гильдуин; см.: *Thegan.* Vita Hlud. 36. P. 597 (v. 37–38).
- 30 В том же 830 г., после того как Людовик победил оппозицию, Юдифь вернулась во дворец (см.: *Thegan.* Vita Hlud. 36–37. P. 597 [v. 40–43] – 598 [vv. 8–9]), Иессе был низложен (см.: *Thegan.* Vita Hlud. 37. P. 598 [v. 6]), Гильдуин отправлен в изгнание.
- 31 Здесь и далее перевод писем Эйнхарда принадлежит нам.
- 32 От Траекта (Маастрихта) до Валансьена 110 миль, или 176 км.
- 33 Монастырь св. Бовона. См. письмо к Людовику.
- 34 См. письмо к Людовику.
- 35 Впоследствии Зелигенштадт.
- 36 Заметим, что к приказам Юдифи относились так же как к приказам самого императора Людовика. См. *Ward.* Caesar's wife... P. 205–227.
- 37 Имеется в виду монастырь св. Бовона, откуда это письмо было отправлено. См.: *Einh.* Ep. / Nampe. P. 117 (n. 7).
- 38 Ср.: *Einh.* Translat. III, 6. P. 250 (v. 39–40): «Ныне мы видим, что многое из того, о чем тогда было предсказано, исполнилось на самом деле» (*пер. наш*).
- 39 См.: *Dutton P.E.* Charlemagne's courtier. P. xxiv–xxv.
- 40 Появление этого письма отнесено издателями к промежутку между 830 и 840 гг. – см.: *Einh.* Ep. / Nampe. P. 135 (v. 15). В контексте политической ситуации того периода, на наш взгляд, следует придерживаться более ранней датировки, т. е. 830 г.

М.С. Петрова

- 41 Об именовании «брат» и «сестра» в переписке см.: *Петрова М.С.* История частной жизни... С. 25. Примеч. 6; Там же. С. 27.
- 42 Здесь и далее в оригинальном тексте при обращении Эйнхарда к Герварду употребляется местоимение *tu*, свидетельствующее, вероятно, как о равном положении обоих корреспондентов, так и о личном и доверительном характере послания. Однако, следуя предыдущему письму, в нашем переводе мы сохранили более вежливую форму обращения.
- 43 Речь идет о так называемой «Книге эдиктов», составленной Эйнхардом и предназначенной для Людовика. Чудесную историю ее появления Эйнхард изложил в трактате о перенесении останков святых. См.: *Einh.* Translat. III, 13. P. 252–253.
- 44 О занятиях Эйнхарда после того, как он оставил службу при дворе, и о его взаимоотношениях с Серватом Лупом см.: *Петрова М.С.* Из истории одного манускрипта (Parisinus Latinus 6370) // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 365–369.

Д.А. Боровков

ПОЛЬСКО-ИМПЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в X – первой трети XI в.

В статье рассматриваются взаимоотношения Священной Римской империи и Польского государства с момента его появления на европейской политической арене в 60-х годах X в. до кризиса польской государственности в 30-х годы XI в. В рамках этого периода выделено три этапа: 1) стратегического сотрудничества (вторая половина X – начало XI в.); 2) вооруженного противостояния, вызванного изменением политического курса империи при Генрихе II, который безуспешно пытался помешать территориальному расширению Польши (1003–1018); 3) выхода Польши из имперской сферы влияния после коронации Болеслава I (1025) и последующего провала антиимперской политики его преемника Мешко II (1025–1032).

Ключевые слова: Священная Римская империя, Польша, Пясты, иностранная политика.

До середины X столетия польское княжество находилось на периферии феодальной Европы, войдя в систему международных отношений лишь в 60-х гг., когда князь Мешко I установил контакты с империей Оттона I, сведения о характере которых противоречивы. Видукинд Корвейский называет Мешко лишь «другом императора». По словам хрониста следующего поколения Титмара Мерзебургского, «Геро, маркграф Остмарка, подчинил императорской власти Лаузиц, Сельпули, а также Мешко с его подданными»¹. Принятие польским князем христианства (предшествовавшее его браку с чешской княжной Дубравкой)² и учреждение первой польской епархии в Познани в 968 г. способствовали его вовлечению в орбиту имперской политики³. Как и немецкие маркграфы, Мешко I боролся со славянскими племенами Поморья,

но общность стратегических интересов отнюдь не гарантировала лояльности вассалов императора.

Как сообщает Титмар, во время пребывания Оттона I в Италии в 972 г. «Ходо, почтенный маркграф, собрав войско, напал на Мешко, верного императору и платящего ему дань вплоть до реки Варты <...> Вступив в сражение с Мешко в день святого Иоанна Крестителя и сначала побеждая, они затем были разбиты братом Мешко – Цидебуром». Об экстраординарности ситуации говорит факт вмешательства в нее самого императора, который отправил из Италии послов «велевших Ходо и Мешко, если они хотят сохранить его милость, оставаться в мире до тех пор, пока он сам не придет, чтобы разобрать причину спора»⁴. Вероятно, этот инцидент был урегулирован в марте 973 г. во время рейхстага в Кведлинбурге (присутствие на котором посольств из Дании и Византии, придавало ему характер саммита, выражаясь современным языком). В числе присутствовавших в Кведлинбурге, как сообщают Большие Альгтайхские анналы, находился чешский князь Болеслав II, а польский князь Мешко, опасаясь столкновения, прислал в качестве поручителя своего сына (очевидно, будущего Болеслава I)⁵.

Смерть Оттона I, последовавшая в мае того же года, привела к разобщению имперской элиты. Под 974 г. тот же источник сообщает, что князья Чехии и Польши вошли в соглашение с герцогом Баварии Генрихом II (Сварливым) и епископом Авраамом Фрейзингенским, которые выступили против нового императора Оттона II. Императору достаточно быстро удалось нейтрализовать мятежного герцога (который был заточен в Ингельгейме)⁶ и привести к покорности чешского князя⁷; конфликт с Польшей был исчерпан, вероятно, в конце 970-х годов, когда был заключен брак Мешко I с дочерью маркграфа Северной марки Одой, монахиней в Кальбе. Хотя этот матримониальный союз, противоречивший каноническим правилам, вызвал недовольство немецкого епископата, «ради блага отечества и укрепления необходимого всем мира дело не дошло до разрыва, а напротив, было достигнуто спасительное примирение», сообщает Титмар⁸.

После скоропостижной смерти Оттона II в декабре 983 г. Мешко I вновь оказался в рядах оппозиции, еще раз поддержав Генриха Баварского, оспаривавшего корону у своего малолетнего племянника Оттона III. В 984 г. в Кведлинбурге (где сторонники мятежного герцога «приветствовали его как короля») правители чехов, поляков и ободритов принесли ему вассальную присягу (фактически возобновив коалицию 974 г.). Хотя действия оппозиции не получили поддержки немецкой аристократии (в большинстве своем

сохранившей лояльность вдовствующей императрице Феофано), князь Чехии оказал Генриху вооруженную поддержку, а князь Польши способствовал отражению саксонского вторжения в земли полабских славян (саксонский герцог Бернхард был сторонником Оттона III)⁹. После того как выступление провалилось, Болеслав и Мешко в апреле 985 г. были вынуждены явиться в Кведлинбург: «В те же дни Мешко признал себя вассалом короля, представил ему среди прочих подарков верблюда и совершил с ним два похода», – писал мерзебургский епископ, вероятно, говоря о военных действиях против полабских славян, которые относятся немецкими хрониками к 986 г.¹⁰ Поддерживая имперскую экспансию в Поморье, польский князь (как полагают на основании Dagome index) выплачивал римскому папе «денарий святого Петра», что гарантировало ему покровительство Рима.

В конце 980-х годов, когда отношения Пястов и Пржемысловичей обострились снова, Мешко обратился за помощью к империи, а Болеслав II заключил союз с лютичами. Урегулирование конфликта было поручено имперской делегации во главе с магдебургским архиепископом Гизилером. Переговоры состоялись в Сельпули в июле 990 г., однако миссия Гизилера окончилась провалом: он попал в заложники к чехам и едва не стал жертвой лютичей, поскольку Мешко отказался в обмен на его освобождение уступить отнятые им земли (под которыми обычно подразумевают Силезию)¹¹. Таким образом, дипломатия Мешко I развивалась в двух направлениях: с одной стороны, проблемы в Поморье требовали сотрудничества с империей, с другой – соображения безопасности заставляли добиваться ее ослабления, что было возможно только «международными» усилиями. Мешко I испробовал и тот и другой путь, но все же был вынужден остаться в фарватере имперской политики.

Этой тенденции первоначально следовал его сын и преемник Болеслав I, который наследовал власть после смерти отца 25 мая 992 г. Когда в том же году Оттон III осадил Бранденбург, к нему присоединились Генрих, герцог Баварии, и Болеслав, князь Чехии. «Болеслав же, сын Мешко, не имея возможности прийти к господину королю лично – ведь ему предстояла тяжелая война с русскими, – отправил на службу к королю своих, достаточно верных ему воинов», – написано в Хильдесхеймских анналах (как раз под 992 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе князя Владимира Святославича на белых хорватов, живших у восточных границ польского государства)¹². Тот же немецкий источник сообщает, что в 995 г. Болеслав помогал Оттону III опустошать землю ободритов¹³.

Кроме того, Болеслав I поддерживал в Поморье деятельность католических миссионеров, используя ее в качестве инструмента польской экспансии. По свидетельству Галла Анонима, он «с большим почетом встретил пришедшего к нему св. Адальберта»; после того как Адальберт в 997 г. мученически погиб в Пруссии «Болеслав выкупил у пруссов на вес золота его тело и поместил с надлежащим почетом в архиепископстве Гнезно». Во время паломничества к могиле Адальберта Оттона III (1000 г.) Болеслав добился учреждения автокефальной Гнезненской кафедры. В начале XII столетия факт императорского визита был использован для создания легенды о возведении Болеслава в королевское достоинство. Галл Аноним пишет: «Увидев его славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: “Клянусь короной моей империи, все, что я вижу, превосходит то, что я слышал”. По совету своих магнатов в присутствии всех он прибавил: “Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной”. И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста Господня и пику св. Маврикия, за что Болеслав со своей стороны подарил ему руку св. Адальберта. И с этого дня они настолько прониклись уважением друг к другу, что император провозгласил его своим братом, соправителем Империи, назвал его другом и союзником римского народа. Мало того, Оттон уступил ему и его потомкам все права Империи в отношении церковных почетных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать; договор этот утвердил папа Сильвестр привилегией святой римской церкви»¹⁴. Разумеется, эти представления на протяжении Средневековья воспринимались как исторические только в Польше, но некоторые исследователи считают, что это известие из хроники Галла Анонима отражает определенные реалии¹⁵.

После визита в Польшу Оттон III занялся реализацией проекта реставрации Римской империи: вероятно, он хотел создать в Центральной Европе федерацию немецких вассалов. Венгерский князь Вайк в 1001 г. получил королевский титул под именем Иштвана I, но так как в январе 1002 г. император скоропостижно скончался, польский князь был вынужден довольствоваться статусом «друга и союзника». В «универсальной монархии» Оттона III польско-немецкие отношения вышли на уровень равноправного партнерства, что вызвало недовольство имперской элиты. «Пусть Бог простит императора, который, сделав данника господином, настолько

возвысил его, что тот, забыв обычаи своего отца, осмелился постепенно низвести в подчинение тех, кто всегда стоял над ним, – с возмущением писал епископ Мерзебургский, добавляя: Когда жив был славный Ходо, отец его, Мешко никогда не осмеливался входить в шубе в дом, если знал, что тот находится в нем, или сидеть, когда тот вставал»¹⁶. В результате действий Оттона III на «повестке дня» оказался вопрос о повышении статуса польского князя; хотя Галл Аноним и другие польские хронисты были склонны выдавать желаемое за действительное, решить его удалось лишь четверть века спустя, так как с приходом к власти Генриха II (сына Генриха Сварливого), выразившего не столько абстрактные имперские идеи, сколько интересы избравшей его на престол немецкой аристократии, два государства перешли от сотрудничества к конфликту.

Впрочем, на первых порах польского правителя, кажется, волновали перспективы территориальных приобретений, а не получение королевской короны. В условиях политического вакуума империи Болеслав оккупировал часть Восточной марки, воспользовавшись гибелью мейсенского маркграфа Эккихарда I (сын которого Герман был женат на его дочери); затем он посетил Мерзебург, где 25 июля 1002 г. принес вассальную присягу Генриху II, но, «пытаясь приобрести город Мейсен за какие угодно деньги, не смог от короля этого добиться, ибо это дело было не в интересах королевства». В вопросе о территориальных уступках Генрих II был непреклонен, и, как сообщает Титмар, польский князь «едва упрямился, чтобы Мейсен был передан брату его Гунцелину, с передачей ему областей лужичан и мильценов»¹⁷. Кроме того, в Мерзебурге на польского князя было совершено покушение, что негативно отразилось на его отношениях с сюзереном.

После того как двоюродный брат Болеслава I Болеслав III Чешский, по словам Титмара, равный ему в преступлениях, но неравный в талантах, был свергнут своими противниками, польский князь принял активное участие в борьбе за власть в Праге (1002–1003). Благодаря усилиям поляков Болеслав III вернулся на престол, но уже через несколько месяцев был захвачен на встрече в Кракове и ослеплен, а его княжество оккупировано Польшей¹⁸. Поскольку Чехия входила в систему имперских ленов, Генрих II отправил к польскому князю посольство, «уведомляя его, что если он желает получить недавно занятую им землю с его милости, как того требует старинный обычай, и во всем ему верно служить, он выполнит его желание, если же нет, он с оружием выступит против него. Однако Болеслав, недостойно приняв это справедливое и искусно составленное посольство, по праву заслужил будущую

мечь», – пишет Титмар¹⁹. После того как переговоры кончились неудачей, Генрих II поддержал притязания чешских Пржемысловичей, а польский князь вступил в союз с одним из представителей имперской оппозиции маркграфом Генрихом Швайнфуртским.

В ходе военной кампании 1003 г. поляки дошли до Эльбы. В 1004 г., как пишет Титмар, польский князь при содействии маркграфа Генриха стеснил Баварию; Генрих II весной опустошил земли мильчан, а летом (после первого похода в Италию) совершил вторжение в Чехию. Положение Болеслава резко ухудшилось: в результате восстания в Праге к власти пришел один из Пржемысловичей – Яромир и поляки были изгнаны из страны²⁰. В ходе зимней кампании 1004 г. имперскими войсками в Мейсенской марке был взят Бауцен. В августе 1005 г. Генрих II совершил поход за Эльбу, хотя это трудное предприятие не столько нанесло ущерб полякам, сколько превратилось в карательную экспедицию против лужичан. Лишь после того как немецкое войско оказалось в двух милях от Познани, Болеслав начал переговоры и при посредничестве магдебургского архиепископа Тагино добился заключения мира. Источники умалчивают о том, каковы были условия «прочного мирного договора». Однако на проверку мир оказался отнюдь не прочным: едва оправившись от поражения, польский князь начал сколачивать антиимперскую коалицию, и весной 1007 г. договор был денонсирован немецкой стороной.

Для Генриха II и его союзника князя Яромира война началась неудачно, так как Болеславу удалось захватить земли лужичан. Осенью 1009 г. поляки совершили рейд за Эльбу. Попытка урегулирования конфликта, предпринятая в 1010 г. саксонским герцогом Бернхардом, не принесла результата, как и военная кампания, последовавшая за нею. Правда, в июле 1012 г. поляки согласились на переговоры, но, прервав их, вновь открыли военные действия. В январе 1013 г. переговоры возобновились; по их завершении сын Болеслава Мешко принес Генриху вассальную присягу в Мерзебурге, а на Троицу (24 мая) его посетил здесь сам Болеслав. «В самый святой день он, приложив руки, стал вассалом короля и, после принесения ему присяги, исполнял обязанности оруженосца, когда тот, в королевском облачении, шел в церковь. В понедельник он расположил к себе короля, принеся ему богатые подарки от себя и своей супруги; затем, получив от королевских щедрот еще большие и лучшие дары, в том числе давно желанный лен, он с честью и радостью отпустил данных тем заложников. После этого, поддержанный нами, он напал на Русь. Опустошив большую часть этой страны, он приказал перебить всех печенегов, когда между ними и его людьми случилась размолвка, хоть те и были его союзниками»²¹.

Однако и этот мир, купленный ценою лужицких и мейсенских земель, продолжался недолго. По условиям договора Болеслав I должен был сопровождать Генриха II на коронацию в Рим, однако, как пишет Титмар, «показал себя, как обычно, лжецом в тех прекрасных обещаниях, что давал прежде». Кроме того, «он ранее, в письме, отправленном через посольного, пожаловался господину папе, что из-за тайных козней короля не может выплатить обещанный им князю апостолов Петру ценз. Тогда же, отправив туда послов, он втайне выяснял, как был принят король в тех землях, и кого только мог пытался посредством их отвлечь от его милости»²². В 1014 и 1015 гг. Болеслав неоднократно вызывался Генрихом II для того, чтобы оправдаться в своих действиях, «но не пожелал к нему явиться, потребовав рассмотреть его дело перед лицом князей» (очевидно, надеясь на поддержку имперской аристократии). Вслед за тем «...названный князь, знаток тысячи хитростей, отправил к Ульриху, правителю Чехии, своего сына Мешко, чтобы, помня о взаимном родстве, заключить взаимный мир и сообщая противостоять всем врагам и особенно цезарю»²³. Однако раскол чешско-имперского блока не удался: князь Ольдржих посадил Мешко в тюрьму и перебил часть польской миссии; лишь после настойчивых просьб он согласился выдать своего пленника императору, с колебаниями выпустившего его на свободу. Это не предотвратило столкновения с Болеславом. 3 августа 1015 г., перейдя Одер, Генрих II разбил при Кроссене войска Мешко, который уже в октябре совершил вторжение в Мейсенскую марку. На следующий год война приняла оборонительный характер.

В январе 1017 г. в Альштедте по инициативе Болеслава было заключено перемирие, которое оказалось сорванным. После этого император «строго запретил каждому из нас отправлять послов к столь явному врагу, – пишет Титмар, – и, в свою очередь, принимать его послов. Было тщательно расследовано, кто имел до сих пор дерзость это сделать»²⁴. Тем не менее, польскому князю удалось склонить баварского герцога Генриха Люксембурга к переговорам, которые завершились безрезультатно. «Пока все это происходило, Мешко, сын Болеслава, вступив с 10 отрядами в Чехию, – которая из-за отсутствия ее князя оказала более слабое, чем обычно, сопротивление, – 2 дня ее грабил, после чего вернулся домой с огромным количеством пленных, доставив отцу огромную радость»²⁵. Вторжение Генриха II в Польшу, совершенное в середине июля, оказалось неудачным. Поляки вновь напали на Чехию, но на сей раз встретили отпор и в октябре возобновили мирные переговоры. «Вслед за тем, согласно приказу (императора), а также благодаря постоянным мольбам князя Болеслава, в городе Бауцене

30 января епископами Геро и Арнульфом, графами Германом и Дитрихом, а также имперским камерарием Фридрихом был клятвенно заключен мир, не так как следовало бы, но так, как тогда было возможно», – резюмирует Титмар.

Бауценский договор подвел черту под 15-летним противостоянием в Центральной Европе: по своему характеру он был компромиссным, позволив не утратить лица всем участникам конфликта. Согласно его условиям, Болеслав сохранил лужицкие и мейсенские земли (которые могли использоваться и как пограничный буфер между Польшей и Германией, и как плацдарм для экспансии в Поморье), а император – по крайней мере, видимость сюзеренитета над польским князем. Враждебное отношение к империи не помешало укреплению династических альянсов с имперской аристократией: переговоры в Бауцене завершились браком польского князя с Одой, дочерью маркграфа Эккхарда I Мейсенского (он упрочил права Болеслава на владения ее отца), который состоялся без церковной церемонии во время Великого поста и с точки зрения епископа Мерзебургского был незаконным²⁶.

Кризис, разразившийся в империи со смертью Генриха II в июле 1024 г., позволил Болеславу I укрепить свой международный авторитет, пойдя на беспрецедентный шаг: в 1025 г. он принял королевский титул. Коронация являлась логическим завершением польско-имперского противостояния, начавшегося в 1002 г. (правда, в польской средневековой историографии появление этого титула связывается скорее с событиями 1000, а не 1025 г.). Это решение вызвало негодование в империи. Как писал составитель Кведлинбургских анналов, «Болеслав, герцог Польский, получив известие о смерти императора, августа Генриха, возгордился душой, наполненной ядом, так, что даже возложил на себя корону, безрассудно сделавшись узурпатором. После этого для самонадеянной и дерзкой души его в скором времени последовала божья кара. Ибо, будучи приговоренным к страшной смерти, он внезапно умер. Потом сын его Мешко, родившийся старшим, подобным же высокомерием наполнившись, ядом напитался и далее его распространил»²⁷. Аналогично выразился автор *Gesta Chuonradi imperatoris* Випо, отметивший, что «...Болеслав, герцог поляков, королевские регалии и имя короля, в нарушение прав короля Конрада, себе присвоил и за эту опрометчивость вскоре был пожран смертью. Сын его Мешко, такой же мятежник, брата своего Оттона, так как король отчасти благоволил ему, в провинцию Русь изгнал»²⁸.

Титмар Мерзебургский упомянул в своей хронике трех сыновей Болеслава: Бесприма (рожденного от брака с венгеркой), Мешко и Оттона (матерью которых была некая Эмнильда)²⁹.

Кроме Титмара, Бесприма в начале 1030-х годов упоминают Хильдесхаймские анналы, а об Оттоне, как мы видели выше, говорит Випо. Информация Кведлинбургских анналов о старшинстве Мешко противоречит свидетельству Титмара, согласно которому Болеслав женился на Эмнильде после того, как прогнал венгерскую жену, мать Бесприма. Возможно, автор Кведлинбургских анналов (как и Випо) не знал о существовании Бесприма, так как, согласно «Житию св. Ромуальда» (написанному Петром Дамиани), сын «Бусклава, короля славян» был отдан в монастырь Монте-Кассино³⁰. Если после смерти Болеслава I, как пишет Випо, конфликт разгорелся между Мешко и Оттоном, надо полагать, что в Италии находился Бесприм. Поскольку Мешко (женатому на Рихезе, дочери пфальцграфа Рейнского) не принадлежало династическое старшинство, он, вероятно, стал преемником отца в результате десигнации³¹. Как бы то ни было, новый король попытался избавиться от возможных конкурентов в борьбе за власть. По словам Випо, «Мешко преследовал своего брата Оттона до тех пор, пока не изгнал его на Русь. Тогда как там он жил жалким образом, [пока не] начал просить милости у императора Конрада, добиваясь его помощи для своего возвращения на родину»³².

Насильственное утверждение единовластия имело прецеденты в роду Пястов: как пишет Титмар Мерзебургский, Болеслав I после смерти Мешко I изгнал из страны сводных братьев (сыновей Оды) и объединил государство, которое «между многими было разделено»³³, так что Мешко II всего лишь продолжил путь отца. Если Оттон действительно пользовался поддержкой империи, его изгнание могло послужить еще одной причиной обострения польско-имперских отношений, но так как император Конрад II первое время после своего избрания был занят умиротворением оппозиции в Германии и Италии, первый раунд борьбы за «польское наследство» был выигран Мешко II. Затем он попытался подчинить своей власти лютичей, которые в 1029 г. обратились за помощью к империи.

Военные действия (получившие подробное освещение в Хильдесхаймских и Саксонских анналах)³⁴, были открыты нападением поляков на Саксонию в 1028 г., за которым последовало немецкое вторжение на территорию Мейсенской марки и неудачная осада Бауцена (1029). В 1030 г., узнав о смерти Титмара, маркграфа Восточной марки, Мешко II повторил рейд в Саксонию, опираясь на содействие Зигфрида, сына маркграфа Ходо (которого еще при Генрихе II обвиняли в пособничестве полякам)³⁵. Конрад II в свою очередь воспользовался результатами династической коллизии в роду Пястов. Как рассказывает Випо, «...император сделал так,

решив, что сам он выступит вместе с множеством [воинов] с одной стороны, с другой же стороны на Мешко нападет его брат Оттон». Подобная договоренность вряд ли могла быть достигнута без санкции киевского князя Ярослава, при дворе которого находился изгнанник. В «Повести временных лет» под 1030 г. мы находим сообщение о взятии Бельза: военные действия не ограничились локальными операциями на границе; в 1031 г. Ярослав и его брат Мстислав не только заняли «грады червенския» (захваченные Болеславом I после похода на Киев в 1018 г.), но и «повоевала Лядскую землю»³⁶. Это обстоятельство заставляет исследователей говорить о координации русско-немецких действий против Польши³⁷.

Лишившись на востоке Галиции, на западе Мешко II в результате нового немецкого вторжения в 1031 г. был вынужден уступить Мейсен и Лужицы, пожалованные в 1013 г. его отцу Генрихом II. Через месяц после заключения мира, по утверждению Хильдесхеймских анналов, он внезапно подвергся нападению Бесприма и бежал в Чехию. Старый враг, князь Ольдржих, хотя и находился в тот момент в конфликте с империей, хотел выдать его Конраду II, но тот, по словам Випо, не стал покупать врага у врага. Новый правитель Польши отказался от великодержавных амбиций своего отца и брата. «Этот Бесприм императору корону вместе с другими регалиями, которые брат его незаконно присвоил, отослав, смиренно подчиниться через своих послов по доброй воле обещал». Польша была возвращена в русло имперской политики, однако в 1032 г. Бесприм был убит «не без интриг своих братьев»³⁸. Випо рассказывает то же самое в отношении Оттона, который сделался герцогом благодаря императору, но «спустя некоторое время по неосторожности одним из своей семьи тайно был убит», после чего Мешко стал добиваться благосклонности императрицы Гизелы и остальных князей, «чтобы снова удостоиться императорской милости»³⁹.

Судя по всему, составитель Хильдесхеймских анналов и биограф Конрада II описывали одни и те же события с одним и тем же действующим лицом⁴⁰. С одной стороны, можно предполагать, что в Польше одновременно появились Бесприм и Оттон (который позднее организовал убийство брата, вступив в сговор с Мешко II), – в пользу этого свидетельствует дальнейший рассказ Випо, согласно которому Конрад II разделил «Польскую провинцию» на три части и сделал Мешко тетрархом. С другой стороны, Хильдесхеймские анналы сообщают, что когда Мешко в июле 1032 г. посетил императора в Мерзебурге, забыв о претензиях на королевскую корону, Конрад II разделил государство между ним и его

двоюродным братом Дитрихом⁴¹. Таким образом, есть основания думать, что кто-то из сыновей Болеслава Храброго не участвовал в борьбе за «польское наследство»⁴². Как бы то ни было, мерзебургский раздел 1032 г. ослабил положение Польши и вновь поставил ее в зависимость от империи. Хотя Мешко II удалось восстановить целостность страны, все достижения Болеслава I были им утрачены, а после его смерти в 1034 г. разразился социально-политический кризис, поколебавший основы польской государственности.

Завершая очерк польско-имперских отношений, мы выделим в их развитии три этапа. Первый этап (вторая половина X – начало XI в.) можно охарактеризовать как партнерство, обусловленное общностью стратегических интересов (которое и с немецкой, и с польской стороны не было последовательным). На втором этапе (после 1002 г.) изменение политического курса империи, препятствовавшей присоединению мейсенских и лужицких земель, привело стороны от сотрудничества к конфронтации (которую можно разделить на несколько фаз). Формально завершением этого этапа является Бауценский мир 1018 г., удовлетворивший территориальные претензии Болеслава I. Поскольку польско-имперские противоречия не были окончательно разрешены, логическим их продолжением на третьем этапе стало принятие Болеславом I королевского титула (равносильное провозглашению независимости от империи), однако последовавшая борьба его сыновей за «польское наследство» привела к утрате территориальных приобретений, отказу от самопровозглашенного статуса и усилению имперского влияния.

Примечания

- 1 *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. М., 1975. С. 192; *Титмар Мерзебургский*. Хроника. В 8 кн. М., 2005. С. 29.
- 2 *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 32. Польские анналы относят эти события к 965–966 гг. (См.: *Annales Poloniae // MGH. Scriptories rerum Germanicarum in usum scholarum* (далее – MGH SRG). Hannover, 1866. Т. 11. P. 7, 15, 49).
- 3 *Королюк В.Д.* Древнепольское государство. М., 1957. С. 123–130; *Он же*. Западнoе славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 46–55, 61–72.
- 4 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 28.
- 5 *Annales Altahenses Maiores // MGH SRG T. 4*. Hannover, 1891. P. 11.
- 6 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 37.
- 7 *Lamberti Annalium // MGH SS T. 3*. P. 65.
- 8 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 67.

- 9 Там же. С. 47–48; *Annales Hildesheimenses et Quedlinburgenses* // MGH SS. Hannover, 1839. Т. 3. Р. 66–67.
- 10 *Annales Hildesheimenses*. Р. 67; *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 50. Вероятно, состоялся только один поход (*Королюк В.Д.* Западные славяне... С. 110).
- 11 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 50–52.
- 12 *Annales Hildesheimenses*. Р. 69. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2001. Т. 1. Стб. 122.
- 13 *Annales Hildesheimenses*. Р. 91.
- 14 *Галл Аноним*. Указ. соч. С. 33–34.
- 15 *Королюк В.Д.* Древнепольское государство. С. 133–136, 151–153; *Он же*. Западные славяне и Киевская Русь. С. 181–183.
- 16 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 79.
- 17 Там же. С. 81. В действительности, Гунцелин был зятем Болеслава I.
- 18 *Козьма Пражский*. Чешская хроника. М., 1962. С. 79–82.
- 19 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 86–87.
- 20 Там же. С. 94, 97–99.
- 21 Там же. С. 128. Как полагают некоторые исследователи на основании сообщения Титмара (*Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 162–163), польско-русский конфликт 1013 г. был спровоцирован арестом туровского князя Святополка, его жены (дочери Болеслава I) и ее духовника епископа Рейнберна (*Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 82–84; *Королюк В.Д.* Западные славяне... С. 216–234; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 34–36; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 151–154).
- 22 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 129.
- 23 Там же. С. 135, 137.
- 24 Там же. С. 154.
- 25 Там же. С. 157.
- 26 Там же. С. 165.
- 27 *Annales Quedlinburgenses*. Р. 90.
- 28 *Wiponus. Gesta Chuonradi II imperatoris* // MGH SRG Hannover, Leipzig, 1915. Р. 31–32. Одна часть исследователей отождествляет Бесприма с Оттоном (*Bresslau H.* Jahrbücher des deutschen Reichs unter Konrad II. Leipzig, 1884. Bd. 2. Р. 5–6; *Свердлов М.Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XII в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Киев, 1972. С. 156–158), другая разделяет представление о трех сыновьях Болеслава I (*Королюк В.Д.* Западные славяне... С. 271; *Головки А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 34–36 и др.).
- 29 *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 68, 165.
- 30 *Petri Damiani. Ex Vita Sancti Romualdi* // MGH SS. Т. 4. Hannover, 1841. Р. 850.
- 31 См.: *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньборат и попытки десигнации (типологические наблю-

- дения) // Из истории русской культуры. Т. 1. Кн. 1. М., 2000. С. 505, 513, примеч. 38.
- 32 *Wiponus. Gesta Chuonradi II.* P. 48.
- 33 *Титмар Мерзебургский.* Указ. соч. С. 68.
- 34 *Annales Hildesheimenses.* P. 97–98. *Annalista Saxo* // MGH SS. Т. 6. Hannover, 1844. P. 677–679.
- 35 *Annalista Saxo.* SP. 678; *Титмар Мерзебургский.* Указ. соч. С. 140.
- 36 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149–150.
- 37 См.: *Королюк В.Д.* Западные славяне... С. 274–275; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 36–38; *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* М., 2003. С. 342–345.
- 38 *Annales Hildesheimenses.* P. 98; *Annalista Saxo.* P. 678.
- 39 *Wiponus. Gesta Chuonradi II.* P. 48.
- 40 *Королюк В.Д.* Западные славяне... С. 276–277.
- 41 Как полагает А.В. Назаренко (*Западноевропейские источники.* С. 345), Дитрих был внуком Мешко I и Оды.
- 42 Вероятно, это был Бесприм, так как Оттона в 1018 г. упоминает Титмар Мерзебургский.

Н.И. Басовская

ДИАЛОГ КОРОЛЯ И СОСЛОВИЙ НА ЗАКАТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КАРЛ V МУДРЫЙ

Статья посвящена проблеме зарождения национального самосознания во Франции в эпоху позднего Средневековья. Одним из проявлений этого процесса стал нетрадиционный диалог королевской власти в лице короля Карла V с непривилегированными сословиями страны.

Ключевые слова: Франция, Столетняя война, Генеральные штаты, городское сословие, крестьянство.

Карл V (род. 1337, король 1364–1380 гг.) – правитель Франции с неслучайным прозвищем «Мудрый». Прозвище, данное ему народом Франции, отражает, как все подобные народные метафоры, нечто весьма существенное для понимания личности этого монарха. Он находился у власти в переходную эпоху, образно и точно названную Й. Хейзингой «осенью Средневековья». Как у всякой осени, у нее была «золотая пора» – время, когда внутренние кризисные явления в жизни общества неизвестны участникам событий, но... проявляются в их поведении.

В предшествующий период западноевропейской истории, который можно назвать веком рыцарства и рыцарственности, мудрость не являлась наиболее ценным качеством правителя, о чем и свидетельствуют тогдашние прозвища, например Ричард I Львиное Сердце или Людовик IX Святой. Выше всего ценился меч, разящий врагов, и особенно «неверных». А вот вторая половина «осеннего» XIV в. предложила альтернативную оценку королевских качеств в виде мудрости Карла V.

В ее основу, на мой взгляд, легло то, что современниками вовсе не осознавалось и не формировалось – а именно начавшийся при Карле V диалог короля и сословий, прежде всего горожан.

© Басовская Н.И., 2010

Известно, что в личности и поведении Карла V проявлялись весьма необычные для Средневековья свойства¹. Например, этот король не выходил на поле брани и турниры, передав высшие военные полномочия Бертрану Дюгеклену – безвестному рыцарю из Бретани. Практически незнатный человек (да еще из считавшейся полудикой Бретани) – на должности коннетабля, чаще всего занимаемой принцами крови, родственниками короля. Это казалось невозможным, но назначение состоялось, что представляет собой, на мой взгляд, некое «послание» высшей французской знати, сознание которой всецело определялось нормами классического Средневековья, когда понятие знатности ставилось несравненно выше любых деловых качеств. Неким существенным дополнением к этому косвенному «посланию» была хорошо известная «книжность» короля, который собрал лучшую для своего времени библиотеку (около 900 томов), тратил большие средства на приобретение старинных рукописей, проявляя совершенно нетипичные для высшего сословия этой эпохи качества.

Однако если его диалог с высшим сословием, носителем вековых традиций Средневековья, имел косвенный, скрытый в глубине поступков характер, то обращения короля к непривилегированным представителям тогдашнего французского общества были прямыми и открытыми. И это диалог с меняющимся временем и самим собой.

Представляется интересным рассмотреть логику движения Карла V к этому диалогу, важнейшему и показательному для эпохи «осени Средневековья».

Личная и политическая биография Карла V неотделима от истории первой половины Столетней войны. Он родился в 1337 г., т. е. в год объявления знаменитого западноевропейского политического конфликта в абсолютно средневековом контексте борьбы двух королевских домов – Плантагенетов и Валуа. Английский король Эдуард III объявил правившего в этот момент деда Карла V, Филиппа VI, узурпатором, а себя – законным правителем Франции. Отец Карла V Иоанн II Добрый (1350–1364) был вторым коронованным представителем рода Валуа на французском престоле². В его отчаянных усилиях, направленных на укрепление классических рыцарских ценностей (например, создание Ордена Звезды, основанного на явном подражании легендарному королю Артуру и рыцарям круглого стола), мне видится стремление усилить и украсить неуверенное положение первых Валуа. Опора Иоанна II на объективно уходящие в прошлое идеалы рыцарства должна была привести его деятельность к естественной неудаче, глубина которой оказалась в реальности подлинным крахом:

страшное военное поражение 1356 г. при Пуатье, английский плен короля Франции, катастрофический экономический и политический кризис во французском королевстве.

Выход из трагической ситуации, возникшей в стране после битвы при Пуатье, пришлось искать и находить Карлу V, сначала в статусе дофина-регента, а затем – французского короля.

Детство и юность дофина Карла закончились 19 сентября 1356 г. на поле сражения с войском наследника английского престола Эдуарда Черного Принца. Девятнадцатилетний Карл покинул поле боя по приказу отца Иоанна II, который как истинный рыцарь сам отступить не мог и оказался вместе с младшим сыном Филиппом в английском плену.

Жизненный опыт дофина к этому моменту некоторым образом мог подготовить его к успешным поискам выхода из абсолютно трагической ситуации, сложившейся во французском королевстве. Лишившийся матери в двенадцатилетнем возрасте и непригодный к участию в активной рыцарской деятельности отца (хилый, тщедушный мальчик)³, принц Карл обратился к чтению книг. Рубеж XIII–XIV вв. был отмечен в Западной Европе возрождающимся интересом к литературному наследию античности и появлением авторов, как бы соединявших в своем творчестве латинские мотивы и духовные ценности Средневековья⁴. Особое внимание дофина привлекало получившее известность во Франции сочинение Жана де Жуанвиля «История Людовика Святого», написанное в конце XIII в.⁵ Можно предположить, что юный дофин вглядывался в нарисованный автором портрет идеального государя с вниманием и пытливым интересом, свойственными людям-книжникам любой эпохи.

Отмечу также, что в свои девятнадцать лет будущий Карл V уже давно не был ребенком и даже незрелым юношей. И дело не только в том, что в эпоху Средневековья зрелость в принципе приходила к человеку раньше, чем в последующие времена. Дофина рано женили на его кузине Жанне де Бурбон. В год свадьбы (1350 г.) ему было тринадцать лет, а ко времени битвы при Пуатье у супругов появились первые из их будущих десяти детей.

Итак, после Пуатье Франция фактически потеряла армию, так как не подчиненные единому командованию (в отличие от войска английского короля) рыцарские отряды покинули поле боя, оставив на нем Иоанна II. Вновь призвать их на основе устаревшего средневекового вассалитета король не мог, так как находился в плену у англичан. Рыцарскому сословию Франции был, кроме того, нанесен очень серьезный моральный удар: твердо присвоив себе славу лучших воинов, они не только потерпели страшное пораже-

ние и понесли большие потери (не менее 2500 человек), но и подорвали свой авторитет во Франции. Статус рыцаря как представителя привилегированного сословия предполагал безусловное уважение к нему со стороны «престецов». После Пуатье очевидно что-то пошатнулось в этой важнейшей составляющей средневекового мироустройства. Хронисты сообщают о крайнем неуважении и даже презрении, проявленном горожанами по отношению к рыцарским отрядам, проходившим по французским городам и городкам после позорного поражения. Как плохих актеров в античном театре, горожане забрасывали их тухлыми овощами и фруктами⁶.

Какая-то часть французской знати открыто изменила своему королю, приняв сторону претендента на корону короля Наварры Карла по прозвищу Злой. Иоанн II еще до Пуатье приказал заточить его в знаменитый замок Шато-Гайяр как человека, опасного для престола. Теперь в обстановке политического кризиса его сторонники с оружием в руках выступили с требованием освобождения Карла Наваррского.

В этой обстановке будущий Карл V в статусе дофина созвал Генеральные штаты в очевидной надежде привычно затребовать дополнительных субсидий для выкупа короля. В ответ Штаты выдвинули определенные условия, которые известны из текста знаменитого «Великого мартовского ордонанса», подписанного дофином 3 марта 1357 г. Документ, реально ограничивавший королевскую власть во Франции и содержавший по существу, план серьезных преобразований системы суда и управления, не был результатом диалога между королевской властью в лице дофина Карла и сословиями, прежде всего горожанами. Это вовсе не тот диалог, о котором было сказано в начале статьи, «тот диалог» еще должен родиться и знаменовать собой начало принципиальных изменений во взаимоотношениях королевской власти и непривилегированных сословий.

А пока это был результат прямого давления на дофина Карла, оказанного оппозицией горожан во главе с купеческим старшиной Парижа Этьеном Марселем. Реакция будущего Карла V Мудрого на попытки ограничить королевскую власть была вполне традиционно королевской. Представители городской оппозиции были для него обыкновенными бунтовщиками, пытавшимися подорвать многовековые устои бытия.

Через несколько месяцев, летом 1357 г., дофин попытался отменить Ордонанс⁷. Это ускорило начало Парижского восстания под руководством Этьена Марселя⁸. А 22 февраля 1358 г. восставшие парижане дали дофину урок насилия в несостоявшемся диалоге с сословиями: два маршала дофина были убиты восставшими

на глазах бессильного и безвластного на тот момент правителя непосредственно в его дворце. Какой здесь возможен диалог? 14 марта 1358 г. дофин Карл принял титул регента, а 25 марта бежал из Парижа.

В мае 1358 г. начался страшный бунт крестьян на северо-востоке Франции, известный под названием Жакерии. С ноября 1357 г. бежавший из заточения Карл Злой развернул борьбу против дофина на юго-западе. В Париже до июля 1358 г. продолжили бунтовать горожане во главе с Этьеном Марселем.

Было бы странно, если бы англичане не воспользовались такой благоприятной обстановкой для попытки добиться окончательного успеха во Франции. Лето 1358 – осень 1359 г. стали временем особенно масштабных опустошений во Франции. Англичане в союзе с наваррцами разграбили и обескровили Нормандию, Пикардию, Бретань, опустошили территории вокруг Парижа, прошли грабительскими рейдами по французскому юго-западу.

В этой поистине трагической ситуации началось то, что можно назвать сопротивлением населения Франции и даже началом освободительного движения, апогеем которого примерно спустя полстолетия станет появление исторической фигуры Жанны д'Арк. Мне уже доводилось анализировать эту сторону истории Столетней войны, выделять и оценивать этапы освободительного движения, состав его участников и т. п.⁹ Однако в контексте данной статьи хотелось бы подчеркнуть тот факт, что у истоков массового сопротивления завоевателям-англичанам стоял дофин Карл, ставший в 1364 г. французским королем.

Выше было показано, что его попытки диалога с Генеральными штатами и городской верхушкой Парижа в лице Этьена Марселя окончились полной и вполне естественной неудачей. И все же нашлось нечто общее, что сблизило позиции Карла и большей части его подданных. Интуитивно, а скорее просто от полного отчаяния дофин начал обращаться к своим подданным с призывами оказать сопротивление захватчикам. В том самом 1358 г., когда он бежал из бунтующего Парижа, Карл подписал воззвание «ко всем добрым городам» Пикардии и Вермандуа за помощью «для сопротивления наваррцам, которые опустошают французское королевство». Известный хронист Ж. Фруассар сообщает, что «добрые города были рады сделать это»¹⁰. Итак, в Париже бунт, а некие «добрые города» – на стороне дофина. Причину этого понять не так уж сложно: во Франции растет сила сопротивления захватчикам, начинающаяся с элементарной самообороны. При этом люди знают, что дофин отверг Лондонский договор, подписанный пленником-королем Иоанном II, согласно которому под английскую

власть должны были отойти огромные территории во Франции. И это объективно сближает их позиции.

Поразительным представляется то, что дофином Карлом в скором времени были «замечены» даже французские крестьяне. С одной стороны, какая-то их часть приняла участие в Жакерии – темном кровавом бунте, где восставшие были готовы истребить всех дворян, но не отказались при этом от знамени с королевским гербом. С другой – они же, крестьяне, начали создавать отряды самообороны, обращаясь к дофину за разрешением использовать крепости или заброшенные обители в качестве базы для их партизанских действий¹¹. Создается впечатление, что дофин Карл наконец «услышал» обращенный к нему призыв анонимного автора знаменитой «Жалобной песни о битве при Пуатье». В этом произведении, которые мы сегодня могли бы определить как художественно-публицистическое, содержался призыв к юному дофину «повести за собой на войну Жака-Простака – уж он не бросится бежать ради сохранения своей жизни»¹².

Отмечу, что неизвестный автор совсем не обязательно имел в виду под прозвищем Жак-Простак только французских крестьян. В хрониках XIV в. есть сведения о том, что этой презрительной формулой французские дворяне и завоеватели-англичане определяли не только крестьян, но и горожан¹³. Факты из истории крепнущего сопротивления свидетельствуют о том, что оно сближало сословия в общем противостоянии захватчикам. Так, в 1360 г. в Нормандии, по сообщению анонимного автора «Хроники первых четырех Валуа», нормандские рыцари действовали против захватчиков совместно с городским ополчением из Руана и крестьянами окрестных деревень. При осаде захваченного англичанами города Бутанкура крестьяне обеспечили воинам проход в город, соорудив настил над рвом, который они завалили деревьями¹⁴.

Некий элемент сближения со своими подданными на основе противостояния врагам королевства был, по всей видимости, интуитивно найден дофином Карлом в совершенно безвыходной ситуации конца 1350-х годов. Обретя после смерти Иоанна II всю полноту власти, Карл V не отступил от этой позиции, продолжая исполнять роль вдохновителя массового сопротивления завоевателям. Это в середине – конце 60-х гг. отразили официальные распоряжения и обращения к подданным, подписанные молодым королем¹⁵ (Карл получил корону в возрасте 26 лет). В документах, связанных с войной, Карл V неизменно подчеркивал ее тяготы для населения Франции. Так, назначая в 1364 г. Бертраана Дюгеклена на его первый крупный военный пост («капитан-генерал Нормандии») король отметил, что его главная задача – борьба

с наваррцами, которые «вторглись в герцогство Нормандию и причинили большой ущерб нашим подданным»¹⁶. Замечу, король говорит не о притязаниях Карла Злого на французскую корону (т. е. на его трон, который он только что получил). Он говорит о чем-то более существенном для своих страдающих от войны подданных. Хронист Жан де Венетт чутко отразил это в своем произведении, написав по поводу назначения Дюгеклена: «Бертран ... обещал королю Франции изгнать силой оружия всех врагов королевства, грабителей и воров»¹⁷.

Подлинным завершением поиска диалога с сословиями, на мой взгляд, можно считать лозунги, под которыми Карл V официально возобновил войну против Эдуарда III в 1369 г. В своем обращении к жителям Франции он писал не о притязаниях английского короля на французскую корону, хотя очевидно, что для него это было очень важно. На пути обретения той мудрости, которую народ отразит в прозвище короля, Карл V апеллировал к гораздо более близким для населения страны мыслям и чувствам: «Да будет всем известно, что Эдуард Английский и его старший сын Эдуард принц Уэльсский начали против нас и наших подданных открытую войну, они грабят и жгут наши земли и причиняют всякое зло и потому являются нашими врагами»¹⁸.

В такой «редакции» Карла V война, которую в начале XIV в. назовут Столетней, перестала быть исключительно делом королей. Здесь – истоки изменения ее характера во времена Жанны д'Арк и Карла VII Победителя. Начавшийся диалог феодального монарха с сословиями отразил истоки того, что много позже назовут патриотизмом и зарождением национального самосознания.

Это – одно из проявлений «осени Средневековья», едва ли осознанное современниками, но замечаемое глазами историков.

Примечания

- ¹ Существующая биографическая литература, посвященная Карлу V, не очень-то обширна. Основные качества этого короля наиболее подробно рассмотрены Франсуазой Отран: *Autrand F. Charles V. P.: Fayard, 1994.*
- ² *Bordonove T. Jean le Bon et son temps 1319–1364. P.: Ramsey, 1980.*
- ³ Ф. Отран подробно излагает представленные во французской историографии дискуссии вокруг диагноза болезненного дофина Карла (*Autrand F. Op. Cit. P. 471–472*).
- ⁴ Кретьен де Труа переведил Овидия и активно использовал в своем творчестве комплекс легенд о короле Артуре и рыцарях круглого стола: *Les Romans de Chretien de Troyes. T. 1–4. P., 1953–1963.*

Диалог короля и сословий на закате Средневековья: Карл V Мудрый

- 5 *Calmette J.* Charles V. P., 1947. P. 92.
- 6 *Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393).* P., 1862. P. 46.
- 7 *Le Febvre J. E.* Marcel ou le Paris des marchands au XIV siècle. P., 1926. P. 131.
- 8 *Avout J. d'.* Le meurtre d'E. Marcel, 31 juillet 1358. P., 1960.
- 9 *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. М., 1987. № 1.
- 10 *Froissart J.* Chronicles of England, France, Spain / Tr. D. Bouchier lord Berners. L., 1812. V. 1. P. 223.
- 11 Об этих фактах красочно повествует хронист Жан де Венетт, труд которого пронизан симпатией к простым людям Франции: *The Chronicle of Jean de Venette* / Ed. R.A. Newhall. N. Y., 1953. P. 80, 86, 88, 90–93.
- 12 Цит. по: *Mirepoix L.* La guerre de Centans. P., 1973. P. 367.
- 13 *Chronique de quatre premiers Valois...* P. 64.
- 14 *Ibid.* P. 102.
- 15 *Mandements et actes divers de Charles V (1364–1380).* P., 1874.
- 16 *Ibid.* P. 67.
- 17 *The Chronicle of Jean de Venette.* P. 124.
- 18 *Mandements...* P. 269.

В.А. Бароне

ЖЕНЩИНЫ НОРМАНДИИ В СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

В XIV–XV вв. в Европе разразился крупнейший военно-политический конфликт между Англией и Францией – Столетняя война (1337–1453). Одним из ее порождений было освободительное движение французов. С особой силой оно развернулось в первой половине XV в. после завоевания Нормандии Генрихом V Ланкастером.

Активное участие в борьбе с англичанами приняли французские женщины. Они включились в нее сразу же и не прекращали потом сражаться до конца войны. Женщины были участницами и нередко организаторами антианглийских заговоров в городах Нормандии. Они входили в состав многочисленных партизанских отрядов, наводнивших в это время герцогство, а также выступали в роли шпионок, курьерш и агентов противоположной стороны.

Ключевые слова: Средние века, Англия, Франция, герцогство Нормандия, Столетняя война, освободительное движение, партизаны.

Во все времена война считалась сугубо мужским занятием и главной мужской обязанностью. Средневековый западноевропейский мир не был в этом смысле исключением и представлял собой общество с ярко выраженной мужской доминантой, прежде всего в военной сфере. Подавляющее большинство средневековых войн велось от имени официальных властей – князя, короля или императора, и только такие войны, которые были объявлены и велись по приказу и под эгидой самого государя, государя законного и легитимного, могли называться «справедливыми». В них участвовали определенные категории населения – только те, кто считал себя или признавался в обществе принадлежащими к военному сословию. По-латыни таких людей обычно именовали *bellatores, pugnatores, agonistae* и *milites*, т. е. воинами.

© Бароне В.А., 2010

В период раннего Средневековья понятие воинской службы было неотделимо от понятия собственности. У древних германцев оно было неразрывно связано с понятием «аллода» – неотчуждаемой, родовой земли, которая носит наследственный характер и не может быть отнята по той причине, что она была добыта в боях, а значит, оплачена кровью. Поэтому воином у древних германцев был лишь тот, кто владел аллодом: в этом случае он автоматически включался в сотню или тысячу собираемых с округа солдат. Соответственно, и все права на наследование такой земли принадлежали исключительно тем, кто являлся воином. Все остальные, «невоюющие», категории населения, а это в первую очередь женщины, были их лишены. Невозможность для женщины наследовать аллод и, следовательно, быть или, точнее, стать воином, была чуть позже зафиксирована в специальной статье «Салической правды», сборнике правовых обычаев и традиций салических франков, который был записан, как полагают, в начале VI в. при Хлодвиге. Эта статья, которая так и была названа – «De allode», гласила: «В отношении же Салической земли пусть никакая часть наследства не переходит к женщине, но пусть все земельное наследство достанется особе мужского пола»¹.

Связь воинской службы с землей нашла свое отражение и в феодальной организации периода развитого Средневековья, где все военные обязательства и вся ответственность мужчин были органично связаны с количеством, значимостью и доходностью их фьефов. А сама война считалась «делом рыцарей и королей».

Таким образом, женщины в средневековой Европе с самого начала оказались отстранены от участия в воинской службе. Их главной социальной функцией признавалась функция деторождения. Правда, помимо нее женщины играли немаловажную роль и в экономической жизни того времени. В классе крестьян в работе эта роль была почти тождественной, если не равной, мужчине. Когда Гельмбрехт, пишет Ле Гофф, пытается убедить свою сестру Готлиндю бежать из дома отца-крестьянина, чтобы выйти замуж за «вора», с которым она заживет как госпожа, он говорит ей: «Если ты выйдешь за крестьянина, то не будет женщины несчастнее тебя. Тебе надо будет прясть, трепать лен, сучить нить и дергать свеклу»². Часто женщины брали на себя и значительную часть хозяйственных обязанностей, в которые входила не только их традиционная работа по дому. Нередко они помогали своим мужьям или отцам в ремесле: в то время как мужчины были сосредоточены на производстве, их жены и дочери занимались сбытом товаров. А бывало, что после смерти мужа вдова могла возглавить даже цех или торговую гильдию своего супруга. Занятия женщин высшего

класса были хотя и более «благородными», но не менее важными. Они стояли во главе гинекеев, где изготовление предметов роскоши – дорогих тканей и вышивок – обеспечивало большую часть потребностей сеньора и его людей в одежде. В связи с этим не случайно, что не только в разговорном, но и в юридическом языке той эпохи представителей двух полов именовали не иначе, как «люди меча» и «люди прялки»³.

Разумеется, на практике от такой модели общественного устройства часто отступали. Одним из таких «отступлений» было присутствие женщин в армии и их участие в войне. Женщины, естественно, сопровождали войска в качестве служанок, поварих, кухарок и прачек, которых брал с собой в поход каждый более или менее крупный феодал. Были среди них и «дурные женщины» – маркитантки и проститутки. Но вполне нормально, пишет французский исследователь Ф. Контамин, воспринимались тогда и вооруженные дамы, «баронессы», тем более что многие феодальные кутюмы формально предоставляли женщинам право наследования фьефов.

Если говорить о том, в чем именно выражалось их участие в войне, то в основном, надо заметить, это было участие в войне оборонительной. Случаев, когда женщина с оружием в руках бок о бок сражалась с мужчинами, крайне мало. Это единичные примеры и, скорее, исключение из исключений, нежели обычная для того времени практика. Чаще всего роль женщины в военных операциях сводилась к тому, что в качестве помощницы и обслуживающего персонала она выполняла в лагере все вспомогательные обязанности, например подавала амуницию и припасы обороняющимся. В отсутствие мужа и сыновей женщина могла также возглавить оборону замка, если ему угрожала опасность. В этом случае именно она, как показывают источники, мобилизовала горожан на защиту крепостного вала и распределяла защиту города, наблюдая за врагом с его стен. Именно она отдавала приказы прислуге вычищать зубцы стен и амбразуру после каждого штурма крепости и помогала солдатам гарнизона отталкивать вражеские лестницы от стен замка и лить на головы врагов раскаленное масло или смолу. Если женщина была единственной наследницей своего отца, то из-за преклонного возраста или болезни последнего она могла участвовать в поединках и лично биться на копьях с его недоброжелателями и противниками за честь и достоинство своего родителя. Таким образом, женщина играла весьма заметную роль в военном деле эпохи развитого и позднего Средневековья. Однако случаев ее прямого участия в наступательных операциях того времени в документах зафиксировано мало⁴.

По свидетельству источников, роль женщины в боевых действиях усиливается в годы Столетней войны. Эта война стала крупнейшим в истории феодальной Европы военно-политическим конфликтом. Начавшись в 1337 г., она с перерывами длилась более века, до 1453 г. Главными ее участницами были Англия и Франция, но через систему союзнических связей в этот конфликт оказались втянутыми почти все западноевропейские государства того времени.

Для Франции Столетняя война была особенно тяжелой. Критическая ситуация, в которой тогда оказалось королевство, еще более усложнилась в начале XV столетия, когда в виду душевной болезни Карла VI между представителями Бургундского и Орлеанского домов началась борьба за власть. К этим внутренним усобицам добавилось возобновление английским королем Генрихом V Ланкастером полномасштабных военных действий против Франции. В августе 1415 г. его войска высадились в Нормандии, завоевали крепость Арфлер, 25 октября разбили французов в битве при Азенкуре, после чего вернулись обратно в Англию. В 1417 г. состоялось второе английское вторжение на континент, в ходе которого была завоевана Нормандия. В герцогстве установилось постоянное английское господство, и Генрих V смог беспрепятственно диктовать свои условия французской стороне. 21 мая 1420 г. в Труа между ним и Карлом VI был подписан договор, согласно которому Англия и Франция объявлялись соединенным королевством, а ребенок, родившийся от брака Генриха с французской принцессой Екатериной, признавался королем «двойной монархии» после смерти обоих правителей. Гражданская война закончилась здесь лишь в 1435 г., а «двойная монархия» и английское присутствие на континенте просуществовали до конца 40-х годов XV в.

Несмотря на массу внутренних и внешних проблем, переживаемых Францией в данный период, ей, тем не менее, удалось сохранить свое территориальное единство и отстоять свою политическую целостность. Именно кризис, в котором она тогда оказалась, повлек за собой напряжение всех общественных сил страны, потребовав от них решительного выбора своей позиции и осознания причастности каждого к судьбе государства. Все это нашло отражение в освободительном движении французов против захватчиков-англичан, которое с особой силой развернулось на севере королевства после завоевания Нормандии в начале XV в. Самое активное и непосредственное участие в этом движении с первых же его дней приняли французские женщины.

В историографии участие женщин в Столетней войне рассматривалось, как правило, на примере Жанны д'Арк. В передаче

зарубежных историков эта героиня прежде всего выступала как выразительница интересов нации. Но в силу того что события, связанные с ее именем, представляли для исследователей интерес в первую очередь как самостоятельный эпизод в истории средневековой Франции, Жанна д'Арк в их трудах, по замечанию Н.И. Басовской⁵, оказалась оторванной от широкого антианглийского движения этого времени⁶. Некоторые, по преимуществу английские, авторы вообще не связывали феномен Девы с освободительной войной и рассматривали ее исключительно как явление религиозной жизни, поэтому расправа англичан с Жанной превращалась для них в обычную для Средневековья борьбу за чистоту религиозного учения⁷.

Что касается отечественной исторической науки, то образ Жанны д'Арк многие отечественные исследователи связывали с установившейся во Франции атмосферой патриотического подъема «народных масс», которая вылилась в освободительную войну против «английских захватчиков». Не иначе как защитницей народа и спасительницей Франции называл Жанну д'Арк Н.Н. Розенталь. Она была для него символом патриотизма французов – горожан и крестьян в первую очередь, которым историк приписал основную заслугу побед над англичанами. Жанна была признанным вождем и лидером их движения, что, по мнению Розенталя, стало решающим фактором на пути Франции к окончательной победе⁸. Воплощением глубоко патриотического подвига французского народа была Жанна д'Арк для А.П. Левандовского. В его работах она представлена как юная, простая девушка с добрым сердцем и железной волей – идеальная национальная героиня, которая сплела родину, но была предана врагами⁹. Особое значение в борьбе французских партизан с англичанами отвела Жанне д'Арк А.Д. Люблинская. Именно с ее деятельностью автор связала решительный перелом в Столетней войне в пользу Франции¹⁰. Благодаря исследованиям В.И. Райцеса впервые в отечественной историографии в центре внимания оказался процесс над Жанной д'Арк. Одним из важнейших объективных результатов ее деятельности Райцес назвал то, что она знаменовала собой важный этап в развитии национального самосознания французов, в частности способствовала кристаллизации патриотических и национальных чувств, включая чувство национальной гордости¹¹. Принципиально иной взгляд на роль Жанны д'Арк в событиях Столетней войны был высказан в работах Н.И. Басовской¹². Жанна была народной героиней, пишет Басовская, но была ею в массовом сознании и главным образом потому, что происходила из крестьянской, т. е. народной, среды. Но она не лидер партизанского движения, она военачальник

Карла VII и главнокомандующий прежде всего. На примере осады Орлеана и взятия Парижа Басовская показала, что Жанна проявила себя как значительный полководец. И в этом отношении ее позиция оказалась близка ко взглядам Райцеса, который писал, что, дав Жанне право иметь личное знамя, дофин приравнял ее к так называемым знаменным рыцарям, командовавшим отрядами своих людей¹³.

Несмотря на такое обилие работ о Жанне д'Арк, помимо них на сегодняшний день не существует других специализированных исследований, посвященных проблеме участия женщин в событиях Столетней войны. Отсюда цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на примере Нормандии более подробно и углубленно исследовать вопрос их участия в этом процессе. В качестве главного источника мы использовали «письма помилования», которые английское правительство Нормандии выдавало жителям герцогства, обвиненным в пособничестве французам, и их сторонникам¹⁴. «Письма помилования» содержат богатый документальный материал по истории Нормандии в рассматриваемый период и являются основным источником по различным вопросам освободительного движения, очерченного границами этого герцогства, в первой половине XV столетия.

* * *

Итак, в августе 1417 г. Генрих V Ланкастер во главе своей 10-тысячной и хорошо вооруженной армии высадился в устье р. Сены и буквально за два года покорил Нормандию. Многие жители герцогства, в числе которых было немало знатных дам, категорически отказались приносить ему клятву верности, или оммаж. Учитывая данное обстоятельство, Генрих был вынужден перейти к принятию репрессивных мер против всех непокорных. 9 февраля 1419 г. он издал декрет, согласно которому имущество и земли сторонников профранцузской ориентации подлежали конфискации в пользу английской короны¹⁵. Исполнение решений этого декрета стало проводиться сразу же и коснулось каждого, в том числе женщин. Так, известно, что 7 марта 1420 г. в день своей свадьбы с Жанной Брюн и де Брамкот Николас Бердет, капитан Авранша, получил от Генриха V сеньорию Тейель, конфискованную у Катерины д'Аркур и ее мужа Жоффруа д'Уасси, мятежного французского экюйе¹⁶. В июне 1423 г. Генрих VI передал наместнику виконта Байё Томасу ле Бурку «все земли, цензы, ренты, доходы, наследственные владения и держания, которыми Жанна де Кюйи, вдова Гийома д'Октевиля, и Жан де Вильер располагали в бальяже Кана, в виконтстве Байё и окрестностях, со всеми

принадлежностями... домом... двором, садами и арендами ... общей стоимостью 72 турских ливра (далее – т. л.) годового дохода»¹⁷. 12 апреля 1427 г., сообщают источники, Гийом де ла Поль, граф Саффолк и де Дрё, получил от Генриха VI «замок, землю и сеньорию Шантелу вместе с землей и сеньорией Креанс со всеми принадлежностями, расположенные в бальяже Контантен, стоимостью 500 т. л. годового дохода по состоянию на 1410 г., которые раньше принадлежали Жанне Пенель»¹⁸, жене Луи д'Эстутвилля, капитана Мон-Сен-Мишеля.

Документы свидетельствуют, что конфискации в пользу короля Англии подверглось имущество и земли не только тех нормандцев, которые сразу отказались приносить ему клятву верности, но также тех, кто разорвал уже ранее принятые на себя вассальные обязательства, поскольку и первые, и вторые квалифицировались англичанами как «мятежники и непокорные». Так, имущество Жанны Пенель было изъято и передано графу Саффолку «из-за неподчинения и непокорности» как самой Жанны, так и ее мужа Луи д'Эстутвилля¹⁹. А упомянутому выше Томасу ле Бурку земельные и иные владения четырех жителей Байё, в том числе Жанны де Кюйи, были переданы на том основании, «что названная вдова, а также де Кюйи, де Вильер и дю Боск являются отсутствующими в нашей сеньории и сделались мятежниками и непокорными»²⁰.

Конфискованные у французов земли могли передаваться англичанам пожизненно²¹ или, как в случае с Томасом ле Бурком, «в полную и постоянную наследственную по линии прямых потомков мужского рода собственность» на условиях выполнения новыми держателями определенных обязательств и выплат ленных поборов, следуемых королю как суверену²². При отсутствии наследников мужского пола земли возвращались короне для последующей передачи в дар новым собственникам. В результате значительная часть территории Нормандии сосредоточилась в руках англичан и присоединившихся к ним французов.

Такая политика, как и само присутствие англичан на континенте, вызывала явное недовольство местных жителей, которое буквально с первых же дней появления Генриха V и его солдат во Франции вылилось в освободительное движение против иноземных захватчиков. Первыми в борьбу против англичан включились города Нормандии. При этом активное сопротивление английскому завоеванию герцогства оказывали не только солдаты французских гарнизонов, размещенных в этих городах, но и местные жители, в том числе женщины. Зачастую они принимали весьма энергичное участие в обороне замков и крепостей. А многие

из них даже участвовали в массовых антианглийских заговорах, которые буквально каждый год вспыхивали то здесь, то там на занятых англичанами территориях, и в первую очередь в Нормандии.

Один из таких заговоров созрел уже в 1418 г. в г. Лувьере практически сразу после того, как он был захвачен англичанами. К Гийому де Мону, местному суконщику, который принес клятву верности англичанам, пришла некая дама. Она сообщила ему, что люди герцога Бургундского, находящегося в тот момент в Верноне, «вернутся и охотно отвоюют этот город» у Генриха V²³. Другому жителю Лувьера, Жану Валуа, эта дама передала письма, в которых был изложен проект бургундцев по освобождению города от англичан. Заговор этот тогда провалился: Валуа был обезглавлен, а де Мон по обвинению в том, что не сообщил о планах неприятеля английским властям, арестован и посажен в тюрьму. Однако Лувьер недолго оставался в руках англичан. По сообщению Нормандской хроники Пьера Кошона, уже в декабре 1419 г. французы взяли этот город штурмом и захватили там много пленников²⁴.

В мае 1420 г. между Англией и Францией был подписан договор в Труа, наметивший создание двуединой англо-французской монархии под эгидой династии Ланкастеров. Несмотря на то что по условиям этого соглашения все города королевства, продолжавшие тем не менее сопротивляться англичанам, были объявлены «восставшими против регента и наследника французской короны (Генриха V. – В. Б.)», борьба их жителей с англичанами не прекратилась. В числе «восставших» были и женщины. Так, в 1421 г. в местечке Шантийи виконтом де Бретей был организован заговор против английских союзников – бургиньонов. Виконту не удалось полностью осуществить свой тайный замысел: он был раскрыт англичанами, а сам Бретей погиб, защищая крепость. Его вдова, не в силах выдерживать осаду, вынуждена была сдаться на милость победителей вместе с «семью наездниками, одним капелланом, двадцатью слугами обоего пола и двумя знатными вдовами, пришедшими сюда со своими детьми». В 1422 г. был раскрыт антианглийский заговор в столице королевства, г. Париже. В нем оказалась замешана жена оружейника Карла VI. Заговорщики наладили контакты с армией дофина, но очень быстро были обнаружены: некий, по сообщению источника, французский священник выдал все их планы англичанам. Те схватили возвращающуюся от арманьяков жену мастера, арестовали ее и подвергли настолько тяжелым пыткам, что женщина во всем созналась²⁵.

После военных успехов Жанны д'Арк борьба нормандских городов против англичан еще более усилилась. Не последнюю роль в этих событиях опять сыграли женщины. Источники сообщают

о заговоре против англичан, который был составлен в начале 1429 г. в г. Вернейе. Показательно, что его организаторами, а уже не просто участницами, как в случае с Лувьером, стали именно две местные жительницы – Жанна де л'Эпин и Жанна де ла Мар. Согласно «письму помилования» от 17 января того же года, они решили освободить из городской тюрьмы нескольких французских пленников²⁶. Сначала женщины просто, сообщается в тексте, «разговаривали между собой о многих вещах, касающихся дела этих пленников ... и помимо всего прочего они разговаривали о некоем человеке по имени Куантеро, который был пленником в тюрьме этого замка» и которого, что характерно, Жанна де л'Эпин хотела освободить «ради любви и близости, которую она испытывала к нему потому, что оба они, и он и она, происходили из одной земли и с детства воспитывались вместе»²⁷.

На следующий день или «вскоре после этого» разговора, говорится в тексте, к Жанне де л'Эпин пришла Аньез, жена некоего Прево, которая передала ей, что Жанна де ла Мар согласна с тем, о чем они условились накануне, и если Жанна де л'Эпин сможет прийти к ней домой, они еще раз все подробно обсудят. Жанна де л'Эпин ответила, что, вероятно, прийти не сможет, поскольку ее муж, который в тот момент находился на службе у регента Франции Джона Бедфорда, запретил ей перед своим отъездом каким-либо образом помогать и способствовать освобождению французских пленников. (Данное обстоятельство может указывать только на то, что Жанна не один раз уже до этого пыталась добиться освобождения французов Вернейе, используя положение своего мужа и его близость к английским властям, в связи с чем он, видимо, и рекомендовал ей ничего не предпринимать в свое отсутствие.) Женщины встретились во второй раз, когда Жанна де ла Мар пришла к ней сама. Именно на этой встрече они и выработали план по спасению заключенных.

Этот план состоял в следующем. Женщины договорились с «неким человеком по имени Мартен дю Бос и другим по имени Фрисо, ... нашими (короля Англии Генриха VI. – В. Б.) непокорными и противниками, о том, чтобы однажды ночью они пришли к потайному входу в этот замок в сопровождении 50–60 людей, фактически наших (англичан. – В. Б.) противников»²⁸. Поравнявшись со входом в замок, они должны были зазвенеть кандалами, в которые, по замыслу Жанны де ла Мар, должны были быть закованы, чтобы она могла сказать Томасу Престу, портье и смотрителю тюрьмы в Вернейе, что его пленники сбежали. Он откроет двери потайного входа в крепость, и тогда Жанна де ла Мар, а также Маса Друе, прислужник Томаса, который согласился ей помочь,

отдадут ключи настоящим пленникам. Таким образом, они будут освобождены, а сам Томас заключен в тюрьму, «если они захотят его взять»²⁹.

К настоящему заговору была привлечена еще одна женщина, жена некоего Жана Трено, проживающего неподалеку, в Шатонейф-ан-Тимре. Именно она должна была сообщить дю Босу и Фрисо, чтобы они собирали предусмотренное количество людей. С точки зрения Жанны де ла Мар, она была для этого наиболее подходящей кандидатурой, поскольку упомянутым дю Босу и Фрисо приходилась кумой³⁰.

Узнав о готовящемся побеге французов, Джон Фастольф, капитан Вернейя, приказал своим солдатам задержать людей дю Боса и Фрисо, а наместник Фастольфа в городе отобрал у Томаса Преста ключи от всех тюремных камер. Когда Жанна де ла Мар узнала, что их план находится на грани провала, она придумала и через Маре Друе сообщила Жанне де л'Эпин новый способ по освобождению заключенных, однако и тот не удался. В итоге Жанна де ла Мар «как главная зачинщица и виновная в этом случае» была казнена «за свои проступки», а Жанна де л'Эпин, видимо, из уважения к ее мужу приговорена к тюремному заключению в Вернейе³¹.

Таким образом, женщины в лице, по крайней мере, некоторых своих представительниц включились в борьбу против англичан буквально с первых же дней их появления на континенте. Исторические факты говорят о том, что они принадлежали как к низшим, так и высшим социальным прослойкам, что может свидетельствовать в пользу широкой социальной базы этого гендерного явления. Форму и степень участия французских женщин в войне в значительной мере, как показывает пример с двумя жительницами Вернейя, определил зарождающийся в обществе патриотизм. В своем желании освободить французских пленников города они ориентировались уже не столько на короля или дофина, сколько на Францию, поскольку решили сделать это «ради любви и близости», которую испытывали к заключенным, так как «происходили из *одной земли* (курсив мой. – В. Б.) и с детства воспитывались вместе»³².

Особым явлением в истории французского освободительного движения первой половины XV в. была борьба так называемых бригад против англичан и их союзников, в которой приняли участие и женщины. Несмотря на то что понятие «бригады» появилось во Франции задолго до английского завоевания северных провинций королевства³³, именно в рассматриваемое время феномен бригадажа приобрел принципиально новые черты. Если до этого под бригадами понимали в первую очередь тех, кто жил грабежом (в основном это были доведенные до отчаяния зло-

употреблениями солдат и тяготами войны обедневшие и разорившиеся крестьяне³⁴), то в первой половине XV столетия этим термином стали обозначать и политических противников английской власти в Нормандии. Так, феномен бригандажа во Франции оказался связан в это время с зарождением новой политической реальности – партизанского движения.

Капитану своего отряда бриганды приносили клятву «достойно и верно служить ему и ... всеми своими силами вредить и обременять англичан и других наших (Генриха VI. – В. Б.) подданных»³⁵. Они активно сотрудничали с французскими солдатами на протяжении всего периода иностранного господства в Нормандии³⁶. Многие бриганды сами являлись бывшими или даже настоящими членами различных французских гарнизонов³⁷. В некоторых источниках они называются арманьяками – обстоятельство, являющееся прямым указанием на их политическую ориентацию и принадлежность³⁸. Как правило, такие «предатели», «враги и противники» английского монарха подвергались казни через обезглавливание³⁹. (Бригандов, которые никогда не приносили оммаж королю Англии, а значит, никогда его не предавали, казнили через повешение⁴⁰.) Для них был характерен «особый образ жизни» («brigandage» или «briganderie»), который заключался в том, что многие бриганды, как показывают документы, обитали в лесу и свои «разбойные» нападения «как ночью, так и днем» совершали в первую очередь на англичан и тех, кто примкнул к ним с завоеванием герцогства⁴¹. Они носили обергоны, рубашки с рукавами и воротничком, которые напоминали кольчугу, поскольку были сплетены из стальных колец, т. е. представляли собой воинские доспехи⁴². Бриганды были снабжены копьями, пиками, шпагами и другим вооружением пехотинцев, секирами, специальными серпами и луками со стрелами⁴³. Некоторые из них характеризуются в текстах как «armés de pied en cap et disposant de cavalerie» или «montées», т. е., подчеркивает Лефевр-Понтали, на лошадях⁴⁴. Наконец, документы свидетельствуют, что в наличии у бригандов были осадные снаряжения и пушки⁴⁵.

Социальный состав бригандажа был пестрым. Помимо того, что он включал в себя дворян, профессиональных солдат, монахов и мелких священнослужителей, сельские слои населения герцогства, среди бригандов, что для нас особенно важно, были женщины. Об этом, в частности, говорит следующее обстоятельство. Согласно «письму помилования», датированному маем 1426 г., Ришар Шело, земледelec из Лонда, помимо четырех пик и одного меча купил для бригандов по их собственной просьбе на рынке Руана две дамских шляпки с мягкими полями⁴⁶. Вероятно, любая женщина,

даже жена бригаанда, которая сама при этом не являлась членом партизанского отряда, могла сделать это самостоятельно: поехать на рынок или попросить того, кто туда собирается, привезти ей необходимые вещи. В последнем случае к тому же она не подвергала опасности человека, поскольку помощь бригаандам была запрещена королевскими ордонансами и строго наказывалась законом. Поэтому, скорее всего, эти шляпки предназначались для тех женщин, которые находились с бригаандами.

Если говорить об их назначении, то женщины могли выполнять роль курьеров, когда бригаандам-мужчинам требовалось передать какое-либо сообщение одному или нескольким местным жителям, как это было в случае с Жаном Пьером, жителем Три-Шателя. Когда он работал в поле, сообщает источник, к нему подошла некая женщина и сказала, что Жан Ладвизе, Робен Остель, Готье Фуас и другие в количестве шести человек просят его прийти и поговорить с ними. Но Жан Пьер, подчеркивается в тексте, поначалу отказался это делать, «зная, что все вышеперечисленные держат сторону, противоположную нам (Генриху VI. – В. Б.) и являются бригаандами»⁴⁷. В данном случае также логично предположить, что если бы эти женщины не состояли в партизанских отрядах, а были простыми односельчанками таких людей, то бригаандам пришлось бы сначала отправлять кого-то из своего числа к ним домой, чтобы сообщить то, что потом они должны будут передать нужному им человеку. Гораздо проще в указанных обстоятельствах использовать женщин-курьеров, которые уже находятся с бригаандами.

В отношении таких помощниц и сообщниц французских партизан англичане применяли специфические способы казни. Так, в 1424 г. к погребению заживо «за то, что она помогала советом и поддерживала бригаандов и врагов» английского монарха, была приговорена Томаса Рауль, жительница нормандского прихода Эке-сюр-Сель⁴⁸. Казнь привели в исполнение 28 апреля. В другом документе от 1435 г. указывалось, что Жанна л'Арди, «враг и противница короля нашего сеньора (Генриха VI. – В. Б.) и укрывательница, советчица и покровительница бригаандов, его врагов и противников ... за свои проступки была недавно казнена в Фалезе, а именно погребена заживо, согласно высшему правосудию названного сеньора»⁴⁹. Известно, что к закапыванию заживо приговаривались также женщины-воровки. Видимо, это был характерный способ казни для женщин в рассматриваемое время, хотя вопрос о том, почему закапыванию заживо подвергались именно они, требует дополнительного изучения.

Многие женщины, которые сами не являлись членами партизанских отрядов, в свою очередь поддерживали тесные отношения

с бригадами и оказывали им различную помощь. Так, судя по тексту письма, датированного 24 апреля 1426 г., тетя Колена ле Рата, который был известен в виконтстве Понт-дель-Арша «как разбойник и бригад», а также ее дочь, т. е. его племянница, неоднократно приходили к нему в Ровиль, чтобы принести туда еду и одежду⁵⁰. Согласно апрельскому письму 1426 г., жительница Кормейя, Йолет, «хорошо знала некоторых бригаднов, которые часто появлялись в этих окрестностях, поскольку была замужем за Гийомом Але, при жизни бригадом»⁵¹. По сообщению документа, датированного 22 января 1427 г., рубашки для Гийота ле Шателье, который, «как известно в Сен-Ло, был бригадом», у местного галантерейщика Филиппо Элара покупала его жена⁵² и т. д.

Именно женщины чаще всего выступали также в роли посредников и курьеров, перевозивших корреспонденцию, которой обменивались между собой города, расположенные на завоеванной англичанами территории, и области, подвластные дофину. Так, женщина, которая в мае 1412 г. прибыла в столицу из своей деревни Дюнуа «в надежде увидеться с мужем, который был заключенным» в гарнизоне Шотодана, везла в Парижский парламент закрытые письма герцога Орлеанского⁵³. В 1423 г. по подозрению в шпионаже парижская полиция задержала молодую женщину по имени Жаннетта Бонфис, получившую письмо от Жана Рутье, мастера монетного двора из Пюи. По дороге в Шатле, где ей предстояло отбыть заключение (поскольку передача любых, не только письменных, но также устных сообщений представителям противоположной стороны была строго запрещена законом), она умудрилась «как можно незаметнее» уничтожить письмо. Но обрывки этого послания были найдены на улице и доставлены парижскому прево, который сумел восстановить текст. К счастью для женщины, речь там шла всего лишь о личных проблемах, но тем не менее Жаннетту приговорили к изгнанию⁵⁴. Таким образом, изгнанию из герцогства подвергались люди, которые вели переписку даже о личных вопросах, тогда как переписка, касающаяся вопросов политики, каралась смертной казнью.

Французы очень активно использовали женщин не только в качестве шпионок. У дофина, а впоследствии короля Карла VII повсюду во Франции были свои преданные сторонники, которые облегчали задачу его тайным агентам и эмиссарам. Так, в самом сердце бургундского края, поблизости от Сен-Жан-де-Лона, на него работала бывшая фаворитка его отца, Карла VI, Одетта де Шандивер. Она происходила из знатной французской семьи и была единственной дочерью бургундского дворянина Гийома де Шандивера, советника герцога Бургундии Жана Бесстрашного. Король Фран-

ции Карл VI страдал в то время сильным психическим расстройством, и говорят, что именно данное обстоятельство стало причиной того, что его жена, королева Изабо, устав якобы от своего сумасшедшего супруга, решила найти ему девушку, которая должна была исполнять обязанности сиделки и шпиона⁵⁵. Это решение обсуждалось даже на Королевском совете, и герцог Бургундии Филипп Смелый, сын Жана Бесстрашного, предложил кандидатуру Одетты, сам надеясь в ее лице круглосуточно иметь при короле верного и, самое главное, пробургундски настроенного человека.

Попав в 1404 г. ко двору, Одетта постоянно находилась с королем, за что, по сообщению монаха из Сен-Дени, парижане, редко видевшие в столице Изабо, прозвали ее своей маленькой королевой («petite reine»). Одетта оставалась с Карлом до самой его смерти в октябре 1422 г., после чего королева Изабо отправила ее в Дижон. Вернувшись в Бургундию, Одетта по поручению Иоланды Арагонской, тещи Карла VII, начала снабжать его информацией о бургундцах, которые тогда были союзниками англичан, и как-то даже попыталась организовать антианглийский заговор в герцогстве. Обеспокоенный такой деятельностью Одетты, Филипп Бургундский приказал заключить ее под домашний арест, где она и пребывала до самой своей смерти, случившейся, скорее всего, весной 1425 г.

Заметную роль в политических событиях того времени играла также дочь Одетты от Карла VI, Маргарита. В 1424 г. она помогла своему брату Карлу VII раскрыть заговор высшего дворянства, и видимо, в благодарность за это в 1427 г. Карл признал ее своей сестрой, позволив носить на гербе французские королевские лилии и называться Маргаритой Валуа. После смерти Одетты Карл призвал Маргариту ко двору, где она жила при дворе королевы Мари Анжуйской в Бурже.

Таким образом, женщины, права и обязанности которых в глазах средневековой общественности сводились, прежде всего, к рождению и воспитанию детей, а также к устройству быта и заботам по дому, были активными, как свидетельствуют источники, участницами французского освободительного движения первой половины XV в. Они включились в борьбу против англичан буквально с первых же дней их появления на континенте и не прекращали сражаться с ними на протяжении всего периода иностранного присутствия на севере Франции. Женщины были участницами и нередко организаторами антианглийских мятежей и заговоров в городах Нормандии. Они входили в состав многочисленных партизанских отрядов, наводнивших в это время территорию герцогства. Женщины выступали в роли шпионок, курьерш и агентов французской

стороны. При этом форму и степень их участия в войне в значительной мере определил зарождавшийся в обществе патриотизм – феномен, который нашел свое наиболее полное отражение в фигуре Жанны д'Арк.

Примечания

- 1 *Montreuil J. de*. Traité contre les Anglois // Pons N. Propagande et sentiment nationale pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. VIII. 1980. P. 132.
- 2 *Ле Гофф Ж.* Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992. С. 267.
- 3 Там же.
- 4 *Froissart J.* Chronique / Ed. S. Luce. P., 1870. Vol. II. P. 144–146; P., 1872. Vol. III. P. 9; *Idem.* Op. cit. / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XV. P. 290; *Коттамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001. С. 259.
- 5 См.: *Басовская Н.И.* Проблема освободительной борьбы во Франции XV в. во французской и английской историографии // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. М., 1985. С. 153–171.
- 6 *Bossuat A.* Jeanne d'Arc. P., 1968; *Cordier J.* Jeanne d'Arc. Sa personalite, son role. P., 1948; *Dunand Ph.-H.* Histoire complete de Jeanne d'Arc. 3 vol. P., 1898; *Duparc P.* Proces en nullite de la condamnation de Jeanne d'Arc. 2 vol. P., 1977–1979; *Hanotaux G.* Jeanne d'Arc. P., 1911; *Lang A.* La Pucelle de France. Histoire de vie et de la mort de Jeanne d'Arc. P., [1911]; *Luce S.* Jeanne d'Arc a Domremy. P., 1886; *Lucie-Smith E.* Joan of Arc. L., 1976; *Michelet J.* Jeanne d'Arc. P., 1912; *Pernoud R.* Vie et mort de Jeanne d'Arc. P., 1956; *Idem.* Jeanne d'Arc. P., 1959; *Idem.* Jeanne d'Arc par elle-meme et par ses temoins. P., 1975; *Wallon H.* Jeanne d'Arc. P., 1876, etc.
- 7 *Vale M.* Jeanne d'Arc et ses adversaires: Jeanne, victime d'une guerre civile? // Jeanne d'Arc. Une epoque, un rayonnement. Colloque d'histoire medievale. Orleans. Octobre 1979. P., 1982.
- 8 *Розенталь Н.Н.* Жанна д'Арк – народная героиня Франции. М., 1958.
- 9 *Левандовский А.П.* Жанна д'Арк и ЛжеЖанны д'Арк // Вопросы истории. 1962. № 12; *Он же.* Жанна д'Арк. М., 1982.
- 10 *Люблинская А.Д.* Жанна д'Арк // Средние века. Вып. 22. М., 1962; *Она же.* Столетняя война и народные восстания XIV–XV вв. // История Франции. М., 1972. Т. 1. С. 115–150.
- 11 *Райцес В.И.* Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1964; *Он же.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982; *Он же.* «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1996.
- 12 *Басовская Н.И.* Проблема освободительной борьбы во Франции XV в.; *Она же.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы

- истории. 1987. № 1. С. 48–66; *Она же*. Жанна д'Арк и оживающая лилия // Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003. С. 294–352; *Она же*. Предисловие // Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М, 1992. С. VII–XXXIV.
- 13 *Райцес В.И.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. С. 123.
- 14 *Chronique du Mont-Saint-Michel (1343–1468)* publiée avec notes et pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et à la défense nationale en Basse Normandie pendant l'occupation anglaise par Simeon Luce. P., 1879–1883. 2 vol. (далее – Chr. du MSM); *Actes de la chancellerie d'Henry VI concernant la Normandie sous la domination anglaise (1422–1435)*, extraits des registres du Trésor des chartes aux Archives nationales / Publ. P. Lecacheux. P.; Rouen, 1907. 2 vol. (далее – Actes d'Henry VI).
- 15 Chr. du MSM. T. I. P. 100, 120–121, 124–125, 129; not. 1, 132 not., 140 not., 141 not., 230 not., 245 not., 257 not., 258–259, 263, 285 not., 314 not.; T. II. P. 105–106, 207, 219–220.
- 16 *Ibid.* T. I. P. 121.
- 17 *Ibid.* P. 124–125.
- 18 *Ibid.* P. 258–259.
- 19 *Ibid.* P. 258–259.
- 20 *Ibid.* P. 124–125.
- 21 *Le Cacheux P.* Introduction // Actes d'Henry VI. P. VIII.
- 22 Chr. du MSM. T. I. P. 259.
- 23 Actes d'Henry VI. T. I. P. 18.
- 24 *Cochon P.* La chronique de Normandie // Chronique de la Pucelle au Chronique de Cousinot suivie de la chronique de Normandie de P. Cochon relatives aux régnes des Charles VI et Charles VII. P., 1859. P. 308–309.
- 25 *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P., 1981. P. 183.
- 26 Actes d'Henry VI. T. II. P. 121–127.
- 27 *Ibid.* P. 122.
- 28 *Ibid.* P. 123.
- 29 *Ibid.* P. 123–124.
- 30 *Ibid.* P. 124.
- 31 *Ibid.* P. 126–127.
- 32 *Ibid.* P. 122.
- 33 В источниках оно встречается с 1347 г., где употребляется применительно к наемникам из Италии и Прованса, солдатам-пехотинцам независимо от их происхождения и некоторым конным всадникам после поражения французов в битве при Пуатье (1356 г.). Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. P., 1937; *Contamine Ph.* Guerre, Etat et société à la fin du Moyen Age ... P. 23; *Contamine Ph.* La guerre au Moyen Age. P., 1980. P. 23, n. 83; P. 25. См. также: *Choix de pièces inédites relatives au regne de Charles VI* / Publ. par Douet-d'Arcq L.; P., 1863–1864. Vol. I–II. T. II. P. 97–98.

В.А. Бароне

- 34 Chronique de religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Publ. en latin et traduite par M.L. Bellaguet. P., 1839–1852. Vol. I–VI. T. IV. P. 402–404, 456, 516, 702; *Rowe B.J.H.* John Duke of Bedford and the Norman «Brigands» // *Historical English Review*. 1932. T. 47. P. 585, 586.
- 35 Actes d'Henry VI. T. I. P. 315, 317, 340, 343; Choix de pieces inédits relatives au règne de Charles VI. T. II. P. 66–67.
- 36 Ibid. P. 213, 349.
- 37 Ibid. P. 56–57, 92–93, 121–122.
- 38 Ibid. P. 106–108; T. II. P. 11.
- 39 Chr. du MSM. T. I. P. 101; Actes d'Henry VI. T. I. P. 69–71.
- 40 Chr. du MSM. T. I. P. 176; T. II. P. 8–9.
- 41 См. также: Histoire de Charles VI, roy de France, par Jean Juvenal des Ursins // Choix de Chroniques et mémoire sur l'histoire de France / Publ. par J.A.C.Buchon. P., 1838. T. 11. P. 535.
- 42 Actes d'Henry. T. II. P. 11.
- 43 Ibid. P. 35; Choix de pieces inédits relatives au règne de Charles VI. T. II. P. 67.
- 44 *Lefèvre-Pontalis G.* La Guerre de Partisans // *Bibl. de l'Ecole de Chartes*. Vol. 54–57. P., 1893–1896. T. 54. P. 491–492.
- 45 Actes d'Henry. T. I. P. 212–215; *Lefèvre-Pontalis G.* Op.cit. T. 54. P. 493.
- 46 Ibid. T. I. P. 328–330.
- 47 Ibid. P. 358.
- 48 Ibid. P. 133.
- 49 Ibid. T. II. P. 66–67.
- 50 Ibid. P. 321.
- 51 Ibid. P. 315.
- 52 Ibid. P. 11.
- 53 *Gauvard C.* Crime, Etat et société à la fin du Moyen Age. P., 1991. 2 vol. T. I. P. 342.
- 54 *Дуфурно М.* Повседневная жизнь времен Жанны д'Арк. СПб., 2002. С. 290.
- 55 *Autran F.* Charles VI: la folie du roi. P., 1986. P. 416.

Р.В. Зарапин

АТАУАЛЬПА И КОНЦЕПЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ДОИСПАНСКОМ ПЕРУ

В 1532–1533 гг. испанским отрядом под командованием Ф. Писарро и Д. Альмагро была завоевана территория Тауантинсуйю – государства инков. Ключевым моментом завоевания было пленение и убийство в Кахамарке последнего правителя инков Атауальпы. Для установления колониального господства испанцам потребовалось убедить местное население в законном характере своей власти. При этом было использовано то обстоятельство, что для многих жителей империи инков Атауальпа не являлся легитимным правителем.

Ключевые слова: Великие географические открытия, Испания, Перу, цивилизация инков, колонизация, монархия, легитимность.

Это, пожалуй, единственный эпизод из истории доколумбовой Южной Америки, сколько-нибудь известный массовому российскому читателю. Летом 1533 г.¹ на центральной площади города Кахамарки в Северном Перу испанскими завоевателями был казнен последний правитель империи инков Атауальпа. Через несколько месяцев практически вся территория государства находилась под контролем испанцев. Уже современники осознали необычность произошедшего: раньше, даже учитывая удачный опыт Эрнана Кортеса в Мексике, никто не мог предположить, что несколько сотен легковооруженных людей смогут захватить огромную империю с населением в 10–15 млн человек.

На северных рубежах Перу отряд Франсиско Писарро появился в начале 1531 г. Грабя население и оставляя в некоторых поселениях небольшие гарнизоны, испанцы добираются до Кахамарки и 15 ноября 1532 г. входят в город с согласия находившегося там Атауальпы. Окруженный тысячами воинов, правитель инков,

казалось, мог не бояться небольшого отряда, насчитывавшего менее 200 человек, причем среди них было всего 37 всадников. На следующий день Атауальпа пришел на встречу с Писарро и во время этой встречи был взят в плен. Огромная свита, которую он привел с собой, в панике разбежалась после первых же выстрелов. Испанцы потребовали заплатить за правителя огромный выкуп, а когда золото было собрано, все равно казнили Атауальпу².

Испанские хронисты, описывавшие эти события, представили дело так, что Писарро удалось обезглавить империю и тем самым захватить власть в стране. Традиционно в историографии считается, что Атауальпа сам был узурпатором, поэтому его казнь в глазах жителей империи выглядела как божественное возмездие³. Но в этом случае непонятно, почему институт верховных правителей не исчезает сразу после событий в Кахамарке. После казни Атауальпы новым правителем становится его двоюродный брат Инка Топара, после его убийства – родной брат Инки Топара Манко Инка, затем власть получают его сыновья, а последний официальный верховный правитель, Инка Тупак Амару, был казнен в Куско по приказу вице-короля Франсиско де Толедо 4 октября 1572 г., через сорок лет после событий в Кахамарке⁴. Фактически ситуация в Перу в 1532–1572 гг. может характеризоваться как двоевластие, причем выгодное обеим сторонам: Манко Инка прибегал к помощи испанцев во время своей борьбы со сторонниками Атауальпы, даже при осаде Куско в 1536–1537 гг., а испанцы активно использовали силы индейцев во время гражданской войны между Писарро и Альмагро примерно в то же время⁵. Как население страны относилось к тому, что ими фактически управляли как собственные правители, так и завоеватели? Испанцев устраивало наличие множества враждующих между собой местных касиков⁶ (хронист Фернандо де Сантьяган пишет, что «каждый касик считал себя Инкой в своей провинции»⁷); это облегчало им проведение политики «разделяй и властвуй».

Сложность положения Атауальпы в момент появления испанцев была обусловлена обстоятельствами его прихода к власти. Традиционно считается, что Атауальпа, сын двенадцатого правителя империи инков Уайна Капака, захватил после смерти отца власть в стране и приказал убить своего брата и соправителя Уаскара. Такой негативный образ рисуется в первую очередь благодаря хронике Педро Сьесы де Леона – одного из участников Конкисты и автора первого труда по истории Перу⁸. Перед Сьесой де Леоном стояла вполне конкретная задача – оправдать действия испанцев на завоеванных территориях, и эта задача была выполнена. Другие источники уточняют сведения первого хрониста.

Так, Мигель де Бальбоа в своей хронике сообщает, что на смертном одре Уайна Капак назначил своим преемником Нинан Куйочи (Нинакуйчи), но тот вскоре умер от чумы⁹, и только после этого престол оказался у Уаскара и Атауальпы. Странно, но Гарсиласо де ла Вега, автор наиболее фундаментальной хроники по истории государства инков¹⁰, – обходит это обстоятельство молчанием и дает совершенно иную версию событий. В его изложении Уайна Капак перед смертью фактически разделил империю на две части и завещал королевство Кито (северную часть страны) своему сыну Атауальпе¹¹, которого раньше сделал королем Кито (его мать была дочерью короля Кито и, по словам Гарсиласо, должна была унаследовать власть)¹².

«Исчезновение» Нинан Куйочи вряд ли можно считать простой случайностью: Гарсиласо по материнской линии принадлежал к династии верховных правителей и был двоюродным племянником Уаскара и Атауальпы¹³, а значит, должен был знать такие подробности (во всяком случае в других частях хроники он неоднократно демонстрирует прекрасное знание своей генеалогии). Задолго до рассказа о войне между Уаскаром и Атауальпой Гарсиласо не упускает возможности обругать последнего, подчеркнуть, что он был незаконнорожденным и вел себя не так, как положено настоящему инке, и тут же объявить Уаскара единственным законным наследником престола¹⁴. Наконец, чтобы подчеркнуть незаконность власти Атауальпы, Гарсиласо прямо объявляет Инку Манко наследником Уаскара¹⁵. В хронике Франсиско Лопеса де Гомара, которую цитирует Гарсиласо, Уаскар также назван единственным законным правителем, а Атауальпа – тираном¹⁶. В самом Перу Атауальпа, судя по всему, также не считался законным правителем: хронист Гуаман Пома де Айяла, индеец по происхождению, отец которого, по словам самого хрониста, был «príncipe de los Chinchay Suyos y segunda persona del Ynga deste rreyno del Pirú» (князем людей в Чинчасуйю и вторым человеком Инки в этом королевстве в Перу)¹⁷, не только не называет Атауальпу в числе правителей империи, но даже не помещает в рукописи его портрет, тогда как рисунки всех остальных верховных правителей он дает.

Что же дало хронистам право считать власть Атауальпы незаконной? Ведь, по сути, именно на этом поначалу держалось обоснование власти испанцев в Перу. Его власть признавали, как минимум, жители северных районов страны: ни о каких восстаниях против Атауальпы ни до появления испанцев, ни после хронисты не упоминают. Другие же жители отказывались признавать его власть, считая Уаскара единственным законным наследником покойного Уайна Капака.

Обычно выдвигается два аргумента в пользу такого варианта развития событий: его статус незаконнорожденного и гражданская война, развязанная против Уаскара. Действительно, правители инков, точно так же как и египетские фараоны, женились на собственных сестрах, тогда как матерью Атауальпы была дочь правителя Кито. Но тот же самый Гарсиласо, рассказывая об инке Пачакутеке (середина XV в.), сообщает, что он «оставил своим полновластным наследником Инку Юпанки, своего сына от койи¹⁸ Анаварке, своей законной жены и сестры; он оставил еще более трехсот других сыновей и дочерей, и даже говорят, что по причине его долгой жизни и многочисленности жен их было у него более четырехсот, чистокровных и нечистокровных по крови»¹⁹. Получается, что законнорожденными дети могут становиться не только в единственном браке. В предыдущей главе Гарсиласо рассказывает о том, как Пачакутек завоевал империю Чиму и «подарил» ее обратно правителю Чиму с условием поклоняться Солнцу и служить верховному правителю инков²⁰. Другие хронисты также указывают, что инки имели практику возлагать управление завоеванными землями на прежних правителей или их приближенных – примером может служить история отца Гуамана Помы де Айяла. Таким образом, нет ничего странного, что Атауальпа унаследовал от отца царство Кито – он был прямым потомком правителей инков по мужской линии и прямым потомком правителей Кито – по женской. Раздел империи, произведенный Уайна Капаком, не сделал Атауальпу правителем Куско (на что он не имел прав); даже после начала войны с Уаскаром он, видимо, продолжал считать своей столицей Кахамарку и встретил испанцев именно там, а не в сердце империи.

Если отвлечься от данных Гарсиласо, практика женитьбы правителей на собственных сестрах уже не кажется столь распространенной. Бернабе Кобо указывает, что такой обычай появился у инков только во время правления Тупака Юпанки – отца Уайна Капака²¹, а значит, мог пока не закрепиться в системе обычного права. Фернандес де Паленсия сообщает, что верховный правитель инков женился на единокровной, а не на единоутробной сестре (т. е. отец у них был один, а матерями – разные женщины)²², хотя эти данные, к сожалению, не подтверждаются данными других хронистов. Если это на самом деле так, версия о незаконнорожденном статусе Атауальпы не выдерживает никакой критики: все правители империи оказываются незаконнорожденными, так как по материнской линии, видимо, происходят не от чистокровных инков²³.

Возможно, история о незаконном происхождении Атауальпы появилась уже после его смерти. В самом конце своего труда Гарсиласо рассказывает о некоем старом инке (по неизвестной причине

не называя его имени) и приводит его слова: «Тот предатель Атауальпа ... не мог быть сыном Уайна Капака, нашего инки, а какого-нибудь индейца Кито, с которым его мать обманула нашего короля; ибо, если бы он был инкой, он не только не совершил бы жестокости и отвратительные мерзости, которые он совершил, но даже не сумел бы их себе представить, потому что учение наших предков никогда не [направляло] нас на причинение зла кому бы то ни было, даже врагам, и тем более родственникам, а только оказания множества добра для всех»²⁴. Потомок инков отказывается считать Атауальпу правителем с моральной точки зрения, а не в связи с обстоятельствами его рождения, которые могут рассматриваться только как предлог.

Обвинения в неподобающем поведении, которые Гарсиласо и прочие хронисты предъявляют Атауальпе, также не могут служить достаточным основанием для того, чтобы считать его незаконным правителем. К началу XVI в. в Куско проживали сотни людей королевской крови, которые были готовы не упустить свои шансы на престол. Придворная борьба время от времени переходила границы приличий. Десятый инка Тупак Юпанки был отравлен одной из своих жен; один его брат, Гуаман Ачачи, посадил на престол младшего сына покойного правителя, а другой брат, Уальпайя, назначенный регентом, попытался убить племянника, чтобы освободить трон для собственного сына²⁵. Гарсиласо же, рассказывая о смерти Тупака Юпанки и восшествии на престол его сына Уайна Капака, ни словом не упоминает об этих событиях, рисуя идиллическую картину спокойной кончины владыки: «По прошествии нескольких лет спокойствия и отдыха, в которых пребывал Тупак Инка Юпанки, он так заболел, что почувствовал, что умирает; он позвал принца Уайна Капака и остальных своих сыновей <...> Он сказал им то, что обычно говорили короли в качестве завещания; он вручил их заботам мир, и правосудие, и благодеяния в пользу вассалов; он обязал их, чтобы во всем они проявляли себя как настоящие дети Солнца»²⁶. Подобная «лакировка» событий вообще очень характерна для труда Гарсиласо; инка по крови, он старательно затушевывает те события, которые кажутся ему недостойными памяти его предков.

Случай Атауальпы был не единственным примером узурпации власти в государстве инков. Если учитывать, что мы не имеем точных данных о ранних периодах существования империи, можно привести не менее десятка примеров, когда передача власти (как правило, от отца к сыну) обострялась внутрдинастической, а то и междинастической борьбой²⁷. Даже обстоятельства прихода к власти последнего (по индейской версии) правителя инков –

Тупака Амару – позволяют предполагать, что предыдущий правитель был убит, возможно, не без участия самого Тупака Амару; это не мешает считать его абсолютно законным наследником уже ставшего фиктивным престола. Особняком стоит история о смене династии: в XIV в. после смерти инки Капака Юпанки (принадлежавшего к династии Хурин, или династии Нижнего Куско) власть перешла к Инке Рока из династии Ханан (или династии Верхнего Куско)²⁸. На этом фоне действия Атауальпы не должны казаться хронистам столь ужасными.

Удивительно, но сам Гарсиласо фактически признает, что правитель Кито не был виноват в развязавшейся войне. Описывая пребывание Атауальпы в Кахамарке после смерти Уайна Капака, хронист пишет: «После смерти Уайна Капака два его сына царствовали четыре года или пять лет²⁹ в мире и спокойствии как сами по себе, так и один с другим... Инка Атауальпа ... не пытался вести новые завоевания, поскольку был занят благодеяниями для своих вассалов и для себя самого³⁰». Дальше он пишет, что Уаскар переживал по поводу того, что Кито «оказалось отобрано и отчуждено от его империи», потому что «королевство Кито и все остальные провинции, которыми он [Атауальпа] владел вместе с ним, входили в корону и империю Куско; а что его согласие на то, что приказал ему его отец, было скорее вынужденным подчинением отцу, нежели справедливостью правосудия, ибо оно причиняло вред короне и убыток тем, кто ее наследовал; по этой причине отец не должен был приказывать такое, а он не был обязан выполнять это³¹». Иными словами, Уаскар пожалел о том, что подчинился решению отца о разделе империи, и потребовал от Атауальпы покорности. Тот согласился; тогда Уаскар потребовал от Атауальпы явиться в Куско, «чтобы изъявить ему [Уаскару] покорность и принести торжественную клятву верности и лояльности, которую он задолжал». Атауальпа пришел в Куско с огромным войском (которое сначала выдавало себя за группы паломников) и разбил войска Уаскара неподалеку от столицы. Инициатором конфликта даже в изображении Гарсиласо выступает Уаскар, а не его брат. Хуан де Бетансос, который более подробно, чем другие хронисты, излагает обстоятельства этого военного конфликта, пишет, что причиной столкновения стала провокация Уаскара – высказанное им презрительное отношение к дарам, которые прислал ему Атауальпа³². Кстати, Гарсиласо упоминает Бетансоса только один раз – как владельца дома в Куско³³, но совершенно игнорирует его хронику, о существовании которой не знал или не хотел знать.

Таким образом, ни происхождение Атауальпы, ни развязанная им война не могут быть объяснением того, почему его власть

не признавалась легитимной. Во многих древних государствах Старого Света правители получали власть путем завоеваний. В доиспанской Южной Америке право «завоеванной земли», очевидно, не действовало. Сармьенто де Гамбоа, рассказывая о легендарном периоде инкской истории, пишет: «Когда [жители] одного селения узнавали, что некоторые из других шли, чтобы начать с ними войну, они старались [найти] человека среди своих и даже из чужих для своей родины, который был бы храбрым воином. И много раз такой человек сам по своей воле предлагал себя защитить их и воевать за них против их врагов. И за этим таким [воином] они шли, и подчинялись ему, и выполняли его приказания во время войны. Но, как только она заканчивалась, он становился, как и прежде и как остальные [люди] селения, частным лицом; ни до этого, ни после этого ему не давали подать, ни какого-либо оброка. Такого называли в те времена и его и сейчас называют синче, что означает то же, что и “храбрый”. Этим термином синчикона, что означает “храбрый сейчас”, они называли его подобно тому, как говорят: “Сейчас, пока идет война, ты будешь нашим храбрым, после – нет”»³⁴.

Традиционно этот отрывок используется, чтобы показать изначально военный характер власти верховных правителей доиспанского Перу. Но указание на то, что таким вождем мог стать иноплеменник, причем после этого он не получал никакой власти, позволяет утверждать, что военная доблесть не считалась фактором, влияющим на получение власти. Для многих цивилизаций Старого Света право завоевателя было безоговорочным; тем более это касалось империй – как древневосточных, так и античных. Эллинистические цари прямо называли подвластные им территории землями, «завоеванными копьем» (δορίκτητον ἔρρα)³⁵. Важно подчеркнуть, что получивший власть правитель империи инков не сразу начинал завоевания. Этому предшествовал длительный период, когда наследник совершал погребальные церемонии и объезжал свою страну.

Рассказы Гарсиласо о первых годах царствования правителей империи довольно стереотипны. Так, Инка Рока, шестой правитель инков, «после смерти своего отца принял красную повязку и, исполнив погребальные почести, посетил свое королевство: он потратил на посещение первые три года своего царствования. После чего он приказал собрать воинов, чтобы продолжить свои завоевания в направлении Чинча-суью ...»³⁶. Тупак Юпанки (одиннадцатый король) «после смерти своего отца возложил на себя красную бахрому и исполнил обряд поминаний, и другие церемонии, и жертвоприношения, которые воздавались умершим королям,

на что он потратил первый год своего царствования, [затем он] направился посетить свои королевства и провинции, что являлось первым делом, совершавшимся инками, унаследовавшими престол, чтобы познакомиться [самому] и быть известным и любимым своими вассалами... Он потратил на посещение четыре долгих года, а закончив его и оставив у вассалов чувства удовлетворения и радости, [вызванные] его величием и добрым характером, он приказал в наступающем году снарядить сорок тысяч воинов, чтобы продолжить завоевание...»³⁷.

Четыре года – срок немалый. Даже если учитывать огромные размеры империи, простиравшейся к началу правления Инки Тупака Юпанки от северной Колумбии до центральных районов современного Чили, потратить столько времени на простой объезд территории невозможно. На самом деле такая «экспедиция» взойшедшего на престол Инки являлась одним из способов легитимации власти, известным и в других регионах мира – так, например, княгиня Ольга тоже первым делом объезжает подвластные ей районы Киевской Руси, устанавливая «уроки и погосты». Фактически империя признавала того правителя, который совершил этот полуритуальный объезд; разумеется, во время него решались какие-то местные проблемы, но главной задачей поездки нового правителя было именно обеспечение признания своей власти всеми регионами его страны.

Такая версия позволяет объяснить, почему на большей части территории государства инков власть Атауальпы так и не была признана. Неудивительно, что его не считает законным правителем Гуаман Пома де Айала, происходивший из провинции Луканас, расположенной значительно ближе к Куско, чем к Кахамарке. Поздние правители инков, вплоть до Тупака Амару, располагали свои резиденции в районе Куско, а значит, тоже считали себя преемниками Уаскара, а не короля Кито. Их последняя столица Вилькабамба, об обнаружении которой было объявлено только в феврале 2002 г., находилась менее чем в 200 км от Куско³⁸. Четыре-пять лет мирной жизни, о которых говорит Гарсиласо, Уаскар и Атауальпа использовали как раз для того, чтобы объехать свои владения, а значит, в северной части государства инков власть Атауальпы, возможно, была признана законной.

Лишнее подтверждение этому дает позиции хрониста Бласа Валеры. Известно, что в отличие от других авторов, писавших историю этого региона, Валера относится к Атауальпе сочувственно и даже с определенной симпатией³⁹. Причины такого отношения для большинства исследователей остаются загадкой, но ее можно разрешить, если вспомнить, что Блас Валера родился в 1544 г.

в провинции Чачапойяс, по соседству с Кахамаркой, столицей Атауальпы⁴⁰. Вне всякого сомнения, Чачапойяс входил в состав королевства Кито, и, следовательно, Атауальпа воспринимался там как вполне легитимный правитель. Интересно, что Хуан де Бетансос, сообщивший столь важные сведения о причинах конфликта между Уаскаром и Атауальпой, также был связан с Северным Перу: он был женат на донье Анхелине Юпанки – племяннице Уайна Капака и жене Атауальпы (она приехала в Кахамарку и стала женой последнего правителя инков в возрасте десяти лет)⁴¹. Правда, вся остальная жизнь Бетансоса в Перу была связана с Куско и Лимой, но, разумеется, жена была для него историческим источником неопределимой важности.

Кризисное состояние инкского государства после смерти Уайна Капака является общепризнанным⁴². Огромная империя, созданная менее чем за 100 лет, столкнулась с определенными проблемами в сфере управления. Институт соправления (сорегентства), введенный в империи инков в XV в. и существовавший в большинстве империй Старого Света, очевидно, мог предоставить выход из этой ситуации. Империя делится на две части – под управлением Уаскара и под управлением Атауальпы. Как нередко бывает, соперничество между соправителями (возможно, они даже считали себя самостоятельными правителями) переросло в вооруженный конфликт, победа в котором осталась за Атауальпой. Пришедшие в этот момент в Перу испанцы применили старую тактику «divide et impera» и поддержали более слабую сторону. Поэтому северные области страны были захвачены ими сразу, а в центральных районах на протяжении примерно четырех десятков лет сохранялась видимость инкского правления. Неудивительно, что на таком историческом фоне Атауальпа выглядел исключительно негативно.

Хроника Гарсиласо заканчивается довольно странно. Рассказав о зверствах Атауальпы⁴³, хронист обрывает рассказ, как бы не желая рассказывать о приходе испанцев. Деятели Конкисты упоминаются в тексте, но вскользь; сколько-нибудь связного повествования о походе Писарро нет, а имя самого Писарро называется меньше десяти раз, причем по малозначимым поводам. Мимоходом упоминаются только пленение и убийство (не казнь!) Атауальпы⁴⁴ и его огромный выкуп⁴⁵, но никакие подробности не приводятся, словно речь идет о сюжетах общеизвестных (как оно, скорее всего, в то время и было). При этом Гарсиласо допускает любопытную ошибку: он датирует смерть Уайна Капака 1523 г.⁴⁶, тогда как сегодня это событие датируется 1525 и даже 1528 г.⁴⁷ Чем вызвана такая ошибка? Возможно, Гарсиласо просто подвели источники,

а может быть, это было сделано намеренно: если признать, что военный конфликт между Уаскаром и Атауальпой начался не в 1527–1528 гг., а несколькими годами позже, то длительная и кровопролитная гражданская война превратится в сравнительно небольшой по времени конфликт, как это и воспринимается в современной историографии. Не исключено, что Атауальпа просто стал жертвой «заговора хронистов». Испанцам было выгодно представить его как нелегитимного правителя. Окончательно прояснить ситуацию сможет только привлечение новых источников, в первую очередь индейских.

Примечания

- 1 Разные источники предлагают даты от 24 июня до 29 августа. См.: *Szaszdi Nagy A.* Algo mas sobre la fecha de la muerte de Atahualpa // *Historiografia y bibliografia americanistas.* 30 (2). Seville, 1986. P. 76.
- 2 Наиболее полный рассказ см.: *Prescott W.H.* History of the Conquest of Peru. L., 1901. P. 431–432.
- 3 *Кузьмищев В.А.* У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979. С. 54.
- 4 См.: *Свет Я.М.* Трагедия в Вилькабамбе // *Латинская Америка.* 1972. № 4. С. 95–109.
- 5 См.: *Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. М., 2007. С. 163–164.
- 6 *Baudin L.* A socialist empire. Princeton, 1961. P. 211–212.
- 7 *Santillan F. de.* Relacion del origen, descendencia, politica y gobierno de los Incas // *Tres relaciones de antiqüedades peruanas.* Madrid, 1879. § 58. P. 1–33.
- 8 *Cieza de Leon P. de.* Cronica del Peru. El señorío de los Incas. Caracas, 2005. Cap. LXX–LXXIV.
- 9 *Cabello Balboa M.* Miscelanea antartica: una historia del Peru antiguo. Lima, 1951. Cap. XXIV. См. также.: *Brundage B.C.* Empire of the Inca. Norman, 1985. P. 263–273.
- 10 *Obras completas del Inca Garcilaso de la Vega.* Madrid, 1965 (далее – Garcilaso). Рус. пер.: Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974. Здесь и далее цитаты из труда Гарсиласо даны в переводе В.А. Кузьмищева. Определяющее влияние труда Гарсиласо на современную историографию объясняется тем, что это самая крупная из хроник истории Перу, к тому же вышедшая значительно позже трудов других хронистов и опирающаяся на них. Источниками информации для Гарсиласо были работы Сьесы де Леона, Бласа Валеры, Хосе де Акосты, Лопеса де Гомары, которые он неоднократно упоминает и даже цитирует.
- 11 Garcilaso, IX, 15.
- 12 Ibid. 12.

- 13 Кузьмищев В.А. Указ. соч. С. 15.
- 14 Garcilaso, II, 15; V, 21.
- 15 Ibid. IV, 10.
- 16 Lopez de Gomara F. Hispania Vixtrix. Primera y segunda parte de la historia general de las Indias. Madrid, 1852. Cap. CXIII.
- 17 Guaman Poma de Ayala F. El Primer Nueva Coronica y Bien Gobierno Conpuesto por Don Phelipe Guaman Poma de Aiala. L. 5. Текст цитируется по оригиналу рукописи, который хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене.
- 18 Койя (colla) – царица, женщина царского рода.
- 19 Garcilaso, VI, 34.
- 20 Ibid. VI, 33.
- 21 Cobo B. Historia del Nuevo Mundo. Madrid, 1964. XII, 14.
- 22 Palencia F. de. Primera y segunda parte de la historia del Peru. Seville, 1571. II, 3, 5.
- 23 Сакральный характер власти верховных правителей доиспанского Перу уже неоднократно анализировался в зарубежной и отечественной историографии. См., напр.: Березкин Ю.Е. Сакрализация власти в доиспанском Перу // Сакрализация власти в истории цивилизации. М., 2005. Ч. 1. С. 161–196.
- 24 Garcilaso, IX, 39.
- 25 См.: Purizaga M. Нуауна Сапас // Biblioteca Hombres del Peru. Lima, 1964. P. 63.
- 26 Garcilaso, VIII, 8.
- 27 Подборку материалов см.: Hiltunen J.J. Ancient Kings of Peru. Helsinki, 1999. P. 367–368. Appendix 2b.
- 28 Существуют различные версии этих событий. См.: Murua M. de. Historia del origin y genealogia real de los reyes Incas del Peru. Madrid, 1946. Cap. XXI; Rostworowski de Diez Canseco M. Pachacutec Inca Yupanqui. Lima, 1953. P. 22–24; Baudin L. Daily life in Peru under the last Incas. N. Y., 1962. P. 53.
- 29 См.: Hiltunen J.J. Op. cit. P. 368.
- 30 Garcilaso, IX, 32.
- 31 Ibid.
- 32 Betanzos J. de. Suma y narracion de los Incas. Madrid, 1987. II, 2.
- 33 Garcilaso, VII, 11.
- 34 Sarmiento de Gamboa P. Historia Indica. Madrid, 1965. P. 210; цит. по: Кузьмищев В.А. У истоков общественной мысли Перу. С. 11.
- 35 Diod., XVIII, 59, 5.
- 36 Garcilaso, IV, 15.
- 37 Garsilaso, VIII, 1.
- 38 См.: Кеймен Г. Указ. соч. С. 164.
- 39 Hyland S. The Jesuit & the Incas. The Extraordinary Life of Blas Valera, S.J. Ann Arbor, 2004. P. 118–119.
- 40 Egaña A. de. Monumenta peruana. Roma, 1954. Vol. 1. P. 284.
- 41 Hamilton R. Juan de Betanzos and Inca tradition // Betanzos J. de. Narrative of the Incas. Austin, 1996. P. IX–X.

Р.В. Зарапин

- 42 Historia general del exercito peruano. Т. II. Pt. 1. Lima, 1980. P. 103–126.
- 43 Ссылаясь на данные испанского хрониста Диего Фернандеса, Гарсиласо (IX, 37) утверждает, что во время гражданской войны погибло более 150 тыс. человек.
- 44 Garcilaso, V, 21.
- 45 Ibid. VI, 2.
- 46 Ibid/ IX, 14.
- 47 *Hiltunen, J.J.* Op. cit. P. 368.

В.В. Упадышев

БИБЛИОТЕЧНАЯ УТОПИЯ XVI ВЕКА

Одним из самых тяжелых последствий закрытия монастырей во время Реформации в Англии стало разорение монастырских библиотек. Джон Ди, известный английский ученый XVI в., в своем обращении к королеве Марии «О возвращении и сохранении древних авторов и рукописей» выдвинул предложение по созданию «национальной библиотеки» из книг и манускриптов закрытых монастырей. Таким образом, он надеялся достигнуть двух целей – спасти книги и сделать писаное знание общедоступным. Ди одним из первых англичан воспринял эту проблему серьезно и предложил столь интересное решение.

Ключевые слова: Джон Ди, библиотеки, английская Реформация, Великобритания, Возрождение.

Фигура Джона Ди (1527–1608), выдающегося интеллектуала английского Возрождения, привлекла внимание исследователей сравнительно недавно. Работы, вышедшие во второй половине XX в., посвящены по большей части его исторической концепции¹ и политическим изысканиям². Безусловно, данные вопросы представляют значительный интерес, но вместе с тем не стоит забывать и о других сферах его деятельности. В частности, в рамках настоящей статьи нам хотелось бы обратить внимание на след, оставленный Ди в движении антиквариев и библиофилов, начало которому положили еще итальянские гуманисты. Объектом нашего внимания станет небольшой документ – прошение 1556 г.³, адресованное Марии I, в котором в то время еще молодой ученый высказывает некоторые предложения по сохранению рукописей и книг.

Оригинал этого документа дошел до нас лишь частично после пожара Коттоновской библиотеки в 1731 г., где он в то время находился. К счастью, существуют как минимум две копии, появившиеся до этих событий. Первая была сделана известным коллекционером Элиасом Эшмолем в 1673 г. (она хранится в составе его собрания рукописей в оксфордской Бодлеанской библиотеке⁴). Вторая была опубликована английским историком Томасом Хиарном в 1726 г. в приложении к хронике Джона из Гластонбери. Именно из этого издания документ попал в сборник «Автобиографические трактаты Доктора Джона Ди»⁵, выпущенный «Четхемским историческим обществом» в 1851 г. под редакцией его президента Джеймса Кроссли. Редактор в предисловии отмечает, что для этой публикации текст из издания Хиарна был «внимательно сверен с эшмольской копией оригинального документа, сделанной до того, как он сторел...»⁶. Таким образом, в нынешних обстоятельствах именно текст, опубликованный Кроссли можно считать максимально достоверным. В 2003 г. издательством Kessinger Publishing, специализирующимся на переиздании редких книг, был выпущен факсимильный репринт указанного сборника Кроссли, по которому и осуществляется цитирование источника в настоящей статье.

Необходимо отметить, что рассматриваемому документу до сих пор не было уделено должного внимания даже в специальных работах⁷. Между тем позиция Ди в этом плане представляется нам совершенно особенной и отличной от бытовавшей традиции. Во многом, может быть, эти особенности обусловлены английскими реалиями и обстоятельствами его времени, которые мы считаем необходимым кратко рассмотреть.

Эпоха Возрождения среди прочих проблем предыдущих столетий унаследовала и проблему доступности научных знаний. Библиотека – их главное хранилище и средоточие – в подавляющем большинстве случаев оставалась закрытым для широких кругов учреждением. Читатели библиотек, корпоративных (монастырских, университетских) или частных, – это лишь узкая группа избранных, а то и вовсе единственный владелец. Не стоит забывать и о репертуарной ограниченности каждой библиотеки.

В Англии же ситуация в этой сфере осложнилась еще и последствиями Реформации. «Чистка» университетских библиотек и разорение монастырских книжных собраний привели к тому, что и этот небольшой круг читателей лишился как новых научных работ, так и ценнейших рукописных памятников старины. Судьба таких «неугодных» книг и манускриптов была незавидна: их страницы, по скорбным свидетельствам современников, шли на флаж-

ки для загонной охоты, использовались для чистки подсвечников или натирания башмаков, не говоря уже о значительном количестве изданий, вывезенных за границу⁸.

Восполнение этих потерь собственными силами английских издателей и торговцев было весьма проблематичным. В беспокойное время религиозных реформ власть, быстро осознав значение печатного слова для укрепления государственной идеологии, поспешила усилить свое присутствие в этой сфере и самостоятельно определять «дозволенную» к продаже и публикации литературу. К тому же английский «книжный монополист» Книготорговая компания, конституированная (или, скорее, окончательно поставленная под контроль) для этих целей при Марии I, не имела прочных связей с университетами и учеными, как, например, комиссия «*libraires jurés*» во Франции⁹. Таким образом, зависимость книгоиздателей и книготорговцев от власти, а значит, и от идеологической конъюнктуры вынуждала их сосредоточивать усилия по большей части на церковных, религиозно-пропагандистских и других «государственнических» изданиях.

В этих непростых условиях особое значение приобретает деятельность библиофилов и антиквариев, тративших немалые средства и силы на приобретение и, самое главное, поиск книг и рукописей из разоренных библиотек. Усилиями целой плеяды выдающихся английских коллекционеров второй половины XVI в., таких как Вильям Кэмден, Роберт Коттон, Томас Аллен, Роберт Гловер, были без преувеличения спасены сотни ценных изданий и манускриптов. Однако Джон Ди в данном контексте заслуживает отдельного упоминания. Его вклад в сохранение книжного наследия примечателен не только тем, что ему удалось собрать одну из самых внушительных частных библиотек (около 4000 наименований, более 700 из них – рукописи¹⁰).

В прошении «Ее Превосходнейшему Величеству Королеве»¹¹, направленном Марии I в январе 1556 г., ученый выступил с интересной инициативой постановки дела спасения книг и рукописей на «государственные рельсы». Более того, для их хранения он предлагал создать публичную «Королевскую библиотеку» и к прошению прилагал план по ее наполнению, озаглавленный «Статьи, касающиеся восстановления и сохранения древних документов и выдающихся авторов прошлого»¹². При рассмотрении документа важно учитывать религиозно-политические обстоятельства (а точнее, репрессии в отношении протестантов) и тот факт, что Ди всего за год до этого и сам был арестован и подвергся, как он пишет, «испытанию... по религиозным вопросам»¹³ (очевидно, на предмет верности католической вере). Несмотря на то что он вскоре был

полностью оправдан, эти события, без сомнения, наложили отпечаток на данный документ.

Первая часть, собственно обращение к Марии, в значительной степени посвящена аргументации необходимости осуществления этого масштабного замысла. Ди начинает с описания «прискорбных событий, недавно произошедших в этом королевстве по причине разрушения монастырей <...> И не последним по значению бедствием всегда среди ученых мужей будет считаться разграбление и разрушение столь многих и столь выдающихся библиотек»¹⁴. Примечательно, что ученый явно дистанцируется от спора католиков и протестантов, нигде прямо не упоминает саму религиозную проблему и не дает оценок Реформации в целом, сосредоточиваясь лишь на интересовавшем его узком вопросе. Тем не менее, полагая, что с восшествием на престол Марии реформаторские эксперименты закончены, Ди пытается, пусть и не декларируя этого, вписать свои устремления в общий контекст проводимых в стране мероприятий по «восстановлению» католицизма (происходящие события он осторожно назвал «временем примирения»¹⁵). Особый акцент делается на противопоставлении вчерашних «злочлечений» и сегодняшней необходимости минимизировать их последствия: «Хотя в те дни многие драгоценные сокровища¹⁶ и древние документы были безвозвратно утрачены, тем не менее, если вовремя и быстро будет проявлено должное усердие, то остатки этого изобилия, как в богословии, так и в других свободных искусствах, могут быть сохранены <...> Здесь и там ... по неведению или иногда по злему умыслу книги многих знаменитых и прекрасных авторов рущатся, сгорают или страдают от крыс и плесени»¹⁷. Очевидно, Ди осознавал, что даже самые веские рациональные доводы вовсе не гарантировали благожелательного ответа королевы. Поэтому в качестве дополнительных «стимулов» он акцентирует внимание Ее Величества на уникальности задуманного предприятия: «Ваше Величество будет иметь самую выдающуюся библиотеку <...> Сейчас ни один ученый и ни один колледж не имеют и половины таких прекрасных сокровищ». Не менее важна и слава, которую осуществление этого замысла принесет своему покровителю: «Воздвигая Вашу Королевскую библиотеку, Ваша милость следует по стопам всех известных и благочестивых правителей прошлого <...> Это... отзовется Вашему Величеству почтением и нескончаемой славой здесь на земле и, безусловно, высочайшим воздаянием на Небесах...»¹⁸

Однако за пышными фразами и впечатляющими аргументами, являющимися скорее данью политическим обстоятельствам и призванными привлечь внимание высшей власти, необходимо видеть

истинный замысел ученого – создание хранилища писаного и печатного знания, которое «...все королевство сможет использовать и наслаждаться несравненными сокровищами...»¹⁹. И одной этой мысли достаточно, чтобы признать документ, вышедший из-под пера Ди, весьма прогрессивным шагом в истории науки и образования. Но идея общественной доступности была не единственной новацией проектируемой библиотеки.

При детальном рассмотрении документа обнаруживаются некоторые подробности планов, беспрецедентных по масштабам и значительно расширяющих заявленные цели. В обращении «К Ее Величеству» Ди, вскользь и буквально одной фразой, оговаривается, что сбор книг планируется не только в пределах Англии, но и «...в большинстве частей Христианского мира»²⁰. Эта мысль высказывается очень осторожно и может показаться какой-то случайной на фоне пространных рассуждений об упомянутых выше исключительно английских проблемах. Но содержание второй части документа – «Статей...» – приложения, посвященного вопросам практической реализации замысла – не оставляет сомнений: ученый строил планы, выходящие за рамки декларируемого «сохранения книг и рукописей» из библиотек закрытых монастырей Англии.

Интересно, что в этой части документа общий тон Ди заметно меняется: дифирамбы и эмоциональную аргументацию сменяет стройное изложение краткого, но предельно конкретного плана действий. Кроме того, в «Статьях» уже практически нет прямых обращений к королеве, зато ученый периодически апеллирует к «Его милости, господину кардиналу». «Его милость», очевидно, не кто иной, как Реджинальд Пол, к тому моменту уже без пяти минут архиепископ Кентерберийский, не так давно вернувшийся из затянувшегося «путешествия» в Италию (где он спасался от гнева Генриха VIII). Благодаря своей учености Пол приобрел широкую известность в Европе; благодаря верности католицизму был хорошо принят в Ватикане и стал кардиналом; а благодаря высокому происхождению был близок к Марии как до вынужденного отъезда (когда им даже прочили брак), так и после возвращения. Возможно, у него Ди надеялся найти понимание и поддержку, на которые не очень рассчитывал со стороны королевы.

Первой задачей должно было стать учреждение «комиссии... для выяснения всех мест в пределах королевства Ее милости, где находятся известные и выдающиеся работы или известно, что могут находиться»²¹. Члены комиссии должны были «именем Ее Величества» изымать у владельцев интересующие их работы безвозмездно, но только на время, «достаточное для снятия копии»²².

Деятельность комиссии необходимо было, по мысли Ди, начать немедленно, чтобы к марту, когда должен собраться Синод, иметь первоначальное представление о размерах предстоящих трат. Синод, которым руководил Пол, должен был «принять решение о размерах расходов»²³ на различные нужды: на поездки членов комиссии для поиска «ценных документов», на приобретение необходимого инвентаря для библиотеки. Кроме того, необходимо было найти подходящее помещение для хранения книг до тех пор, пока место для библиотеки не будет окончательно определено.

Однако главное, на что стоит обратить внимание, это последний пункт представленного Ди плана. Здесь он уже не вскользь, а подробно и обстоятельно говорит, что в Королевскую библиотеку нужно доставлять и книги «из самых известных библиотек за морем ... таких как в Ватикане, Сан-Марко в Венеции, во Флоренции ... etc.»²⁴. Таким образом, проект спасения монастырских книжных собраний окончательно превращается в некое грандиозное начинание едва ли не общеевропейского масштаба.

Но национальная публичная библиотека, занимающаяся сбором литературы со всей Европы, – картина утопическая не только для XVI в. Тем более что состояние английской казны и многочисленные политические проблемы заставляли власть задумываться о задачах совершенно иного рода.

Как бы то ни было, прошение Джона Ди осталось без ответа. Конечно, в нем можно различить и «конъюнктурные» черты, а именно желание еще недавно опального ученого доказать свою верность и «полезность» католическому режиму. Отсюда, может быть, и первоочередное упоминание среди «спасаемых» именно богословских работ, а потом уже всех «в других свободных искусстваах» и планируемая, судя по всему, подведомственность библиотеки Синоду в финансовых вопросах, а значит, и некоторая зависимость библиотеки от церкви. Но вместе с тем нельзя не отметить, что Ди видел книжную проблему Англии шире многих современников. Вопрос доступности литературы был для него не менее актуален, чем проблема ее сохранения, и, по мысли Ди, он должен был решаться на государственном уровне. Осуществиться этим идеям не было суждено не только по экономическим причинам. Такой подход к библиотечному делу был слишком непривычен: общеевропейское книжное собрание, доступ к которому имело бы «все королевство», могло стать причиной появления значительной группы относительно образованных людей, не связанных корпоративными правилами. Это нарушало и традиционные монополии на книжное знание церковных и университетских корпораций и, в конечном итоге, было невыгодно и власти.

Еще три века пройдет, прежде чем в Великобритании будет принят «Акт о публичных библиотеках» (1850 г.) обеспечивший их общедоступность, бесплатность и существование на деньги налогоплательщиков. Опередившая время мысль, как это часто случается, осталась нереализованной и нецененной.

Примечания

- ¹ См.: *French P.* John Dee: The World of an Elizabethan Magus. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982; *Harkness D.* John Dee's Conversations with Angels: Cabala, Alchemy, and the End of Nature. N.Y.: Cambridge University Press, 1999; *Yates F.A.* The Occult Philosophy: In the Elizabethan Age. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- ² *MacMillan K.* Sovereignty and Possession in the English New World: The Legal Foundations of Empire, 1576–1640. N.Y.: Cambridge University Press, 2004.
- ³ *Dee J.* A Supplication to Queen Mary for the recovery and preservation of ancient writers and monuments // Autobiographical Tracts of Dr. John Dee / Ed. J. Crosseley. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2003. P. 46–49.
- ⁴ Oxford, Bodleian: MS. Ashmole №1788. ff. 80–82.
- ⁵ Autobiographical Tracts of Dr. John Dee, Warden of the College of Manchester / Ed. J. Crosseley. Printed for the Chetham Society. M., 1851.
- ⁶ Preface... // Autobiographical Tracts of Dr. John Dee. 2003. P. 1.
- ⁷ См. например: *Sherman W.* John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. University of Massachusetts Press, 1997. P. 37. В работе этому проекту Ди посвящено всего несколько строк.
- ⁸ См. например: *Coates A.* English Medieval Books: The Reading Abbey Collections from Foundation to Dispersal. Oxford: Clarendon Press, 1999; *Wormald F., Wright C.* The English Library Before 1700: Studies in Its History. University of London. L.: Athlone Press, 1958.
- ⁹ О французских «присяжных книготорговцах» и английской «Книготорговой компании», конечно, нельзя говорить как о полностью тождественных организациях. Но тем не менее нельзя не отметить характерные различия в «методе цензуры»: способ контроля, принятый во Франции, при котором за проверку работы отвечал соответствующий факультет университета, значительно отличается от практики прямого подчинения книгопечатника путем «дарования разрешения» английского монарха на осуществление деятельности, изначально являющейся «королевской прерогативой». Подробнее см. например: *Putnam G.* Books and Their Makers during the Middle Ages. N.Y.: Hillary House Publishers, 1962. Vol. 2.
- ¹⁰ *Dee J.* A letter, containing a most briefe discourse apologeticall // Autobiographical Tracts of Dr. John Dee. P. 78.
- ¹¹ *Dee J.* A Supplication to Queen Mary... P. 46.
- ¹² Ibid. P. 48.

В.В. Упадышев

- 13 *Dee. J. Compendious Rehearsal of John Dee // John Dee: Essential Readings / Ed. G. Suster. N. Y.: North Atlantic Books, 2003. P. 105.*
- 14 *Dee. J. A Supplication to Queen Mary... P. 46.*
- 15 *Ibid.* Это, пожалуй, самое смелое высказывание Ди по поводу происходящих событий.
- 16 «Драгоценности», «сокровища» («treasures», «precious jewels») – именно так Ди зачастую именуется книги.
- 17 *Ibid.* P. 47.
- 18 *Ibid.*
- 19 *Ibid.*
- 20 *Ibid.*
- 21 *Ibid.* P. 48.
- 22 *Ibid.*
- 23 *Ibid.*
- 24 *Ibid.* P. 49. Случайно или нет, Ди перечисляет здесь только итальянские библиотеки, которые должны быть хорошо известны Полу.

М.А. Туманов

УИЛЬЯМ БРЭДФОРД:
АМЕРИКАНСКИЙ КАЛЬВИНИСТ
ОБ УМЕРЕННОСТИ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена представлениям губернатора колонии Новый Плимут об умеренности, а также влиянию данных представлений на повседневную жизнь самого Уильяма Брэдфорда и других колонистов. Автор пытается определить отношение Брэдфорда к разным сферам повседневности: досугу и развлечениям, питанию и спиртным напиткам, сексуальным отношениям. В исследовании также ставится проблема о соответствии взглядов Брэдфорда тому, что М. Вебер назвал «мирской аскезой». В связи с этим изучается влияние представлений губернатора об умеренности на его хозяйственную деятельность. Автор исследования анализирует структуру имущества Брэдфорда, определяет роль рациональной воздержанности в его жизни, выявляет позицию губернатора в отношении накопления мирских благ.

Ключевые слова: умеренность, рациональная воздержанность, отдых, питание, спиртные напитки, призвание.

Хорошо известно, что в кальвинистском учении важное место отводилось умеренности. Это характерно как для самого Жана Кальвина, так и для его последователей из числа теологов и проповедников. Однако более важным представляется вопрос о восприятии умеренности не теологами, а рядовыми кальвинистами. Настоящая работа посвящена выявлению особенностей интерпретации умеренности Уильямом Брэдфордом (1590–1657). Брэдфорд являлся лидером колонии Новый Плимут, которая была создана в 1620 г. пассажирами знаменитого «Мэйфлауэра». Он неоднократно переизбирался на губернаторский пост и много сил отдал созданию в Америке угодного Господу общества. Брэдфорд оставил ценные сведения по интересующей нас проблематике.

© Туманов М.А., 2010

Это и написанная им хроника «О Плимутской колонии», и находившаяся в руках губернатора переписка колонистов с внешним миром, и очень подробный инвентарь его имущества, составленный в 1657 г., и документальные источники (законодательные акты, вердикты суда колонии Новый Плимут), к созданию которых был причастен Брэдфорд.

Необходимо выявить, каким образом У. Брэдфорд трактовал принцип умеренности в повседневной жизни, каких нарушений старался избегать; был ли он приверженцем той «мирской аскезы», о которой писал в «Протестантской этике» М. Вебер? Ответ на этот вопрос тем более важен, поскольку в отечественной историографии пуритане были представлены «бережливými до скупости» и «неразборчивыми в средствах обогащения» людьми, которые проявляли беспощадную жестокость по отношению к «презренным» беднякам¹.

Представления плимутцев о нравственности базировались на понятии «умеренность» (или «воздержанность»). Для Ж. Кальвина воздержанность носила специфический характер: «Конечно, жизнь верующего должна умеряться постоянной воздержанностью – так, чтобы на протяжении всего земного существования христианин как бы соблюдал некий пост»²! К тому же Кальвин (в отличие от других реформаторов) считал необходимым сохранить церковный пост и для мирян³. То есть реформатор стремился всячески занизить законную меру в пользовании мирскими благами.

У. Брэдфорд не имел никакого желания превращать свою жизнь в постоянный пост. Рассуждая о том, что жизненный путь колонистов был полон лишений, бедствий, неблагоприятного климата и нездоровой пищи, Брэдфорд был немало удивлен тем, что многие из них дожили до глубокой старости (60–70-ти и даже более лет). Губернатор не нашел иного объяснения этому феномену, кроме как в том, что «попечение Божие хранило их»⁴. Именно поэтому Брэдфорд сделал довольно неожиданный для себя вывод: «Не только лакомства, не только мир и сердечный покой, отдых и наслаждение благами земными сохраняют здоровье и продлевают жизнь»⁵.

Первое десятилетие в истории колонии было очень трудным. Под «нездоровой пищей» Брэдфорд имел в виду непривычную для колонистов еду: сельдь, лобстеров, устриц, угрей, мидий, а также маис. Не внушало уверенности и употребление сырой воды вместо пива, сидра, вина. «Лишения» в питании были связаны с отсутствием или недостатком традиционных для англичан продуктов – пшеницы, сыра, молока.

Спустя десять лет колонистам удалось полностью обеспечить себя продовольствием и начать производить излишки (это касалось и зерновых, и скота). Однако в колонии не было введено никаких ограничений в области питания. Это не означает, что Бредфорд поощрял чревоугодие, но свидетельствует об отсутствии жесткой трактовки принципа воздержанности. Губернатор не желал отказываться от вкусной пищи. В его хозяйстве мы находим вертел и рашпер для поджаривания мяса, сковороду для сбора жира, разнообразные горшки для приготовления мясных похлебок⁶. Похлебки и тушеное мясо составляли основу питания англичан, к ним добавлялись блюда из кукурузы и фасоли. Их подавали на стол прямо в металлических горшках, а ели ложками из деревянных подносов с углублениями посередине⁷. Составители списка инвентаря Бредфорда насчитали четыре дюжины таких подносов.

Единственной ограничительной мерой в области питания было законодательное введение в колонии дней поста по особым случаям⁸. Пост означал полный отказ от пищи на сутки, прекращалась и работа. На следующий за постом день или по случаю избавления от напасти проводился «день благодарения». Причем, колонисты рационально относились к благодарению Бога: в случае неурожая осенний день благодарения был излишним и не проводился⁹!

Следует отметить, что Бредфорд, как и многие колонисты, с удовольствием употреблял разные спиртные напитки. Приведем фрагмент из письма купца Джеймса Шерли поселенцам от 25 января 1623 г. об одном из вечерних собраний пайщиков: «Я послал за полгаллоном вина (желал бы, чтоб и вы могли сделать то же самое) и мы дружно его распили»¹⁰. Бредфорд в своем комментарии 1646 г. на реплику Шерли пишет: «...сколь изменчивы, по воле Божьей, времена и блага. Ибо, что имеем мы сейчас в большем изобилии, чем вино? И притом лучшее, из Малаги и Канарских островов и других мест, и ежегодно нагружаем им не один корабль. Так что сейчас приходится сетовать на злоупотребление вином (из-за порочности людской) и даже пьянство, чем на нехватку его»¹¹. Отсутствие вина в колонии в ранний период ее истории для Бредфорда было поводом посетовать своему лондонскому корреспонденту, а для Шерли – посочувствовать губернатору.

В описи имущества губернатора (как, впрочем, и в инвентарях его соратников) обнаруживается разнообразная посуда для спиртного. У Бредфорда было два бокала для вина, «чаша» для спиртного, большая пивная кружка, оцененная в три фунта, и кружка поменьше стоимостью два фунта, а также множество бутылок. Наличие бадьи для варки пива свидетельствует о том, что губернатор занимался пивоварением на дому.

Принцип умеренности в употреблении спиртного состоял в том, чтобы не наносить вред себе и окружающим. В Плимуте законодательно была определена мера, отделявшая законное винопитие от того, которое ведет к пьянству, устанавливались разные ограничения в этой области (в том числе по времени нахождения в таверне)¹². Подчеркивалось, что пьянство препятствует исполнению человеком своего призвания. Закон, запрещавший курение табака в общественных местах, имел сходную логику¹³. Законодатель, как и в случае борьбы с пьянством, пытался предотвратить тот вред, который человек способен нанести курением себе и окружающим людям (не только пожары, но и лень, неисполнение призвания).

Нельзя сказать точно, курил ли сам Брэдфорд. Можно предположить, что он не имел этой привычки. В его инвентаре отсутствуют данные о курительных трубках, хотя опись была очень подробной. Нет в ней упоминаний и о «других мелких вещах», «всякой всячине». За этой формулировкой часто скрываются повсеместно обнаруживаемые археологами курительные трубки из глины, ценность которых для колонистов была невелика¹⁴. Не было у Уильяма Брэдфорда и серебряной табакерки, подобной той, которая имела у его друга и помощника Томаса Принса¹⁵. Но если губернатор не употреблял табак, то он делал это явно не потому, что считал курение противоречащим принципу умеренности.

Похожая модель определения воздержанности существовала и в отношении других земных благ. Дж. Демос указывает, что сексуальный союз был одной из обязанностей супругов Нового Плимута. Импотенция мужа являлась поводом для развода (хотя это нигде не было закреплено официально), поскольку от брачных отношений ждали рождения детей¹⁶. Но вне брака связь признавалась незаконной, ее следовало выявлять, а виновных карать. Суд колонии фиксировал разнообразные ситуации: сексуальные отношения до заключения брачного договора либо после его подписания, но до проведения брачной церемонии; а также прелюбодеяния и адюльтеры. Брэдфорд никогда не был замечен ни в чем предосудительном, хотя в Новом Плимуте не церемонились с уважаемыми и состоятельными колонистами, если те нарушали закон¹⁷. Губернатор был женат дважды, но для плимутцев это был далеко не предел¹⁸.

Как губернатор колонии относился к отдыху? В период подготовки переселения в Америку четверо видных членов лейденской общины (в их числе был Брэдфорд) выражали свое несогласие с позицией купцов: «...люди будут лишены ранее оговоренных двух дней в неделю ... то есть полностью лишены времени, которое

[предназначено] для их личных [нужд]»¹⁹. Купцы-инвесторы считали необходимым установить для всех колонистов шесть дней в неделю для труда на компанию. Конечно, речь в этом споре шла о предоставлении новоплимутцам времени на обработку собственных огородов, исполнения домашних и религиозных обязанностей, но также подразумевалось выделение времени на отдых. Таким образом, Бредфорд признавал законным право на отдых за каждым колонистом.

Однако не всякий отдых соответствовал принципу умеренности. В своей хронике Бредфорд пишет (и этот сюжет крайне важен для него), как он запретил игры в Новом Плимуте. Осенью 1621 г. в колонию прибыло судно «Форчюн», которое доставило 35 новых поселенцев, главным образом молодых людей (которые не были членами лейденской общины). Их снабдили одеждой и обувью и расселили по семьям плимутцев. Бредфорд вспоминает, как «в день, именуемый рождеством», он созвал всех колонистов на работу, но большая часть вновь прибывших отказалась, сославшись на праздничный день. Возвратившись, губернатор увидел, что юноши были увлечены игрой (похожей на современный крикет). Бредфорд отнял у них дубинки и мячи и сказал, что «это уже против его собственной совести, когда они играют, а остальные трудятся. Если хотят справлять рождество из благочестия, пусть сидят по домам, но уличных игр и увеселений не допустим»²⁰. Колонисты не считали Рождество, Пасху и иные церковные «красные» дни праздниками²¹. Поэтому не игра вызвала неодобрение Бредфорда, а нежелание молодежи трудиться вместе с остальными в обыкновенный рабочий день. Губернатор признает развлечения законными, если они не препятствуют исполнению призвания, поскольку труд занимает центральное место в его системе ценностей.

Следует обратить внимание на то, что обвинения в лени и нарушении правила умеренности в трактовке Бредфорда взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Часто виновные в неумеренности неумеренны сразу во всем: растрате провизии, денег, времени. Губернатор повествует, что в 1624 г. из Англии прибыл корабль, который доставил припасы колонистам, а сам отправился на рыбный промысел. Поскольку сезон лова уже начался, то «в помощь им [команде корабля] послали кое-кого из поселенцев, которым пришлось бросить свою работу, чтобы ставить рамы и подмости для сушки рыбы». Но мало что удалось, ибо капитан судна Бейкер «оказался пьяной скотиной и ничего не делал ... только пил, объедался и растрачивал время и припасы, а большая часть команды следовала его примеру»²². В этом обвинении особенно четко проявилась сущность критики, которой подвергает такой образ

жизни Брэдфорд. В равной степени осуждается пьянство и чревоугодие, растрата припасов, а также времени, правильное использование которого имеет для губернатора огромное значение, поскольку оно связано с трудом в призвании.

Говоря о законных играх и развлечениях, необходимо отметить одно важное обстоятельство. Английские пуритане осуждали бесполезные и способные нанести вред здоровью, а также имевшие черты театральности игры. Сюда относились игры с мячом (похожие на современные футбол, крикет, боулинг, теннис), а также «кровавые» виды спорта (поединки с оружием, турниры, петушиные бои, травля животных)²³. Компанию им составляли иные незаконные забавы: игры в карты, в кости, шаффлборд, шахматы, нарды. Так, 4 июля 1656 г. суд Нового Плимута указал на то, что «некоторые [люди] приносят карты в города ... в которых разные юнцы: и дети, и сервенты собираются, чтобы потратить свое время на незаконные игры, [которые ведут] к развращению молодежи [и] другим печальным последствиям»²⁴. Можно предположить, что губернатор считал противоречащими правилу воздержанности те виды отдыха, которые не приносили пользу телу и душе человека и не содействовали достижению общего блага колонистов.

Какие же развлечения признавал губернатор и, вполне возможно, сам принимал в них участие? Те, которые были «продуктивны» для него и других колонистов. Охота и рыбалка полностью отвечали всем требованиям. Скорее всего, Брэдфорд радовался изобилию животных и птиц в лесах Новой Англии, а главное – отсутствию ограничений на их промысел. Признавал он и некоторые состязания. Известно, что в 1623 г. ассистент губернатора Эдвард Уинслоу вызвал людей дружелюбного плимутцам индейского племени вампаноагов на состязание в охоте. Индейцы отказались, но предложили посоревноваться в стрельбе в цель. В итоге они привели англичан в изумление, изрешетив цель своими стрелами²⁵.

Несомненно, губернатор колонии был главной фигурой в дни проведения выборов, городских собраний, судебных заседаний. Эти дни были отмечены смешением деловой и карнавальной атмосферы: характерно было употребление большего количества алкоголя, чем обычно, а также проведение зрелищных мероприятий (порки, клеймения, осмеяния тех, кто сидел в колодках)²⁶. Как полноправный колонист У. Брэдфорд также принимал участие в регулярных строевых учениях сил милиции, проводившихся шесть-восемь раз в год. Учения эти обыкновенно делились на тренировочную часть в первой половине дня и на «праздничную» часть во второй. Тогда могли устраивать атлетические состязания, соревнования по стрельбе в цель или борьбе²⁷.

Все перечисленные выше развлечения отвечали требованию «продуктивности»: были связаны с совершением определенных полезных действий и одновременно с этим создавали возможность для общения и отдыха. Вряд ли стоит сомневаться также в том, что губернатор принимал участие в застольях, беседах с родственниками и друзьями, которые могли проходить каждое воскресенье после обязательного для всех посещения церкви.

Досуг губернатора был немислим без чтения книг, ведь Бредфорд был заядлым библиофилом. Он собрал вторую по величине библиотеку, уступавшую лишь библиотеке почтенного старейшины колонистов Уильяма Брюстера, который обучался в Кембридже. У Бредфорда имелось более 80 книг, а их стоимость превышала 15 фунтов. В их числе были несколько дорогих библий, трактаты видных реформаторов церкви, пуританских теологов и проповедников, а также все труды пастора лейденской общины и друга губернатора Джона Робинсона. В библиотеке Бредфорда была и светская литература. В первую очередь необходимо назвать «Шесть книг о республике» Ж. Бодена, «De Orbe Nova» П. Мартира д'Ангиера, «Общая история Нидерландов» Э. Ван Метерена, «История Италии» Фр. Гвичардини, атлас мира с комментариями, составленный Дж. Спидом в 1627 г. Кроме того, составители инвентаря отметили «разные книги на голландском языке».

Разнообразная литература позволяла губернатору заниматься самообразованием, а также помогала ему в написании собственных трудов: помимо хроники «О Плимутской колонии», Бредфорд был автором нескольких поэм и диалогов. В чтении и сочинительстве он не находил ничего запретного.

Необходимо отметить еще одну особенность восприятия умеренности Бредфордом. Ее можно назвать рациональной воздержанностью. Губернатор отмечает данное качество колонистов (или, скорее, мудрых руководителей колонии) как явную добродетель, противопоставляя ее нарушению правила умеренности другими поселенцами. По воспоминаниям Бредфорда, присланные в 1623 г. бывшим пайщиком Т. Уэстоном для организации собственного дела англичане, увидев крайнюю нужду колонистов Нового Плимута, заявили, что «сами они пойдут иным путем и не впадут в такое состояние, подобно здешним простакам»²⁸. Однако Бредфорд и его помощники предполагали, «видя, насколько они несдержанны, лишены умелых руководителей и охвачены беспорядком, что скоро они впадут в нищету»²⁹. Под отсутствием порядка подразумевалось неправильное расходование имевшейся провизии, хотя 60 крепких и трудоспособных мужчин прибыли с полным запасом провианта. Губернатор считал вполне закономерным,

что голод быстро оказался на их пороге, «ибо они потребляли без меры то, что имели или могли добыть»³⁰.

Плимутцы же, напротив, в условиях слабого снабжения из Англии (или подчас полного его отсутствия) смогли пережить сложные времена, не впасть в нищету и даже достичь приемлемого уровня благосостояния. Как тут не вспомнить слова пастора Робинсона: «Умеренная диета благоприятна для тела и души, но также и для благосостояния [человека], а обратное – разрушительно [и для тела с душой, и для благосостояния], ибо Бог говорит и приказывает: “Тот, кто любит вино и масло не будет богатым”»³¹. Пастор не призывает отказаться от вкусной пищи, а настаивает на необходимости разумной экономии. Ниже Робинсон пишет о том, что следует «умеренно использовать не только блага [предназначенные] для нашего желудка, но и [иные блага] мирской жизни». Фактически Робинсон рассуждает об «умеренной диете» в широком смысле слова. Она является непременным условием обретения достатка. И этот момент был хорошо усвоен губернатором колонистов.

С другой стороны, Брэдфорд трактует умеренность как обязанность не желать богатств сверх меры и не иметь привязанности к мирским благам (что является проявлением алчности). Рассуждая о разорении корыстолюбивого купца Т. Уэстона, Брэдфорд заключает: «Тем не менее люди устремляются к мирским благам, хоть ежедневно видят всю их суетность»³².

Именно с таким пониманием умеренности следует связывать земельную политику, которую проводил магистрат колонии во главе с губернатором. В ходе земельной реформы 1627 г. каждый колонист получил свой участок земли (лот в 20 акров). По мнению Д. Ратмэна, самостоятельно, без сервентов, плимутский фермер был способен обработать не более 25 акров земли³³. Скорее всего, при проведении реформы власти исходили именно из этого размера. Владение таким небольшим количеством земли не свидетельствовало об алчности и признавалось законным.

В 1630-е годы магистрат препятствовал стремлению плимутцев завладеть все большим количеством земли, а также процессу расселения людей по территории колонии. Земельная политика магистрата основывалась на патенте, который был выдан «Уильяму Брэдфорду и его партнерам» в 1630 г. Только в 1639 г. фримены колонии добились передачи права наделения землей от магистрата общему собранию Нового Плимута. Причина недовольства фрименов состояла в малом размере земельных пожалований, проводимых администрацией Брэдфорда. К тому же губернатор и его помощники требовали, чтобы получатели земельных грантов в действительности селились на той земле, которая им предоставлялась.

Однако условия эти нарушались. Также в колонии было установлено правило, согласно которому не проживавший на своем участке собственник должен был платить дополнительный налог в казну³⁴.

Сам Брэдфорд не покинул первоначальное поселение в отличие от некоторых лидеров колонии. К концу жизни у губернатора было «немного земли вокруг Плимута» и еще пять земельных участков в других местах (без указания их размера и стоимости). Это не так много, поскольку, по подсчетам Дж. Демоса, богатый колонист мог владеть числом наделов от 12 до 20, а середняк – несколькими наделами³⁵. По крайней мере на части этой земли вели свое хозяйство взрослые сыновья Брэдфорда. В завещании указано, что губернатор оставляет уже распределенные земельные доли своим старшим сыновьям Джону и Уильяму, а также желает, чтобы его младший сын Джозеф по достижении совершеннолетия получил не меньше земли, чем было у его братьев. Можно предположить, что участки Брэдфорда большей своей частью были введены в хозяйственный оборот. По мнению Д. Ратмэна, земля воспринималась плимутцами не как «средство производства» продукта, а ценилась сама по себе³⁶. Однако для Брэдфорда это утверждение не совсем справедливо.

Уместно поставить вопрос о том, были ли представления Брэдфорда о практической стороне умеренности проявлением «мирской аскезы», которая (по мысли М. Вебера) должна была стимулировать увеличение капитала³⁷?

С одной стороны, похожие призывы можно обнаружить в письме Роберта Кашмена будущим колонистам от 1620 г. Кашмен в то время был одним из агентов лейденцев в Лондоне и занимался переговорами с купцами, инвестировавшими компанию по созданию колонии. Поводом к написанию письма стало желание Кашмена убедить братьев по вере признать условия переселения, выдвинутые купцами. Некоторые из них вызвали сильное недовольство будущих колонистов: во-первых, лишение поселенцев двух дней в неделю на собственные нужды, а во-вторых, что по истечении отведенного предприятию семилетнего срока все добытое его участниками имущество должно делиться поровну между колонистами и купцами.

Лейденцы (в числе которых был Брэдфорд) настаивали на том, что из этого имущества необходимо исключить дома и приусадебные участки. В противном случае, утверждали будущие пилигримы, никто из колонистов не захочет строить добротные дома. Кашмен отвечал: «Наше богатство не в роскоши состоять будет, но в силе; если Бог пошлет нам богатство, мы употребим его на то, чтобы больше иметь работников, судов, снаряжения и тому подобного.

В лучших политических трактатах говорится, что стоит где завеситься прекрасным домам и эффектным нарядам, как государство начинает клониться к упадку»³⁸. То есть агент будущих колонистов четко разграничивал мирские блага, стремиться к которым грешно, и капитал, создание и увеличение которого поощряется. Поэтому он оправдывает строительство самых дешевых домов (стоимостью не более пяти фунтов).

Брэдфорд не изменил своего убеждения и в колонии. Он был уверен, что колонисты не могут довольствоваться лачугами и должны строить добротные и удобные дома, «как того требуют политические трактаты». Строительство таких домов (двухэтажных, имевших в своей основе каркас из бруса, обшитого доской, с несколькими комнатами на каждом этаже) власти колонии стимулировали после ликвидации компании в 1627 г. Следовательно, аргументация Кашмена не была для Брэдфорда значимой. Дом самого губернатора насчитывал несколько комнат: старая гостиная, большая комната, кухня, новый кабинет, кабинет. Такие крупные дома были не у всех плимутцев. Однако по относительной стоимости дом нельзя назвать дорогим: 45 фунтов вместе с прилегающей к нему землей и фруктовым садом.

Из описи имущества Брэдфорда следует, что предметы, имевшие отношение к его хозяйственной деятельности и предпринимательским инициативам, явно преобладали над остальными. Бросается в глаза, что у губернатора много скота – на 125 фунтов. Однако не это является специфической особенностью структуры имущества Брэдфорда. У него поразительно много наличных денег – более 150 фунтов. Дело в том, что он продолжал вести торговлю мехами с индейцами после того, как остальные лидеры колонии от нее отказались. В описи инвентаря Брэдфорда также указано, что около 300 фунтов составляют товарные запасы и долги его коммерческих партнеров! В этой связи вспомним слова пастора Робинсона, который оправдывал лондонского купца Т. Уэстона, медлившего с внесением собственных средств в компанию по созданию колонии в 1620 г. В письме первому губернатору колонии Дж. Карверу пастор писал: «Многие считают, что ему [Уэстону] первому надлежало внести деньги [в предприятие], но я легко могу оправдать его, ибо он купец и держит их [деньги] в обороте ради собственной прибыли, тогда как другие [люди], имея их в руках, истратили бы»³⁹. Тем самым Робинсон поощряет купца держать деньги в обороте. Именно так и поступает Брэдфорд.

Казалось бы, «мирской аскетизм» налицо. Однако все не так просто. У Брэдфорда были очевидные отклонения от веберовской модели. Его «слабости» несколько отличаются от «пристрастий»

будущего губернатора Томаса Принса. У Принса было много серебряной посуды, а ее стоимость составляла более половины стоимости скота этого видного колониста! У Брэдфорда всего 13 серебряных ложек (на 3,5 фунта). Зато у него выше относительная стоимость одежды (почти 29 фунтов), обуви (24 пары разных видов и качества, а также кожа для производства обуви, общей стоимостью более 5 фунтов), запасов разных тканей для пошива одежды (45 фунтов). Стоимость гардероба Принса (который тоже любил хорошо одеться) составляла около 25 фунтов, а запас тканей был оценен в 14 фунтов.

Гардероб Брэдфорда был весьма разнообразен по тканям и их расцветкам. Хотя составители инвентаря часто не указывают цвет, отмечая лишь то, что ткань была цветная, а также делая ссылку на насыщенность цвета («насыщенный» или «бледный»). Точно указаны были фиолетовый плащ, красный жилет, зеленая мантия (gown), а среди запасов тканей имелись отрезки оливкового, красного, белого, серого цветов. Необходимо отметить, что одежду черного цвета пилигримы носили только по праздничным и воскресным дням. Сам этот цвет символизировал торжественность и строгость. Что касается фактур, то в первую очередь это были шерстяные ткани разных типов (тонкое сукно, грубая шерсть, серж, гребенчатые сорта). Среди запасов Брэдфорда имелись английский мохер, хлопковое и льняное полотно, пенистон, тонкое шерстяное сукно (broadcloth), шерстяное сукно, именуемое «kersey» (качественное, но более грубое, чем broadcloth), дорогая шерстяная ткань без ворса (rash). Также Брэдфорд носил шерстяной плащ, украшенный тафтой; костюм, сшитый из турецкого фая (turkey grogam).

Костюмом обычно именовали набор предметов одежды. Мужской костюм состоял из камзола особой формы, плаща и коротких штанов (doublet, cloack and breeches), которые дополнялись чулками, ботинками и шляпой. Цена стандартного костюма в колонии составляла 1,5 фунта. На эти деньги можно было купить на выбор: молодого бычка, либо шесть коз, либо 10 бушелей пшеницы, либо полный набор необходимого оружия. Многие костюмы губернатора стоили в два-три раза дороже стандартной цены.

Несколько костюмов Брэдфорда были украшены серебряными пуговицами. Однако у губернатора не было кружев, воротников, лент по моде того времени – всего того, что имелось у его преемника Принса. Необходимо отметить, что в Плимуте (в отличие от соседних пуританских колоний) не было принято законов, которые бы запрещали изготавливать и носить золотые или серебряные кружева, воротники, пояса, ленты на шляпах и шляпы из бобра⁴⁰. Возможно, это не было сделано из-за того, что большинство коло-

нистов не могли себе позволить данные «излишества». Однако супруга губернатора Элис (которая пережила мужа на 13 лет) носила бобровую шляпку⁴¹. Предположим, что Брэдфорд не имел ничего против модного головного убора своей жены.

Разнообразная цветовая гамма была характерна и для покрывал, одеял, ковриков, которые имелись в доме Брэдфорда. Дом губернатора также украшали кожаные кресла (четыре обычных и одно большое), резная мебель: сундуки, кресла, табуреты. Кресла относительно редко встречаются в описях имущества колонистов; вероятно, большинство из них сидели на сундуках или табуретах⁴². Как и в случае с гардеробом, можно констатировать наличие у Брэдфорда внушительных запасов постельного и столового белья: 21 простыня, 10 наволочек, 77 салфеток, 10 скатертей (среди них особенно заметными были несколько дорогих, узорчатых скатертей и салфеток). Стоимость белья губернатора превышала 18 фунтов. У колонистов с имущественным уровнем ниже среднего было мало постельного белья, а столового белья не было вовсе⁴³. Белье является еще одной иллюстрацией имевшихся у губернатора «излишеств» в области накопления движимого имущества.

Таким образом, большая часть состояния Брэдфорда – это товарные запасы и наличные деньги, скот и земельные участки. Такая структура имущества обоснована его представлениями об умеренности. Вместе с тем понимание воздержанности выражалось в том, что Брэдфорд имел не так много земельных участков, как некоторые другие состоятельные колонисты. Более того, он критиковал плимутцев за чрезмерное стремление к земельным владениям.

С другой стороны, по мере увеличения состоятельности у губернатора росло количество движимого имущества и даже предметов роскоши, повышалась и их относительная стоимость. Как могли ужиться представления о рациональной воздержанности Брэдфорда и его затраты на пополнение библиотеки, гардероб, заказ резной мебели у искусных столяров? Как уживались представления губернатора об отсутствии привязанности к мирскому и накопление им имущества?

Можно предположить, что с течением времени постепенно размывались изначальные представления о воздержанности даже у такого приверженца кальвинистского учения, каким был Брэдфорд. Колониальная действительность с ее неразвитой экономикой подталкивала к накоплению необходимых для жизни вещей, и это накопление в итоге выходило за рамки представлений об умеренности. Учитывая трудности, выпавшие на долю Брэдфорда, можно сделать вывод о том, что его рациональная воздержанность была оправданна. Она позволила пережить трудные времена, но не

прошла бесследно, превратившись в настоящую бережливость. Отсюда запасы движимого имущества, значительная часть которых складировалась в сундуках и не приносила никакой пользы своему владельцу. Отсюда и привычка Брэдфорда хранить старые вещи: одежду, посуду, постельное и столовое белье, мебель, инструмент (сведения об этом имеются в его инвентаре).

В контексте всей системы этических представлений Брэдфорда возникает еще одно объяснение противоречивости его взглядов на воздержанность. Губернатор считает наиболее желательным для человека достижение среднего состояния, которое лишено опасностей, свойственных двум крайностям – бедности и богатству. Это заветное для него состояние предполагает обретение достатка, что выражается в обладании вещами, которые способны сделать жизнь человека комфортнее и радостнее. Отсюда и «слабости» Брэдфорда. Разнообразная одежда, уютная обстановка, книги современных и древних мыслителей, не говоря уже о духовной литературе, – это то, без чего губернатор Нового Плимута не мог себе представить полноценной жизни. Брэдфорд был убежден, что повседневность не должна быть серой и унылой. Поэтому он допускал игры и развлечения, застолья, спиртные напитки, курение, беседы, чтение книг, радости семейной жизни, богатую палитру цветов костюма и домашней обстановки. Однако умеренность оказывала сильное влияние на Брэдфорда: хотя удовольствия дозволялись, главное место отводилось каждодневному труду, без которого выжить на чужбине было невозможно.

Вполне закономерно, что основное богатство Брэдфорда составляло то имущество, которое было связано с его хозяйственной деятельностью, исполнением призвания. Однако умеренность Брэдфорда нельзя отождествлять с тем типом аскетизма, который был направлен на постоянный рост и преумножение капитала. Это было бы явным упрощением взглядов и всей картины жизни губернатора. Да и становиться крупным купцом Брэдфорд, видимо, не имел желаний.

Учитывая изложенное выше, можно утверждать, что представления Уильяма Брэдфорда об умеренности были противоречивыми. Однако сам губернатор, казалось, не замечал этого. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на убежденность Брэдфорда в необходимости экономного расходования времени, припасов, денег, на оценку отдыха и удовольствий с позиции приносимой ими пользы самому себе и окружающим людям. Все это свидетельствует о том, что в представлениях и практике губернатора был достаточно силен рациональный, буржуазный акцент, а некоторые его взгляды об умеренности напоминают современные.

- 1 См., например: *Лагровский В.М., Барг М.А.* Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х гг. XVII в. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 144, 147, 151–153, 164–165.
- 2 *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере: В 3 т. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1999. Т. 3, кн. IV. С. 233.
- 3 Там же. С. 231.
- 4 *Bradford W.* Of Plymouth Plantation: 1620–1647 / Ed. S.E. Morison. N. Y.: The Modern Library, 1952. P. 329.
- 5 Ibid. P. 328.
- 6 The inventory of the goods of William Bradford, deceased 1657 // Pilgrim HaU Museum. America's museum of Pilgrim possessions. [Plymouth, 2005]. URL: <http://www.pilgrimhall.org/willwbradford.htm> (дата обращения: 11.09.2009).
- 7 *Deetz J. and P.* The Time of Their Lives: Life, Love and Death in Plymouth Colony. N. Y.: W.H. Freeman and Company, 2000. P. 7–8, 262.
- 8 Laws of the Colony of New Plymouth in New England. 1623 to 1636 // The Plymouth Colony Archive Project. [Plymouth, 2000–2003]. URL: <http://www.histarch.uiuc.edu/plymouth/laws1.html> (дата обращения: 11.09.2009).
- 9 *Daniels B.* Puritans at Play: Leisure and Recreation in Colonial New England. N.Y.: St. Martin's Griffin, 1995. P. 82–83, 90–91.
- 10 *Bradford W.* Op. cit. P. 373. Английский галлон составлял 4,54 л.
- 11 Ibid. P. 373.
- 12 Foundations of Colonial America: A documentary history. Vol. 1 / Ed. by W. Keith Kavenagh. N.Y.: Chelsea House Publishers, 1973. P. 445.
- 13 Ibid. P. 411.
- 14 *Deetz J. and P.* Op. cit. P. 192, 213.
- 15 Inventory of Thomas Prence // The Plymouth Colony Archive Project. [Plymouth, Б. Д.]. URL: <http://www.histarch.uiuc.edu/plymouth/P205.htm> (дата обращения: 11.09.2009).
- 16 *Demos J.* A Little Commonwealth. Family Life in Plymouth Colony. L.: Oxford University Press, 1975. P. 95–96, 137, 153.
- 17 *Stratton E.A.* Plymouth Colony: Its History & People. 1620–1691. Salt Lake City, 1986. P. 155–157.
- 18 *Demos J.* Op. cit. P. 85–87.
- 19 Ibid. P. 360.
- 20 Ibid. P. 97.
- 21 *Daniels B.* Op. cit. P. 88–91.
- 22 *Bradford W.* Op. cit. P. 146.
- 23 *Daniels B.* Op. cit. P. 165–167.
- 24 Servants and Masters in the Plymouth Colony. Appendix II: Plymouth Colony Records and Court Orders // The Plymouth Colony Archive Project. [Plymouth,

- 2000–2007]. URL: <http://www.histarch.uiuc.edu/plymouth/Galleapp.html#XII> (дата обращения: 11.09.2009).
- 25 *Struna N.L.* People of Prowess. Sport, Leisure and Labor in Early Anglo-America. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1996. P. 21–23, 44–45, 60.
- 26 *Deetz J. and P.* Op. cit. P. 2–6, 132.
- 27 *Daniels B.* Op. cit. P. 97–99, 105.
- 28 *Bradford W.* Op. cit. P. 118.
- 29 Ibid. P. 109.
- 30 Ibid. P. 116.
- 31 *Robinson J.* New Essays; or, Observations Divine and Moral, Collected out of the Holy Scriptures, ancient and modern writers, both divine and human; as also out of the great volume of men's manners: tending to the furtherance of knowledge and virtue. By John Robinson. Printed in the year 1628. Ch. XXX. Of Sobriety // Pilgrim HaU Museum. America's museum of Pilgrim possessions. [Пlymouth, 2005]. URL: <http://www.pilgrimhall.org/robinson30.htm> (дата обращения: 11.09.09).
- 32 *Bradford W.* Op. cit. P. 119.
- 33 *Rutman D.B.* Husbandmen of Plymouth Farms and Villages in the Old Colony. 1620–1692. Boston: Beacon press, 1968. P. 61.
- 34 *Langdon G.* Pilgrim Colony. A History of New Plymouth. 1620–1691. New Haven; L.: Yale University Press, 1966. P. 48.
- 35 *Demos J.* Op. cit. P. 62–63.
- 36 *Rutman D.B.* Op. cit. P. 62.
- 37 *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 197, 199.
- 38 *Bradford W.* Op. cit. P. 363.
- 39 Ibid. P. 42.
- 40 *Daniels B.* Op. cit. P. 195.
- 41 Inventory of Alice Bradford // The Plymouth Colony Archive Project. [Plymouth, Б. Д.] URL: <http://www.histarch.uiuc.edu/plymouth/P178.htm> (дата обращения: 11.09.2009).
- 42 *Deetz J. and P.* Op. cit. P. 198.
- 43 *Demos J.* Op. cit. P. 37.

А.В. Воеводский

КЕЧВАЙО – ПОСЛЕДНИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ПРАВИТЕЛЬ СТРАНЫ ЗУЛУСОВ*

В статье рассматривается история зулусов в XIX в. через призму жизни и деятельности их последнего независимого правителя Кечвайю. В период его юности проходила борьба зулусов с бурами, когда само существование их державы было поставлено под угрозу. На время самостоятельного правления Кечвайю пришлось англо-зулусская война 1879 г., которая привела к ликвидации независимой зулусской державы и повлекла за собой тяжелые испытания для всех зулусов. Как приходилось действовать зулусским правителям в подобном контексте, в условиях все нарастающего давления со стороны колониального общества – вопросы, на которые пытается ответить автор статьи.

Ключевые слова: история Южной Африки, Кечвайю, зулусы, англо-зулусская война 1879 г.

В 1879 г. имя до того мало известного правителя зулусов облетело весь мир. Даже в далекой от Южной Африки России следили за перипетиями борьбы могущественной Британской империи с африканским вожжеством, располагавшимся на юге Черного континента. Причиной стало жестокое поражение британских войск 22 января 1879 г. у холма Изандлвана: в результате внезапного нападения зулусов был окружен и практически полностью уничтожен отряд полковника Э. Дернфорда, погибло более 800 англичан и 500 африканцев из так называемых туземных войск. Отклики на это событие появились на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», «Вестника Европы», «Невы», а в «Военном сборнике» публиковались подробные отчеты о ходе военной кампании англи-

© Воеводский А.В., 2010.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 09-01-00104а «История Африки в биографиях важнейших деятелей».

чан против зулусов. А.П. Чехов в письмах к своему старшему брату Александру обращался: «Мой брат зулус»¹. После поражения при Изандлване англичанам потребовалось еще более полугода и несколько сот жизней британских солдат, чтобы добиться полной победы над зулусами. Уже под самый конец войны зулусы еще раз заставили заговорить о себе в европейских столицах. В одной из мелких стычек погиб сын Наполеона III, принц Луи Бонапарт, отправившийся в Южную Африку в поисках воинской славы².

Так что же это был за человек, который отважился бросить вызов могущественной империи, обладая войском, вооруженным всего лишь копьями и кожаными щитами?

Кечвайо каМпанде родился приблизительно в 1826 г. в окрестностях местечка Эшове, которое располагается в современной провинции ЮАР КваЗулу-Натал. Его отец, Мпанде, был братом основателя зулусской державы Чаки и его преемника Дингане (Дингаана), правившего с 1828 г.

В это время зулусы доминировали практически на всем юго-восточном побережье Южной Африки. Их могущество основывалось на военной системе, сложившейся в конце XVIII – первой четверти XIX в. Чака, объединивший к 1824 г. под своей властью большую часть современной провинции ЮАР КваЗулу-Натал, призвал на службу всех взрослых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет. Из них были сформированы военные подразделения – *амабуто*³, которые составили войско зулусов. В основу его организации была положена строжайшая дисциплина. Невыполнение любого приказа влекло за собой смерть.

Чака установил жесткие ограничения на общение между противоположными полами. Незамужние девушки также объединялись в специальные амабуто. Внебрачные связи между представителями мужских и женских «полков», если на то не было особого распоряжения Чаки, карались смертью. Разрешение же на вступление в брак получали лишь особо отличившиеся в боях воины и ветераны. Дингане, сменивший Чаку в качестве верховного правителя зулусов в 1828 г., отменил ряд наиболее жестоких ограничений. Амабуто стали собираться лишь на полгода, и молодые воины могли раньше получать разрешение обзавестись семьей и основать свое собственное домохозяйство⁴.

Во второй половине 1830-х годов зулусы вступили в период жестоких испытаний, потрясших основы их образа жизни. В 1835 г. началось масштабное переселение буров (африканеров) из восточных районов Капской колонии на земли сопредельных африканских народов, вошедшее в историю под названием «Великий трек». Территории зулусов привлекали переселенцев мягким климатом,

удобным выходом к морскому побережью, обширными пастбищами и плодородием. С конца 1837 г. началась кровавая и упорная борьба буров и зулусов за право жить на этой земле.

По-видимому, зулусы уже были достаточно осведомлены о последствиях вторжения белых и пагубных последствиях заключения с ними соглашений. Поэтому, подписав договор с предводителем буров П. Ретифом об уступке части своей территории, Дингане заманил треккеров в ловушку, и по его приказу весь передовой отряд буров был перебит 6 февраля 1838 г. Буры во главе с А. Преториусом начали новое наступление. Зулусы оказывали упорное сопротивление, но буры, используя превосходство огнестрельного оружия над *ассегаем*⁵, смогли нанести им сокрушительное поражение 16 декабря 1838 г. на реке Баффало, которую с тех пор из-за огромного количества жертв со стороны африканцев стали называть Кровавой. Зулусы оставили на поле боя свыше 3 тыс. человек убитыми. Дингане вынужден был пойти на заключение мира 23 марта 1839 г. Зулусы отказывались от всех территорий к югу от реки Тугелы. На захваченных землях бурские переселенцы основали республику Натал.

С этого момента начинается возвышение Мпанде, младшего брата Дингане и Чаки. Воспользовавшись поражением на реке Инкоме и массовым распространением недовольства среди зулусов, Мпанде заключил договор с бурами, по которому они обязались помочь ему свергнуть Дингане. За эту помощь Мпанде обещал отдать бурам скот, который якобы был захвачен у них во время войны, и предоставить им полную свободу действий в Натале. Во время подписания этого соглашения на фольксраде⁶ в Питермаритцбурге впервые в качестве наследника бурам был представлен Кечвайю. В ознаменование этого события на одном из его ушей была сделана специальная отметина наподобие тех, которыми клеймили скот⁷. Это было первым публичным появлением Кечвайю.

При помощи буров Мпанде удалось разбить Дингане, и 18 февраля 1840 г. он был провозглашен «королем» зулусов. Сделав значительные территориальные уступки европейцам, Мпанде удалось сохранить независимость зулусской державы. Он смог установить дружественные отношения с англичанами, аннексировавшими в 1843 г. республику Натал. Граница между новой британской колонией и владениями зулусов проходила по реке Тугела и ее левому притоку Баффало.

Несомненно, будучи еще мальчиком и оказавшись вовлеченным в междоусобную борьбу, Кечвайю мог оценить силу и военное превосходство европейцев. Возможно, еще в то время у него

зародилось устойчивое неприятие буров, что особенно ярко проявилось в последующие годы, когда он стал правителем. В 1873 г. в беседе с министром по туземным делам английской колонии Натал Т. Шепстоуном Кечвайо утверждал, что «он и каждый зулус скорее умрут, чем подчинятся бурам»⁸.

В 40-е годы XIX в. Кечвайо был «призван» вместе со своим старшим братом Мбуязи в «полк» Тулвана. Для будущего верховного правителя зулусов не существовало никаких послаблений в дисциплине, скорее наоборот, чтобы завоевать авторитет среди зулусов, ему надо было проявлять вдвое больше усердия и сноровки, на деле доказать, что он может командовать другими людьми и распоряжаться их жизнями. Эта традиция была установлена еще великим дядей Кечвайо Чакой, который также начинал свое возвышение с положения рядового воина⁹.

Свой первый боевой опыт Кечвайо приобрел, приняв участие в последнем из больших набегов зулусов против *свази* в 1852 г. Храбрость и отвага, проявленные им в этом походе, сразу же принесли ему широкую популярность. Как отмечал Ч.Т. Биннс, автор наиболее известной биографии Кечвайо, он вселял в зулусов надежду в их будущее¹⁰.

Рост популярности Кечвайо в 1850-е годы вызывал серьезное беспокойство со стороны Мпанде, который больше благоволил к своему старшему сыну Мбуязи. В результате вокруг претендентов на трон сложилось два враждебных друг другу лагеря. Сторонники Кечвайо были известны под именем *узуту*, содержавшим намек на их невоздержанность в питье. В 1856 г. этот конфликт вылился в открытое вооруженное противостояние. Люди Мбуязи разорили земли сторонников Кечвайо, что привело к мобилизации сил узуту. Две враждебные армии встретились в декабре 1856 г. на берегу Тугелы на границе с Наталом. На стороне Мбуязи в сражении принял участие «полк» ветеранов, присланный Мпанде на помощь своему любимцу, а также отряд пограничной полиции Натала численностью в 35 человек во главе с английским охотником и торговцем Джоном Данном. Но благодаря подавляющему численному преимуществу узуту удалось одержать победу. Мбуязи и пятеро других сыновей Мпанде были убиты, само место побоища, по свидетельству очевидцев, было буквально усеяно телами павших воинов¹¹.

С этого момента фактическое управление страной перешло в руки Кечвайо. Несмотря на то что изначально администрация и жители Натала поддерживали Мбуязи, Кечвайо постарался наладить отношения с английскими властями колонии. Дж. Данн не был подвергнут репрессиям, наоборот стал одним из близких

советников Кечвайю, снабжал зулусов огнестрельным оружием и организовал значительную торговлю с колонией. В награду за оказанные услуги Кечвайю предоставил ему земли вдоль океанского побережья к северо-востоку от реки Тугелы.

Конфликт между Кечвайю и Мпанде однако так и не был разрешен до конца. У обеих сторон не хватало сил решительно изменить ситуацию в свою пользу. Это противостояние вызывало серьезные опасения и у английских властей Натала, которые боялись, что эскалация конфликта может привести к дестабилизации ситуации и в самой английской колонии, где африканское население составляло подавляющее большинство. Однако и колонисты, и зулусы были заинтересованы в мирном разрешении конфликта. Поэтому при посредничестве англичан Кечвайю и Мпанде пришли к компромиссу. В 1861 г. в страну зулусов со специальной миссией отправился Т. Шепстоун. Он официально признал Кечвайю наследником Мпанде, и тот в свою очередь публично выразил свою преданность отцу¹².

Основанием для обращения к властям Натала было стремление Кечвайю, с одной стороны, заручиться поддержкой англичан в случае военного конфликта с бурами; с другой он пытался обезопасить себя от возможных притязаний на власть со стороны братьев, бежавших в британские владения. Среди зулусов ходили слухи, что Мбуязи остался жив и укрылся в Натале, где он якобы нашел покровительство¹³. Таким образом, приглашение Т. Шепстоуна было важным политическим шагом, который должен был как обезопасить Кечвайю от вмешательства буров, так и упрочить его позиции среди самих зулусов.

В последующем Кечвайю и Мпанде попытались использовать поддержку англичан в противостоянии с бурами. В 1869 г. зулусские правители обратились к властям Натала с просьбой взять под свой контроль узкую полосу земли на границе их владений с Трансваалем¹⁴, так как буры неоднократно предпринимали попытки отторгнуть часть северных территорий страны зулусов. Тем самым они планировали путем небольших территориальных уступок со своей стороны создать буферную зону между владениями зулусов и землями буров. Хотя английские власти так и не предприняли конкретных шагов в этом направлении, последовавшая за этим переписка лейтенанта-губернатора Натала и президента Трансваала сдержала дальнейшие территориальные притязания буров¹⁵.

В октябре 1872 г. умер Мпанде и борьба за власть в державе зулусов разразилась с новой силой. Главными соперниками Кечвайю являлись младший сын умершего *инкоси*¹⁶ Мтонга, бежавший после смерти отца в Трансвааль, и Хаму¹⁷, двоюродный брат

Кечвайо. Еще при жизни Мпанде отношения между ним и Кечвайо были напряженными. Хаму пользовался особыми привилегиями, подчеркивавшими его высокий статус. Он проводил свой праздник первого урожая (*umkhosi*), обладал собственной резиденцией (*isigodlo*) и собирал военные отряды¹⁸. Сам Кечвайо указывал в 1881 г., что Хаму был единственным, кто составлял против него заговоры и отзывался о нем неуважительно¹⁹.

Как и в 1861 г., Кечвайо обратился к англичанам с просьбой совершить официальную церемонию возведения его в достоинство верховного правителя зулусов. Тем самым он надеялся упрочить свое положение внутри страны и обезопасить себя от возможного вмешательства со стороны буров Трансвааля. Для колониальных властей, и в первую очередь для министра по туземным делам Т. Шепстоуна, это представлялось удобным случаем для установления своего контроля над зулусами и навязывания Кечвайо выгодных англичанам соглашений.

В начале августа Т. Шепстоун в сопровождении отряда колониальных войск отправился в Зулуленд (так европейцы тогда называли страну зулусов). Но 15 августа он получил известие от Дж. Данна, что зулусы уже провели согласно своим обычаям все положенные по данному случаю ритуалы. Сама церемония проходила в священном для зулусов месте, где находились могилы их правителей, начиная с отца Чаки Сензангаконы. Она включала в себя создание нового символа единства зулусов – инкаты²⁰ и совершение особых действий, призванных усилить физические, духовные и магические силы правителя, его способность противостоять ворожбе колдунов. При проведении подобных ритуалов использовались в том числе и части человеческого тела, что должно было придать снадобьям особую силу²¹. Руководил всей церемонией главный советник Мпанде, Масипула каМамба, воплощавший, как указывал сам Т. Шепстоун, «консервативные» чувства зулусов и выступавший против вмешательства европейцев во внутренние дела страны²².

Кечвайо пришлось проявить максимум дипломатического такта, чтобы успокоить Т. Шепстоуна. Публично перед лицом своих подданных Кечвайо старался подчеркнуть свою независимость от англичан, в то же время во время личных встреч пытался смягчить недовольство британского представителя, чтобы намеченная церемония с его участием состоялась²³. В итоге был достигнут компромисс: Т. Шепстоун совершил церемонию «коронации», но проходила она не рядом с могилами предков Кечвайо, а в значительном отдалении от этого священного для зулусов места. Об истинной подоплеке этих событий также свидетельствует тот факт,

что на следующий день после завершения церемонии Кечвайо пригласил Т. Шепстоуна присутствовать на собрании важнейших своих советников и глав влиятельных территориально-родовых общин (*izikhulu*). Главным его участником стал Хаму, который публично объявил о своем отказе от любых притязаний на верховную власть²⁴.

В ходе «коронационной» церемонии произошло еще одно важное событие, сыгравшее в последующем важную роль в обосновании властями Натала своего вторжения в страну зулусов. Речь идет о так называемых «коронационных» обещаниях²⁵. «Кечвайо публично согласился, что беспорядочное пролитие крови должно прекратиться в Зулуленде, что приговор не должен выноситься без открытого суда и публичного допроса свидетелей, и казнь не должна происходить без санкции короля», – утверждал в 1878 г. Ч. Браунли, министр по туземным делам Капской колонии²⁶.

Сам Т. Шепстоун называл эти обещания «гибким соглашением» и писал в своем докладе о «коронации», что желаемые улучшения не могут наступить немедленно. Как отмечала Ф. Коленсо, дочь англиканского епископа Натала Джона Коленсо, Кечвайо остался при мнении, что он лишь «получил некоторые советы относительно управления своими людьми от его уважаемых друзей англичан»²⁷. Согласно же точке зрения уже современного южно-африканского исследователя, Кечвайо рассчитывал с помощью этих новых установлений ослабить власть влиятельных глав территориально-родовых общин²⁸. Однако каковы бы ни были первоначальные намерения Кечвайо, когда он принимал условия «коронационных» соглашений, их выполнение не могло быть гарантировано. Несмотря на то что европейским современникам власть правителя зулусов представлялась абсолютной и даже тиранической, власть Кечвайо в значительной степени ограничивалась мнением советников и виднейших представителей зулусских кланов. Как позднее указывал сам Кечвайо, он не мог внести малейших изменений в законы и обычаи страны без их согласия. Простые же общинники ожидали от Кечвайо прежде всего поддержания традиционного порядка, который базировался в том числе и на жестокости наказаний. Иные действия со стороны правителя лишили бы его в глазах самих зулусов права на власть²⁹. Учитывая, что в стране существовала достаточно серьезная оппозиция, а сам Кечвайо балансировал между интересами различных влиятельных группировок, он не мог дать никому усомниться в своем авторитете.

Несмотря на официальное признание и заверения в дружбе английских властей, начиная с 1873 г. противоречия между Наталом и правителем зулусов постепенно нарастали. Переговоры между

Т. Шепстоуном и Кечвайо не привели к удовлетворению главного требования колонистов – наладить регулярное снабжение Натала работниками-африканцами. Помимо этого у Кечвайо возник конфликт с христианскими миссионерами.

Первоначально Кечвайо проявлял интерес к деятельности миссионеров и достижениям белых. В 1859–1860 гг. он начал брать уроки грамоты у норвежского миссионера О. Офтебро. По свидетельству последнего, он проявлял большое усердие и быстро усваивал навыки чтения. Сам Кечвайо говорил, что он будет воевать с книгой до тех пор, пока не завоюет ее, а затем займется письмом³⁰. Но постепенно он остыл к этому занятию. Причиной было как его собственное настороженное отношение к европейскому влиянию, так и серьезная оппозиция миссионерам, существовавшая в его окружении. В разговоре с проповедниками Кечвайо указывал: «Разве мы похожи на вас? Разве мы едим то, что едите вы, строим свои дома, как вы, работаем подобно вам и наши обычаи подобны вашим? Наши и ваши обычаи различаются, наш образ жизни не соответствует вашему, так почему же мы должны и умирать так же, как вы? Вы умираете своей смертью, мы своей. Наше не подходит для вас, а ваше для нас»³¹.

Миссионеры представляли непосредственную угрозу традициям и образу жизни зулусов, нарушали внутреннее единство африканского общества. Уже в ходе переговоров с Т. Шепстоуном в 1873 г. Кечвайо высказался за их удаление из своей страны. По его мнению, распространяемое миссионерами учение приносило вред³². Противодействуя их влиянию, Кечвайо запретил им проповедовать за пределами миссий и объявил новообращенных христиан-зулусов вне действия обычного права, так как, приняв крещение и поселившись в миссии, они переставали быть его подданными. Эти действия привели к кризису всей миссионерской работы среди зулусов и исходу христианских проповедников, которые превратились в последовательных противников Кечвайо.

Росту напряженности способствовало во многом уникальное положение зулусской державы, сохранившей к 1870-м годам свою независимость, военную организацию и традиционный уклад жизни. При Кечвайо войско зулусов насчитывало 25–30 тыс. человек, при помощи Дж. Данна был создан отряд воинов, вооруженных огнестрельным оружием, делались попытки организовать кавалерию. Войско зулусов являлось самой мощной, крупной и дисциплинированной силой африканцев в Южной Африке.

Наличие столь грозного соседа, какими виделись зулусы, являлось постоянным раздражающим фактором для колонистов и властей Натала, которые испытывали страх перед огромной, в десятки

раз превосходившей их по численности массой африканского населения. В последней трети XIX в. подобная ситуация не могла долго оставаться без изменений. В 1875 г. сэр Г. Уолсли, временно исполнявший обязанности лейтенанта-губернатора Натала, после ознакомления с положением дел в колонии пришел к заключению, что все трудности в отношениях с африканцами могли быть решены аннексией Зулуленда³³. Эта точка зрения была отражением господствовавших в то время среди колонистов настроений.

Неизбежность военного столкновения между зулусами и Великобританией стала очевидной после британской аннексии Трансвааля в апреле 1877 г. Эти действия являлись частью более широкого плана по объединению всей Южной Африки под властью Великобритании в составе Южно-Африканской конфедерации. Сохранение независимости зулусов этот проект не предусматривал. Т. Шепстоун указывал в своем письме министру колоний лорду Карнарвону в декабре 1877 г., что держава зулусов являлась корнем всего зла в Южной Африке и ее необходимо было уничтожить как можно скорее³⁴.

Мнение Т. Шепстоуна получило полную поддержку британского генерал-губернатора Капской колонии и верховного комиссара Южной Африки сэра Б. Фрера. Он сделал все, чтобы открытый военный конфликт с Кечвайо стал неизбежен. Он был ярким сторонником Южно-Африканской конфедерации и в своих планах шел дальше правительства. В сентябре 1878 г. в письме к министру колоний Великобритании он настаивал на объявлении британского суверенитета над всем побережьем от Капской колонии до границ португальских владений в Анголе и Мозамбике³⁵. После аннексии Трансвааля в 1877 г. независимая держава зулусов представлялась Б. Фреру главным препятствием на пути реализации его планов.

Завершив в 1878 г. подавление восстания африканцев в Капской колонии, Б. Фрер приступил к решению зулусского вопроса. 10 сентября 1878 г. он направил первую депешу министру колоний с просьбой прислать подкрепления на границу с Зулулендом. Следом за этим он отправил в Лондон еще ряд депеш, в которых отправку дополнительных войск он оправдывал необходимостью устранить угрозу спокойному существованию Натала со стороны зулусов³⁶.

В 1877–1878 гг. возросло политическое давление на Кечвайо, которого колонисты изображали как жестокого тирана, пытавшегося возродить самые кровавые обычаи, существовавшие во времена Чаки. В этих условиях Кечвайо проявлял максимум выдержки. Его главным стремлением было сохранить мир, так как он хорошо

понимал безнадежность открытого военного столкновения с европейцами. Но политическая ситуация в Южной Африке после аннексии Трансвааля претерпела качественные изменения.

Не дожидаясь одобрения Лондона, лейтенант-губернатор Натала Г. Балвер под давлением Б. Фрера 11 декабря 1878 г. предъявил Кечвайо ультиматум, в котором в том числе содержались требования распустить вооруженные отряды и принять английского резидента, который бы осуществлял надзор за управлением страной³⁷.

Среди зулусов не было единого мнения, как действовать в данной ситуации. Часть представителей правящей элиты во главе с Хаму выступали за дальнейшие уступки англичанам. Они предлагали выдать четырех зулусов, обвинявшихся в похищении двух женщин с территории Натала. Однако большинство простых зулусов выразили желание скорее умереть, чем передать колониальным властям своих соплеменников. Среди них было распространено убеждение, что англичане намеревались захватить всех мужчин и отправить их на работу за море, в то время как девушек выдать замуж за своих солдат³⁸. Выступали против уступок колониальным властям и влиятельные представители правящей элиты зулусов. Среди них особым авторитетом и влиянием выделялся Зибебу, приходившийся правнуком Джаме, деду Чаки. В этих условиях, как отмечал голландский торговец К. Фейн, находившийся все это время при зулусском правителе, у Кечвайо просто не оставалось другого выхода, как пойти на открытое военное столкновение с англичанами³⁹.

11 января 1879 г., когда истек срок ультиматума, английские части несколькими колоннами вступили на территорию Зулуленда. Но даже тогда Кечвайо не оставлял надежды закончить дело миром. Он запретил нападать на английские войска и объявил, что они пришли «с дружественной миссией»⁴⁰. Однако большинством зулусов эти заявления были встречены с недоверием.

22 января 1879 г. у холма Изандлвана англичане потерпели жестокое поражение, ставшее следствием пренебрежительного отношения англичан к своему противнику. Повсеместно было распространено убеждение, что зулусы не будут сопротивляться, так как устали от «тирании» Кечвайо. Известный английский писатель Г.Р. Хаггард, бывший очевидцем событий, отмечал: «Наши генералы и солдаты проявляли сначала поразительное легкомыслие. Несмотря на трудности похода и недостаток транспорта, они ухитрились захватить с собой в страну зулусов все принадлежности для крикета»⁴¹.

О драматизме тех событий и боевом духе зулусов говорит свидетельство одного из участников битвы при Изандлване с афри-

канской стороны. Зулус Мнгока, оказавшийся волею судеб в Америке, вспоминал через много лет: «Казалось, что солдатские штыки – ничто в сравнении с коротким ударным копьем, которое стало оружием зулусов со времени правления Чаки, сыгравшего для нашего народа роль Наполеона или Вашингтона. Наши воины с такой яростью действовали этим оружием, что я видел своими глазами, как одним ассегаем были проколоты два английских солдата. Человеческая плоть и кровь не могли выстоять против такой атаки, и этот полк, застигнутый на речном берегу, был потоплен в реке, кроме двух-трех человек, которым удалось спастись вплавь»⁴².

Эта победа на время вселила уверенность и подняла боевой дух зулусов. Сам Кечвайю, полагая, что у англичан не осталось больше солдат, надеялся, что на этом война закончится⁴³.

Известия о поражении английских войск вызвали шок в Великобритании. Немедленно было созвано внеочередное заседание кабинета министров, на котором было принято решение послать в Натал дополнительно шесть пехотных и два кавалерийских полка и две артиллерийские батареи⁴⁴. В Натале среди колонистов царил переполох. Они со дня на день ожидали вторжения зулусов, и все населенные пункты готовились к обороне.

По всей Южной Африке белые боялись, что столь крупная победа зулусов может привести к всеобщему восстанию африканцев. И для этих опасений у них были серьезные основания. Известия о поражении англичан при Изандлване достигли даже Капской колонии, где среди местного населения ходили слухи, что зулусы смогли одержать победу благодаря магии, перед которой европейцы были беспомощны⁴⁵.

Однако сам Кечвайю делал все, чтобы завершить войну миром. Он запретил своим войскам переходить границы Натала и предложил англичанам закончить противостояние и начать переговоры о мире. Он утверждал, что не отдавал приказа о нападении, а сражение при Изандлване произошло вопреки его воле. «Англичане напали на мою страну, и я буду обороняться в своей стране. Я не буду посылать свои *импи* убивать их в Натале, ибо я сам и предки, что ушли до меня, всегда были друзьями англичан», – такие слова, как писал Г.Р. Хаггард, были произнесены Кечвайю после победы при Изандлване⁴⁶.

В последующие месяцы войны Кечвайю придерживался оборонительной тактики. Он приказал избегать открытых столкновений с англичанами и запретил атаковать хорошо укрепленные лагеря и позиции противника. Отряды зулусов должны были нападать на небольшие подразделения и обозы англичан и блокировать их части в укрепленных лагерях. Эта тактика какое-то время приносила

успех. Вплоть до конца мая 1879 г., пока в Натал не прибыли подкрепления из метрополии, британское командование не отваживалось на новые наступательные действия. Но и зулусы были доведены до крайнего истощения. Воины часто нарушали приказы Кечвайо, голод заставлял их совершать отчаянные нападения на английские позиции, что приводило к тяжелым потерям.

Развязка наступила 4 июля 1879 г., когда произошло решающее сражение у Улунди, резиденции Кечвайо. В этом бою была разгромлена 20-тысячная армия зулусов, причем колониальные войска потеряли всего 9 человек убитыми⁴⁷. Сам Кечвайо еще несколько недель скрывался от преследования английских отрядов, но был захвачен в плен в конце августа.

В сентябре 1879 г. был установлен новый порядок управления Зулулендом. Его территория была разделена между тринадцатью «вождями», среди которых были Зибебу, Дж. Данн и Хаму, перебежавшие во время войны к британцам. Уничтожение централизованной власти, олицетворением которой являлся Кечвайо, ввергло страну в анархию. Данн, злоупотребляя полученной властью, обложил глав подвластных ему краалей налогом в одну голову крупного рогатого скота и заставлял продавать ему скот по заниженным ценам⁴⁸. Многие зулусы еще долго боялись нападения англичан и прятались в пещерах и других укромных местах. В 1880–1881 гг. зулусов поразил страшный голод, к тому же народ оказался втянут в изнурительную междоусобную войну.

Главным претендентом на лидерство среди зулусов стал Зибебу. Получив власть, он постарался еще в большей мере упрочить свое положение, притесняя узуту, отбирая у них скот и огнестрельное оружие. Это в свою очередь вызывало ответную реакцию сторонников Кечвайо. По оценкам современников жертвами междоусобиц стали тысячи человек⁴⁹.

В этих условиях лидеры узуту при поддержке епископа Дж. Коленсо организовали несколько депутатий к правительству Натала, в которые входили представители большинства назначенных «вождей». Делегация, посетившая губернатора Натала Г. Балвера в апреле 1882 г., насчитывала до 2 тыс. человек. Главным требованием зулусов было возвращение Кечвайо⁵⁰.

Англия не могла долго оставаться в стороне от дел, происходивших под боком у Натала. У правительства было два выхода – или аннексировать Зулуленд, или управлять им через верховного правителя. Лондон выбрал второй вариант. Для этого министерство колоний организовало в 1882 г. поездку Кечвайо в Англию, что стало одним из самых значительных предприятий в его жизни. По прибытии в Плимут Кечвайо дал интервью многочисленным

корреспондентам газет. Он утверждал, что война между Англией и зулусами произошла исключительно по вине «этого маленького седого человека – Фрера»⁵¹. Сейчас уже трудно сказать, действовал ли он по чьей-нибудь подсказке, или это высказывание отражало его собственное отношение и политическое чутье, но его слова хорошо отражали настроения, царившие в тот период в Англии. Колониальная политика кабинета Б. Дизраэли (1874–1880) многим в метрополии казалась авантюристической и слишком дорогостоящей. Пришедшие к власти в 1880 г. либералы, в том числе строили свою избирательную компанию на критике неудач консерваторов в Афганистане и Южной Африке. Таким образом, визит Кечвайю проходил в чрезвычайно благоприятной для него обстановке. Его приняли ведущие представители либеральной партии и кабинета У. Гладстона, лорды Кимберли и Гренвилл, он даже удостоился аудиенции у королевы Виктории.

В Лондоне Кечвайю были предложены условия, на которых британское правительство соглашалось восстановить его в правах на престол. Кечвайю обещал отказаться от военной системы зулусов и поощрять мужчин отправляться на заработки в Натал. Он обязался запретить практику казни колдунов, не ввозить огнестрельное оружие и разрешать все споры с другими инкоси при посредничестве британского резидента. Под его властью оставалась лишь треть его прежних владений. Остальные территории должны были войти в резервацию, призванную служить буфером между Наталом и зулусами, и составить владения Зибебу – главного противника Кечвайю и узуту⁵².

Кечвайю вернулся в Зулуленд в январе 1883 г., но это не привело к миру. Зибебу не хотел признавать его верховенство. Начавшаяся война не принесла успеха Кечвайю. После двух поражений он вынужден был бежать в резервацию, где умер 8 февраля 1884 г. До сих пор зулусы убеждены, что их «король» был отравлен, в чем они обвиняли Зибебу и англичан.

Борьбу пытался продолжить сын Кечвайю Динузулу, но он также потерпел поражение. В 1887 г. Зулуленд был официально объявлен английским протекторатом, а Динузулу был арестован и приговорен к ссылке на о. Святой Елены, где когда-то находился в заключении Наполеон I Бонапарт. Ровно через десять лет, в 1897 г., Зулуленд был включен в состав английской колонии Натал. Последним актом этой исторической драмы стало так называемое восстание Бамбаты в 1906 г., закончившееся очередным поражением зулусов.

Такой исход борьбы зулусов был неизбежен. В последней трети XIX в. на Юге Африки борьба шла за контроль над богатейшими ископаемыми богатствами региона – месторождениями золота

и алмазов. Великобритания стремилась утвердить свой монопольный контроль над побережьем Южной Африки, чтобы сохранить за собой преимущества при дальнейшем продвижении во внутренние районы субконтинента.

Не будет преувеличением сказать, что Кечвайо был выдающимся человеком своего времени. Даже его противники признавали у него замечательное чувство собственного достоинства, пронизательность и силу характера. Он отнюдь не был противником всего нового, как его часто пытались представить. Будучи наследником Мпанде, он брал уроки грамоты у норвежских миссионеров и демонстрировал хорошие успехи, но неприятие христианского учения большинством его сторонников вынудило Кечвайо оставить эти занятия.

Когда над страной нависла угроза эпидемии оспы, Кечвайо способствовал вакцинации населения миссионерами в 1863 г., что являлось для африканцев беспрецедентным шагом⁵³.

Волею судьбы Кечвайо пришлось столкнуться с обстоятельствами, над которыми он не был властен. Страна зулусов практически со всех сторон была окружена владениями англичан, буров и португальцев. В этих условиях выживание зулусской державы зависело в большей мере уже не от силы и мужества ее воинов, а от умения лавировать между интересами соперничавших между собой европейцев. Кечвайо, используя традиционно развитые у африканцев способности к компромиссам и переговорам, смог на протяжении достаточно длительного периода сохранять независимость своей державы. В критический момент, когда ультиматум англичан уже не оставлял для него возможности выбора, он пошел на открытое военное противостояние Британской империи.

Остается вопрос: было ли это решение выражением его собственной воли или он вынужден был следовать вслед за настроениями своих советников и большинства простых зулусов? Как представляется автору статьи, вернее второе. Поведение Кечвайо во время войны доказывает, что он понимал бесперспективность открытого противостояния с англичанами. Но одновременно, являясь охранителем благополучия своего народа и выразителем его интересов, он не мог пойти против желаний подданных. В этом заключалась одна из отличительных черт функционирования власти у зулусов: через мнение людей не мог переступить даже сам верховный правитель.

В наиболее тяжелый для него период, когда он находился у англичан в качестве пленника, Кечвайо смог продемонстрировать замечательные дипломатические способности, действуя через своего друга и покровителя епископа англиканской церкви в Натале Джо-

на Коленсо. Визит правителя зулусов в Лондон летом 1882 г. вызвал всеобщий интерес, и Кечвайю удалось добиться расположения как самой королевы Виктории, так и простых людей, окружавших его на улице. Одетый в строгий костюм и наделенный чувством природного такта, он совсем не походил на того кровожадного варвара, которого рисовали английские чиновники и газетчики. Возможно, людей подкупала некоторая наивность и искренность, с которой он обращался к окружающим. Не было в нем и слепого преклонения перед могуществом Британской империи.

Но, несмотря на все достоинства, Кечвайю оставался рабом обстоятельств, которые мало от него зависели. Находясь в плену, он выражал свое недоумение по поводу произошедших событий: «Англичане только что короновали меня. Как это случилось, что, короновав меня утром, они свергли меня вечером?»⁵⁴ Ответом на вопрос Кечвайю могут служить слова Т. Шепстоуна, считавшего, что захват в плен Кечвайю и разгром зулусской державы «продемонстрировали черному миру Южной Африки, что мы (белые. – А. В.) являемся господствующей расой»⁵⁵.

Примечания

- 1 Давидсон А.Б. Сказания далекого края // Риттер Э.А. Зулус Чака / Пер. с англ. В.Я. Голанта. М.: Наука, 1989. С. 8–9.
- 2 Вестник Европы. 1879. № 8. С. 808.
- 3 У зулусов в XVIII – начале XIX вв. действовала система *амабутто* (ед. ч. *ибутто*) – объединений, состоявших из молодых людей одной возрастной группы, проходивших вместе обряд инициации – посвящения мальчиков во взрослых мужчин. На европейские языки обычно переводится как «полк».
- 4 The Annals of Natal. 1495–1845. In Two Vols / Compiled by John Bird. Pietermaritzburg, 1888. Vol. 1. P. 299–300.
- 5 Зулусское копьё с укороченным древком и более тяжелым наконечником. Было специально приспособлено для ведения ближнего боя.
- 6 Фольксраад (народный совет) – представительный орган (парламент) в республиках, образованных бурами в результате «Великого трека».
- 7 Binns C.T. The Last Zulu King. The Life and the Death of Cetshwayo. L.: Longmans, 1963. P. 20.
- 8 Colenso F.E. History of Zulu War and Its Origin. L.: Chapman and Hall, 1880. P. 16.
- 9 Подробнее о жизни Чаки см.: Риттер Э.А. Зулус Чака.
- 10 Binns C.T. Op. cit. P. 34.
- 11 Хаггард Г.Р. Дни моей жизни // Хаггард Г.Р. Миссия в Трансвааль. М.: Наука, 1979. С. 31.

- 12 *Maylam P.* A History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. L.: Groom Helm; David Philip, 1986. P. 75.
- 13 *Hamilton C.* Terrific Majesty: The Powers of Shaka Zulu and Limits of Historical Invention. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1998. P. 81.
- 14 Независимая республика буров, образованная в 1850-х годах в результате «Великого трека».
- 15 *Binns C.T.* Op. cit. P. 53–54.
- 16 Инкоси – распространенное среди зулусов и родственных им этнических групп название традиционных правителей.
- 17 Статус Хаму в родовой иерархии зулусов был достаточно неопределенным. С одной стороны, он был рожден от родного брата Мпанде Нзибе, но после смерти последнего согласно обычаю левирата Мпанде взял в жены мать Хаму и тем самым усыновил его. Дополнительный вес притязаниям Хаму придавало то, что Нзибе считался старшим сыном Сензангаконы, отца Чаки, и тем самым его сын мог претендовать на первенство в борьбе за власть.
- 18 *Hamilton C.* Op. cit. P. 82.
- 19 A Zulu King Speaks: Statements Made By Cetchwayo kaMpande on the History and Customs of His People. Pietermaritzburg: University of Natal Press, 1978. P. 100.
- 20 Представляла собой травяное кольцо, символизировавшее единство зулусов. Каждый верховный правитель обладал своей собственной инкатой. После его смерти она становилась частью единой инкаты зулусов. Последняя являлась важнейшим священным символом и оберегом всего народа.
- 21 *Binns C.T.* Op. cit. P. 62–63; *Krige E.J.* The Social System of the Zulus. L. etc.: Longmans, Green and Co., 1936. P. 241–241.
- 22 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 30. Papers Relating to Natal and Zululand, 1875–1882. Shannon: Irish University Press, 1971. P. 75. (Далее – BPP. Vol. 30).
- 23 *Hamilton C.* Op. cit. P. 77.
- 24 BPP. Vol. 30. P. 83.
- 25 Ibid. P. 81–82.
- 26 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 12. Correspondence Regarding the Anglo-Zulu War and Boer Unrest, 1878–1879. Shannon: Irish University Press, 1970. P. 150. (Далее – BPP. Colonies. Africa. Vol. 12).
- 27 *Colenso F.E.* Op. cit. P. 14–15, 17.
- 28 *Cope L.R.* Written in Characters of Blood? The Reign of King Cetshwayo kaMpande // Journal of African History. 1995. Vol. 36. № 2. P. 250.
- 29 A Zulu King Speaks... P. 68, 72, 80, 94.
- 30 Norwegian Missions in African History: In Two Vols / Ed. by J. Simensen. Oslo: Norwegian University Press, 1986. Vol. 1. P. 113.
- 31 Ibid. P. 202.
- 32 BPP. Vol. 30. P. 85.
- 33 *Wolseley G.* The South African Diaries of Sir Garnet Wolseley, 1875 / Ed. with an Introd. by A. Preston. Cape Town: A.A. Balkema, 1971. P. 223.

- 34 *Kiewiet C.W. de.* The Imperial Factor in South Africa. A Study in Politics and Economics. L.: Cass, 1965. P. 215.
- 35 *Kiewiet C.W. de.* Op. cit. P. 220.
- 36 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 11. Correspondence Regarding the Affair of Transvaal and the Anglo-Zulu War with Military Returns, 1878–1879. Shannon: Irish University Press, 1970. P. 712–713, 734–735, 758–761; BPP. Vol. 12. P. 225.
- 37 Ibid. P. 217–223.
- 38 *Vijn C.* Cetshwayo's Dutchman; Being the Private Journal of a White Trader in Zululand During the British Invasion. L.: Longmans, Green, and Co., 1880. P. 15.
- 39 Ibid. P. 16–17.
- 40 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 13. Correspondence and Reports on the Crisis in Transvaal, Annexation of Native Territories and Conduct of Troops in South Africa, 1878–1880. Shannon: Irish University Press, 1971. P. 311–312. (Далее. – BPP. Colonies. Africa. Vol. 13).
- 41 *Хазгард Г.П.* Указ. соч. С. 34.
- 42 *Давидсон А.Б.* Южная Африка // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.: Наука, 1976. С. 488.
- 43 *Vijn C.* Op. cit. P. 30.
- 44 *Вяткина Р.Р.* Африка в переписке российских дипломатов в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1996. № 3. С. 7.
- 45 *Stanford W.* The Reminiscences of Sir Walter Stanford: Vol. 1 (1850–1885) / Ed. by J.W. MacQuarrie. Cape Town: The Van Riebeeck Society, 1958. P. 106
- 46 *Хазгард Г.П.* Указ. соч. С. 33; BPP. Vol. 13. P. 54, 111.
- 47 Вестник Европы. 1879. № 11. С. 356.
- 48 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 14. Correspondence Regarding Unrest in Transvaal and Affairs in South Africa Generally, 1880. Shannon: Irish University Press, 1971. P. 505–506.
- 49 *Colenso F.E.* Zululand After War // The Contemporary Review. 1882. Vol. 41. January. P. 67–68; *Dixie F.* Cetshwayo and Zululand // The Nineteenth Century. 1882. Vol. 12. № 66. P. 308–310; *Guy J.* The Destruction of the Zulu Kingdom: The Civil War in Zululand, 1879–1884. L.: Longman, 1979. P. 37, 72–76, 83–85; *Mackarness F.* What England Has Done For the Zulus // The Fortnightly Review. 1884. Vol. 36. New Series. № 213. Sept. P. 392.
- 50 *Colenso F.E.* Zululand After War... P. 62–66; *Dixie F.* Op. cit. P. 309.
- 51 *Binns C.T.* Op. cit. P. 188.
- 52 British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 31. Correspondence Regarding King Ketchwayo and Other Affairs, 1882–1883. Shannon: Irish University Press, 1971. P. 257–266; *Binns C.T.* Op. cit. P. 188–193.
- 53 Norwegian Missions in African History... Vol. 1. P. 129.
- 54 A Zulu King Speaks... P. 55.
- 55 *Guy J.* Op. cit. P. 80.

Н.В. Ростиславлева

ПРУССКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
ДАВИД ГАНЗЕМАН (1790–1864)
В БОРЬБЕ ЗА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

В статье рассматриваются политические воззрения представителя либерализма Рейнской области Пруссии, видного предпринимателя Давида Ганземана. На основе анализа его работ показано, что он был сторонником либеральной конституции, двухпалатного народного представительства, монархического принципа, придерживался антисловных позиций и видел основу стабильности государства и развития индустриализации в среднем классе. В годы революции 1848–1849 гг. Ганземан был членом «мартовского» министерства и привнес в прусскую государственную политику дух предпринимательской свободы, но покинул министерской пост из-за несоответствия принятой в Пруссии конституции духу либерализма.

Ключевые слова: Пруссия, Рейнская область, либерализм, конституция, Давид Ганземан, индустриализация.

Давид Ганземан (1790–1864) – известный прусский предприниматель и политик. Формирование его политической и бизнес-карьеры связано с Рейнской областью, наиболее передовым в индустриальном отношении регионом не только Пруссии, но и всего Германского союза. В отечественной историографии о Ганземане можно обнаружить только упоминания в справочных изданиях или в общих работах по истории Германии в связи с его предпринимательской деятельностью и участием в революции 1848–1849 гг.¹ Совсем недавно автором данной статьи была опубликована первая в отечественной историографии научная работа о нем². Между тем немецкая историография уделила Ганземану довольно много внимания. В историографической палитре представлены работы биографического характера³, исследования о предпринимательской

и политической деятельности либерала⁴, а также работы, рассматривающие эту фигуру сквозь призму развития Рейнской области Пруссии⁵. Авторы работ отмечают его огромные заслуги в развитии железнодорожного строительства и в сфере банковского дела⁶, подчеркивают его миссию в сфере социальной ответственности бизнеса⁷, а также показывают Ганземана как одну из главных политических фигур Рейна с 1830 по 1850 г., который последовательно выступал как предприниматель и был заинтересован в создании единого национального государства во главе с Пруссией⁸.

Как все либералы Германии, Ганземан выступал за учреждение конституционных форм правления и развитие местного самоуправления. Он заставил обратить на себя внимание прусского истеблишмента в 1830 г. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии активизировали политическую жизнь в Рейнской области. Жители региона проявили верность либеральным идеям, требуя введения конституции в Пруссии и единства Германии. В Пруссии понимали, что ситуация нуждается в повышенном внимании со стороны властей.

С 24 сентября 1830 г. Рейнская область и Вестфалия были переданы в военное и гражданское управление брату короля принцу Вильгельму. Он избрал местом своего пребывания Кельн и находился там до 18 декабря 1831 г. В ноябре 1830 г. дважды подтягивались войска к западным границам Рейнской области. В этих условиях жители провинций решили донести свое мнение до властей. Князь И. фон Сальм Дак представил либеральный запрос принцу, в котором указал на необходимость создания общепрусского ландтага⁹. Девять десятых депутатов рейнского ландтага были солидарны с ним.

Д. Ганземан 31 декабря 1830 г. также написал обращение к королю «О положении Пруссии и политике в конце 1830 г.»¹⁰ Автор подчеркивал, что для сохранения спокойствия и оптимальных условий для развития прусского государства необходимо создать гарантии представительства. Ганземан представил королю документ, где сочетались традиции прусских реформ начала XIX в. Штейна и Гарденберга и насущные потребности Рейнской области. Он стоял на позициях сохранения незыблемости монархического принципа, но полагал, что сохранение преимуществ дворян и исключительной власти бюрократии мало соответствует интересам буржуазных слоев общества. Народное представительство способствовало бы, по мнению Ганземана, пробуждению всеобщего государственного интереса. Для Пруссии оптимальным была бы двухпалатная структура представительства: члены верхней палаты должны назначаться королем, а нижнюю палату полагалось избирать

на основе высокого имущественного ценза¹¹. Следуя духу либеральной французской конституции 1791 г., он предлагал всех граждан разделить на активных и пассивных и предоставить право голоса только активным гражданам, которые в силу своего имущественного состояния могут принимать участие в выборах. Его проект в отличие от французского предусматривал прямые выборы народного представительства, а не двухстепенные¹². Подобные мысли относительно избирательных прав граждан в 30-е годы XIX в. на страницах «Государственного лексикона» высказывал Карл фон Роттек¹³.

Главная особенность предлагаемого Ганзманом государственного устройства – отказ от сословного деления общества. Он восхвалял средний слой, к которому, по его мнению, относились купцы и фабриканты, и утверждал, что «он способен обеспечить трону больше стабильности, чем помещики»¹⁴, а также указывал на опасность господства черни¹⁵, поэтому всегда был активным противником всеобщего избирательного права.

Воспринимая определенный сегмент идей Французской революции конца XVIII в., Ганзман выступал против принципов народного суверенитета, но октроированный вариант конституции также не признавал. В его представлении, прусская конституция должна основываться на исторической силе нации, и таким образом она будет соответствовать договору¹⁶. Ганзман сохранял определенный пиетет перед рационалистическим дискурсом, но это скорее дань рационалистической риторике, поскольку руссоистский вариант договора не подразумевался, однопалатный парламент отвергался, а прерогатива народного представительства не была в его проекте обширной.

Политик стоял на позициях сильной монархической власти, однако полагал, что для сохранения стабильности государства она должна пожертвовать частью законодательной компетенции, т. е. поделить ее с двухпалатным парламентом, допустить принцип ответственности министров перед парламентом, свободу печати и влияние общественного мнения¹⁷. Ганзман считал, что власть монарха в современных условиях не может восприниматься в отрыве от идей общего блага и власти государства. Уже в 1831 г. он высказал так: «В политике не могли бы царить никакие соображения кроме как власть и благо государства или то, что от этого неотделимо, – блеск и власть монархии»¹⁸.

Внимание к исторической традиции все же в этом документе нашло место. Так, в случае конфликта короны и представительства, он, по мнению Ганзмана, улаживался на почве существующего законодательства, но главное, чтобы позиция монарха не противоречила интересам предпринимательства.

Прусский король в феврале 1831 г. признал похвальные намерения Ганземана, но, естественно, большого энтузиазма его обращение не вызвало, поскольку оно не соответствовало монархическому принципу старопрусского духа, т. е. отрицало сословное деление, а настойчивое стремление рейнского политика к принятию единой прусской конституции порождало, по мнению властей, импульсы для продолжения либеральных реформ. Не случайно, когда в 1831 г. Ганземана выбрали депутатом провинциального ландтага от Аахена, правительство отказалось утвердить этот выбор¹⁹. Рейнские провинциальные ландтаги 1833 и 1837 гг., которые проходили в период правления Фридриха Вильгельма III, вообще не обсуждали конституционный вопрос.

Ганземан продолжил заниматься публицистической деятельностью. В 1833 г. он написал сочинение «Пруссия и Франция. Хозяйственное и политическое положение с точки зрения развития Рейнской области», где обсуждал конституционные вопросы, а также связывал надежды на утверждение идеалов свободы с формированием среднего класса²⁰. В него он включал людей обеспеченных, с высоким уровнем образования и полагал, что его ядром являются «видные купцы и фабриканты»²¹. Конечно, Ганземан вписал и в это произведение своеобразную программу для оздоровления экономики Пруссии, которая предусматривала снижение налогов, равномерное распределение налогового бремени и увеличение национального богатства за счет взвешенного перераспределения непродуктивного (солдаты, чиновники, служащие) и продуктивного труда в пользу последнего²². Он умело увязал обладание большей политической свободой и низкие налоговые тяготы со стремлением единения под эгидой Пруссии и довольно пафосно восклицал: «Так доказывает этот славный народ (имеются в виду жители Рейнской области. – *Н. Р.*), что он был достоин, вырвавшись из под иноземного господства, быть единым с Пруссией и Германией. Таким образом он показывает, что национальность это не пустой звук, а мощное средство единения соплеменников»²³.

Фактически как и другие рейнские либералы, например Меффисен, Ганземан рассматривал развитую промышленность как одно из условий свободы²⁴. С 1845 г. он стал депутатом ландтага Рейнской провинции от Аахена и представил рейнскому ландтагу записку, где изложил либеральную политическую программу: политик требовал завершения формирования Таможенного союза учреждением таможенного парламента, созыва общепрусского представительства, отмены вотчинных судов и податных изъятий дворянства²⁵.

После восшествия на престол Фридриха Вильгельма IV надежды на создание единого для всей Пруссии представительства и на

введение конституции получили новый импульс. Весной 1847 г. король созвал Соединенный ландтаг²⁶, депутатом которого стал Ганзман. Он выразил общее требование о необходимости конституционной реформы и вскоре обрел репутацию опытного политического лидера²⁷. Политик выступал в Соединенном ландтаге также по бюджетно-финансовым вопросам, военным проблемам и задачам железнодорожного строительства.

Как только весть о революции во Франции докатилась до Германии, Ганзман, стремясь избежать насилия, обратился к прусскому министру внутренних дел с предложением в духе социального партнерства. Он писал: «Ваше превосходительство! Когда отечеству грозит опасность, люди, любящие его, должны, как бы ни были различны их политические убеждения, сблизиться друг с другом» – и предлагал министру созвать Соединенный ландтаг и пойти навстречу пожеланиям оппозиции²⁸.

Начало революции в Германии и кровавые столкновения населения Берлина с войсками в марте 1848 г. заставили прусского короля приступить к формированию либерального министерства и созвать второй Соединенный ландтаг. Главой министерства стал Кампгаузен, а портфель министра финансов получил Ганзман. Историк А. Бергенгрюн назвал их «историческим алиби короля»²⁹. Выбор именно на рейнских либералов пал, по мнению Й. Хансена, в силу их приверженности монархическому принципу, склонности к реформам, а не к революционным действиям и поддержке довольно непопулярной идеи созыва второго Соединенного ландтага³⁰.

Глава министерства видел в этом органе связь с исторической традицией, а не с революцией и полагал, что прусское Национальное собрание, призванное ввести конституцию, – это «творение феодального ландтага»³¹. Но демократические силы имели негативное представление о нем, поскольку он не являлся народным представительством, отражал уже отжившие отношения и выражал определенные интересы привилегированных слоев. Историк из ФРГ Э. Реман пишет, что созыв ландтага во многом состоялся благодаря большой популярности Ганзмана и Кампгаузена среди демократов. Но они всеми способами препятствовали организованному сопротивлению народа, ограничив свободу стенами зала заседаний. Ганзман мотивировал это тем, что уличные собрания создают помехи на улицах и площадях города, а свободу союзов он увязывал с существующими законами, т. е. с законами старого порядка³².

Ганзман был противником всеобщего избирательного права, выступал за установление имущественного ценза, но правительство в целом склонялось к его введению. Сложность ситуации

состояла в том, что, во-первых, правительство большую опасность видело в напоре демократов и фактически оправдывало репрессии власти, а во-вторых, само правительство было слишком гетерогенно. Ганземан часто был оппонентом правительственного большинства. Безотлагательные реформы, порядок и соответствующая интересам буржуазии конституция – это то, к чему политик стремился, но кабинет министров и король его не поддерживали³³. Ганземан хотел реформ, которые привели бы к упразднению феодализма, реорганизации правительства, изменению налоговой системы и ввели бы новые принципы управления в общинах, округах, провинциях. Финансовый министр занимался также каждодневной работой: заботился о безопасности государственных финансов, боролся с экономическим и финансовым кризисом, который в то время переживала вся Европа. Он координировал деятельность ведомств государственных долгов, казны, морской торговли, создание министерств торговли, промышленности, сельского хозяйства, общественных работ, транспорта³⁴.

В мае 1848 г. начались заседания прусского Национального собрания в Берлине, сформированного на основе всеобщего избирательного права и призванного ввести конституцию. Правительство предложило проект конституции, предусматривавший учреждение двухпалатного парламента и двухстепенные выборы. Этот проект частично основывался на конституции Бельгии, ориентированной на принцип народного суверенитета. Несомненно также и то, что в качестве отдаленного примера оно опиралось на английскую систему. Так, верхняя палата не должна избираться, а ей следовало базироваться на аристократическом принципе, однако дворянство Пруссии должно обновиться, так как о померанских и бранденбургских юнкерах Ганземан был очень низкого мнения³⁵. Нижняя палата должна была формироваться на основе всеобщего избирательного права, но в рамках двухстепенных выборов. Законодательная власть в этом проекте принадлежала парламенту и королю, а исполнительная власть вручалась королю, который назначал министров, заседания палат, мог распустить парламент, а также являлся верховным главнокомандующим³⁶. Ганземан в связи с этим проектом открыто говорил об учреждении демократической монархии³⁷. Как отмечает историк из ФРГ Реман, конституционный проект обеспечивал королю сильную оборонительную позицию, которая, собственно, после революции ему совсем не подходила³⁸. Как уже отмечалось, не все в этом проекте вызывало одобрение Ганземана: так, он не одобрял введение всеобщего избирательного права при формировании нижней палаты, выступал против ограничения основных прав граждан. Прусское Националь-

ное собрание было настроено довольно враждебно, так как конституционный проект предусматривал слабую компетенцию парламента и не достаточно обеспечивал реализацию личной свободы, свободу печати и светский характер государства³⁹, также активизировались радикальные элементы и вне парламента.

В июне 1848 г. после массовых беспорядков и штурма цейхгауза, не желая кровопролития, добровольно сложил с себя полномочия главы кабинета министров Кампгаузен. Король поручил формирование нового министерства Ганзману, и вскоре возник кабинет Ауэрсвальда–Ганзмана. Последний остался в рамках нового кабинета в должности министра, продолжал выступать за дальнейшее проведение конституционной реформы, отдал все свои практические знания для того, чтобы в эти непростые времена содержать прусские финансы в порядке, и сделал немало для преодоления хозяйственных трудностей. В связи с этим необходимо отметить, что участие представителей буржуазии во властных структурах Пруссии было тогда довольно непривычным. Ганзман привнес в прусскую государственную политику дух предпринимательской свободы, и, конечно, это не могло не задеть интересов земельных собственников⁴⁰. Отношения с земельной аристократией у Ганзмана были более чем непростые. Граф Пинто в июне 1848 г. опубликовал брошюру «Шах министру Ганзману»⁴¹, где утверждал, что тот не обладал достаточными способностями для поста министра финансов, а находясь в этом качестве, сделал меньше, чем был должен. Особо остро он критиковал финансиста из-за сложившейся тяжелой ситуации с кредитами и в итоге заявил, что меры, принимаемые его министерством, реально не соответствовали заявленным целям⁴².

21 сентября 1848 г. министерство Ауэрсвальда–Ганзмана было распущено. Король сразу же назначил Ганзмана главой Прусского банка. В декабре 1848 г. прусское Национальное собрание переехало из Берлина в Бранденбург и практически не возобновило свою работу. 5 декабря 1848 г. Пруссия обрела октроированную конституцию, которая в 1850 г. была дополнена трехклассным избирательным законом, серьезно нарушавшим принцип народного суверенитета. Ганзман был одним из самых лояльных прусскому государству рейнских предпринимателей. Например, его коллегу Кампгаузена отличал более радикальный настрой в отношении государственных структур, однако и он оказался неудобным как политик.

Уйдя из политики, Ганзман в дальнейшем сконцентрировался на разработке и реализации экономических проектов, отвечавших на вызовы индустриализации.

- 1 См., например: Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 99; *Дживелегов А.К.* История современной Германии: В 2 ч. СПб., 1908; Революции 1848–1849 гг.: В 2 т. М., 1952; Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1970. Т. 1; История Германии / Под ред. Б. Бонвеча и Ю. Галактионова: В 3 т. Кемерово, 2005. Т. 1. С. 403, 409.
- 2 *Ростиславлева Н.В.* Либерал Д. Ганзман и его представления о единстве Германии // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 38–42.
- 3 *Bergengrün A.* David Hansemann. Berlin, 1901; *Däbritz W.* David Hansermann und Adolph von Hansermann. Krefeld, 1954; *Malagré H.* David Hansemann. 1790–1864. Beweger und Bewahrer; Lebensbild und Zeitbild. Aachen, 1991.
- 4 *Köhler F.* Hansemann. Ein rheinischer Kaufmann in Deutschland. Leipzig, 1942; *Rehman E.* David Hansemann als Repräsentant der preußischen Bourgeoisie. Berlin, 1981; *Zunkel F.* Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert. Köln, 1962; *Hansen J.* König Friedrich Wilhelm IV und das liberale Ministerium Camphausen-Hansemann i. J 1848. Trier, 1913.
- 5 *Hansen J.* Preußen und Rheinland von 1815 bis 1915. Hundert Jahre politischen Lebens am Rhein. Bonn, 1918.
- 6 См.: *Däbritz W.* Op. cit.; *Malagré H.* Op. cit.
- 7 См.: *Zunkel F.* Op. cit.; *Däbritz W.* Op. cit.
- 8 *Hansen J.* Preußen und Rheinland...
- 9 См. об этом подробнее: *Ibid.* S. 64–65.
- 10 *Hansemann D.* Über Preußens Lage und Politik am Ende des Jahres 1830 // *Hansen J.* Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830–1850. Essen, 1919. S. 9–81.
- 11 *Ibid.* S. 34.
- 12 *Ibid.* S. 57.
- 13 См об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.
- 14 *Hansemann D.* Über Preußens Lage und Politik... S. 51.
- 15 *Ibid.* S. 48.
- 16 *Ibid.* S. 78.
- 17 *Ibid.* S. 47–49.
- 18 Цит. по: *Hansen J.* Preußen und Rheinland... S. 67.
- 19 *Ibid.* S. 70
- 20 *Hansemann D.* Preußen und Frankreich. Staatswirtschaftlich und politisch, unter vorzüglicher Berücksichtigung der Rheinprovinz. Leipzig, 1834.
- 21 *Ibid.* S. 2.
- 22 *Ibid.* S. 281–282.
- 23 *Ibid.* S. 285.

- 24 См. об этом подробнее: *Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland*. Frankfurt a/M., 1988. S. 31–32.
- 25 См.: *Дживелегов А.К. История современной Германии*. Ч. 1. С. 120; см. также: *Революции 1848–1849 гг.* Т. 1. С. 67.
- 26 Он заседал с апреля по июнь 1847 г. в Берлине.
- 27 *Däbritz W.* Op. cit. S. 16.
- 28 Цит. по: *Революции 1848–1849 гг.* Т. 1. С. 280.
- 29 *Bergengrün A.* Op. cit. S. 97.
- 30 *Hansen J. König Friedrich Wilhelm IV...* S. 62.
- 31 Цит. по: *Rehman E.* Op. cit. S. 311.
- 32 См. об этом: *Ibid.* S. 312–313, 315.
- 33 *Ibid.* S. 325–326.
- 34 *Bergengrün A.* Op.cit. S. 101.
- 35 См. об этом подробнее: *Ibid.* S. 270–273.
- 36 См.: *Rönne L. Kritische Bemerkungen über den Entwurf des Verfassungsgesetzes für den Preußischen Staat*. Berlin, 1848. S. 11–13.
- 37 *Hansemann D. Das Preußische und Deutsche Verfassungswerk. Mit Rücksicht auf mein politisches Wirken*. Berlin, 1850. S. 106–111.
- 38 *Rehmann E.* Op. cit. S. 331.
- 39 *Ibid.* S. 335–337.
- 40 Ганзман хотел отменить земельный налог и заменить его подоходным, это вызвало бурные протесты аграриев. Бергенгрюн по этому поводу писал: «Волнения крупных землевладельцев на востоке монархии не знали границ. Они жаловались, что министр финансов посягает на разорение сельского хозяйства и вмешивается с грабительскими помыслами в право собственности» (*Bergengrün A.* Op. cit. S. 102). В планах у Ганзмана было также уничтожение феодальных привилегий, прежде всего он хотел ввести налогообложение на доходы помещиков (*Rehmann E.* Op. cit. S. 351).
- 41 *Pinto C. Schach dem Minister Hansemann*. Berlin, 1848.
- 42 *Ibid.* S. 3–5. Острая критика в адрес министра Ганзмана также звучала в брошюре: *Massaloup J. Anti-Hansemann*. Berlin, 1848.

А.М. Гнедовский

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС В ДОКУМЕНТАХ
ЛЕВОЦЕНТРИСТСКИХ И ЛЕВЫХ ПАРТИЙ
В ИСПАНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Статья посвящена изучению отношения политических партий левого толка к церкви в Испании в последней четверти XIX – первой трети XX в. Автор прослеживает эволюцию позиций оппозиционных партий периода Реставрации по отношению к церкви. Изучаются партии, не участвовавшие в формировании правительств и в определении политического курса, но оказывавшие сильное влияние на общественное мнение и предлагавшие проекты возможных реформ. Хронологическими рамками исследования являются 1876 г. – год утверждения новой конституции Испании, провозгласившей Испанию конституционной монархией с католичеством в качестве государственной религии – и 1931 г., когда Альфонсо XIII покинул страну и Испания была объявлена республикой. Основными источниками статьи являются официальные документы партий и стенограммы выступлений политических лидеров.

Ключевые слова: Церковь, образование, реформирование, свобода культов, свобода сознания, государство.

В конце XIX – начале XX в. Испания была конституционной монархией в соответствии с Конституцией 1876 г. Конституция даровала почти все права и свободы, но государственной религией признавалось католичество, публичное отправление других культов запрещалось. Однако в реальной жизни все было иначе, и испанский общественный деятель и ученый Хоакин Коста так описывает положение вещей: «У нас нет армии, флота, школ, дорог, свобод, судов, избирательных комиссий, коммунальных служб, полиции ... все это у нас есть только на бумаге»¹. В тот же период сформировалась двухпартийная система (Консервативная партия и Либеральная партия), невключенность других партий в процесс

© Гнедовский А.М., 2010

управления страной обеспечивалось системой касикизма². Политика этих партий отражала интересы одних и тех же слоев – крупных промышленников, землевладельцев и церкви, остававшейся крупнейшим землевладельцем, несмотря на все попытки секуляризации: ей принадлежало 11 921 имение, 7 828 владений в городах и 4 192 владения с правом аренды³, годового доход испанской церкви мог превышать 660 млн песет⁴.

Церковь традиционно занимала охранительную позицию, являясь опорой монархического режима, даже невзирая на то, что на протяжении XIX в. было не одно антиклерикальное выступление как со стороны либерально настроенных политиков, так и со стороны простого народа⁵. Усилению антиклерикальных настроений способствовала «катастрофа 1898 г.», ознаменовавшая собой начало глубочайшего социально-политического кризиса в Испании⁶. Этот кризис выразился в потрясении и разочаровании, которые испанский философ Лаин Энтральго охарактеризовал так: «1898 г. послужил поводом для того, чтобы многие спросили себя, не состоит ли сущность проблемы в самой Испании – встал вопрос: “может ли существовать Испания?”»⁷. Все это вело к усилению недовольства политикой короля и его правительств, социальным положением и бесправием народа, гегемонией Консервативной и Либеральной партий, стала подчеркиваться негативная роль католической церкви. Это вело к усилению антиклерикализма, особенно его уличного варианта, достигавшего небывалых масштабов в 1900–1903 гг.⁸

Также церковь продолжала контролировать систему образования, прежде всего программу и преподавательский состав.

В связи с таким сильным влиянием церкви во всех сферах вопросы об отношениях между церковью и государством, а также о роли религии в жизни общества были в центре внимания партий всего политического спектра (от анархистов до консерваторов). Правящие партии вообще сделали этот вопрос политической игрой или приманкой в предвыборных лозунгах⁹.

В отечественной историографии этот вопрос пока исследован слабо. Особняком стоит статья А.Л. Эпштейн¹⁰ – единственная работа, непосредственно посвященная позиции правящих партий в церковном вопросе, но и она не отражает позиции оппозиционных партий. Есть также целый ряд статей посвященных разработке идеологических построений отдельных публицистов или политиков, но они не реконструируют позиции партий¹¹. Статья Г.М. Моран «Система взаимоотношений между церковью и государством в Испании», как и испанские исследования, разрабатывающие тему взаимоотношений государства и церкви¹², направлена на простую

реконструкцию политики правительства по отношению к церкви¹³. Среди общих работ стоит выделить труд Л.В. Пономаревой «Испанский католицизм XX в.», в котором анализируются вопросы идеологии испанского католицизма¹⁴.

В испанской историографии также крайне мало работ, анализирующих политику политических партий по отношению к церкви. Прежде всего следует отметить двухтомную работу Мигеля Артолы «Партии и политические программы»¹⁵. Первый том посвящен детальному анализу развития различных политических партий Испании. Такой же подход использует и Хуан Линц, анализирующий в своей книге систему партий в Испании¹⁶. Стоит выделить целую серию книг Диаса-Плахи, посвященных решающим годам в истории Испании, их влиянию на все сферы жизни, в том числе и на церковь, а также позиции ведущих политических деятелей и изданий по поводу церкви¹⁷. Существует также целый ряд работ, исследующих различные политические направления, ряд из них частично затрагивает отношения партий и церкви: в меньшей мере – социалистических партий¹⁸ и достаточно объемно – христианско-демократических партий¹⁹.

В целом становится очевидно, что единого исследования позиций испанских политических партий в отношении церкви и религии нет, а некоторые политические партии вообще выпадают из сферы изучения. Поэтому в этой статье мы попытаемся дать краткий анализ взглядов левых и левоцентристских партий. Помимо республиканских, социалистических и коммунистических партий, в конце я коснусь и каталанских националистов, чьи позиции были близки к точкам зрения, высказывавшимся левыми партиями.

Начать следует с многочисленных республиканских партий, изначально придерживавшихся наиболее умеренных позиций. Все эти партии являлись оппозиционными, и у них не было необходимости искусственно политизировать религиозный вопрос или уделять ему повышенное внимание, как это делали правящие партии. Позиции этих партий в целом имеют общие элементы, хотя есть и различия.

Так, Республиканская реформистская партия, опубликовавшая свой манифест в Париже 25 августа 1876 г., в качестве одной из мер предусматривала принятие закона об отношениях между церковью и государством на основе принципа свободы вероисповедания, равенства условий для всех конфессий. То есть в этом манифесте одним из главных требований становится та проблема, которую частично поднимал лидер Либеральной партии Каналехас, а именно – отделение церкви от государства. О том же говорит и Республиканская федералистская партия, которая требует запрета клятв,

введения светских браков и регистраций, муниципальных кладбищ, светского образования, а также «возвращение катехизисов в церковь» (т. е. изучение католического вероучения в церкви). Все это должно, по мнению составителей манифеста, вести к свободе культов, в том числе за счет отделения, а следовательно, и освобождения, церкви от государства. Также это ведет к освобождению светских институтов от влияния церкви, а значит, к свободе в получении и выборе способа получения информации и религии, а еще – к уничтожению привилегий для одной из религий.

«Прежде всего, хотим быть независимыми в своих суждениях, своей работе, своем сознании и для этого просим свободу собраний, ассоциаций, прессы, независимость университетов, свободу выступлений, профессий, производства и культов. Все нарушения этих свобод должны рассматриваться судами общей юрисдикции как необходимая гарантия исповедания всех религий. Все церкви должны быть свободны в свободном государстве»²⁰.

Республиканская федералистская партия в своем манифесте поднимает очень важный вопрос реального воплощения прописанных в конституции прав.

Та же партия в 1894 г. выпустила новый манифест-программу, в которой ее руководители заявляли, что необходимо избежать кровавой борьбы за социальное, юридическое и правовое равенство путем проведения реформ. В целом манифест сохранил все прежние элементы – признание всех свобод граждан и равенство всех религий, но в нем появились и новые черты. Республиканская федералистская партия впервые поставила вопрос о финансировании католической церкви: государство поддерживало церковь, предоставляя ей до 40 млн песет в год, защищало их служителей, выделяя пенсию пожилым священникам²¹. Представители партии считали эту практику порочной и ведущей к неравенству культов и социальному неравенству, поскольку священнослужители получали от государства налоговые льготы и пенсии, тогда как для простых граждан подобной системы не было. Республиканцы-федералисты предлагали отделение церкви от государства и приравнивание католицизма к другим культам, все религии должны существовать на подаяния своих приверженцев, для католической церкви это будет проще после передачи ей имущества религиозных орденов, ликвидации десятины, а также продажи неиспользуемой земли. Помимо этого, все служители культа не должны освобождаться от обязанностей, но и не должны быть лишены никаких прав²².

Следующим этапом развития позиции республиканцев можно назвать 16 мая 1905 г., когда открылась VI сессия федеральной ассамблеи Республиканской партии. На ассамблее прозвучал

доклад по вопросу отделения церкви от государства. Он отражал растущий радикализм республиканцев, ставший ответом на интенсивную работу по насаждению религиозных обществ, продолжавшуюся в течение последних лет перед открытием сессии²³. В соответствии с тезисами доклада обмирщение государства является следствием свободы мысли и сознания. Выражается же оно в исчезновении бюджетов культа и клира в пользу образования и общественных работ. Упразднение религиозных организаций и общин, конфискация церковного имущества на благо народа – это были наиболее важные проявления растущего антиклерикализма республиканцев. Причем теперь республиканцы допускали возможность достижения этого революционными средствами.

В манифесте Объединенных республиканцев от 7 августа 1920 г. уже четко говорится о светском образовании и светском государстве со свободой вероисповедания, уважением морали и запрещением любых актов, которые могут оскорбить другие убеждения или затруднить публичное отправление культов²⁴. Та же позиция прослеживается и в резолюции конгресса Демократической партии (также 1920 г.).

В программе Республиканской партии 1930 г. можно найти те же элементы, что и в манифесте 1894 г., но с добавлением тех предложений, которые мы видели в докладе 1905 г., являющегося самым радикальным из всех документов республиканцев. Несомненно, радикализация позиции партии в 1930 г. вызвана окончанием диктатуры Примо де Ривера и сотрудничеством церкви с диктатором.

Итак, мы видим, что позиции республиканских партий очень схожи, и до начала XX в. они очень напоминают позицию Либеральной партии: отделение церкви от государства, секуляризация образования, свобода исповедания и равенство культов. Однако по мере приближения XX столетия их позиция радикализуется: появляются требования прекращения финансирования церкви со стороны правительства и юридического и «экономического» равенства служителей культа с остальными гражданами. В XX в. позиция республиканцев еще более ужесточается и ко всему прочему добавляется требование упразднения религиозных общин и объединений и конфискация церковного имущества в пользу народа. Это изменение обусловлено как увеличением количества религиозных объединений, так и последствиями «катастрофы 1898 г.». Дальнейшее ужесточение позиции уже связано с правлением генерала Примо де Ривера.

Документы левых партий, содержащие их позицию касательно церкви и религии, мы находим еще от 1880-х годов. Но в те годы

выдвигались в основном имущественные требования. Так, в Программе испанского отделения Международного товарищества рабочих мы встречаемся с призывом сжечь регистры церковной и гражданской собственности, нотариальные и канцелярские документы о собственности²⁵. А в Манифесте рабочего класса 1881 г. содержится требование устранить власть господствующих классов и клира, хотя при этом высказывалось негативное мнение о религии и положительное мнение о вере: «Свободные религии проповедуют народу послушание, смирение со сложившимся порядком вещей, а вера – это будущая лучшая жизнь»²⁶. Столь благодушная позиция вызвана, вероятно, тем, что мы имеем дело с религиозной католической страной с еще не сильно укоренившимися социалистическими идеями. И именно поэтому левые партии выдвигали только имущественные требования, их больше всего беспокоили наиболее очевидные проблемы. Для программных документов политических партий левого толка до XX в. характерно малое внимание к вопросам церкви и религии. Примером этого может послужить программа Испанской социалистической рабочей партии, составленная в 1880 г.

Программа Социально-демократической партии (сентябрь 1890 г.) является самой жесткой из составленных до начала XX в. по отношению к церкви. Тезисы этой программы очень напоминают доклад на VI сессии федеральной ассамблеи Республиканской партии 1905 г. Составители предлагают отмену бюджетного финансирования клира, конфискацию всего имущества, роспуск всех религиозных орденов и запрет дотаций религиозного характера²⁷. Изучив эти меры, можно понять, что представители партии просто выступали за свободу культов и отделение церкви от государства и не предлагали ограничение численности духовенства, сокращение числа приходов, ограничение сферы деятельности священнослужителей или вообще кардинального реформирования или запрета церкви. Из этого видно, что партия стремилась к привлечению достаточно широких масс населения, а не только радикально настроенных слоев, а также к решению вопроса об образовании и других социальных вопросов. Лишь небольшая толика из этих требований содержалась в программе Партии социалистов-оппортунистов, написанной в декабре того же года. Они настаивали лишь на свободе культов и отсутствии бюджетного финансирования оных, а также клира.

16 октября 1901 г. вышел манифест испанских рабочих второго конгресса Испанской федерации рабочих. Позиция, которая проявляется в этом документе, уже сильно отличается от той, что высказывалась представителями рабочего класса за 20 лет до того.

В этом тексте выказывается недовольство политикой либерального правительства, которое в этом тексте называется «демократия», как сила противопоставленная группам, ориентирующимся на интересы рабочих. Поэтому подчеркивается, что «демократия поддерживает и содержит две силы – одну материальную, а другую – моральную, которые противостоят всем благим реформам для рабочих – эти две силы: армия и церковь»²⁸. В этой цитате подчеркивается охранительная позиция правительства, стремившегося избежать усиления новой социальной группы, привлечь которую на свою сторону было чрезвычайно сложно и привело бы к недовольству со стороны опоры партий – привилегированных классов. При этом в манифесте не предложено никаких реальных путей для решения сложившейся проблемы.

В 1902 г. на шестом конгрессе Испанской социалистической рабочей партии в Хихоне Пабло Иглесиас произнес свою речь против церкви.

Социалисты не требуют, чтобы священники унижались и пылали монастыри, мы уважаем людей, мы оспариваем идеи. Мы идем дальше, нежели буржуазные радикалы, мы стремимся к смерти церкви, которая вместе с буржуазией является эксплуататором. Мы стремимся конфисковать церковное имущество. Мы не сражаемся с монахами для того, чтобы восхвалять приходских священников. Никаких половинчатых решений. Мы хотим, чтобы исчезли и те и другие²⁹.

Примерно такие же высказывания можно найти и в статье французского журналиста и публициста Поля Лафарга, жившего в Испании некоторое время, опубликованной в «Журнале социалиста» (май 1903 г.), в которой говорится об альянсе христианства и буржуазии и как следствие этого – смерти религии, как только исчезнут их союзники (буржуа)³⁰. В этих высказываниях мы впервые сталкиваемся с радикальной позицией, согласно которой требуется уничтожение церкви как института. Это можно назвать уникальным фактом для католической страны, в которой преобладает аграрное население, традиционно ориентированное на церковь, хотя в 1908 г. лишь 5% населения Мадрида посещало воскресную мессу. Еще любопытнее то, что происходило это задолго до революции 1917 г. в России, и списать этот факт на подражание советской России невозможно. Истоки подобных настроений можно найти как в антиклерикальных выступлениях XIX в. в Испании, так и в идеях французской философии конца XVIII в., тем более что именно последняя была одним из источников формирования взглядов социалистов конца XIX в. В словах Иглесиаса нет призыва к насилию, и он всячески подчеркивает, что необходимо решить

религиозный вопрос мирно. Однако были и призывы к насильственному решению этого вопроса. Такой подход ярко выразил А. Лерус, лидер радикальной Республиканской партии Испании, в газете «Восстание» 1 сентября 1906 г.

«Молодые варвары сегодняшнего дня, войдите в хиреющую и эфемерную цивилизацию этой страны без будущего, уничтожьте ее храмы, покончите с ее богами, уберите покрывало псевдообновления ... продолжайте, продолжайте... не останавливайтесь ни перед могилами, ни перед алтарями.

Нет ничего святого на земле, кроме самой земли и вас. Для того, чтобы создать школу, нужно уничтожить церковь, или хотя бы закрыть ее или, в крайнем случае, низвести ее до низшего положения»³¹.

В этом тексте мы уже видим прямой призыв к насилию, к уничтожению церкви, политик призывает своих сторонников не останавливаться ни перед чем. В принципе подобное заявление можно было бы расценить как уголовно наказуемое преступление. Этот призыв был обращен к молодым людям – не зря в обращении употреблено слово «молодые», не зря в тексте говорится о школе и образовании, да и дата публикации не оставляет никаких сомнений. Впрочем, ничего иного от анархистов ожидать и не стоило, ведь в основе их идеологии – уничтожение всех институтов государства. А их лидер Лерус был известен своим антиклерикализмом и популизмом. Но при этом в конце текста видны некоторые уступки и смягчение позиции и проглядывает возможность сохранения церкви. Причиной же появления этого текста стало обсуждение вопроса образования, и здесь мы видим ту же позицию – оно должно быть светским.

Вопрос об образовании также будет одним из центральных и в программе Коммунистической партии Испании, опубликованной 15 февраля 1931 г. Испания является наименее развитой страной в сфере образования, и это происходит из-за того, что церковь контролирует систему образования. Коммунисты выступали против вмешательства церкви в сферу образования и за отделение церкви от государства, за конфискацию церковного имущества в пользу страховых общественных фондов, за абсолютное отделение церкви от школы, за изгнание религиозных орденов, за светское, бесплатное и обязательное образование, предлагали запретить религиозное образование, запретить любое вторжение церкви в общественную и частную жизнь, ввести гражданский брак и право на развод³².

Здесь прежде всего можно отметить отсутствие того радикализма, который мы видели выше, тем более что Коммунистическая

партия Испании выделилась именно из Социалистической партии в 1921 г., а следовательно, до этого года ее позиция коррелировалась с позицией Социалистической партии и ее лидера. Лидеры Коммунистической партии посещали Москву и до определенного момента (до 1920–1930-х годов) всячески приветствовали советский опыт. В этом документе сформулирована взвешенная позиция, очень близкая к взглядам республиканских партий конца XIX – начала XX в. Отличием можно назвать лишь то, что здесь указан адресат изымаемого церковного имущества – страховые общественные фонды, а не неясный адресат всех прежних документов – «народ», – в соответствии с которым изъятое имущество можно было направить куда угодно.

В Испании националистические партии представляли собой особую политическую группу, и их нельзя было назвать правыми партиями, так как среди них встречались партии, чью позицию можно было бы охарактеризовать как либерально-республиканскую. Именно о таких партиях мы и поговорим ниже.

Каталонские националисты сформулировали в 1892 г. так называемые «Основы Манресы». В этом основополагающем документе была обозначена их позиция по основным социально-политическим вопросам, в том числе и в отношении церкви. В частности, в этом документе заявляется, что националисты не собираются пересматривать существующие положения конституции, согласно которым церковь не отделена от государства. Также они не выступают против того, чтобы центральная власть дотировала клир и вела переговоры с Ватиканом касательно способов финансирования церковных сановников. Но составители «Основ» настаивали на необходимости включения в новый конкордат со Святым престолом пункта о том, что каталонцы будут занимать церковные должности: должность посланника, или легата, а также должности сановников и тех, кто заведует пребендой³³. Несомненно, в этом требовании больше от влияния националистической идеологии и нежелания подчиняться иерархам, присланным со стороны. Как мы видим, здесь высказывается очень умеренная позиция: подчеркивается лишь необходимость соблюдения конституции, причем до тех пор, пока обе власти по обоюдному согласию не модифицируют существующее законодательство.

Если рассмотреть дальнейшее развитие взглядов каталонских националистов, то они эволюционируют в сторону более либеральных позиций. Так, в конституционных основаниях «Федералистской унии националистов и республиканцев» от 1 августа 1910 г. видно приближение к взглядам республиканцев. Националисты и республиканцы предлагали неоднозначные меры: с одной стороны,

они стремились сохранить поддержку религиозных учреждений со стороны государства, а с другой – провозглашали независимость светской власти от духовной, равенство всех религий и секуляризацию браков и погребений³⁴. Таким образом, создатели унии попытались создать сплав двух взглядов, не заботясь о совместимости тезиса о независимости церкви от государства и тезиса о финансировании государством церкви. Хотя второе сразу предполагает появление возможности у государства влиять на политику церкви, что отрицает ее независимость. Итак, в среде каталонских националистов до установления диктатуры Примо де Ривера в 1923 г. наблюдается совсем неоднозначная картина, их позиция скорее ближе к либерально-демократическим взглядам.

Но после падения диктатуры в 1930 г. очевидна радикализация их позиций, что видно из манифеста партии «Республиканское действие», составленном 15 марта 1930 г. в Барселоне. Эта партия может принадлежать сразу к двум группам партий, так как она соединяла в своей программе национализм с республиканскими и демократическими взглядами, дополненными тезисами о свободе сознания и отделении церкви от государства. Именно поэтому по своей идеологии она была гораздо ближе к республиканским партиям, так как националистические партии Испании занимали в основном прокатолическую позицию. Составители манифеста писали об отсутствии свободы сознания и свободы культа, о неконфессиональности государства и всех общественных и частных институтов. Поэтому, несмотря на свою любовь и уважение к католической церкви (большинство республиканцев было католиками)³⁵, они призывали к тем же мерам, что и «общеиспанские» республиканцы. А вызвано это осознанием того, что церковь не будет способствовать утверждению свободы. И пониманием того, что в прежний период диктатуры меры против Каталонии не происходили исключительно из Мадрида, некоторые, самые тяжелые, происходили из Рима. Дух Каталонии, как говорил каталонский историк и политик Хосеп Пьюиг-и-Кадафалч, был поработан представителями власти небесной и земной. В антикаталонской политике принимали участие и иерархи церкви³⁶. Те же позиции можно проследить и в «Идеологии и программе» Объединенной республиканской автономистской партии Валенсии. В дальнейшем позиция каталонских республиканцев не претерпевала изменений, стоит лишь отметить, что в декларации Каталонской республиканской партии (11 марта 1931 г.) свобода вероисповедания ограничивается лишь запретом фанатизма и сектантства. Через два дня после этого были приняты принципы «Каталонского государства», в которых утверждается абсолютный запрет литургических актов

в общественной жизни и возможность аннулирования конкордатов с Папским престолом³⁷. Появление подобных пунктов нужно расценивать как развитие идей, высказывавшихся в документе каталонских республиканцев 1930 г., тем более что в глазах представителей партий левого толка связь режима и церкви была неразрывной.

Подводя итоги, нужно сказать, что вопрос религии и церкви в Испании в конце XIX – первой трети XX в. широко обсуждался не только правящими партиями, но и партиями, представляющими левый фланг. Позиция левых партий была естественной, пластичной и четко выраженной, т. е. их мнение изменялось с течением времени и под воздействием внешних факторов, чего нельзя было наблюдать у правящих партий, использовавших церковный вопрос лишь для того, чтобы маркировать различия между собой.

До начала XX в. в документах левых партий высказываний касательно религии и церкви почти не встречается, а те, которые имеются, носят исключительно имущественный характер. Единственным исключением была Социально-демократическая партия, требовавшая отмены бюджетного финансирования, конфискации имущества и запрета религиозных орденов и дотаций религиозного характера. В XX в. уже появляются радикальные предложения – уничтожение церкви, при этом если бы они были единичными, то можно было бы предположить, что они случайны или являются популистской приманкой. Коммунистическая партия, вышедшая из рядов социалистов, в 1931 г. высказывает куда более умеренные и более осуществимые в условиях католической страны предложения, которые скорее ближе к взглядам республиканцев того же периода. В среде каталонских националистов видна тенденция к обратному движению – от позиций скорее консервативных к более либеральным, от требований церковных постов для каталонцев к требованиям секуляризации образования и актов гражданского состояния и разделения церкви и государства при сохранении поддержки церкви со стороны мирской власти, равенства религий и даже отмены конкордатов с Ватиканом.

Примечания

- ¹ *Costa J.* Crisis politica de Espana. М., 1914. P. 11.
- ² Система касикизма – система, обеспечивающая необходимый результат голосования во время выборов в кортесы.
- ³ *Туньон де Лара М.* Испанская церковь и война 1936–1939 гг. // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 117.

- 4 Там же.
- 5 Carr R. Spain. Oxford, 1976. P. 174.
- 6 Vincens Vives J. Aproximacion a la historia de Espana. Barcelona, 1952. P. 170.
- 7 Lain Entralgo P. Menendez Pelayo. Buenos Aires, 1966. P. 224.
- 8 Fernando Almagro M. Historia politica de la Espana contemporanea 1897–1902. M., 1970. P. 281.
- 9 Gil Delgado Fr. Conflicto Iglesia – Estado. M., 1975. P. 115; Linz J. El sistema de partidos en Espana. M., 1967. P. 39.
- 10 Энштейн А.Л. Церковный вопрос в политике правящих партий Испании (1900–1913 гг.) // Развитие политических партий в странах Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время. М., 1984.
- 11 Пономарева Л.В. Анхель Эрера Ориа как идеолог испанского социального католицизма // Проблемы испанской истории. М., 1987; Кулешова В.В. Проблемы Испании в политической публицистике Рамиро де Маэсту. 1896–1936 // Проблемы испанской истории. М., 1979; Пономарева Л.В. Поздний Маэсту // Проблемы испанской истории. М., 1984.
- 12 См. напр.: Gil Delgado Fr. Op. cit.; Carvajalo G.M. Relacion de la Iglesia y el Estado. Madrid., 1975; Cuenca J.M. Relaciones Iglecia – Estado en la Espana contemporanea (1833–1985). M., 1985.
- 13 Моран Г.Л. Система взаимоотношений между церковью и государством в Испании // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 2000.
- 14 Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX век. М., 1989
- 15 Artola M. Partidos y programas politicos. 1808–1936: 2 vol. Madrid, 1974–1975.
- 16 Linz J. El sistema de partidos en Espana. Madrid, 1967.
- 17 Diaz-Plaja F. Espana, los anos decisivos: 1909. Barcelona, 1970; Diaz-Plaja F. Espana, los anos decisivos: 1917. Barcelona, 1970; Diaz-Plaja F. Espana, los anos decisivos: 1931. Barcelona, 1970.
- 18 См. напр.: Martinez de Sas M.T. El socialismo y la Espana oficial. Madrid, 1975.
- 19 См. напр.: Tusell J. Historia de la democracia Cristiana en Espana: 2 vol. M., 1974. Vol. I.
- 20 Artola M. Op. cit. Madrid, 1975. Vol. II. P. 189.
- 21 Ibid. P. 199.
- 22 Ibid. P. 200.
- 23 Ibid. P. 397.
- 24 Ibid. P. 217.
- 25 Ibid. P. 251.
- 26 Ibid. P. 256.
- 27 Ibid. P. 278.
- 28 Ibid. P. 258.
- 29 Morato J.J. El partido socialista obrero Espanol. Madrid, 1972. P. 218.
- 30 Martinez de Sas M.T. Op. cit. P. 80.
- 31 La rebeldia, Barc., 1 de Septiembre 1906. P. 1.
- 32 Artola M. Op. cit. P. 366.

А.М. Гнедовский

33 Ibid. P. 230.

34 Ibid. P. 233.

35 *Diaz-Plaja F.* Espana, los anos decisivos: 1931. P. 51.

36 *Artola M.* Op. cit. T. II. P. 338.

37 Ibid. P. 347.

И.А. Женин

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В КОНЦЕПЦИЯХ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Цель статьи – попытка выявить единый гносеологический инструментарий представителей «консервативной революции» и показать их концептуальную целостность. Анализу подверглись сочинения ведущих представителей «консервативной революции»: Освальда Шпенглера и Артура Мёллера ван ден Брука. Понятие «народ» занимало в идеологических конструкциях «консервативной революции» центральное место. В работе доказываются романтические истоки понимания и использования понятия «народ»; объясняется терминологическая оппозиция между обществом (Gesellschaft) и сообществом (Gemeinschaft); показывается роль социалистической идеи в мировоззрении «консервативной революции».

Ключевые слова: «народ», «консервативная революция», Веймарская республика, Освальд Шпенглер, Артур Мёллер ван ден Брук, общество, сообщество.

Особенностью политической атмосферы Веймарской республики было создание «нового консерватизма», который не укладывался в рамки классической консервативной идеологии и доктрины. Одной из наиболее неоднозначных и интеллектуально насыщенных концепций подобного рода, вобравшей в себя праворадикальную политическую романтику, революционный радикализм и духовный пессимизм, являлось идеократическое движение, названное впоследствии «консервативной революцией»¹.

Одним из ключевых требований, провозглашенных идеологами «консервативной революции», было стремление обосновать особый, немецкий «третий путь», отрицая при этом и существующую республиканскую систему, и отвергая реставрацию монархии. В то же время необходимо заметить, что данная «революция»

явила себя в чистом виде лишь в теории. Ей не удалось найти адекватного воплощения и способов реализации провозглашенных идей в политической действительности Веймарской республики.

Освальд Шпенглер² и Артур Мёллер ван ден Брук³ были ведущими представителями «консервативной революции»⁴. Проблематизация окружающей действительности, находившаяся в центре их размышлений, легла в основу теоретического фундамента и идеологических установок нового консерватизма.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о сути понятия «консервативная революция»⁵. Основным пунктом разногласий, вокруг которого разгораются дискуссии, является вопрос о степени гомогенности идейных установок движения. Как следствие, выявляются противоречия относительно сути ключевых понятий. Отсутствие цельности означает несостоятельность мировоззренческого и теоретического концепта «консервативной революции». Эта проблематика непосредственно связана с рассмотрением развития логики националистических и/или национально ориентированных партий и движений Веймарской республики. Ведь речь идет о формировании определенной «консервативно-революционной» группы в стане правых интеллектуалов, т. е. затрагивается вопрос идентичности, понимаемой не только как социально-политическое явление, но и как культурно-исторический феномен.

Таким образом, рассмотрение понятия «народ» в рамках наследия ведущих представителей «консервативной революции» даст более развернутое и объемное понимание ее мировоззренческих установок и представление о цельности ее концептов и идеологем.

В условиях международной изоляции Германии, тяжелой экономической и духовной ситуации внутри страны большинство политических сил использовали понятие «народ» для придания легитимности собственным программам и установкам. «Народ» понимался, с одной стороны, метафизически, как носитель высших ценностей – идеи государства, языка и культуры, с другой – рассматривался в качестве биологической характеристики, в основе которой лежали понятия «кровь» и «раса». Последнее было свойственно ультраправым силам, в частности это станет основополагающим пунктом национал-социализма⁶. Качественно иначе «народ» понимался в конструкциях «консервативной революции»⁷, где отрицалась расовая биология, рассматриваемая как примитивный натурализм.

Согласно мнению Райнера Козелика, понятие «народ» с 1914 г. выступает «последней нравственно-религиозной, социально-политической и исторической инстанцией»⁸. Это подтверждается многочисленными неологизмами со словом «Volk» в общественно-

политическом и повседневном (разговорном) лексиконе Веймарской республики, учитывая богатые, почти безграничные возможности немецкого языка в области словообразования, например «Volksstaat» (народное государство) или «Volksgemeinschaft» (народное сообщество).

Актуализация понятия «Volk» среди представителей консервативных сил имела как внешний фактор (поражение в Первой мировой войне, «унижение и оскорбление», нанесенное Версальским договором), так и внутреннюю традицию. Оно являлось структурообразующим элементом Фёлькиш-движения (Völkische Bewegung), провозгласившего в качестве жизненного принципа борьбу, а именно борьбу за существование, которая являлась перманентной силой развития общества в народническом духе⁹.

В рамках «консервативной революции» борьба должна была разворачиваться не внутри, не между представителями одного народа, а снаружи, т. е. между странами и нациями. Тем самым создается оппозиция «мы и они», где «другой», т. е. враг, способствует созданию «своего», собирая разобщенных граждан в целостную структуру. Для консервативных интеллектуалов народ представлял из себя единый организм, разрывать который, как это провозглашали коммунисты (классовая борьба) или классические консерваторы-монархисты (сословная структура общества), рассматривалось предательством по отношению к государству и нации. По мнению Мёллера ван ден Брука, все это приводит к гражданской войне, которая выгодна лишь врагам Германии; перед лицом общей опасности необходимо сплотиться и забыть о противоречиях: «Немецкий националист не должен быть националистом, когда он, размышляя о немецкой нации, не учитывает весь народ, все прослойки этого народа, на которые он делится, и на те классы, которые образуют и формируют индустриальный народ (Industrievolk). Он знает, что не может быть освободительной борьбы во имя нации, когда за ее спиной идет гражданская война»¹⁰.

Идея народа, народной общности стала одной из ключевых в концепциях «консервативной революции».

Пристальное внимание к этому термину и подчеркнутое уважение, наблюдаемое в текстах консервативных интеллектуалов, свидетельствует о его значимости и огромной смысловой нагрузке. Это отчасти объясняется тем, что термин «народ» занимал в немецкой политической традиции особое место, начиная с Наполеоновских войн. Так же как и тогда, после поражения в Первой мировой войне в общественном сознании актуализировались символы собственной идентичности. Понятие «народ» заменило собой понятие «государство», которое, по мнению Фихте, определяется совокуп-

ностью культурных идеалов¹¹. Таким образом, народ воплощал в себе и государство, и культуру.

Идеи общности (*Gemeinschaft*) или народной общности (*Volksgemeinschaft*) обладали первостепенным значением в интеллектуальных конструкциях «консервативной революции». Помимо этого, одной из характерных черт духовного мира Веймарской республики являлся небывалый интерес к народной идеологии (*Volkstumideologie*). К. Зонтхаймер обозначил это течение как «бурный поток идеи народа»¹². В целях сохранения страны от «чуждой германскому духу и культуре цивилизации» было необходимо сплотиться в единой общности, в едином коллективе.

Термины «*Gesellschaft*» и «*Gemeinschaft*» играли заметную роль в рассуждениях консервативных интеллектуалов и часто использовались в качестве иллюстрации неприятия либеральной демократической Германии. Они противопоставляли реальную, имеющуюся форму желанной и несуществующей. В частности, Мёллер ван ден Брук выразил этот конфликт так: «Либерализм полагает, что все, что он делает, он делает для народа. Но получается так, что он исключает народ и помещает на его место свое Я. Либерализм – это выражение общества, которое больше не сообщество. Либерал лишился смысла, который лежит в основе всякого общества <...> Народ полностью безразличен либералу. Либерализм – это партия выскочек (*Emporkömmlinge*) <...> Они (либералы. – *И. Ж.*) чувствуют себя никому не обязанными, и уж по меньшей мере точно не народу, особями. Они не разделяют своих традиций и преданий. У них нет соперничества своего прошлого»¹³. Антилиберальный посыл, который был одним из краеугольных камней «консервативной революции», свидетельствовал о том, что либеральная идеология лишь разобщает нацию, фактически способствует разрушению Германии как государства и способствует вымиранию немцев, лишая их идеи «народа».

В своей работе «Социология как наука о действительности» Ганс Фрайер, один из идеологов «консервативной революции», определил «*Gemeinschaft*» как внеисторическую категорию: «Сообщество находится в истории, оно одновременно омывается и опалается историей, но оно само не имеет истории, оно имеет лишь срок»¹⁴.

В основе противопоставления, которое отразилось не только на семантике, но и на идеологии, лежит этимологическое различие. «*Gemeinschaft*» происходит от «*gemein*» – «общий», в то время как «*Gesellschaft*» имеет в своей основе древневерхненемецкий корень «*sal*» – пространство¹⁵. Тем самым образуются два смысловых вектора.

В первом случае можно говорить о внутреннем векторе: в его основе лежит идея объединения вокруг чего-то, что принадлежит всем, например «Volksgemeinschaft» – народное сообщество (каждый, кто входит в это объединение, является частью народа, принадлежит ему). Во втором случае «Gesellschaft» определяющим выступает внешний фактор, так как в основе лежит представление о пространстве. Части общего связаны между собой лишь необходимостью существования на одной территории.

Получается, что в «обществе» отсутствует внутренний, консолидирующий императив, тем самым члены общества не связаны общей идеей, что делает его разрозненным, а значит, слабым и недееспособным. Кроме того, понятие «Gemeinschaft» исключает деление нации на классы и сословия, что подразумевает «Gesellschaft». Тем самым доказывается необходимость смены элит, так как прежние ее представители дискредитировали себя и не могут больше выступать от имени всего немецкого народа.

Идеологема «консервативная революция», которая вобрала в себя и часть предыдущей традиции и явилась ответом на вызовы современности, заключалась в соединении понятий «Volk» и «Gemeinschaft». Таким образом, «народная общность» стала формой, которую необходимо было наполнить содержанием, одним из элементов чего стал социализм.

Социалистическая идея рассматривалась как национально обусловленная немецкая форма социального порядка и не предполагала каких-либо особых экономических принципов, как это видел Маркс. Шпенглер заметил: «Социализм, представляющий собой все еще неразгаданную прусскую сущность, – это действительность высшего порядка; марксизм же – это литература»¹⁶.

Пруссачество – вот немецкий социализм, где сам король говорил о себе как о первом слуге или чиновнике государства. Каждый индивид здесь и работник, и солдат, занимающий свое место в иерархии. По существу, социализм для Шпенглера равнозначен цезаризму, истинными социалистами являются элиты, способные дисциплинированно служить высшей цели: «В каждой стране социализм различен. Рабочих движений ныне столько, сколько живых рас в смысле душевного склада. И они, когда дело идет больше чем об определении объединяющей их всех классовой ненависти, взаимно отвергают друг друга с той же ненавистью, как и сами народы, к которым они принадлежат»¹⁷.

Социализм определялся не как интернациональное явление и учение, общественно-политическая формация с едиными правилами существования, а как антикапитализм, антимарксизм, как национально детерминированный концепт, образ жизни, мировоззрение.

Девизом главы «Социализм» в программной книге Мёллера ван ден Брука «Третий рейх» были слова: «У каждого народа свой социализм»¹⁸.

В частности, предполагалось, что капитализм не способен справиться с вызовами современности и приведет либо к развалу государства, либо к единению нации перед лицом общей опасности. Либерализм рассматривался как орудие разложения и разрушения. Консерваторов и революционеров объединяют враждебность не только к либеральным ценностям, но и к самому типу либерального человека – торгашу и парламентскому болтуну, ритору-буржуа, представителю «внутренней Англии» в Германии¹⁹. Но в то же время неприемлемость марксистского понимания сущности социализма заключалось в его космополитизме. Борьба должна охватывать не классы, а нации: «Социализм только тогда имеет смысл, когда он охватит весь народ в его жизненной необходимости <...> В свою очередь консерваторы преодолевают механический социализм, который остался теорией, превращая его в органический (естественный) социализм, который должен стать практикой. Они понимают его состоящим из группы, сообщества, корпоративного сплочения нации <...> Они замечают атомизированный социализм корпоративным социализмом. Такое понимание социализма доверил правым силам профессиональный образ мыслей, который они почерпнули из своего консервативного и особенного немецкого прошлого»²⁰. Социалистическая Германия виделась как корпоративное, замкнутое государство, идея которого была провозглашена Фихте в работе «Замкнутое торговое государство»²¹.

Рассуждения о должном (лучшем) социальном порядке наталкивались на представления о целостности и органичности развития. В рамках «консервативной революции» это означало сбор доказательств и выстраивание линии защиты в целях демонстрации несостоятельности и абсурдности «немецкой республики». Она объявлялась вне закона и рассматривалась как порождение, противоречащее германскому духу, унижающее традиции и память предков.

Политическая риторика и прогнозы базировались на мировоззренческих аргументах, ментальном противостоянии «культуры» и «цивилизации» в контексте общего кризиса эпохи.

Оппозиция «западная цивилизация – германская культура» носила культурно-биологический оттенок, что нашло свое концептуальное воплощение и в политических работах Томаса Манна, и в философии культуры Шпенглера, и статьях Мёллера ван ден Брука. «Культура» понималась как живой организм, полный противоречий и обладающий иррациональным характером. «Цивилизация» виделась придуманным, изобретенным холодным

разумом и рассудком механизмом, безжизненной машиной. Согласно представлениям Шпенглера, каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, мертвеет и переходит в фазу цивилизации, для которой свойственны атеизм и материализм, агрессивная экспансия вовне, радикальный революционизм, техницизм, а также урбанизация. «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры <...> Будущий Запад не есть безграничное движение вперед и вверх, по линии наших идеалов <...> Современность есть фаза цивилизации, а не культуры. В связи с этим отпадает ряд жизненных содержаний как невозможных <...> Как только цель достигнута, и вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, она отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией»²².

Для Мёллера ван ден Брука эта оппозиция была понята и представлена в образе постоянной борьбы за право существования между молодыми и старыми народами: «Старость народа – это наследство; это владение, пресыщение и наслаждение; унаследованная репутация и слава. Молодость – готовность; претенциозность; право на значимость <...> Каждая страна стара своим западом и молода своим востоком»²³.

Противопоставление «запада» и «востока» в культурно-географическом плане, где первое несло смерть и разрушение, а второму отводилась великое будущее, была характерна и для Т. Манна. Его причисляют к участникам «консервативной революции» благодаря программной работе «Размышления аполитичного»²⁴. В ней были затронуты основные темы и сюжеты, прежде всего связанные с германской культурной миссией, целью которой является освобождение всего мира от «западного» (французского и англо-саксонского) влияния и цивилизации²⁵. На последних страницах «Размышлений аполитичного» Томас Манн строил прогнозы на продолжение войны, но уже с Россией против «Запада»: «Я завершаю эти записки в тот день, когда, наконец, сообщают о начале переговоров о перемирии между Германией и Россией. Если все это не обман, то исполняется желание, которое я всем сердцем испытываю почти с самого начала войны: мир с Россией! Мир прежде всего с ней! И война, если она продолжится, будет уже войной только против Запада, против трех свободных стран, против “цивилизации”, “литературы”, “политики красноречивого буржуа”»²⁶.

Среди истоков противопоставления «молодого» и «старого» начал слышится отзвук призыва Заратустры: «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!»²⁷. Фридрих Ницше стал

одним из властителей дум поколений, родившихся после объединения Германии. Вне зависимости от политических пристрастий текст «Заратустры» никого не оставлял равнодушным. Философское наследие Ницше было воспринято как откровение, переоценка изживших себя ценностей, бунт против наступающей эпохи стандартизации.

Консервативные интеллектуалы были очарованы откровенной дерзостью и искренностью идей и лозунгов Ницше, он виделся как пророк своего времени: «...в нем мы либо погибнем как нация, либо станем рожденными повелителями мира»²⁸. Его инъективы следует рассматривать скорее как эстетическую и этическую категории, в рамках «романтического» отношения к действительности, как поиск ответов на тайны мира, которые нужно не понимать, а прежде всего, чувствовать. Его творчество стало идейным императивом, ориентированным на практическое исполнение здесь и сейчас.

Кроме того, романтическая философия Ницше, где поэзия, художественное слово являлись откровением и несли огромную смысловую нагрузку, отсылала к истокам немецкого романтизма – йенским романтикам. Известно, что для романтика основное качество художественного жизненного опыта заключалось в его органическом единстве и целостности, в неразложимости на составные части, элементы; любая попытка дикурсивного вмешательства убивает живой импульс органической жизни. Постигнуть этот жизненный опыт можно было только непосредственно, интуитивно. Дикурсивному мышлению романтики противопоставляли метод интеллектуальной художественной интуиции; философии, основанной на науке, научном познании, – философию, в которой искусство – заметный приоритет²⁹.

Разумеется, «целостность» была одной из главных категорий романтической философии, так же как идею «синтеза» можно считать популяризацией гегелевской диалектики. В этом смысле кризис 1920-х годов можно обозначить как неоромантическое и неогегельянское возрождение. Вообще, после 1890 г. явно возродился интерес к классикам немецкой философской традиции³⁰.

Требование рассматривать окружающий мир в его целостности и органической преемственности стало основой для провозглашения тезиса большинства консервативных революционеров о «естественном» развитии нации и государства. Ницше стал проводником романтического миропонимания в индустриальном веке немецкого единства.

Формирование нового, более сильного и молодого характера и в культуре как институте, и у народа как живого организма виделось только в постоянной борьбе. Именно эту идею высказывали

и развивали многие консервативные революционеры. Мысль Ф. Ницше о том, что «...возникновение вида, упрочение и усиление типа совершается под влиянием долгой борьбы с существенно одинаковыми неблагоприятными условиями»³¹, была воспринята как жизненная необходимость, как пророчество, обращенное ко всем, кто не хотел идти на поводу у старого общества, разделять «лживую» мораль, верить и бояться «мертвого Бога». По определению Мёллера ван ден Брука, «новая ницшианско-германско-натуралистическая воля к жизни сменила собой прежнюю устаревшую шопенгауэрско-христианско-индийскую волю к слабой воле, к ничтожной воле, к ничтожеству вообще»³².

Истинным последователем Ницше был О. Шпенглер, считавший, что исторический процесс нетелеологичен и бесконечен. Повторяемость исторических событий позволяла ожидать коренных перемен, которые непременно должны были произойти. Слова Заратустры были восприняты как пророческие: «Всё идёт, всё возвращается; вечно вращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия. Всё погибает, всё вновь устрояется; вечно строится тот же дом бытия. Всё разлучается, всё снова друг друга приветствует; вечно остаётся верным себе кольцо бытия. В каждый миг начинается бытие; вокруг каждого “здесь” катится “там”. Центр всюду. Кривая – путь вечности»³³. Многие действительно ожидали великих перемен, которые изменили бы ход мировой истории и потрясли бы мир. Первая мировая война, русская революция, а затем и «германская катастрофа» только подтвердили эти беспощадные и масштабные ожидания сполна. Падение Второго рейха, насаждение в Германии чуждых для нее ценностей демократии, республиканизма и либерализма, реанимируют не только философское наследие Ницше, но и создадут новый символ, который смог бы сплотить и вдохновить униженную нацию. Им станет мечта о создании Третьего рейха, будущее которого виделось и определялось прошлым.

Внутреннее переживание у романтиков связано с неприятием и отторжением окружающей их действительности. Таким образом, внешнее формирует внутреннее состояние поиска (вопросы) и познания (ответы). В то же время внутренний императив (переживание) вступает в конфликт с внешним и требует преобразования мира (действительности). Данная расколотость (двойственность) рождает тоску (желание) по целостности внешнего и внутреннего, что является ключом к пониманию требования к «органическому» развитию человека и мира. Новалис видел в качестве основной отличительной черты современного «вырождения» и «одичания» разрыв внутреннего единства человека и природы. Причиной этого

разрыва и разъединения стала замена первобытного поэтически-художественного «вчувствования в природу» холодным и трезвым (объективным) теоретическим «познанием природы»³⁴.

Прошлое идеализировалось и превращалось в миф. Настоящее представляло интерес только с точки зрения сравнения с прошлым и будущим, т. е. историческая перспектива имела вектор, направленный не только вспять, но и вперед. Иными словами, будущее виделось как прошлое, в котором было лучше, справедливее, счастливее и т. д. Все представлялось исключительно с положительной коннотацией и в сравнительной степени. Такую мировоззренческую конфигурацию приняли романтические истоки «консервативной революции», такова специфика романтического, иррационального восприятия.

Таким образом, несмотря на то что термин «консервативная революция» не является самоназванием и хронологически возник значительно позже самого явления, в стане правых интеллектуалов имелось относительно единое понимание основных ее терминов. Под «относительностью» имеется в виду рамочная конвенциональная договоренность, определяемая политической и мировоззренческой позицией основных участников, и единое понимание целей и задач. Имелось общее семантическое поле, внутри которого возникали и находились основные термины-концепты. Их понимание, безусловно, могло варьироваться, но только в рамках, очерченных полем границ. Употребление того или иного термина предполагало коннотативную соотнесенность говорящего и слушающего, т. е. была определена единственно возможной интерпретацией. Коммуникативная структура высказывания выступала маркером идентичности и адресата, и адресанта. Так, например, «народ» или «народное сообщество», употребляемые всеми политическими силами Германии, обладали в стане «консервативной революции» общим смысловым кодом, отличным от понимания этих терминов представителями СДПГ, КППГ или НСДАП.

И, наконец, системообразующие термины-концепты являются свидетельством наличия единой методологической и гносеологической базы «консервативной революции» и должны быть рассмотрены как ее философская платформа, отличная от других политических сил и движений. Дальнейшая деконструкция ключевых терминов позволит выявить целостность интерпретации прошлого, отношение к настоящему и видение будущего в пространстве «консервативной революции» и позволит говорить о ней как о целостном духовном и общественно-политическом феномене Веймарской республики.

- 1 Термин «консервативная революция» не является названием, данным авторами самой концепции. Он был введен в научный оборот А. Молером (*Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. 6. A. Ares. Graz, 2005. 643 s.*) для обозначения националистических и антидемократических движений, которые не подпадают под определение национал-социализма.
- 2 Освальд Шпенглер (1880–1936), автор «Заката Европы» и один из властителей дум межвоенного времени, является одной из ключевых фигур для понимания немецкого консерватизма и его наиболее парадоксального направления – «консервативной революции».
- 3 *Артур Мёллер ван ден Брук* (1876–1925) принадлежал к числу интеллектуальных вождей консервативного лагеря. Именно он провозгласил и творчески развивал идею возрождения Германии и обновления германского духа (германства) под эгидой строительства Третьего рейха. Книга с одноименным названием превратилась в один из символов «консервативной революции» (*Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Berlin, 1923. 322 s.*). Третий рейх стал не просто порядковым номером очередного государственного образования, а исполненным требований и призывов идеологическим императивом.
- 4 *Lexikon des Konservatismus. Graz; Stuttgart, 1996. S. 326–330.*
- 5 *Алленов С.Г.* «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х гг. Проблемы интерпретации // Полис. 2003. № 4. С. 94–107; *Breuer S.* Anatomie der Konservative Revolution. Darmstadt, 1995. 233 s.; *Bussche R.* Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen. Heilderberg, 1998. 428 s.; *Weißmann K.* Konservative Revolution – Forschungsstand und Desiderata // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 119–139.
- 6 *Aly G.* Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a/M, 2005. 444 s.
- 7 *Hübinger G.* Gelehrte, Politik und Öffentlichkeit. Eine Intellektuellengeschichte. Göttingen, 2006. S. 176–177; *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. München, 1978. S. 244–250.
- 8 *Koselleck R.* Volk, Nation, Nationalismus und Masse // Geschichtliche Grundbegriffe, Bd. 7. Stuttgart, 1992. S. 391.
- 9 *Артамошин С.В.* Идеиные истоки национал-социализма. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. С. 71.
- 10 *Moeller van den Bruck A.* Nationalistisch // Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze. Berlin, 1932. S. 110
- 11 *Фухте И.Г.* Речи к немецкой нации (1808). М., 2008. 336 с.
- 12 *Sontheimer K.* Op. cit. S. 224.
- 13 *Moeller van den Bruck A.* Das dritte Reich... S. 78–80.
- 14 *Freyer H.* Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft. Logische Grundlegung des Systems der Soziologie. B.G. Teubner. Leipzig, 1930. S. 244.

И.А. Женин

- 15 Handwörterbuch der Soziologie. Stuttgart, 1982. P. 233.
- 16 Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М., 2002. С. 129.
- 17 Там же. С. 132.
- 18 Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich... S. 23.
- 19 Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 208.
- 20 Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich... S. 221.
- 21 Фихте И.Г. Сочинения: В 2 т. СПб., 1993. Т. 2.
- 22 Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 264.
- 23 Moeller van den Bruck A. Das Recht der jungen Völker... S. 101.
- 24 Mann Th. Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin, 1918.
- 25 Впрочем, следует заметить, что этих взглядов Т. Манн придерживался до 1923 г., до выхода в свет речи «О немецкой республике» (*Mann Th. Rede Von deutscher Republik. Berlin, 1923*), в которой он признал и поддержал политический строй, существовавший в Германии, и республиканскую конституцию.
- 26 Mann Th. Betrachtungen eines Unpolitischen // Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt a/M., 1974. Bd. XII. S. 587.
- 27 Ницше Ф. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 34.
- 28 Moeller van den Bruck A. Die Deutschen. Unsere Menschgeschichte. 8 Bde. Bruns, 1904–1910. S. 253.
- 29 Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. М., 1978. С. 5.
- 30 Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Голдина. М., 2008. С. 470–471.
- 31 Ницше Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 385.
- 32 Moeller van den Bruck A. Die Deutschen... S. 246.
- 33 Ницше Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 158.
- 34 Габитова Р.М. Указ. соч. С. 233.

А.А. Турыгин

НА СЛУЖБЕ У ФЮРЕРА,
ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА:
К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ «VÖLKISCHER ВЕОВАСНТЕР» –
ГЛАВНОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ НСДАП

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать развитие национал-социалистической пропаганды на примере газеты «Völkischer Beobachter» и дать ей оценку в современной историографии. Формирование пропагандистского стиля газеты автор рассматривает на фоне дискуссии о трансформации/эволюции ее печатного стиля. В качестве источников автором статьи были взяты тексты газеты «Völkischer Beobachter». Для написания статьи привлекалась литература на немецком и русском языках. На основании изучения источников и литературы автор приходит к выводу, что успех развития национал-социалистической пропаганды был во многом обусловлен распространением печатных изданий, которые не эволюционным образом, а с помощью специальных способов были трансформированы из партийных изданий в общегосударственные со строго регламентированной и очерченной проблематикой и спецификой изложения материала.

Ключевые слова: «Völkischer Beobachter», национал-социалистическая пропаганда, народное государство, фюрер, НСДАП, общество «Thule».

По общему убеждению национал-социалистов, «рупор НСДАП» – «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель») – представляет собой не столько обычное печатное издание, сколько «боевую газету», ставшую одним из основных средств нацистской агитации и пропаганды. Ее стиль был развит из привычных для листовок и плакатов слоганов. Он был скорее разговорным, чем публицистическим, и состоял из призывов к действиям, ярких словечек «партайгенносен», речей и дифирамбов, формирующих массовое сознание немецкого народа. Газета «Völkischer Beobachter» была рассчитана на широкий круг читателей, убеждая «маленьких

людей» в их исключительной значимости для национал-социалистического государства и большой роли в истории человечества.

Важное место в современных дискуссиях о национал-социалистической пропаганде занимает проблема преемственности стиля печатных изданий: от публикации «событийных» наглядно-агитационных материалов, содержащих карикатуры на политических и идеологических врагов, однозначные призывы к действиям и критику государственной системы, до вполне легального общегосударственного периодического издания, охватывающего все государственные структуры и транслирующего, хотя и предельно тенденциозную, но обобщающую информацию об основных сферах общественной жизни. Процесс трансформации (в ряде работ – эволюции) «Völkischer Beobachter» из партийной газеты в общегосударственное периодическое издание некоторые историки связывают с политикой национал-социалистов, стремившихся «придерживаться тактики фиктивной лояльности» в достижении своей конечной цели – установления «безраздельного господства»¹. Такая политика выражалась в формальном соблюдении норм парламентаризма (выборы в рейхстаг 5 марта 1933 г., принятие чрезвычайного законодательства). В связи с этим газета должна была стать легальным инструментом воздействия на немецкий народ и содержать информацию о стратегических целях партийного и государственного руководства. Тем не менее нельзя утверждать, что утверждение газеты в качестве общегосударственного печатного издания было связано только лишь с ее «насаждением» сверху. В научных работах, посвященных национал-социалистической пропаганде, также отмечено, что популярность газеты (по крайней мере до начала 1940-х годов) была связана с определенным интересом и соответствующими ожиданиями политизированной общности, части населения Германии, убежденной в правильности государственного курса². Подобные ожидания немецкого народа были представлены на страницах печатных изданий, являясь результатом специальных усилий и конкретных политических действий отдела пропаганды.

Процесс трансформации, или эволюции, стиля газеты (дискуссионный вопрос в современной историографии), изучению которого посвящены исследовательские работы западных и российских историков, сопровождался изменением задач и стиля национал-социалистической пропаганды³. После прихода Гитлера к власти призывы к активным политическим действиям и продолжению революционной борьбы, по мнению Н. Фрая, были заменены необходимостью решения задач по восстановлению и стабилизации нового режима⁴. Интересный момент дискуссий об изменении задач

национал-социалистической пропаганды связан с оценкой взглядов представителей государственных и партийных структур СС и СА на предмет развития государства после 1933 г. Стремление вождей СА продолжить революционную борьбу уже после прихода Гитлера к власти не нашло поддержки у фюрера. Параллельно с этим в периодической печати начинает формироваться и критиковаться негативный образ верхушки штурмовиков из СА.

Новые задачи, поставленные перед пропагандой, вытекали из необходимости скрыть процесс ликвидации демократических институтов, сформировать новое мировоззрение, основанное на лояльном отношении немецкого населения к национал-социалистической политике, устранить политических противников нацизма и продолжить процесс унификации общества.

Язык «*Völkischer Beobachter*» – это язык нацизма, «который вьедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно»⁵. Анализируя язык Третьей империи (LTI – «*Lingua Tertii Imperii*»), В. Клемперер отмечает его мощное воздействие на простых немцев, отводя ему роль сильнейшего орудия нацистской пропаганды. Так, если долго использовать слово «фанатически», вместо того чтобы сказать «героически» или «доблестно», человек в конечном счете уверует, что фанатик – это просто доблестный герой и что без фанатизма героем стать нельзя»⁶.

Едва ли не самым главным средством распространения «нового языка» стали печатные издания. Среди них видное место занимает газета «*Völkischer Beobachter*».

Осенью 1919 г. в Мюнхене состоялась встреча Адольфа Гитлера с его бывшим фронтовым начальником фельдфебелем Максом Аманном, ставшим к тому времени служащим банка. А. Гитлер рассказал ему о своей деятельности в армии в качестве политического наблюдателя и о том, что думает основать партию социал-революционеров. Рассчитывая на М. Аманна, А. Гитлер заявил, что в ее рядах он хотел бы видеть только храбрых немцев, в том числе своих фронтовых друзей. Два года спустя этот «вечный солдат», как называл А. Гитлера М. Аманн, создал такую партию⁷. Во время следующей встречи А. Гитлер напомнил М. Аманну обо всех опасностях большевизма и заявил: «Я просил Вас стать моим начальником. Ныне я заявляю Вам, что вы не имеете права отказаться, так как Ваш долг предоставить себя в мое полное распоряжение. Любая отговорка со ссылкой на пенсионный возраст мною не принимается, ведь большевиков это не остановит, и они вздернут Вас на ближайшем фонарном столбе»⁸. Такой типичный для А. Гитлера

тон был для М. Аманна столь неожиданным, что три дня спустя он стал служить А. Гитлеру. Он стал первым руководителем партии (август 1921 г.) и главой партийного издательства, выпускавшего «Völkischer Beobachter». А. Гитлер был благодарен М. Аманну, даже несмотря на то что в годы инфляции газета не издавалась, а начала выходить только с 1925 г.

После поражения в Первой мировой войне в Германии усилились националистические тенденции. Различные националистические группы имели свои печатные органы и выпускали множество газет: «Orden fuer deutsche Art», еженедельник масонского общества «Thule», проповедовавший расовое учение, и др. Содержание статей было примерно таким: «Христианское общество снисходительно относится к различным учениям о равенстве людей. Цыгане, готтентотты, германцы – все равны <...> Досадно, ибо природа учит иначе: равенство бессмысленно <...> Существуют высшие и низшие расы. Смешение рас – преступление против человечества <...> Среди всех рас Земли, германская раса заявляет о недопущении этого»⁹.

На волне национализма растет количество националистических организаций – «Союз немецкого Возрождения», «Молот империи». В слове «народ», с одной стороны, начинает объединяться все немецкое – культура, язык, дух, с другой – такие понятия, как «государство», «нация», «армия», «флот», «колонии», «кровь» и «железо». Если прежде национальная идея ассоциировалась с идеей империи вокруг «трона и алтаря», то с ее крахом произошла утрата прежней системы ценностей и ориентиров самоидентификации немцев. Намерение возродить национальную идею в 1920-е годы было связано с коллективным национализмом.

В декабре 1920 г. за 120 000 марок А. Гитлер выкупил издательство, ставшее позже печатным издательством партии, выпускавшее «Völkischer Beobachter». Это было большое предприятие для маленькой партии. Первоначально права на газету принадлежали издателю Францу Эйеру («Franz-Eher-Verlag»), вдова которого после его смерти продала их обществу «Түле» («Thulegesellschaft»). Глава общества Рудольф фон Зеботтендорф купил права на газету за 5000 марок в 1918 г.

Приобретение издательства было покрыто тайной. Около половины суммы внесли военные. Друг А. Гитлера Дитрих Эккарт, ставший в августе 1921 г. главным редактором «Völkischer Beobachter», получил от генерала Риттера фон Эппа 60 000 марок на поправку финансового положения собственного издательства. Р. фон Эпп был членом нацистской партии и начальником Эрнста Рёма в рейхсвере. Вполне вероятно, что средства поступили из засекреченных

военных фондов. Тем не менее в письме от 18 декабря 1920 г. А. Гитлер благодарит Д. Эккарта за оказанную в последние минуты помощь в приобретении собственной газеты. Поручителями за выплату суммы стали нотариус из Аугсбурга Готфрид Грандель и сам Дитрих Эккарт. Приобретенное А. Гитлером издательство оказалось во владении общества с ограниченной ответственностью, состоявшего из восьми человек с капиталом в 120 000 марок. До сих пор остается открытым вопрос о погашении долга. В документе, удостоверяющем покупку от 17 декабря 1920 г., значатся имена трех членов общества: Антона Дрекслера, фройляйн Кэт Бирбаумер и Доры Кунце, уплативших 56 500 марок. Об остальных членах общества вовсе не идет никакой речи. Остается открытым вопрос о том, была ли внесена оставшаяся сумма (63 500 марок), полученная Д. Эккартом от Р. фон Эппа. В другом документе о покупке от 16 ноября 1921 г. указано, что долями всех членов общества владел уже А. Гитлер. К тому времени А. Гитлер стал главой партии, являясь вместе с тем председателем Национал-социалистического рабочего общества («NS-Arbeiterverein»). Оно было основано 20 октября 1920 г., чтобы придать партии правовой статус, и существовало до 1935 г.

Издательство «Völkischer Beobachter» контролировалось казначейством партии. Председателем совета по надзору за деятельностью издательства также был А. Гитлер, который и передал эти полномочия М. Аманну.

М. Аманн принял руководство издательством в апреле 1922 г. Он оказался расчетливым и хорошим организатором, энергичным и аккуратным. При нем издательство стало процветать. Финансирование в первое время (до 1923 г.) осуществлялось за счет читателей, прежде всего членов партии, а также вследствие общего подорожания печатных изданий в Германии.

С начала и до конца «Völkischer Beobachter» печаталась в типографии книжного дома М. Мюллера «M. Muller & Sohn» в Мюнхене, а также в его филиалах в Берлине и Вене. В каждой иногородней редакции «Völkischer Beobachter» управлял представитель главного редактора; в Берлине и на севере Германии с 25 марта 1933 г. – Карл Кранц, после перевода которого в имперскую палату прессы его заменил Теодор Зиберт, в Мюнхене с марта 1933 г. – Йозеф Берхтольд, с 1943 г. – Б. Мойнир, в Вене с 1941 г. – В. Шмитт, позже – К. Пфайфер.

Газета выходила два раза в неделю и имела три колонки. Как ежедневная газета она начала издаваться с 8 февраля 1923 г. уже с пятью колонками (с 29 августа 1923 г. – с шестью колонками) и большим форматом. Несмотря на рост инфляции, тираж газеты

увеличивался, завоевывая новую аудиторию читателей. Начальник издательства М. Аманн стал называть газету «Орган завоевателя». Ее тираж с 1920 по 1922 г. составил от 8000 до 17 000 экземпляров, с 1923 г. – 30 000.

Газета «Völkischer Beobachter» печаталась трудночитаемым старогерманским шрифтом – фразатурой, развившимся на основе готического письма. Это затрудняло распространение немецкой газеты за пределами Германии, в то время как все остальные газеты перешли на доступный для восприятия латинский шрифт – «Antiqua-Tyre». Национал-социалисты, дабы подчеркнуть исключительный характер своей газеты, закрепили за новым шрифтом название «еврейского письма». Но безусловно, что доступные для восприятия газеты, напечатанные латиницей, сразу увеличили свой тираж. Чтобы дальше убеждать немцев в количественном превосходстве партийной газеты по сравнению с другими тираж «Völkischer Beobachter», о котором раньше мог узнать любой немец, в годы войны уже не печатался на ее страницах, о нем предпочли умолчать, называя это «военной тайной».

9 ноября 1923 г. после национал-социалистического путча партия и газета были запрещены.

Еще во времена Д. Экарта – первого главного редактора газеты – сотрудником в «Völkischer Beobachter» стал Альфред Розенберг. Впоследствии он оказал большое влияние на превращение газеты в рупор партии.

1 января 1921 г. А. Гитлер написал одну из своих первых статей – «Народная идея и партия», в которой, бросая вызов национальному движению, назвал его бесплодным и бездейственным. Он упрекал немецких националистов в стремлении к «неосознанному до конца желанию», так как практическое желание непременно должно было быть связано с намерением захватить власть и с созданием для этого сильной организации. А. Гитлер точно знал, что идея его партии не нова, и главный акцент ставил на призыв к активному действию, вызову националистам. Это было необходимо для того, чтобы систематизировать идеологию немецкого националистического движения, превращая ее в «идеологию действия». 6 марта 1921 г. на страницах «Völkischer Beobachter» А. Гитлер обратился к населению с такими словами: «Мы хотим взволновать народ. И не только взволновать, но и подхлестнуть его. Мы стремимся проповедовать борьбу, неукротимую борьбу против всего парламентарского отродья, всей системы, которая не рухнет так скоро, пока не погубит Германию или не принесет однажды какой-либо вред. Грязными сапогами, но с чистой совестью и стальным кулаком мы прекратим речь этих героев паркет-

ного пола и совершим для нации целое дело»¹⁰. Стиль и само название статей Гитлера в газете были исполнены пафоса и призыва к действию по разрушению Версальской системы и созданию национального движения: «Заблуждение или преступление?»¹¹ «Ратенау и Санчо Панса»¹², «Государственные мужи или национальные преступники?»¹³, «Глупее кошек и плохо, как еврей»¹⁴.

Исследуя содержание первых статей «Völkischer Beobachter», можно определить принципы национал-социалистического движения А. Гитлера, ставшие руководящими принципами НСДАП.

1. Антипарламентаризм. Критикуя Версальскую систему, А. Гитлер был убежден, что конституция Веймарской республики существенно ограничивает свободу немецкого народа, немецкий дух. Представитель «радикального национализма» Эрнст Юнгер, публиковавший свои работы на страницах «Völkischer Beobachter», отмечал, что Германии в эпоху кризиса нужны не парламентские дискуссии, а «сильная и авторитарная государственная власть», организация которой является основной целью националистического движения¹⁵. Тем не менее национал-социалисты первоначально вполне охотно использовали механизмы республики, чтобы с их помощью получить власть. Политика двойных стандартов была необходима, чтобы после законного обретения власти сформировать новые механизмы и поменять форму правления.

2. Национализм. Точного определения национализма не было. Существовавшие националистические организации, по мнению членов НСДАП, дискредитировали себя связью с евреями и не обращались к проблеме рас. Поэтому члены партии стремились создать собственную концепцию национализма, связав ее с расширением «жизненного пространства» немцев, утраченного или сильно ограниченного условиями Версальского мира. Национализм НСДАП связывался с «борьбой». Существование гражданского общества, организованного по национальному признаку, представлялось всего лишь формальностью. Обращаясь к представителям других националистических организаций, члены НСДАП заявляли, что «ваш национализм и наш – это совершенно разные вещи. Ваш национализм в лучшем случае представляет собой средство возродить прошлое. А наш национализм – создание нового порядка, ибо старый уже потоплен»¹⁶.

3. Антисемитизм. Антисемитизм, идеей которого было наполнено каждое предложение, каждое слово в газете, представлял собой смешение различных расовых теорий, от теории Гобино до социал-дарвинизма. Общим для этих теорий было убеждение их авторов в избранности германской расы вести борьбу со слабыми расами, подчиняясь «закону жизни». Можно сослаться на слова

Карла Брасслера, опубликованные на страницах «Völkischer Beobachter»: «Как у лошадей, на всем протяжении жизни которых в равной мере и равным успехом ведется естественный отбор, должно быть и среди людей»¹⁷.

Основными врагами национал-социалистов на страницах «Völkischer Beobachter» представлены евреи. Евреями был подготовлен и заключен Версальский мир, еврейским вождем коммунистов была проведена революция 1918 г., во всех немецких партиях и церквях Веймарской республики присутствовали евреи. Почти во всех выпусках газеты поднималась еврейская тема – «еврейский вопрос», говорилось о «еврейских списках», конфискации их имущества. Газета часто печатала высказывания фюрера на тему антисемитизма: «...очищения нации и особенно интеллигентных ее слоев от иноплеменного влияния и чужеродной примеси. Справедливые притязания Германии на идейное руководство должны быть удовлетворены путем немедленного удаления избытка еврейской интеллигенции из культурной и духовной жизни Германии. Вытесняя иноплеменников, нужно расчистить путь германской молодежи и дать ей возможность “работать”»¹⁸.

4. Антикоммунизм. Первоначально национал-социалистическое движение в Германии преследовало общую с коммунистами цель – борьбу с капитализмом. Однако коммунистическое движение за призыв к ликвидации классов и создание бесклассового социалистического общества равных со временем становится объектом критики со стороны национал-социалистов. В теории общества равных у коммунистов речь идет о растворении наций, смешении рас и утрате элементов национальной самоидентификации. Эта теория не нашла поддержки у национал-социалистов Германии, которые призывали к сплочению немецкого народа, сохранению коллективной памяти, национального самосознания, которые можно было противопоставить всеобщему «хаосу» общества равных. Более того, увлечение коммунизмом после 1917 г. в Германии и формирование новых коммунистических организаций составляло конкуренцию другим, прежде всего националистическим движениям. «Мы – или большевизм!», «Мы последняя надежда немецкого народа!» – заявляли о себе национал-социалисты на страницах «Völkischer Beobachter»¹⁹.

После освобождения А. Гитлера из-под стражи он вновь начал собирать верных ему и его идее людей. В это время «Völkischer Beobachter» из еженедельной становится ежедневной газетой. С 1925 г. она впервые печатается с эмблемой, на которой изображен орел со свастикой – опознавательный знак НСДАП, а в заголовке указано – «Издатель – А. Гитлер». Это клише существовало до 1 мая 1933 г.

За названием и эмблемой газеты следовали надпись «Боевая газета национал-социалистического движения Великой Германии» и лозунг – «Свобода и хлеб».

С 1926 г. в «Völkischer Beobachter» начинают печатать иллюстрации к текстам, что, безусловно, увеличивает популярность газеты. С 1928 г. увеличивается количество служащих издательства – с 1 редактора и 4 служащих до 7 редакторов и 34 служащих. Это было связано с ростом тиража газеты: 4500 экз. (1925), 15 000 экз. (1928), 18 000 экз. (1929), 39 300 экз. (1930), 128 800 экз. (1931). Увеличение тиража газеты и ее продаж принесло издательству прибыль почти в 4 млн марок (1932).

Начальник издательства М. Аманн (1891–1957) пользовался благосклонностью фюрера и был ответственен только лишь перед ним. С 1933 г. М. Аманн становится председателем имперской палаты печати и рейхсляйтером прессы НСДАП, основав тем самым «империю партийной прессы». Тем не менее деловые качества М. Аманна и стремление получить практическую пользу от издания все же превосходили интерес к идеологии и программе его собственной партии.

Некоторое время перед главным издателем «Völkischer Beobachter» стоял вопрос о превращении газеты в общегосударственное, официальное издание и перенесении издательства из Мюнхена в Берлин. Однако этого не стали делать, оценив возможности конкуренции с берлинскими газетами, доверие к которым и круг читателей которых формировался на протяжении долгих лет. Более того, в столице уже существовало подобного рода издание – еженедельная газета «Der Angriff» («Атака») Й. Геббельса. В дальнейшем «Der Angriff» становится вечерней газетой, а «Völkischer Beobachter» – утренней.

Как любое другое официальное издание (официальное издание правящей партии), «Völkischer Beobachter» была обязана быть информативной, предлагая немецкому народу актуальные сведения о фактах политической жизни в стране и за ее пределами, пусть даже и с интерпретациями вождей НСДАП. Как справедливо заметила Т.В. Мариничева, эта функция газеты была реализована в пропагандистском духе, в свойственной фюрерам Третьего рейха форме и предпочтительными для них методами. «Мощность повторения и упрощения, искажения и лжи, дискредитация противника, двусмысленность слов служили эффективными средствами пропаганды. Применимые по отношению к простым обывателям и любой ситуации, эти средства значительно облегчали контакт с читательской аудиторией и эффективно расставляли акценты. Здесь благородный, чистый немец, там обманщик, коварный еврей;

здесь бедствующий немецкий студент, там богатый банкир и т. д. Таким образом, делает вывод Т.В. Мариничева, деятельность нацистской пропаганды, которая через «Völkischer Beobachter» велась тенденциозно, наступательно и активно, приводит к тому, что военные или политические события у населения нередко вызывали пронацистские оценки²⁰.

С 1925 г. редактором «Völkischer Beobachter» становится Альфред Розенберг, сменивший на этом посту Вильгельма Вайсса.

Отношения между редакцией газеты и издательством, которое возглавлял М. Аманн, не были дружелюбными. М. Аманн считал редакторов людьми, которым нечего делать и которые ни на что не годятся. Сложными были отношения между М. Аманном и А. Розенбергом. Если А. Розенберг сидел в кафе «Оделон» и читал или редактировал новые материалы, то проходящий мимо М. Аманн ругал его на хорошем баварском наречии: «Снова он здесь торчит, этот глупый, заносчивый простофиля!»²¹ Критикуя А. Розенберга и подшучивая над ним, личным встречам с редактором М. Аманн предпочитал отдавание приказов по телефону, прежде всего по содержанию материалов газеты.

Во времена А. Розенберга содержание «Völkischer Beobachter» включало вопросы экономической политики, науки и техники, известий с фронта, молодежного движения и семейной политики. Так, исследуя один из аспектов социальной политики Третьего рейха – школьную политику, А.В. Васильченко указывает на ограниченность и тенденциозность «Völkischer Beobachter» как исторического источника. Он утверждает, что «эта газета дает много информации о школьной жизни того периода, но чаще всего эта информация имеет поверхностный характер и ценна прежде всего для уточнения деталей и передачи обстановки тех дней»²².

В годы войны интерес к газете стал снижаться (особенно после первых поражений армий вермахта). Многие стали понимать, что за пафосными и претенциозными призывами газеты и замалчиванием реальных фактов мало что стоит. Газета обращала внимание не на события из реальной жизни, а отвлекала немецкий народ от нее. В редакционных коллективах столичных городов, где выходила газета, – Берлине, Вене и Мюнхене – политика руководства стала чаще подвергаться критике. Критика действительно стала возможной в «самой официальной нацистской газете»²³. «Пораженческие ноты» стали проникать в редакционную среду «Völkischer Beobachter» особенно после 1943 г., когда в редакции газеты стали работать сотрудники закрытой в 1943 г. «Frankfurter Zeitung», образовавшие так называемый «буржуазный элемент». Прежде всего такая критика стала появляться в берлинской редак-

ции газеты. В связи с этим был усилен контроль за «Völkischer Beobachter» со стороны пресс-службы правительства рейха, государственного секретаря министерства пропаганды и начальника имперской прессы НСДАП Отто Дитриха.

30 апреля 1945 г. под обстрелами американцев в типографии Мюнхена вышло последнее издание «Völkischer Beobachter». Однако широкого распространения этот номер газеты не получил, поскольку коммуникации и сама типография находились под вниманием американских вооруженных сил.

В отечественной и германской историографии даются примерно одинаковые оценки «Völkischer Beobachter». Так, говоря о национал-социалистической литературе, и в частности периодике, Г. Егер отмечал ее «поверхностность и плоскость, отвечавших уровню мещанских газет. Легкая литература – только в противоположность бульварной, рассчитанной больше на читателей из евангелических юношеских союзов. Там, где литературное бессилие становится слишком явным, довольствуются “драгоценными сокровищами” прошлого, которые, понятно, сначала фильтруются и лишаются всего действительно ценного»²⁴.

Стремясь достигнуть поставленных целей, НСДАП использует любые средства, превратив «Völkischer Beobachter» в «слепое оружие своей системы, направленное против любого, чуждого всему немецкому, устремления»²⁵. То, что сегодня не печатается на страницах газет и журналов, в «Völkischer Beobachter» на первой полосе выходило, читалось и понималось не только образованными слоями населения, но и всеми остальными, становясь популярным чтивом и формируя национальное самосознание даже в самой беднейшей хижине²⁶.

Рассуждая о проблеме эволюции/трансформации газеты, можно отметить, что имели место обе формы процесса ее изменения. Об эволюции газеты можно говорить в связи с изменением ее стиля (из сугубо партийной она превращается в массовую), доступностью (замена готического шрифта новым), сравнительно низкой ценой, освещением большинства сфер общественной жизни (прежде всего жизни средних социальных слоев), что, однако, не лишает ее критики за чрезмерную идеологическую тенденциозность. Трансформацию «Völkischer Beobachter» наглядно демонстрирует процесс ее превращения из сугубо партийной газеты в средство пропаганды и агитации. Если эволюция газеты позволяет отметить качественные моменты процесса ее преобразования применительно к обществу, то о трансформации можно вести речь, исходя из целей и задач, которым она служила и которые решала в сфере «государственного».

Газета «Völkischer Beobachter» фактически позволила национал-социалистам обратиться к конкретному человеку так, как если бы он был неотъемлемым элементом сообщества, немецкого народа, не противопоставляя и не выделяя себя из него. Она демонстративно предоставила ему формальную возможность обратиться к ней за советом, получить рекомендацию, обсудить вопросы государственной политики. Нацисты хорошо это понимали, стремясь придать газете образ «народной». Для этого они сформировали у немецкого народа такое представление о ней, которое позволило приравнять ее к «трибуне», консультанту, справочному бюро и, главное, – к источнику информации, необходимой ему для решения жизненно важных вопросов. Становясь средством масштабного коллективного общения, газета предоставила нацистам возможность формирования массовых настроений, инициации различных психоэмоциональных состояний общества в целом и его частей, а также информирования об этих состояниях. Она также способствовала определению общественных позиций людей, оформлению массового сознания, его изменений.

Примечания

- 1 Шварцкопф К.Э. Эволюция системы национал-социалистической пропаганды в период установления нацистской диктатуры в Германии // URL: <http://propaganda.schwarzke.ru/2007/17/6.htm> (дата обращения: 11.03.2008).
- 2 Frei N. Journalismus im Dritten Reich. München, 1999.
- 3 См.: Шварцкопф К.Э. Указ. соч.
- 4 Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
- 5 Клемперер В. ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Пресс-Традиция, 1998. С. 44.
- 6 Там же. С. 45.
- 7 Facsime Querschnitt durch den Völkischer Beobachter / Hrsg. von S. Noller und H. von Kotze. Göttingen, 1996. S. 4.
- 8 Ibid. S. 4.
- 9 Ibid. S. 5.
- 10 Völkischer Beobachter. 1921. № 3.
- 11 Ibid. № 13.
- 12 Ibid. № 21.
- 13 Ibid. № 22.
- 14 Ibid. № 33.
- 15 Völkischer Beobachter. 1927. № 3.
- 16 Ibid. № 81.

- 17 Völkischer Beobachter. 1920. № 78.
- 18 Völkischer Beobachter. 1933. № 12.
- 19 Völkischer Beobachter. 1932. № 93.
- 20 *Мариничева Т.В.* «Völkischer Beobachter» как источник по истории становления национал-социалистического режима в Германии // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2005. С. 111–112.
- 21 Facsime Querschnitt durch den Völkischer Beobachter... S. 10.
- 22 *Васильченко А.В.* Школьная политика германского национал-социализма. М., 2003.
- 23 *Клемперер В.* Указ. соч. С. 89.
- 24 *Егер Г.* Творчество германских фашистов // Интернациональная литература. 1931. № 5–6. С. 187.
- 25 *Jockheck L.* Der «Völkische Beobachter» über Polen 1932–1934: Eine Fallstudie zum übergang vom «kampfblatt» zur «regierungszeitung». Berlin; Hamburg; Münster: Lit Verlag, 1999. S. 16.
- 26 Ibid.

В.А. Садовский

«ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ»:
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ФОБИИ
В ОФОРМЛЕНИИ БРИТАНСКОГО
ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА

В статье на материале архивных документов и политической публицистики рассматривается роль циркулировавших в Великобритании в начале 1920-х годов страхов перед большевизмом в конструировании политических мифов конспирологического характера, повлиявших на формирование первых в стране праворадикальных политических групп. Автор демонстрирует влияние уже существовавших антисемитских и антимасонских «теорий заговора» на восприятие правыми идеологами идей коммунистической мировой революции.

Ключевые слова: Великобритания, «теории заговора», политический миф, правый радикализм, Третий интернационал.

На протяжении долгого времени в Великобритании понятие «правая идеология» неизменно ассоциировалось с консерватизмом и Консервативной партией. Устоявшаяся традиция мировоззрения тори не требовала активного использования тех или иных мобилизующих политических идеологем для привлечения избирателей. Классический консерватизм построен скорее не на конструировании собственной мифологии, а на скептическом подходе к преобразованиям, предлагаемым другими идеологиями¹. Однако параллельно все более активному участию Соединенного Королевства в континентальной политике, все сильнее становилась и значимость положения в европейских странах для британских политических и общественных деятелей. Одним из самых серьезных потрясений, повлиявших на развитие как левых, так и правых сил, стал захват власти в России большевиками, образование Коминтерна и провозглашенный им курс на мировую революцию. События такого масштаба требовали незамедлительного

© Садовский В.А., 2010

осмысления и четко выраженной реакции. Стремясь найти ответ на причины происходящего и определить степень угрозы для собственной страны, некоторые приверженцы консервативного лагеря начали склоняться к «теории заговора» как универсальному объяснению этой новой ситуации.

К концу второго десятилетия XX в. относится возникновение первых в Великобритании групп радикально-консервативного толка, настроенных резко негативно по отношению к революционным выступлениям в России и в целом на континенте. На некоторое время достаточно широкие круги не только общества, но и правящей элиты были дезориентированы относительно событий октября 1917 г. в России. В 1918 г. официальный представитель Нидерландов в Петрограде М. Одендайк (Oudendyke), представлявший также и интересы Великобритании после разрыва Советским правительством дипломатических отношений с Лондоном, направил доклад на имя министра иностранных дел Соединенного Королевства лорда Бальфура об опасности, которую большевизм представляет для всего мира. В послании четко говорилось о том, что приход Ленина к власти есть дело рук евреев. К сожалению, не располагая оригинальным текстом этого документа, здесь приходится ссылаться на книгу одного из активных деятелей ультраправого направления 30-х годов Арчибальда Рамзея «Безымянная война». Там несколько раз упоминается данный доклад, причем особо отмечается, что «...английское правительство придало ему настолько серьезное значение, что они его включили в “Белую книгу” о большевизме, выпущенную в апреле 1919 г. В ней написано следующее: “Я считаю, что незамедлительное подавление большевизма является самым важным вопросом, который сейчас стоит перед миром, не исключая даже войну, которая бушует до сих пор. И если большевизм не будет уничтожен в зародыше, он начнет распространяться по Европе, да и по всему миру, в том или ином обличье, т. к. он организован евреями, у которых нет своей страны и которые стараются разрушить существующий строй в странах, где они живут. Единственный способ убрать опасность – это всем странам принять совместные меры”»². В данном случае крайне важно указать на один из важнейших источников формирования в сознании правых связки «евреи – большевики – внутренние враги». Действительно активное участие в революции евреев, проживавших на территории Российской империи, давало правым радикалам в руки весьма мощный политический козырь.

В 1917 г. образуется кружок «Орден Алой розы» (Order of the Red Rose), ключевой фигурой в котором был Уильям Сандерсон. Группировка интеллектуалов позиционировала себя как организа-

цию патриотического и традиционалистского толка, что на практике выливалось в антисемитизм и демагогический антикапитализм. Интересно, что Сандерсон был ранее причастен к деятельности масонов, отразив неким образом при создании своей организации их семантику тайного ордена³. Однако эта группировка не оказала сама по себе большого влияния на развитие антисемитизма. По сути, ее деятельность носила клубный характер, не подразумевающий активных агитационных действий. Не удивительно, что вскоре деятельность организации тихо сошла на нет, дав, тем не менее, импульс к развертыванию более активных сил. Сам Сандерсон продолжал писать на протяжении всего десятилетия, несколько сместив, однако, акценты в своей публицистике в сторону освещения проблем воспитания «правильной» национальной элиты. В 1927 г. вышла главная его книга «Искусство управлять государством» («Statecraft»), целиком посвященная попыткам выработать для английской нации собственную политическую философию в рамках «радикального консерватизма»⁴.

Один из участников собраний, Джордж Мадж (George Mudge) вошел в число основателей организации «The Britons». Сам Мадж был лектором Лондонского медицинского училища (London Medical School) и принимал активнейшее участие в деятельности его «Евгенического общества». Теперь же, в июле 1919 г., была образована эта организация во главе с президентом Г. Бимишем и вице-президентом Дж. Кларком⁵. «Бритты» были объединением крайне антисемитского толка. По сути дела это и была их главная цель. В основном их деятельность была нацелена на публикацию антисемитской литературы и популяризацию в широких кругах подобных взглядов. Так, именно их усилиями в 1922 г. вышел отдельной книгой английский перевод «Протоколов сионских мудрецов» и целый ряд другой подобной континентальной агитации начала века. При этом стоит отметить, что лондонская газета «The Times» впервые подняла степень обсуждения «Протоколов» в Британии до общенационального уровня в 1920 г., опубликовав на своих страницах довольно пространную статью об этом документе⁶. Однако должного эффекта на общественность в 1922 г. «Протоколы» уже оказать не могли. В трех статьях Филипа Грейвса, стамбульского корреспондента этой же газеты, в номерах за 16, 17 и 18 августа была доказана текстуальная связь «Протоколов» с анонимной французской книгой 1864 г., обозначенной на тот момент как «Женевские диалоги Макиавелли и Монтескье». Плагиат был очевиден даже неспециалисту, и версия Грейвса, согласно которой «Протоколы» были созданы царской охранкой, стала общепризнанной⁷.

Неста Вебстер (1876–1960) была дочерью директора банка «Барклиз» (Barclay's). Не получив исторического образования, она тем не менее с энтузиазмом принялась за изучение Французской революции 1789–1794 гг., находя данные в основном в мемуарах французских иммигрантов того периода и популярных брошюрах антимасонского характера, в изобилии выходявших во Франции в последней трети XIX в.⁸ Первые книги, написанные самой Вебстер – «Шевалье Буффлер» и «Французская революция – изучение демократии», вышедшие соответственно в 1916 и 1919 гг., несмотря на жесткую критику специалистов, имели значительный успех и несколько раз переиздавались⁹. Последующие произведения данного автора, в том числе и рассматриваемая в настоящей работе книга «Всемирная революция. Заговор против цивилизации», являются дополнениями и обобщениями основной конспирологической линии, сформированной еще в начальный период писательской карьеры. Идея о глобальном заговоре «иллюминатского масонства» против христианских государств в силу своего универсального мифологического характера была с легкостью расширена и перенесена на современные события.

Книга Н. Уэбстер «Всемирная революция. Заговор против цивилизации», изданная в Лондоне в 1921 г., по своему внутреннему устройству в целом сравнима с «Протоколами». Тут, правда, используется хронологическая форма изложения «фактов», но с самого начала проводится линия на демонстрацию тайного агрессивного характера мирового масонства и его ключевую роль в европейских событиях начиная с Великой французской революции¹⁰. В формулировке роли масонов как манипуляторов общественным сознанием Уэбстер практически совпадает с автором «Протоколов», говоря о демагогии лозунгов монтаньяров, «...чьими истинными намерениями были не Свобода, Равенство и Братство, но Хаос, Диктатура посвященных, Братоубийственная война!»¹¹ Такое мнение практически полностью совпадает с оценкой идеологии якобинцев в «Протоколах сионских мудрецов»: «Слова либерального, в сущности, нашего масонского пароля – “свобода, равенство, братство”, – когда мы воцаримся, мы заменим словами не пароля уже, а лишь идейности: “право свободы, долг равенства, идеал братства” – скажем мы и... и поймем козла за рога... De facto мы уже стерли всякое правление, кроме нашего, хотя de jure таковых еще много. Ныне, если какие-либо государства поднимают протест против нас, то это для формы и по нашему усмотрению и распоряжению, ибо их антисемитизм нам нужен для управления нашими меньшими братьями»¹².

С другой стороны, при схожем характере обвинений и аргументации, состав самих «обвиняемых» в этих двух произведениях

не одинаков. Если в «Протоколах» акцент делается на ключевой роли «международного еврейства», а масонство выглядит лишь некоей подсобной организацией для манипулирования гоями, то во «Всемирной революции» Н. Уэбстер именно французским масонам из ложи «Великий Восток» и баварским иллюминатам Вейсгаупта придан характер главных заговорщиков. Антисемитский аспект в книге явно присутствует, но он существенно слабее выражен, чем в «Протоколах». Более того, обвиняя континентальное масонство в подрывной деятельности, Уэбстер в то же самое время защищает свое английское масонство! «Так, в момент передачи данной книги в печать мне указали, что в прессе говорится о моих нападках на английское масонство. Источником подобных утверждений является злокозненность их авторов, поскольку я всегда отличала английское масонство от континентального, считая его добропорядочной ассоциацией, не только противостоящей различным подрывным доктринам, но и служащей надежной опорой закона, порядка и религии»¹³.

Опираясь в своих выводах в основном на клерикальные анти-масонские сочинения середины XIX в., Вебстер считает, что первоначальная программа Вейсгаупта лежит в основе идеологии и всех позднейших организаций революционного или социалистического толка. Не вдаваясь глубоко в рассмотрение истории идеологии западноевропейских тайных обществ XVIII в. – тему, явно выходящую за рамки данного исследования, следует привести цитату из рассматриваемого источника, демонстрирующую подход автора к конспирологическому взгляду на природу революций. «Цивилизация, считал Вейсгаупт вслед за Руссо, это ошибка: она развивалась в неверном направлении, и отсюда – все беды человечества... Человек должен сбросить с себя все то, что дала ему цивилизация, и возвратиться к первозданной простоте кочевого быта, не задумываясь об одежде, еде и постоянном жилище»¹⁴. А также «...поскольку единственное реальное препятствие на пути совершенствования человечества заключалось в условностях, порожденных неправильными условиями человеческого существования, изменение последних неизбежно возродило бы в человеке свойственные ему добродетели... Необходимо поэтому устранить из его сознания страх перед будущим, несущим возмездие за совершенные проступки, и заменить все эти суеверия религией Разума. За избавлением от бремени религии должно было последовать устранение всех существующих социальных связей. Как отдельные семьи, так и государства прекращали свое существование, чтобы превратить человечество в одну прекрасную семью»¹⁵.

Заявляя о ключевой роли тайных обществ в подготовке и проведении Французской революции, Неста Вебстер пытается компа-

ративным путем доказать на уровне текстуальных заимствований тесную связь между иллюминизмом, карбонариями, «Протоколами сионских мудрецов» и высказываниями большевистских вождей. Причем, так как версия о составлении «Протоколов» в среде иллюминизированного масонства не была использована ни анти-семитами, ни филосемитами, автором делается вывод, что «либо “Протоколы” являются подлинными и именно тем, чем они кажутся, либо просемитские силы заинтересованы в том, чтобы скрыть деятельность тайных обществ в целом»¹⁶. Так как в привлеченных материалах по истории тайных обществ XVIII и первой половины XIX в. практически нет свидетельств участия евреев, то Вебстер делает упор на возможную принадлежность «сионских мудрецов» к высшим степеням ложи «Великий Восток».

С другой стороны, здесь же большое внимание уделяется рассмотрению связей иллюминатов с пангерманизмом. Противоречая своим первоначальным утверждениям об интернациональной и нигилистической роли теории Вейсгаупта, в заключительной части книги Вебстер подчеркивает если не слияние, то сотрудничество немецких спецслужб. «Эта революционная машина, ныне угрожающая миру во всем мире, хотя и управлялась в прошлом людьми всех наций – французами, итальянцами, евреями, русскими, а в ряде случаев и англичанами, – была создана в основном руками немцев и до сих пор контролируется ими при помощи их еврейских союзников... Интернационализм Вейсгаупта и его ученика Клоотса верно служит немецкому делу, а еврейский агитатор – это муха цеце, которая разносит заразу большевизма из своего рассадника – Германии»¹⁷.

Очевидно, что подобные воззрения во многом были обусловлены временем написания книги: в 1921 г. еще не прошли антигерманские настроения военного времени, а нестабильная обстановка и массовое недовольство Версальской системой в побежденных центральноевропейских державах только способствовала популярности в обществе лозунгов жесткой политики в отношении «агрессоров и вдохновителей большевиков». В настоящее время, по мнению Вебстера, центр заговора сместился в Москву, но все ключевые фигуры и связи международного революционного движения остались прежними. Дестабилизируя обстановку в Германии, левые препятствуют разоружению ее армии, давая повод Веймарскому правительству заявлять о необходимости сохранения вооруженных сил для поддержания порядка в стране. Вместе с тем подготовка мировой коммунистической революции будет на руку международному финансовому капиталу, способному в случае победы под маской социализма установить режим жесточайшей государ-

ственно-капиталистической диктатуры (как это, с ее точки зрения, случилось в России)¹⁸.

Другим наглядным примером подобного конспирологического подхода в отношении событий в России являются листовки и прокламации, обращенные к британским рабочим, включая и активистов тред-юнионов. Часть такой пропаганды по линии англо-американского лендерсекретариата Коминтерна была перенаправлена в Москву и в настоящее время доступна в Российском государственном архиве социально-политической истории (ГАСПИ). При этом любопытно, что данные материалы сотрудниками ИККИ были охарактеризованы как «образцы белогвардейских прокламаций, распространяемых английским правительством под фирмой всевозможных лиг и обществ»¹⁹. В одной из таких агиток – брошюре «The Plot Against Trade Unions» уже в первых строках утверждалось, что «существует заговор, направленный на уничтожение существующей системы и подчинение тред-юнионов иностранной революционной организации. Эта организация... известна как “Красный Рабочий Интернационал” ...и контролируется русскими евреями, со штаб-квартирой в Москве. Целью этой организации есть низвержение всякой власти и всех религий, порабощение рабочих, одним словом, ее цель – уничтожение цивилизации»²⁰. В подтверждение этих шокирующих слов далее по тексту указывалось на еврейское происхождение председателя Коминтерна Зиновьева, а также заявлялось, что он, как и другие большевики, были и остаются агентами Германии, нанятыми с целью устроить революцию в России и таким образом приблизить крах Великобритании и ее союзников²¹.

Исходя из этого, авторы прокламации обвиняли руководителей профсоюзов и политиков-лейбористов в недостатке бдительности, граничащей с соучастием в заговоре. Натравливая рабочих на капиталистов, поощряя классовую борьбу, они играли на руку заговорщикам, готовым уничтожить и тех и других и установить свою жесточайшую диктатуру. В конце текста подчеркивался поистине глобальный характер заговора и вездесущность предателей: «В каждом значимом тред-юнионе в нашей стране имеется кучка предателей тред-юнионизма, поклявшихся его уничтожить. Из-за своей приверженности Красному Интернационалу они душой и телом отдались в руки банды иностранных заговорщиков, врагов Бога и человека. Эти чужеземные заговорщики – агенты германского правительства и германских еврейских финансистов, финансирующих их и нанявших их для осуществления своих целей. Это гигантская интернациональная капиталистическая интрига»²².

Таким образом, в период первой половины 1920-х годов можно проследить явное желание политических деятелей и сторонников крайнего правого фланга придать деятельности своих оппонентов конспирологический характер. Нередко в таких случаях использовались традиционные увязки теории заговора с анти-семитскими и, что было характерно только для этой эпохи, анти-немецкими лозунгами. Взятие власти в России большевиками и образование Третьего интернационала послужили своеобразным «триггером» – толчком к появлению и реанимации многочисленных политических фобий, на основе которых пошел процесс выделения и оформления британских правых радикалов и их идеологических конструкций.

Примечания

- 1 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 164–165.
- 2 Рамзей А. Безымянная война. М., 1999. С. 34.
- 3 Webber G.C. The Ideology of the British Right, 1918–1939. L.; Sydney, 1986. P. 28, 143.
- 4 Sanderson W. Statecraft. L., 1927. P. XI.
- 5 Thurlow R. Fascism in Britain: A History, 1918–1985. Oxford; N. Y., 1987. P. 31–33.
- 6 The Times. 1920. 8 august.
- 7 Бен-Иммо Х. Ложь которая не хочет умирать. М., 2001 С. 105.
- 8 Gilman R.M. Behind World Revolution: the Strange Career of Nesta H. Webster. N. Y., 1982. P. 26.
- 9 Ibid. P. 27.
- 10 Webster N.H. World Revolution: The Plot against Civilization. L.: Constable and Company Ltd, 1921. P. 16.
- 11 Ibid. P. 17.
- 12 Протоколы собраний сионских мудрецов // Нилус С. Близ грядущий Антихрист и царство Дьявола на Земле. Сергиев Посад, 1992. С. 87.
- 13 Webster N.H. Op. cit. P. 14.
- 14 Вебстер Н. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. Киев: Серж, 2001. С. 7.
- 15 Там же. С. 8.
- 16 Там же. С. 272.
- 17 Там же. С. 275.
- 18 Там же С. 280–281.
- 19 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 1081. Л. 4. (Р. 1). Примечательно, что в данном конкретном случае брошюра, на полях которой была сделана данная надпись, является анонимной. Отсутствуют также указания на место и дату выхода,

В.А. Садовский

однако в связи с тем, что в тексте отсутствуют какие-либо упоминания о так называемом «Письме Зиновьева», можно говорить о 1921–1924 гг.

20 Ibid.

21 Ibid. P. 2. «Its president is a Russian Jew called Zinovieff. He is a traitor to his country, was throughout the War a paid Agent of the German Government, and was employed by it to create a Revolution in Russia, and by this means to achieve the defeat of Great Britain and her Allies. He and his Colleagues were appointed Members of the Soviet Government of Russia by the German General Staff in 1917. They were then, and are now, the Agents of Germany».

22 Ibid. P. 7. «In every important Trade Union in this country there is a small body of traitors to Trade Unionism who are sworn to destroy it. By their adherence to the Red International they have surrendered themselves body and soul to a gang of Foreign Conspirators, who are the enemies of God and man. These Foreign Conspirators are agents of the German Government and of German Jew financiers who have subsidized them and employed them for their own ends. It is a gigantic International Capitalist intrigue».

А.Н. Комаров

КАНАДСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ ОТ Д. ДИФЕНБЕЙКЕРА ДО С. ХАРПЕРА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Цель статьи – попытка проследить эволюцию канадского консерватизма в периоды нахождения у власти консервативных кабинетов Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни, С. Харпера. Автор уделяет особое внимание предпринятым ими мерам по развитию институциональной структуры Прогрессивно-консервативной, а затем и Консервативной партий, возрождению интереса избирателей к идеям консерватизма, разрешению франкоканадского вопроса, проведению конституционной реформы в стране. Объектом анализа автора являются также особенности избирательных кампаний, проводимых вышеупомянутыми лидерами партии.

Ключевые слова: Д. Дифенбейкер, Дж. Кларк, Б. Малруни, С. Харпер, канадский консерватизм, консервативный кабинет.

В настоящее время для российского общества особую значимость приобретает вопрос о выработке политической идеологии, которая способствовала бы не только общенациональному единению граждан, но также развитию базовых демократических ценностей. Кроме того, существование в политической структуре современной России объединений, ориентирующихся на идеологию консерватизма, требует изучения новейшей истории ведущих стран Европы и Америки, в том числе и Канады.

Исходя из вышесказанного, цель данной статьи заключается в попытке анализа основных тенденций развития канадского консерватизма во второй половине XX – начале XXI в., с одной стороны, и их проявлений в государственно-правовой политике консервативных кабинетов Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни и С. Харпера – с другой. Следует подчеркнуть, что изучение канад-

ского консерватизма не было бы основательным без предыстории формирования этой политической идеологии в целом.

Необходимо отметить, что само понятие «консерватизм» зародилось на рубеже XVIII–XIX вв. в качестве реакции на общественные идеи эпохи Просвещения и опыт Великой французской революции. Идеологами консерватизма, и в частности Э. Берком, Ж. де Местром и Л. де Бональдом, были разработаны основные принципы этого политического течения, к которым они относили прежде всего традиционализм, нравственный абсолютизм, политический реализм, меритократию¹.

Во второй половине XX в. и, в особенности в 70–80-х годах, преобладающей явилась тенденция роста влияния консерватизма (неоконсерватизма) на государственно-правовую политику ряда правительственных кабинетов в развитых странах Европы и Америки, в том числе в Канаде. Это было связано с неэффективностью прежней либеральной идеологии в разрешении ряда социально значимых задач, определенным кризисом духовно-нравственных общественных устоев, а также необходимостью ускоренного перехода к постиндустриальному этапу развития. В этот период консерватизм завоевывает весомые и стабильные позиции в социально-политической жизни стран Европы и Америки. В частности, это проявилось в тэтчеризме в Великобритании, рейганомике в США и т. д. Само понятие «неоконсерватизм», как подчеркивается в научной литературе, было введено в научный оборот М. Харрингтоном². Необходимо отметить, что неоконсерваторы последовательно высказывались в поддержку принципов авторитета, гражданского порядка, традиционных ценностей семьи, региональных сообществ и т. д. Тем самым они пытались закономерно соединить принципы классического либерализма с традиционными семейными, моральными и культурными ценностями, неотъемлемыми для любого гражданского общества. В экономической сфере это неоднократно проявлялось в лишении государства функции социально-экономического регулирования, отказе от налогообложения крупных корпораций и т. д., с одной стороны, и мерах по повышению конкурентоспособности экономики и деловой активности – с другой. В политической области это находило свое воплощение в невиданном ранее росте популярности идеологии консерватизма среди электората ведущих стран Европы и Америки и неоднократном приходе к власти в результате парламентских или президентских выборов представителей этого направления.

В связи с этим идейно-политическая программа канадского консерватизма во второй половине XX – начале XXI в. представляет безусловный интерес. Следует выделить этапы развития канадского

консерватизма и его сущность, а также общие направления консервативной политики правительственных кабинетов Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни и С. Харпера.

В истории канадского консерватизма, на наш взгляд, можно отметить несколько последовательных исторических этапов, тесно связанных между собой.

Первый этап охватывает период с 1608 по 1760 г., когда носителем консервативной идеологии и традиций в канадском обществе выступала католическая церковь, стремящаяся не только упрочить свое существующее положение, но и создать на территории Новой Франции масштабную аграрную колонию с законопослушным населением³.

Второй этап вмещает в себя временной интервал с 1760 по 1867 г. Он связан с организационным оформлением в 1854 г. Консервативной партии Канады⁴. Именно лидер консерваторов Дж. Макдональд возглавил первое после образования федерации правительство парламентского большинства.

К третьему этапу необходимо отнести период второй половины XIX – первой четверти XX в., в течение которого консерваторы вырабатывали основные направления внутренней и внешней политики страны, а также сохраняли контроль над большей частью избирательного корпуса. Немаловажную роль сыграло и существенно более раннее институциональное оформление партии у консерваторов, нежели чем у их основных политических оппонентов – либералов, которые создали свою партию только в 1873 г.

Четвертый этап развития канадского консерватизма охватывает период 20 – начала 80-х годов XX в. Находясь на вторых ролях на данном этапе и управляя государством только в 1957–1963 гг. (правительство Д. Дифенбейкера) и в 1979–1980 гг. (правительство Дж. Кларка), основные конкуренты либералов тем не менее интенсивно искали пути обновления своего политического имиджа.

Пятый этап, начавшийся с 1984 г., был связан с нахождением у власти в 1984–1993 гг. Прогрессивно-консервативной партии во главе с Б. Малруни.

Шестой этап можно условно датировать 2006–2008 гг., т. е. периодом правления консервативного кабинета С. Харпера до парламентских выборов 14 октября 2008 г., а также после них.

Данная статья не ставит целью анализ всех вышеперечисленных этапов канадского консерватизма, а лишь только последних трех, тесно связанных с деятельностью консервативных кабинетов Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни и С. Харпера.

Канадский консерватизм в целом представляет собой сложное идейно-политическое течение, связанное с историческими реалиями

образования самой федерации. В отечественной научной литературе в связи с этим подчеркиваются отличительные особенности этой политической идеологии⁵. К ним можно отнести, прежде всего, ориентацию на британский консерватизм и политико-государственный строй Великобритании, опору на традиционализм, морально-нравственные устои общества, зачастую «плебисцитный коллективизм» на ранних этапах, т. е. целостное, а не индивидуалистическое восприятие общества⁶. Необходимо также отметить, что монархический строй Великобритании рассматривался канадскими консерваторами как уникальный институт, обеспечивающий духовное единение фактически всего Содружества наций. Канадские консерваторы, в частности, являлись последовательными сторонниками идей Э. Берка и трактовали его постулаты прежде всего с точки зрения законности и порядка, а также стремления к правовому демократическому государству.

Важной чертой канадского консерватизма, как и британского, явилась его способность адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям, характерным в XX в. как для самой федерации, так и для мирового сообщества в целом. Это неоднократно проявлялось в различных сферах развития канадского государства во второй половине XX – начале XXI в.

Таким образом, соблюдая приверженность основным идеям консерватизма, канадские консерваторы не стремились к резким политическим переменам, вызывающим катаклизмы, а последовательно проводили курс на расширение своего влияния среди электората. Это подчеркивало их психологическую близость как к американскому, так и к британскому консерватизму.

Различные по воспитанию, жизненным взглядам и установкам, Д. Дифенбейкер, Дж. Кларк, Б. Малруни и С. Харпер, тем не менее, на наш взгляд, пытались проводить во многом единую по ряду направлений консервативную политику. Она была направлена прежде всего на интенсивное внутрипартийное строительство, т. е. модернизацию партии, выработку действенных мер по расширению ее социальной и региональной базы, создание новых прогрессивных методов работы с электоратом, оформление привлекательных для избирателей программных установок, а также объединение проконсервативных политических сил. Консерваторы стремились убедить избирателей в своей надежности, политической грамотности, четкой приверженности выдвигаемым ими обещаниям. Тем самым консерваторы подтверждали тенденцию существования в Канаде двухпартийной системы с устойчивым компонентом в виде Прогрессивно-консервативной, а затем и Консервативной партий. Это было особенно важно в свете длительного, фактически

бесперывного нахождения у власти Либеральной партии Канады во второй половине XX – начале XXI в. В этот же период консерваторы выдвинули концепцию реформистского консерватизма, или неоконсерватизма, который подразумевал их способность быстро реагировать на происходящие после Второй мировой войны перемены в канадском обществе⁷.

Вторым общим направлением для вышеупомянутых консервативных лидеров явилась попытка разрешить давно назревший франкоканадский вопрос или хотя бы временно урегулировать непростые взаимоотношения федеративного центра с франкоязычной провинцией Квебек.

Третье направление было связано с попытками проведения конституционной реформы в стране исключительно мирными и демократическими средствами. Это, прежде всего, касалось реформы сената с точки зрения представления его как выборного органа, когда сенаторы избираются, а не назначаются. В этом плане сенаторы должны реально представлять интересы канадских провинций и территорий, а не быть соответствующими высокооплачиваемыми правительственными протеже.

Необходимо отметить, что вопросы внешней политики и социально-экономических постулатов канадского консерватизма не входят в сферу исследования данной статьи, хотя, безусловно, они также играли немаловажную роль.

Все вышеперечисленное не исключает и определенных различий в деятельности консервативных кабинетов Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни, С. Харпера, однако очевидно, что выделенные нами направления имели приоритетное значение для внутривнутриполитической деятельности канадских консерваторов во второй половине XX – начале XXI в.

Рассматривая первое направление, необходимо отметить, что Д. Дифенбейкером, Дж. Кларком, Б. Малруни и С. Харпером были предприняты значительные меры по развитию институциональной структуры Прогрессивно-консервативной партии, возрождению интереса избирателей к идеям консерватизма, формированию позитивного мнения о ПКП как о прогрессивной политической силе, способной адекватно отвечать на вызовы современности. В связи с этим данная деятельность является показательной у всех вышеупомянутых лидеров консерваторов.

В декабре 1956 г. на партийном съезде лидером ПКП был избран Д. Дифенбейкер, который заменил Дж. Дрю, ушедшего в отставку по состоянию здоровья⁸.

При подготовке к всеобщим выборам 1958 г. Д. Дифенбейкер преодолел расстояние в 17 тыс. миль, совершая длительное турне

по стране⁹. Лидер ПКП в полной мере использовал свои личностные харизматические черты для того, чтобы разрушить представление о своей партии как о реакционной политической организации прошедшей эпохи. В связи с этим значительное внимание Д. Дифенбейкер уделял непосредственному живому контакту с рядовыми избирателями, т. е. общению с ними на улицах, предвыборных собраниях, тем самым проявляя ощутимую заботу о них. Кроме того, консервативные активисты по непосредственному указанию лидера заблаговременно развешивали объявления о предстоящем визите Д. Дифенбейкера в тот или иной канадский город¹⁰. Это заранее привлекало внимание электората, которому пришлось по душе ораторское искусство и неординарная эмоциональная манера общения лидера ПКП с канадскими гражданами.

Благодаря своей доброжелательности и личному обаянию, лидеру ПКП удалось преуспеть в привлечении избирателей на свою сторону и доказать им столь важное стремление консерваторов к переменам, необходимым всему канадскому обществу. Помимо вышеназванного, Д. Дифенбейкером была проведена весомая работа по адаптации организационной структуры ПКП к предстоящим всеобщим выборам. В частности, лидер ПКП потребовал, чтобы в части избирательных округов выдвижение кандидата происходило на открытом собрании, гласно и публично, а не по рекомендации партийной олигархии¹¹.

Важную роль в победе консерваторов на всеобщих выборах 1957 и 1958 гг. в Канаде сыграла и тщательно разработанная предвыборная программа ПКП, которая включала в себя ряд важных положений социально-экономического и политического плана.

К ним можно было отнести, прежде всего, программу по освоению Юкона и северо-западных территорий страны, доктрину «государства всеобщего благоденствия», упрочение связей с другими странами Содружества, планы по достижению полной занятости, улучшению взаимоотношений федеративного центра с канадскими провинциями¹². Интересно, что избирательный манифест консерваторов получил название «Новая национальная политика»¹³. Это свидетельствовало о том, что партия выступает обновленной и подготовленной к всеобщим выборам. В частности, конкретизируя свои положения, представители ПКП выступали за сочетание кейнсианской идеологии с традиционным консервативным видением развития государства, упрочение социального страхования по безработице, введение оплачиваемых отпусков, смягчение социальных конфликтов и т. д.¹⁴

В результате консерваторы добились поразительных успехов на всеобщих выборах 1958 г. Они получили 54% голосов избирателей и 208 мест из 265 в палате общин. Либеральная партия, напротив, получила лишь 34% голосов и 49 мест в палате общин¹⁵. Более того, в провинции Квебек, отдававшей свои голоса до этого времени в течение длительного времени преимущественно либералам, консерваторы завоевали 50 мест. По сути дела, консерваторы потерпели поражение только в одной провинции – Ньюфаундленде¹⁶.

На всеобщих выборах 1979 г. консерваторы во главе с Дж. Кларком получили 36% голосов и 136 депутатских мест в палате общин, опередив тем самым по количеству мест либералов, которые приобрели 114 мест в палате общин и 40% голосов избирателей¹⁷. Дж. Кларк, будучи лидером партии с 1976 по 1983 г., а также премьер-министром Канады с 4 июня 1979 г. по 2 марта 1980 г., провел масштабную работу по улучшению политического имиджа консерваторов, в частности назначая талантливую молодежь на перспективные посты в своем кабинете. В то же время из-за обострения ряда внутривнутриполитических противоречий и, прежде всего, повышения кабинетом цен на нефть и газ, а также попытки предложить непопулярный проект бюджета, правительству Дж. Кларка был объявлен вотум недоверия¹⁸.

Эпоха нахождения Прогрессивно-консервативной партии у власти в 1984–1993 гг. во главе с Б. Малруни является по сути дела уникальной с точки зрения эволюции канадского консерватизма.

Государственный и общественный деятель, ученый, юрист, предприниматель – биографию Б. Малруни вполне можно назвать политической, ведь именно благодаря своему личному опыту он возглавил Прогрессивно-консервативную партию Канады, деятельность и значимость которой трудно переоценить.

Будучи прирожденным политиком, Б. Малруни сумел почувствовать атмосферу, имевшую место в то время в партии, и максимально использовать это в своих собственных интересах. Как отмечают в связи с этим канадские политологи П. Мартин и Дж. Перлин, одно из немаловажных обстоятельств начала 80-х годов прошлого столетия заключалось в том, что во времена предыдущего лидерства Дж. Кларка в ПКП существовало немало людей, формально в ней числившихся, но психологически ощущающих себя посторонними¹⁹. Согласно партийной статистике 1982–1983 гг., более половины опрошенных с чувством неприязни наблюдали за ростом бюрократии, возникновением элитарных группировок, атмосферой отчужденности и взаимного непонимания²⁰. Б. Малруни удалось наладить немаловажный контакт с рядовыми членами партии, которые стали воспринимать его как солидарного

с ними политика с демократичными и понятными им взглядами и размышлениями.

К 1983 г. относится также и выход детальной программы Б. Малруни «На чем я основываюсь», где будущий лидер излагает свое концептуальное видение государственно-правового строительства канадской федерации, подготовки ПКП к предстоящим всеобщим выборам²¹. Выступая, с одной стороны, за стабильность и единство Канады, будущий лидер консерваторов в то же время склонялся к серьезным уступкам Квебеку, рассматривая дальнейшее развитие провинции с точки зрения предоставления ей статуса «самобытной общности» в рамках Канады²².

В разделе «Вызов консерваторов» Б. Малруни размышлял о внутреннем развитии ПКП за последние десятилетия. Глубинную причину неудач своей партии ее лидер обнаружил в недостатке влияния как на электорат в целом, так и на франкоязычную Канаду в частности. В связи с этим Б. Малруни предложил создать мощную организацию Прогрессивно-консервативной партии в Квебеке. Это означало оказание материальной поддержки консерваторам в этой провинции со стороны центральных органов ПКП, участие избранных представителей квебекских консерваторов в общенациональных партийных съездах и совещаниях в Оттаве, назначение делегатов консервативной организации Квебека на ведущие посты в ключевые органы партии.

Успешное выступление Б. Малруни на теледебатах явилось одним из переломных моментов избирательной кампании Прогрессивно-консервативной партии. Готовясь к участию в теледебатах, как лидер ПКП, так и его сторонники тщательным образом изучили политическое поведение электората в Канаде. Так, они обратили внимание на такую особенность, как значительно меньшую, чем в других странах, устойчивость и определенность партийных приверженностей избирателей, их настроенность на сиюминутные, краткосрочные проблемы. Действительно, в Канаде, как и в большинстве развитых стран современного мира, применительно к федеральным партиям постепенно стираются грани четкой принадлежности избирателей той или иной политической программе. Как отмечает российский исследователь А.А. Мелкумов, «...большинство канадцев оценивают партии скорее в терминах преходящих факторов, ассоциируемых с выборами, лидерами, кандидатами, конкретными вопросами и т. д., нежели в рамках долговременных событий, партийных идеологий или групповых связей»²³. Именно поэтому для консерваторов во время теледебатов было чрезвычайно важно произвести впечатление на всех слушателей. В частности, выступая на французском языке перед аудиторией Квебека,

Б. Малруни создал себе имидж истинного гражданина этой провинции, настоящего патриота. Лидер консерваторов подчеркнул единство всей Канады и Квебека, заявив, что любой другой подход к решению этой проблемы невозможен. Одновременно Б. Малруни осуществлялся «интеллектуальный прорыв» в Квебек, отразившийся в многочисленных речах и выступлениях будущего премьер-министра. По подсчетам аналитиков избирательного штаба ПКП, более 40% рабочего времени их лидера уходило на работу с электоратом провинции.

В своей основе программа ПКП была схожа с предвыборными установками либералов, не представляя, по сути дела, никакого яркого теоретико-практического подхода к решению назревших перед страной проблем. Но другое дело, что, в отличие от своих оппонентов, Б. Малруни сумел убедить большинство избирателей, и прежде всего франкоканадцев, в том, что, проголосовав за ПКП, они с уверенностью могут смотреть в будущее. Немаловажное значение здесь имела умело проведенная рекламная кампания консерваторов, а также временной фактор – усталость электората от более чем 20-летнего пребывания у власти либералов.

Одним из залогов успеха ПКП на всеобщих выборах 4 сентября 1984 г. была оперативно организованная рекламная кампания как на национальных каналах телевидения, так и в других средствах массовой информации. Как подчеркивает канадский политолог Дж. Уиринг, «...с момента появления стабильного телевизионного вещания на Канаду политические партии стали выделять значительные средства на свою рекламу»²⁴. 1984 г. не стал исключением: ПКП истратила более 1,8 млн канадских долларов на эти цели, в то время как Либеральная партия определила свой бюджет в 1,7 млн, а НДП, соответственно, – в 1,2²⁵.

Основной задачей рекламной кампании на ТВ явилось создание положительного имиджа Б. Малруни в СМИ. Поэтому основной упор был сделан не на критике своих политических оппонентов, что было бы обыденным и малоинтересным для избирателя, а на образе Б. Малруни как дальновидного политика²⁶.

В результате обсуждений был принят лозунг кампании: «Вы поможете нам, и мы осуществим задуманное вместе»²⁷. Сюжет рекламы состоял в показе лидера ПКП, путешествующего по улицам большого города и беседующего с простыми людьми об их насущных проблемах и чаяниях.

В отличие от ПКП, удачно сделавшей упор на создании положительного имиджа Б. Малруни, Либеральная партия и НДП, по сути дела, расставили акценты именно на критике своих главных политических оппонентов. Два 30-секундных ролика Либе-

ральной партии носили названия: «Чувство уверенности» и «Путь наверх»²⁸. В телевизионном ролике НДП была проведена мысль о том, что две ведущие партии фактически не отличаются ничем друг от друга в сравнении с новыми демократами, реально представляющими им достойную альтернативу.

В результате сочетания вышеперечисленных для ПКП благоприятных причин и умело проведенной избирательной кампании всеобщие выборы в Канаде, состоявшиеся 4 сентября 1984 г., привели к серьезному поражению Либеральной партии, получившей 28% голосов избирателей и 40 мест в палате общин вместо имевшихся у нее ранее 139. ПКП завоевала 50% голосов электората, а также 211 из 282 мест в палате общин, где до этого она обладала всего 103 местами. НДП полностью оправдала предвыборные прогнозы, получив 18% голосов и 30 мест в палате общин²⁹.

Подобный успех канадских консерваторов можно сравнивать только с победой Д. Дифенбейкера на всеобщих выборах в 1958 г. Приход консерваторов к власти в 1984 г. наглядно подтвердил действие механизма классической двухпартийности, существующего в политической системе Канады.

Закрепив вторично свой успех в 1988 г., ПКП, однако, потерпела сокрушительное поражение на всеобщих выборах 1993 г. Это произошло во многом вследствие политического непрофессионализма нового лидера ПКП К. Кэмпбелл, разочарования ряда избирателей в конституционных инициативах консерваторов, а также неблагоприятной экономической конъюнктуры в начале 1990-х годов³⁰.

На всеобщих выборах 1997 и 2000 гг. ПКП терпит повторные болезненные поражения, вследствие чего вопрос об обновлении политического имиджа консерваторов, внутривыборных институциональных изменениях становится особенно актуальным.

Очередные успехи консерваторов были связаны с деятельностью С. Харпера, который в марте 2002 г. был избран лидером Канадского консервативного альянса реформ³¹. С именем этого политика связано объединение Прогрессивно-консервативной партии Канады и Канадского консервативного альянса реформ в декабре 2003 г. Лидером новой образованной Консервативной партии в марте 2004 г. был избран С. Харпер, прошедший до этого значительную идейно-организационную работу. На всеобщих выборах 23 января 2006 г. впервые после 13 лет политического забвения победу одержала Консервативная партия. За консерваторов отдали свои голоса 36,3% избирателей, что обеспечило консерваторами 124 из 308 мест в палате общин, а также позволило сформировать правительство меньшинства. Место официальной оппозиции

заняла Либеральная партия, получившая 30,2% голосов и 103 места в палате общин. На третьем месте оказался Квебекский блок с 51 депутатским мандатом, на четвертом – НДП с 29 мандатами³².

Однако этим событиям предшествовала долгая и кропотливая деятельность нового лидера консерваторов, которая в итоге способствовала возрождению интереса канадских избирателей к идеологии его партии. В связи с этим усилия С. Харпера были направлены прежде всего на формирование новой консервативной повестки дня, отвечающей запросам электората в сложную и противоречивую эпоху глобального экономического кризиса. При этом значительные усилия были направлены на принятие своевременных мер по развитию институциональной структуры Консервативной партии.

На наш взгляд, политические взгляды С. Харпера, воплощенные в программных установках его партии, представляли собой далеко не просто совокупность популистских воззрений, а являлись воплощением четко выраженной и продуманной центристской неоконсервативной идеологии, которая учитывала интересы и нашла поддержку у значительной части канадского общества.

Обобщая предыдущий политический опыт прогрессивных консерваторов, с одной стороны, а также Канадского альянса с другой, С. Харпер в то же время не принимал в чистом виде установки ни одной из этих партий, а выдвигал некую общую проконсервативную составляющую, которая должна была ассоциироваться у канадских избирателей прежде всего со стабильностью и благодушием. Это означало не только адаптацию канадского консерватизма к имеющимся социально-экономическим и политическим условиям, но и эволюцию его сущности как идеологии. Это позволяло надеяться на победу на предстоящих всеобщих выборах при грамотной организации избирательной кампании и умелой ориентации в перипетиях общественно-политической жизни Канады.

Консервативная партия во главе со С. Харпером повторила свой успех на всеобщих выборах 14 октября 2008 г. и сформировала в очередной раз правительство парламентского меньшинства. В соответствии с их результатами консерваторы получили 37,6% голосов и 143 места из 308 в палате общин, улучшив, таким образом, свой предыдущий результат на 19 мест³³. Либеральная партия обеспечила себе 26,2% голосов и 76 мест в палате общин; на третьем месте оказался Квебекский блок с 50 местами в палате общин и 10 % голосов избирателей; на четвертом – НДП с 37 мандатами в палате общин и 18,2% голосов избирателей. Партия «зеленых» получила на общенациональном уровне 6,8% голосов избирателей, однако не получила ни одного мандата в палате общин³⁴.

После победы на всеобщих выборах С. Харпер подчеркнул необходимость первоочередного разрешения экономических проблем страны, возникших в связи с глобальным финансовым кризисом³⁵. Эта проблема, безусловно, будет одной из приоритетных в консервативной повестке дня.

В годы своего правления Д. Дифенбейкер, Дж. Кларк, Б. Малруни и С. Харпер уделяли значительное внимание франко-канадскому вопросу, никогда не самоустраняясь от решения столь кардинальной для Канады проблемы. Однако в то же время существовали определенные различия в их понимании данного вопроса.

Придерживаясь панканадского подхода, Д. Дифенбейкер не находил приемлемой такую политику, которая бы допускала возможность признания за Квебеком статуса «самобытной общности»³⁶. В то же время для нормализации отношений с франкоязычной провинцией правительством Д. Дифенбейкера было отдано указание о синхронном переводе парламентских дебатов с английского языка на французский³⁷. Кроме того, именно при Д. Дифенбейкере генерал-губернатором страны впервые стал франкоканадец Ж. Ваньер³⁸.

Дж. Кларк в силу своего недолгого пребывания на посту премьер-министра не сумел в достаточной степени обеспечить себе поддержку в Квебеке, хотя, безусловно, поддерживал принципы двуязычия и понимал острую необходимость урегулирования отношений с франкоязычной провинцией.

Существенные меры по разрешению франкоканадского вопроса были предприняты при Б. Малруни и С. Харпере.

В частности, в результате согласования на федеративном и провинциальном уровнях Мичлейкской конституционной инициативы в 1987 г. было официально признано «наличие франкоканадского населения, проживающего главным образом в Квебеке, но присутствующего также и в остальной Канаде; и англоканадского общества, существующего как в самом Квебеке, так и вне его»³⁹. В документе было подчеркнуто, что Квебек представляет собой «самобытную общность» в рамках канадской федерации, что подразумевало предоставление ему значительной автономии, связанной с языковой, социальной, образовательной, культурной и иммиграционной политикой.

И хотя Мичлейкское соглашение не было в конечном итоге ратифицировано, в самом переговорном процессе был создан важный юридический и политический прецедент, в соответствии с которым де-факто признавалось особое положение Квебека в рамках федерации.

В связи с неудавшейся ратификацией Мичлейкского соглашения и ростом националистических настроений в Квебеке федеральное правительство оказалось в непростой ситуации. Для успешного продолжения своей политики по конституционному вопросу консервативному кабинету Б. Малруни необходимо было учитывать мнения всех общественных сил, активизировавшихся после провала Мичлейкских договоренностей. Необходимо отметить, что в данной ситуации консерваторы не самоустранились от продолжения своих мероприятий в конституционной сфере, последовательно выполняя тем самым одно из своих основных предвыборных обещаний. Консерваторы настойчиво добивались урегулирования проблемы присоединения Квебека к Акту о Конституции 1982 г. мирными конституционными методами, что явилось показателем высокого уровня демократического развития канадского государства и его приверженности общепринятым либерально-правовым принципам существования.

В августе 1992 г. по инициативе Б. Малруни было подписано Шарлоттаунское соглашение, которое явилось попыткой соединения взаимоисключающих друг друга установок – Квебека как «самобытной общности» в рамках канадской федерации, с одной стороны, и принципа юридического равноправия всех провинций с другой⁴⁰. В частности, в разделе 1.3. представители ПКП подчеркнули: «Квебек образует в рамках канадской федерации “самобытную общность”, и обладает как собственной уникальной культурой, так и гражданскими законами»⁴¹. В параграфе 1.7. было отмечено: «...в основе канадской федерации лежит юридическое равноправие всех входящих в ее состав провинций»⁴². В этом и состояло коренное отличие нового документа от Мичлейкских договоренностей, где самобытность квебекского общества стояла на первом месте. Таким образом, конституционная инициатива носила характер политического компромисса, которым правительство Б. Малруни надеялось удовлетворить как требования Квебека, так и интересы англоканадцев⁴³.

Из-за общественных разногласий Шарлоттаунское соглашение было отвергнуто на общенациональном плебисците в октябре 1992 г., однако большинство населения Канады в вышеупомянутый период придерживалось последовательных принципов демократии, в чем, безусловно, была немалая заслуга самих консерваторов и их лидеров.

В области разрешения франкоканадского вопроса канадские консерваторы во главе с С. Харпером придерживаются концепции «открытого федерализма», уделяя внимание особым взаимоотно-

шениям с Квебеком и тем самым сглаживая всю остроту противоречий между этой провинцией и федеративными властями⁴⁴.

После прихода к власти консервативное правительство С. Харпера сразу же попыталось выполнить одно из своих главных предвыборных обещаний, связанных со стремлением разрешить франко-канадский вопрос. Показателем этого явилось признание 27 ноября 2006 г. канадским парламентом франкоязычной провинции Квебек в качестве отдельной нации в составе единой Канады⁴⁵. За принятие этой резолюции проголосовало 266 депутатов, а против высказалось лишь 16⁴⁶.

На наш взгляд, это является характерным проявлением идеологии канадского консерватизма в конституционной сфере, когда, начиная еще с прихода к власти Б. Малруни в 1984 г., его сторонники старались максимально ослабить центробежные тенденции в рамках канадской федерации, а также довести франко-канадский вопрос до логического положительного завершения. Как ранее, в 80-е годы прошлого столетия, так и в 2006 г., консерваторы в очередной раз подтвердили свое твердое желание добиться прогресса в области укрепления федерально-провинциальных отношений с точки зрения признания Квебека «самобытным обществом», исходя из принципа дуализма канадской нации. Только таким образом, поступательным и цивилизованным, с их точки зрения, можно добиться завершения конституционного кризиса, связанного с тем, что франкоязычная провинция Квебек еще 27 лет назад отказалась поставить свою подпись под Актом о Конституции 1982 г. Поэтому, несмотря на частую критику со стороны своих политических оппонентов, консерваторы в очередной раз проявили себя последовательными сторонниками нормализации отношений с Квебеком, понимая, что данный вопрос является ключевым для существования всей канадской федерации.

Консерваторы также явились последовательными сторонниками реформы сената, смысл которой состоит в создании выборного органа, адекватно представляющего интересы канадских провинций и территорий. Политическая практика назначения сенаторов генерал-губернатором по представлению премьер-министра страны в течение длительного времени вызывала негативный, резонанс общественный. В течение 80–90-х годов XX столетия на федеративном и провинциальном уровнях неоднократно обсуждались различные проекты реформирования сената. Безусловно, реформа сената представляет собой длительный и непростой процесс, однако ее воплощение в реальной действительности позволит уменьшить такое негативное явление, как политическую корруп-

цию, в значительной мере постоянно присутствующую в высших эшелонах власти⁴⁷.

В заключение можно выделить следующие тенденции развития канадского консерватизма.

Во-первых, канадский консерватизм представляет собой сложное идейно-политическое течение, сформировавшееся под влиянием политических традиций Великобритании, а также под воздействием исторических реалий, связанных с образованием самого североамериканского государства.

Во-вторых, отличительной особенностью канадского консерватизма является его постоянная способность к адаптации к социально-экономическим и политическим переменам, характерным в XX – начале XXI в. как для самого государства, так и для мирового сообщества в целом.

В-третьих, проявление канадского консерватизма в деятельности Д. Дифенбейкера, Дж. Кларка, Б. Малруни и С. Харпера было связано со стремлением консерваторов расширить свою социальную и региональную базу, возродить интерес электората к консервативной идеологии, попытаться разрешить давно назревший франкоканадский вопрос, провести конституционную реформу в стране исключительно мирными и демократическими средствами.

Примечания

- 1 Желтов В.В. Основы политологии. Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 400.
- 2 Там же. С. 401.
- 3 Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII–XX в. М.: Наука, 2006. С. 15–41.
- 4 Там же. С. 59; Данилов С.Ю. История Канады. М.: Весь мир, 2006. С. 70–71; Данилов С.Ю., Шило В.Е. Политико-государственный механизм современной Канады. Сравнительно-историческое исследование. М.: Наука, 1991. С. 37.
- 5 Ажаева В.С. Консерватизм в ценностных ориентациях канадского общества. Науч.-аналит. обзор. М.: Наука, 1990. С. 6–7; Данилов С.Ю. Двухпартийная система Канады: тенденции развития. М.: Наука, 1982. С. 49.
- 6 Ажаева В.С. Указ. соч. С. 6–7; Данилов С.Ю. Указ. соч. С. 49.
- 7 Рахмиров П.Ю. Типология современного консерватизма. М.: Наука, 1986. С. 23–59.
- 8 Агеева И.А. От «либерального» к «прогрессивному» консерватизму. Консервативная партия Канады в 40-е – начале 60-х гг. XX в. М.: Мысль, 1996. С. 86–87; Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М.: Высшая школа, 1985. С. 253–254.

- 9 *Агеева И.А.* Указ. соч. С. 254.
- 10 Там же. С. 102.
- 11 Там же.
- 12 *Сороко-Цюпа О.С.* Указ. соч. С. 256.
- 13 *Агеева И.А.* Указ. соч. С. 93.
- 14 Там же. С. 93, 97.
- 15 *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Указ. соч. С. 32.
- 16 *Perlin G.G.* The Tory Syndrome. Leadership Politics in the Progressive Conservative Party. Montreal: McGill-Queen's univ. press, 1980. P. 55.
- 17 *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Указ. соч. С. 33.
- 18 Там же. С. 200–201.
- 19 *Martin P., Gregg A., Perlin G.* The Conservatives Choose a Leader. Toronto: Toronto univ. press, 1985. P. 17.
- 20 The Globe and Mail. 1984. July 20.
- 21 *Mulroney B.* Where I Stand. Toronto: Toronto univ. press, 1983. P. 27.
- 22 Ibid. P. 27.
- 23 *Мелкумов А.А.* Канадский федерализм: теория и практика. М.: Экономика, 1998. С. 99.
- 24 *Wearing J.* Strained Relations: Parties and Voters. L., 1988. P. 120.
- 25 *Cameron S.* On the Take. Crime, Corruption and Greed in the Mulroney Years. Toronto.: Macfarlane Walter&Ross, 1994. P. 95.
- 26 Ibid. P.100–101.
- 27 *Wearing J.* Op. cit. P.140–141.
- 28 Ibid. P. 147–148.
- 29 *Frizzell A., Westell A.* The Canadian General Election of 1984. Ottawa: Carleton univ. press, 1985. P. 68.
- 30 *Harrison T.* Of Passionate Intensity. Right-Wing Populism and the Reform Party of Canada. Toronto: Toronto univ. press, 1995
- 31 О биографии С. Харпера см.: *Комкова Е.Г., Барановский К.Ю.* Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2006. № 4. С. 68.
- 32 О результатах всеобщих выборах в январе 2006 г. и предвыборной программе С. Харпера см. подробнее: *Комкова Е.Г., Барановский К.Ю.* Указ. соч. С. 65–76.
- 33 См. подробнее об итогах всеобщих выборов 14 октября 2008 г.: 40th General Election, October 14, 2008 // Elections Canada. [Б.м., Б.д.] URL: <http://www.elections.ca/content.aspx?section=ele&document=index&dir=pas/40ge&lang=e>
- 34 Там же.
- 35 См.: Новое канадское правительств приняло присягу // Новая политика (интернет-журнал). [Б.м., 2008]. URL: <http://www.novopol.ru/text54942.html>
- 36 *Агеева И.А.* Указ. соч. С. 155.
- 37 Там же. С. 155; *Данилов С.Ю.* История Канады. М.: Весь мир, 2006. С. 163.
- 38 *Данилов С.Ю.* Указ. соч. С. 163.

- 39 См.: Strengthening the Canadian Federation. The Constitution Amendment, 1987. Ottawa, 1987.
- 40 Consensus Report on the Constitution. Final Text. Charlottetown, 1992.
- 41 Ibid. P. 1.
- 42 Ibid. P. 2.
- 43 Ibid. P. 4–5.
- 44 См.: *Комкова Е.Г., Барановский К.Ю.* Указ. соч. С. 72.
- 45 *Комкова Е.Г.* Квебекцы признаны нацией, квебекская проблема остается нерешенной // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 11. С. 108–109.
- 46 *Комкова Е.Г.* Указ. соч. С. 108–109; *Соколов В.И., Демчук А.Л.* Всеобщие выборы в Канаде: прежнее «правительство меньшинства» // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 1. С. 8–9.
- 47 *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Указ. соч. С. 79–81.

С.Ю. Серёгичев

СТРОИТЕЛЬСТВО ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА В СУДАНЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Целью статьи является подробный анализ проблемы проектов и попыток создания в Судане государства, основой функционирования которого должна стать практика повсеместного применения норм Корана и шариата, заменяющих собою светское законодательство. Идея строительства подобного государства и общества является одной из центральных в современной суданской истории, так как она разделила Судан и суданцев на два непримиримых лагеря: Север, правящие круги которого хотели бы построить исламскую республику Судан, и Юг, мечтающий о секуляризованном, демократическом и децентрализованном государстве. Вокруг этой темы сложилось и до сих пор продолжает существовать немало мифов, развенчать которые отчасти и призвана данная статья.

Ключевые слова: Фронт исламской хартии, Национальный исламский фронт, Исламская республика Судан, Совет командования революцией национального спасения, Национальный конгресс Судана.

На протяжении современной истории независимого Судана сторонниками концепции исламского государства было предпринято в общей сложности три попытки его создания: в 1964–1968, 1983–1985 и 1989–1999 гг. Все эти попытки отличаются по своим масштабам и глубине воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую структуру суданского общества.

Впервые идея построения в Судане полноценной исламской государственности, выраженная на общенациональном уровне, появилась в конце 1964 г., когда возник Фронт исламской хартии (далее – ФИХ) («Джабхат аль-мисак аль-исламий»), объединивший более 50 исламо-фундаменталистских группировок во главе

© Серёгичев С.Ю., 2010

с «Братьями-мусульманами». Фронт потребовал принятия «исламской конституции», а его лидером стал Хасан ат-Тураби¹.

В 1966 г. исламистам и традиционалистам (партия «Аль-Умма») представилась возможность сделать мечты об исламской суданской республике реальностью: 4 января 1966 г. решением Учредительного собрания Судана была сформирована Национальная конституционная комиссия. В комиссии было 44 депутата, большинство представляли Национально-юнионистскую партию (НЮП) и «Аль-Умму», а также депутаты-южносуданцы, по одному от трех партий (Судано-африканский национальный союз, Либеральная партия Юга Судана и Суданская партия единства)².

Под нажимом «Аль-Уммы» и ФИХ комиссия взяла за основу при разработке новой суданской конституции «исламский проект»: документ должен базироваться на принципах ислама, а шариат – главный источник законов³. Тем не менее, несмотря на все усилия, предпринятые руководством «Аль-Уммы» и ФИХ, при голосовании 9 апреля 1967 г. проект исламской конституции был полностью отвергнут.

Виной тому стало совокупное действие двух факторов: во-первых, резкое неприятие данного проекта со стороны южан, так как он низводил их фактически до уровня граждан второго сорта (на Юге подавляющее большинство населения исповедует христианство), а во-вторых, он не устраивал правобуржуазные круги Судана чрезмерной даже для них радикальностью своих положений (так, например, ст. 119 гласила: «Правительство устанавливает максимум земельной собственности в соответствии с необходимостью, определяемой интересами»⁴).

Неудача с принятием конституции не остановила «Аль-Умму» и ФИХ, которые 15 января 1968 г. представили в парламенте еще один конституционный проект: Судан должен был стать унитарной демократической социалистической республикой, ислам – государственной религией, арабский – официальным языком, а шариат – основой законодательной системы. Однако даже употребление социалистической риторики и предложения введения «местного самоуправления» (в чем авторам основного закона виделось решение проблемы Юга) не спасло данный проект от провала⁵.

Вторая попытка создания исламского государства в Судане неразрывно связана с именем президента Джаафара Нимейри, который за годы своего правления эволюционировал от политика левого толка к типичному ультраправому лидеру. Для него строительство исламской государственности была насущной необходимостью, ибо другого способа сохранить свою власть в первой половине 1980-х годов он не видел⁶.

С этой целью Нимейри в 1977 г. освободил из тюрьмы Хасана ат-Тураби и его сторонников, где они отбывали заключение за антиправительственную деятельность. Через год лидера суданских исламистов ввели в состав политбюро Центрального комитета правящей и единственно разрешенной партии в стране – партии Суданский социалистический союз. Наконец, в августе 1979 г. Хасан ат-Тураби стал генеральным прокурором Судана с поручением от президента подготовить комплекс мер по «шариатизации» судопроизводства.

Итогом деятельности Нимейри и ат-Тураби стало введение в сентябре 1983 г. закона «Основы юридического управления». За этим неброским и сухим названием скрывалось, по сути, утверждение в стране принципиально иной, чем прежде, системы законодательства. Отныне «если требуется интерпретация любого текста в действующем законодательстве, то он должен быть соотнесен с шариатом. В тех случаях, когда нет соответствующего законодательства, дело должно быть решено на основе шариата»⁷.

Таким образом, в Судане была заложена основа для исламизации страны, которая достаточно решительными мерами и велась в период с 1983 по 1985 г.: в провинции Хартум были закрыты все точки по торговле спиртными напитками, кредитно-финансовым учреждениям было запрещено ссужать деньги под проценты, введен в качестве налога на имущество и капитал «закят», начал осуществляться переход с григорианского календаря на исламский.

Но спасти ухудшающуюся с каждым днем социально-экономическую ситуацию исламизация Судана не могла: в 1984–1985 гг. в стране начался голод⁸. Закономерным итогом такой политики стал крах в ночь с 5 на 6 апреля 1985 г. режима Нимейри, свергнутого суданской армией, которая опасалась захвата власти восставшим в конце марта народом.

Однако этот печальный опыт не остановил суданских исламистов: в начале – середине 1990-х годов, когда сторонники ат-Тураби вкупе с военными находились у власти, захватив ее в ходе военного переворота 1989 г. («революция национального спасения», «саура аль-инкази аль-кауми»), страна пережила куда более масштабный и глубокий процесс исламизации, чем за все предыдущие периоды.

Для того чтобы по достоинству оценить все сделанное в это время сторонниками ат-Тураби, нужно вкратце познакомиться с основными теоретическими воззрениями лидера суданского исламо-фундаментализма на саму природу исламского государства.

В основе Исламской республики Судан (ИРС), по мнению Хасана ат-Тураби, лежат следующие принципы: «риба» (запрет на ростовщический процент), «закят» (добровольное пожертвова-

ние) и «шура» (совет). Через реализацию запрета на ростовщический процент достигается исламизация банковской сферы, в результате которой все вкладчики банков в равной мере разделяют успех или неудачу своего банка. Закят же как добровольный налог-пожертвование, призванный помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство. Шура представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от кварталов, деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства должны проходить на альтернативной основе⁹.

Согласно ат-Тураби, исламское государство «подчиняется высшим нормам шариата, представляющего волю Аллаха ... халиф же или любой другой носитель политической власти подчиняется шариату и воле избравших его людей». Более того, лидер Национального исламского фронта (НИФ) считал, что «современное исламское правительство может исходя из шариата вводить нормы права и проводить политику, основанные на шариате». Также ат-Тураби полагал, что «мусульманское государство сегодня может определить свою систему публичного права и экономики, исходя из шариата и иджмы».

Характеризуя роль законодательства, основанного на шариате, ат-Тураби утверждал, что «высшая общая цель религиозной жизни объединяет частную и публичную сферы; шариат является арбитром между общественным порядком и индивидуальной свободой». Для главы суданских исламистов был принципиально важен тот момент, что «какую бы форму ни принимала исполнительная власть, ее глава всегда должен подчиняться шариату и сформулированной на его основании иджме». Если же руководитель страны злоупотребляет своей властью, то граждане имеют полное право исправить этот неправильный курс, в том числе и путем отстранения от власти «ошибшегося» правителя.

Исходя из этого, доказывал ат-Тураби, «можно будет принять любую форму или процедуру организации общественной жизни, которая будет направлена на служение Аллаху и целям исламского государства, если только она непосредственно не отвергается шариатом»¹⁰.

В соответствии с положениями «Суданской хартии: национальное единство и разнообразие» («Хартия НИФ 1987 г.») исламское государство в Судане должно быть построено в форме «смешанной системы, включающей федеральные и региональные элементы». Кроме того, особо подчеркивается тот момент, что «Национальный исламский фронт выступает за принятие федеральной системы в конституционном регулировании децентрализации в Судане

с равным отношением ко всем регионам либо специальные меры для некоторых и через любой процесс постепенного перехода *в федерацию путем разработки и принятия на федеральном уровне законов, учитывающих особенности того или иного региона, что крайне принципиально для Южного региона* (курсив автора. – С. С.)»¹¹.

Реальное воплощение замыслов ат-Тураби по построению суданского исламского государства последовательно проходило в три этапа: 1991–1994, 1994–1996, 1996–1999 гг.

Первый этап начался в декабре 1990 г., когда власти объявили о курсе на планомерную и всестороннюю исламизацию политической системы, государственного аппарата, судебной системы, общественных отношений, выражающуюся, в частности, в установлении полного господства шариата в Судане.

Содержание данного курса было отражено в принятой Советом командования революцией национального спасения (СКРНС) в январе 1991 г. «Программе введения шариата». Согласно ей, государство рассматривается как «мусульманская община», а шариат – как ее «единый закон». Сохранение приоритета государственных интересов связывалось с идеей недопущения раскола уммы – мусульманской общины¹².

В феврале 1991 г. глава страны аль-Башир подписал указ о постепенном введении на всей территории Судана уголовного законодательства, основанного на нормах шариата.

В том же году была проведена административно-территориальная реформа Судана. Вводилась четырехуровневая структура управления страной.

Первый уровень – центральное правительство.

На втором уровне вместо 18 провинций, объединенных в 8 регионов, были созданы 9 вилайатов (штатов).

Третий уровень образовывали 66 провинций, входящих в состав штатов.

Наконец, четвертый уровень это 281 область с местным управлением, входящая в состав провинций.

Как было заявлено СКРНС во главе с аль-Баширом, реформа должна была расширить региональную автономию, так как каждый штат будет возглавляться губернатором и его замом, опирающимися на правительство штата, в ведении которого будут находиться вопросы местного управления и сбор налогов. За центральным правительством оставались внешнеполитическая, военная (вопросы безопасности) и экономическая сферы¹³.

Было уделено внимание и финансово-экономической сфере: в 1992 г. суданские власти провели денежную реформу. Ее суть со-

стояла в обмене банкнот достоинством 5 суданских фунтов и выше на новые банкноты, была введена новая денежная единица страны – динар. Реформа была направлена на обуздание инфляции, снижение рыночных цен и возвращение в банковский оборот денег, находящихся вне контроля государства.

Переход от фунтов к динарам, по заявлению управляющего Банком Судана Сейида Ахмед аш-Шейха, предвещало курс на «исламизацию» экономики. Суданский фунт подлежал постепенному изъятию из обращения, что и произошло через некоторое время¹⁴.

Таким образом, важнейшим итогом первого периода реализации проекта ИРС явилась закладка базового фундамента суданской исламской государственности, правда, это касалось только центрального и северного Судана, так как на юге значительная часть территории контролировалась повстанцами (Суданское народно-освободительное движение/Суданская народно-освободительная армия – СНОД/СНОА).

Второй этап строительства Исламской республики Судан наступил в феврале 1994 г., когда Хартум осуществил масштабную корректировку административной реформы 1991 г., что можно, по сути, признать второй с начала 1990-х годов административно-территориальной реформой. С этого момента Судан окончательно превращается в федерацию в составе 26 штатов (вилайатов). Во главе каждого вилаята стоит назначаемый президентом губернатор (вали). Органы законодательной и исполнительной власти на местах получили широкие полномочия¹⁵.

Было завершено начатое еще в 1991 г. выстраивание стройной системы управления страной: первый уровень – федеральное правительство, второй уровень – правительство штатов, третий уровень – провинциальные власти, четвертый – местные советы (в юрисдикции штатов).

В соответствии с проведенной реформой в круг полномочий федеральных властей вошли: национальная оборона и безопасность, международные отношения, судопроизводство, генеральная прокуратура и адвокатура, вопросы гражданства и миграции, валютно-финансовая политика, внешняя торговля. За штатами были закреплены контроль за внутренним управлением, взиманием налогов, местным здравоохранением и образованием¹⁶.

В целом реформа была завершена к лету 1994 г. Вместе с тем образованная федерация носила скорее не реальный, а номинальный характер, поскольку президентский указ об изменении формы государственного устройства не предусматривал сколько-нибудь значительного перераспределения полномочий между

центральной правительством и органами власти субъектов суданской федерации.

Фактически главной целью реформ 1991 и 1994 гг. было достижение взаимовыгодного компромисса между интересами военно-исламистского режима Омара аль-Башира и Хасана ат-Тураби и позициями местных элит, реально контролирующих жизнь в суданских регионах. Как мы видим сейчас, эта цель была во многом успешно реализована.

В то же время команда президента аль-Башира видела в этой системе прежде всего возможность организовать более продуктивный диалог с представителями региональных элит, чья лояльность покупалась и покупается до сих пор должностями в новой бюрократической системе.

Этот этап завершился проведением совмещенных парламентских и президентских выборов в марте 1996 г. Подготовка к выборам и сами выборы проходили в крайне сложных условиях.

Они не проводились на Юге из-за идущей там с 1983 г. гражданской войны. Их полностью бойкотировала оппозиция как по чисто юридическим причинам (партийная деятельность все еще оставалась под запретом), так и по политическим (им все равно бы не дали победить, к тому же отказ от участия в выборах лишней повод напомнить всем о своем существовании).

Еще одним осложняющим фактором явилась безграмотность подавляющего числа избирателей, особенно в сельских районах. Это обстоятельство предоставляло властям широкое поле для фальсификаций результатов выборов. Для дополнительной страховки на случай прохода в парламент «нежелательных» кандидатов руководство страны приняло решение о том, что 125 депутатов Национальной ассамблеи должны были назначаться переходной Национальной ассамблеей из числа своих членов.

На президентский пост претендовало 40 кандидатов, что должно было убедить западные страны в альтернативности и демократичности выборов. Избирательный процесс и процедура подведения его итогов заняли две недели – с 6 по 17 марта 1996 г., в выборах приняло участие 5,5 млн суданцев из 10 млн имеющих право голоса.

Результаты выборов были легко предсказуемы: президентом страны был избран герой «революции национального спасения» Омар аль-Башир, он получил 75,5% голосов суданских избирателей¹⁷. В парламенте страны подавляющее число мест получили представители НИФ, а их бессменный руководитель ат-Тураби занял пост председателя Национальной ассамблеи – третий по важности в стране.

В ходе второго периода строительства ИРС исламистам удалось упрочить свои позиции в правящем тандеме, однако уже стали заметны признаки нарастающего кризиса в их отношениях с военными: в 1995 г. из армии была уволена большая группа старших офицеров (до тысячи человек), не разделявших взгляды суданских властей на будущее устройство страны¹⁸.

Закрепить сложившееся после выборов 1996 г. положение было поручено новой общественно-политической организации, призванной играть роль правящей партии в стране. Такой организацией стал Национальный конгресс Судана (НКС), в рамках которого объединились две ведущие на тот момент политические силы – военные и исламисты. Его руководителями стали соответственно Омар аль-Башир (председатель) и Хасан ат-Тураби (генеральный секретарь).

Так начался *третий, заключительный, этап* реализации проекта ИРС, основным содержанием которого стала борьба исламистов за углубление курса на исламизацию Судана, которая привела их к открытому конфликту с военными во главе с президентом страны Омаром аль-Баширом.

Спустя два года после национальных выборов страна наконец-таки получила свой новый основной закон¹⁹, четвертый по счету (временный 1955 г., постоянный 1973 г., временный 1985 г.). Проект конституции был одобрен Национальной ассамблеей в апреле 1998 г. и введен в действие 1 июля, после одобрения ее на референдуме.

Согласно конституции, Судан – президентская республика, правная, суверенитет в ней делегирован народу Богом (ст. 4 «Верховная власть и суверенитет»). Зато вся высшая власть в стране принадлежит президенту, избираемому на пятилетний срок, он является главнокомандующим вооруженными силами, полицией и других регулярных частей.

Также глава государства формирует кабинет министров, который же и возглавляет (ст. 41, 42, 47). Кроме того, в ст. 6 «Национальное единство» содержится указание на недопустимость существования партий на религиозной основе. Подобная формулировка дала властям возможность репрессировать в случае необходимости политические организации суданских исламистов. Был узаконен запрет на алкоголь (ст. 16 «Общественные мораль и единство»).

Ислам признан основополагающей религией Судана, чьи принципы должны защищаться всеми людьми и «отражаться в их повседневной жизни, законах, политике и официальной работе или обязанностях в области политической, экономической, социальной и культурной деятельности» (ст. 18 «Религия»). Вместе с тем при-

знавалась свобода вероисповедания (ст. 24 «Право на религию и совесть»). Также был узаконен закят – традиционный в мусульманских странах денежный сбор в пользу бедных и неимущих (ст.10 «Закят и другие финансовые обязательства»).

Было провозглашено право на создание политических организаций (ст. 26 «Свобода объединений и организаций (ассоциаций)»). При выборах в Национальную ассамблею (парламент) сохранялась действующая до этого схема: 75% депутатов избираются по обычным округам, остальные 25% по специальным – женским, научным и профессиональным, национальным куриям (ст. 67 «Национальная ассамблея»). Источниками законодательства являются шариат, выраженное на референдуме мнение граждан, конституция и племенное право (урф) (ст. 65 «Источники законодательства») ²⁰.

Имея большинство в суданском парламенте, исламисты в противовес курсу военных, которые с целью поддержания стабильности своего режима пытались совмещать исламизацию с демократизацией на западной манер (легализация многих ранее запрещенных партий в соответствии с «Актом о партиях 1998 г.», вступившего в силу с 1 января 1999 г.), проводили политику постепенного, через маленькие, казалось бы, незаметные шаги урезания властных полномочий команды аль-Башира.

С этой целью исламисты к 1999 г. фактически полностью захватили власть в пропрезидентской партии – Национальном конгрессе Судана. Реализовав таким образом первую часть своего плана по переходу всей власти в стране под свой жесткий контроль, НИФ приступил ко второй его части. Она заключалась в принятии поправки к конституции, которые бы превращали президента в чисто номинальную фигуру, лишённую реальных рычагов власти. В частности, предусматривалось учреждение поста премьер-министра и, соответственно, передача ему надлежащих полномочий от президента, введение прямых выборов губернаторов штатов.

Первые намеки на наметившийся раскол в правящей коалиции, ставшие доступными постороннему наблюдателю, появились в январе 1999 г. В течение года уровень конфронтации военных и исламистов быстро повышался. Контролируемый сторонниками ат-Тураби Национальный конгресс не только проголосовал в парламенте в первом чтении за пакет поправок к конституции (введение поста премьер-министра и прямых выборов губернаторов штатов вместо назначения их президентом), но и обязал ключевых членов кабинета министров, являвшихся также членами НКС, регулярно отчитываться о проделанной работе перед руководством партии.

Кроме того, сторонниками ат-Тураби были урезаны реальные полномочия председателя партии (эту должность до сих пор занимает аль-Башир) по контролю над исполнительными органами Конгресса, что превратило этот пост в малозначимую должность.

В ответ военные пошли на крайние меры: президент Судана Омар аль-Башир издал 12 декабря 1999 г. указы о досрочном прекращении полномочий Национальной ассамблеи и о введении в стране чрезвычайного положения сроком на три месяца.

Примечательно, что эти события произошли всего за два дня до намеченного в парламенте голосования по пакету конституционных поправок, превращавших аль-Башира в чисто номинального главу государства.

Официальными властями страны было также заявлено о приостановке действия ряда статей конституции, а также о том, что дата проведения новых парламентских выборов будет объявлена позже. Уже на следующий день на улицах суданских городов появились военные патрули, войска заняли стратегически важные объекты в столице страны и полностью заблокировали здание парламента. Последнее было необходимо для того, чтобы туда не смогли прорваться депутаты во главе со своим спикером Хасаном ат-Тураби.

Четкие действия военных захватили руководство НИФ врасплох, оно явно оказалось неготовым к подобному варианту развития событий. Отчасти это и послужило причиной роковой ошибки, допущенной ат-Тураби и его сторонниками. Вместо того чтобы созвать экстренное заседание Национальной ассамблеи в любом удобном для этого месте, лидер суданских исламистов просто выступил с заявлением о произошедшем в стране военном перевороте. Он, в частности, заявил, что глава государства аль-Башир своими действиями «подрывает свободу и политическую систему Судана», и призвал сторонников Национального фронта к сопротивлению²¹.

Однако данный призыв так и остался не услышанным: суданцы не захотели поддержать Исламскую республику Судан, которая им так и не дала обещанных благ, принесла лишь тяжкий и малооплачиваемый труд да репрессии со стороны как военных, так и исламистов.

Подводя итоги, следует отметить, что хотя все три попытки создания в Судане полноценного исламского государства и закончились неудачей, стремление к осуществлению этого проекта по-прежнему остается важной составляющей частью сегодняшней суданской политики.

В значительной степени это объясняется той немалой организационно-идеологической, административно-юридической и политической работой, которую провели суданские исламисты под руководством Хасана ат-Тураби, строя Исламскую республику Судан: борьба за принятие исламской конституции 1964–1968 гг., меры по исламизации страны, предпринятые в 1983–1985 гг., административно-территориальные реформы 1994 и 1996 гг., финансовая реформа 1992 г., выборы 1996, конституция 1998 г.

Но кроме этого, привлекательность ИРС для достаточно широкого круга суданской элиты вызвана еще и тем, что данная модель государственного устройства очень эффективна в плане сохранения и умножения позиций верхушки арабо-суданского общества, для которой очень хлопотно и затратно растить на суданской почве нормальную демократическую систему, тем более в условиях, когда на нее нет повышенного спроса со стороны рядовых суданцев, у которых слово «демократия» в первую очередь ассоциируется с воровством, кумовством и коррупцией.

Примечания

- 1 Поляков К.И. История Судана. XX век. М., 2005. С. 209.
- 2 Там же. С. 231.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 437.
- 5 Там же. С. 236.
- 6 Немалое влияние на характер политики Нимейри оказал пример его египетского коллеги Анвара Садата, пытавшегося, правда, неудачно, «оседлать» исламо-фундаменталистскую волну в Египте.
- 7 Фахрутдинова Н.З. Исламский фактор в общественно-политической жизни Судана. М., 2004. С. 43.
- 8 Судан // История Востока: В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М., 2005. С. 146.
- 9 Хасан ат-Тураби. Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 33.
- 10 Цит. по: Абдуллах Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). М., 1999. С. 52–53.
- 11 The Search For Peace In The Sudan: A Chronology of the Sudanese Peace Process 1989–2001. L., 2002. P. 329, 331.
- 12 Мустафаев Р.С. оглы. Ислам и национализм в теории и практике государственного строительства (на примере Судана) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1994. С. 11.
- 13 Тихомиров Н.К. Региональные конфликты. Проблема Юга Судана. М., 2006. С. 136.

Строительство исламского государства в Судане...

- 14 Судан. Справочник. М., 2000. С. 178–179.
- 15 *Диба Эльдин Хамза Хамед*. Конституционное развитие Республики Судан (исторический и правовой аспект) // Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 116.
- 16 Там же.
- 17 Судан // Страны Африки 2002. М., 2002. С. 191–192.
- 18 *Huband M.* Warriors of the Prophet: the Struggle for Islam. Bulder (Colorado), 1998. P. 152–153.
- 19 В настоящее время эта конституция заменена временной конституцией 2005 г.
- 20 Constitution of the Republic of Sudan. Khartoum. 1998. P. 2–4, 6, 7, 9–10, 16, 19, 27, 28.
- 21 ИТАР–ТАСС, 13–14.12.1999.

О.О. Медведева

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА: СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Одним из ключевых направлений социальной политики в США в конце XX в. являлось преодоление проблем и противоречий, связанных с нарастающей социокультурной фрагментарностью американского общества, закреплением этнических, расовых, языковых, поведенческих и этических границ. Статья посвящена рассмотрению основных принципов социальной политики администрации Б. Клинтона как попытки утверждения новой модели национальной идентичности, основанной на идее мультикультурализма. Однако срыв бюджетных программ в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, материального вспомоществования, ипотечной политики не позволил консолидировать американское общество. Возвращение к идее мультикультурализма произошло лишь после прихода демократов к власти в 2008 г.

Ключевые слова: новейшая история США, социальная политика, национальная консолидация, мультикультурализм, администрация Б. Клинтона, Демократическая партия, выборы.

В последней четверти XX в. политический класс США столкнулся с необходимостью радикального пересмотра государственной стратегии и ее идеологических основ. Помимо объективных причин – последствий структурного экономического кризиса 1970-х годов, развертывания процесса глобализации, становления информационного общества и инновационной «новой экономики», – сказывалось и состояние самого американского общества. В прошлое уходил исторический образ Америки как оплота англосаксонской «белой расы». Реальностью становилось мультикультурное сообщество, легализующее множество этнических, расовых, языковых, поведенческих и этических границ. И по мере нарастаю-

щей социокультурной дифференциации американского общества все более насущной проблемой становился поиск стратегии национальной консолидации, оформление обновленной системы национальной идентичности.

Пафос «неоконсервативной революции» Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего во многом был связан с попытками найти основу общенационального единения в современную эпоху. «Пришло время нового американского освобождения – великого национального наступления, – утверждал Р. Рейган. – Новая свобода принесет новые возможности роста, породит более производительный, совершенный и единый народ, более сильную Америку <...> Давайте же мы, народ, исполнимся решимостью построить американское общество возможностей, где все – белые и черные, богатые и бедные, молодые и старые – рука об руку вместе пойдут вперед»¹. Пропаганда новой исторической ответственности американского народа, возрождения национального духа и защита «американского образа жизни» стали основным лейтмотивом социальной политики неоконсерваторов. Однако на фоне экономической рецессии начала 1990-х годов дискуссия о стратегии национального развития получила новый импульс.

Обсуждение «будущего Америки» стало лейтмотивом президентской кампании 1992 г. Группировка «новых демократов» из Демократической партии подвергла критике не только идеи республиканцев, но и традиционные для демократов прогрессистские установки. Основу их программы составили принципы «бюрократического активизма», экономический императив и апелляция к «конкретному американцу»². Лидер «новых демократов» Б. Клинтон доказывал, что пришло время проститься со стереотипами «холодной войны» и имперскими комплексами, признать «новую ответственность» и сделать ставку на перемены во всех сферах общественной жизни. Ключевое значение при этом придавалось политическому выбору среднего класса – людей с динамичным образом жизни, высоким уровнем личностных потребностей, не только готовых брать на себя ответственность, но и стремящихся к созданию устойчивой ситуации успеха. Не случайно, что одним из самых популярных лозунгов кампании 1992 г. стали слова «Дело в экономике, дурачок!» («It is the Economy Stupid!»)³.

В целом президентские выборы 1992 г. показали тенденцию преодоления жесткой биполярности американской политической системы. На смену противостоянию традиционных демократических и республиканских тем и методик политической пропаганды пришла риторика общенациональной консолидации перед лицом новых исторических вызовов. В этой ситуации победа Б. Клинтона

стала вполне ожидаемой. Она была подкреплена и мощным преобладанием демократов в Конгрессе: в палате представителей 258 мест против 176 мест республиканцев; в сенате – 57 мест против 43⁴.

В феврале 1993 г. президент Б. Клинтон представил план первоочередных мер, предусматривавший борьбу с экономической рецессией и бюджетным дефицитом, поддержку национальной промышленности в рамках развития сферы НИОКР, увеличение ассигнований на образование, профессиональную подготовку и переподготовку, здравоохранение. В 1993 г. были сформулированы и принципы реформирования системы государственного вспомоществования (welfare): 1) вспомоществование должно быть «вторым шансом, а не путем жизни»; 2) система welfare должна быть направлена на переобучение, переподготовку кадров, а не на поддержание минимального уровня жизни; 3) приоритетной задачей должно быть осуществление «детской поддержки»; 4) все новации должны начинаться на уровне штатов⁵.

Экономический эффект предложенной программы был достаточно очевиден. Однако решить стратегическую задачу по консолидации американского общества она не могла. Со всей очевидностью это продемонстрировала избирательная кампания 1994 г. Та динамичная, современная, свободная от комплексов «молодая Америка», к которой апеллировал Б. Клинтон, быстро теряла интерес к публичной политике. Получив новые перспективы для самореализации и профессионального роста, представители молодого поколения не нуждались в патернализме государства и скептически относились к социальной риторике президента. На другом полюсе электората оказалась «цветная Америка». Если в 1970 г. доля черных и испаноязычных граждан, а также американских индейцев и выходцев из стран Азии в общей численности населения страны составляла 16,5%, то к началу 1998 г. она выросла до 27,1%. При этом социальное положение «цветной Америки» оставалось крайне сложным. Средние доходы белой семьи были почти в 11 раз больше, чем черной или испаноязычной. Доля бедных среди белых неиспаноязычных американцев не превышала 10%, тогда как среди черных и испаноязычных достигала 30%. Среднюю школу заканчивали около 80% белых и лишь 2/3 – черных, около 1/2 – испаноязычных. Эта статистика свидетельствовала не только об имущественной поляризации американского общества, но и о его глубокой социокультурной дифференциации. На фоне нарастающей общественно-политической пассивности основной массы белых американцев представители этнических диаспор все громче заявляли о своих гражданских правах и требованиях.

На промежуточных выборах 1994 г. демократы потерпели серьезное поражение, потеряв большинство в обеих палатах Конгресса и уступив посты губернаторов во многих штатах. Но победа консерваторов была вызвана в большей степени агрессивной пропагандистской кампанией, построенной на эклектичном сочетании радикального антиэтатизма и технократизма⁶. В этой ситуации администрации Б. Клинтона удалось вернуть инициативу. Ставка была сделана на формирование стратегии устойчивого развития, обеспечивающей гегемонию США в условиях радикальных геополитических изменений в мире, перехода многих стран и народов к рыночному развитию, появления новых «вызовов» в гуманитарной и техногенной сферах. На этом политическом поле Б. Клинтон сумел использовать многие популярные консервативно-центристские лозунги и отодвинуть на второй план дискуссию о налоговой политике и бюджетном дефиците. В преддверии же президентских выборов 1996 г. Б. Клинтон перенес акцент на расширение электоральной базы своей партии за счет афроамериканцев и испаноязычных избирателей. «Величайшая наша обязанность – впитать в новом веке новый дух общности, – заявлял он. – Расовое разделение было вечным проклятьем Америки. И каждая новая волна иммигрантов становится новой мишенью для старых предрассудков <...> Чтобы каждый из нас преуспел, мы должны преуспеть как единая Америка. Будем ли мы единой страной, единым народом с одной общей судьбой или нет? Пойдем ли все вместе или разойдемся в стороны?»⁷

После успешных для Б. Клинтона выборов 1996 г. политические аналитики сходились во мнении о том, что Демократическая партия становится «все более женской, цветной и секулярной», тогда как Республиканская – «мужской и англосаксонско-протестантской с растущим фундаменталистским компонентом»⁸. Такой дрейф был вполне оправдан с точки зрения политической стратегии, однако он резко увеличивал нагрузку на правительственные социальные программы. Для социокультурной и экономической реинтеграции «цветных» групп населения требовалось широко-масштабное перераспределение финансовых, материальных, информационных ресурсов. В особой степени это касалось сферы образования и профессиональной переподготовки, подвергшейся радикальной перестройке в условиях становления «новой экономики». С другой стороны, основная часть социальных расходов в США по-прежнему приходилась на регламентируемые федеральным законодательством программы пенсионного обеспечения, материального вспомоществования, помощи ветеранам, на гарантии кредитов по ипотеке, охрану здоровья. Результатом становилась

критическая «перегрузка» бюджета. Только за вторую половину 1990-х годов расходная часть федерального бюджета выросла на 20%. Именно в эти годы складывались предпосылки для системного финансового кризиса, который обрушится на Америку в 2008 г. Но, принеся эту жертву, администрация Б. Клинтона не сумела обеспечить решение основной стратегической задачи – дать толчок для системного обновления «общественного договора» в США. Как признавался впоследствии сам Б. Клинтон, вся суть его внутренней политики исчерпывалась одним словом: «Арифметика»⁹. Этого языка экономического прагматизма не хватило для оформления действенной парадигмы национальной консолидации. На смену технократической идеологии «новых демократов» пришел «сострадательный консерватизм» нового поколения республиканцев.

Примечания

- 1 *Рейган Р.* Инаугурационная речь, 20 января 1985 г. // Инаугурационные речи президентов США М.: Дрофа, 2001. С. 468.
- 2 *Clinton W., Gor A.* Putting People First. N. Y.: New York Times Books, 1992. P. 3–5.
- 3 *Woodward B.* The Agenda: Inside the Clinton White House. N.Y.: Simon & Schuster, 1994. P. 54.
- 4 Composition of Congress by Political Party № 460 // Statistical Abstract of the United States. [Wash., 2000]. URL: <http://www.census.gov/prod/2001pubs/statab/sec08.pdf> (дата обращения: 26.04.2009).
- 5 Letter from President Clinton to Congress on Welfare Reform. The White House. 1995. March 20 // A Service of The U.S. Government Printing Office [Б.м., Б.д.]. URL: <http://www.gpoaccess.gov/nara/index.html>. (дата обращения: 26.04.2009).
- 6 *Dionne E., Jr.* They Only Look Dead: Why Progressives Will Dominate the Next Political Era. N.Y.: Simon & Schuster, 1997. P. 227–228.
- 7 *Клинтон Б.* Инаугурационная речь, 20 января 1997 г. // Инаугурационные речи президентов США. С. 499.
- 8 *Печатнов В.О.* От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008. С. 438.
- 9 *Клинтон Б.* Моя жизнь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 602.

История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки

Е.Д. Браун

ВОЙНЫ РОЗ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ РОССИЙСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Существует не один десяток исследований, посвященных Войнам Роз (1455–1487). Тем не менее и в начале XXI в. сущность и хронологические рамки конфликтов остаются предметом дискуссий. Наиболее заметные разногласия, обусловленные разными методологическими принципами, существуют между британской и русской историческими школами. В работах современных британских исследователей Войны Роз характеризуются как серия опосредованно связанных друг с другом конфликтов внутри дворянства, очень мало влиявших на жизнь англичан. Российские историки рассматривают Войны Роз как гражданские войны, результат политического, социального и экономического кризиса. Указанное различие в понимании Войн Роз открывает возможности более объективного исторического анализа.

Ключевые слова: Войны Роз, Война Алой и Белой Розы, Йорки, Ланкастеры, британская историография, российская историография.

Конфликты, известные в историографии как Войны Роз, бесспорно, являются одними из самых значимых событий в истории позднесредневековой Англии. Традиционно под Войнами Роз понимают войны между двумя коалициями аристократических родов – «партиями» Йорков и Ланкастеров. Войны Роз начались в тот момент, когда на английском престоле оказался душевнобольной Генрих VI Ланкастер, неспособность которого к управлению государством усугублялась рядом внешне- и внутривнутриполитических проблем. Воспользовавшись этой ситуацией, права на английский престол предъявил могущественный магнат – Ричард Йорк. В Войны Роз обычно включают период 1455–1485 гг., т. е. несколько сражений между войсками Йорков и Ланкастеров (от битвы при

Сент-Олбансе 22 мая 1455 г. до сражения при Босворте 15 сентября 1485 г.) и узурпаций престола (Эдуардом IV Йорком в 1461 г., Генрихом VI Ланкастером в 1469 г., Эдуардом IV Йорком в 1470 г., Ричардом III Йорком в 1483 г. и Генрихом VII Тюдором в 1485 г.). Итогами Войн Роз, по мнению большинства современных исследователей, явились снижение влияния аристократических кланов и установление режима абсолютной монархии.

Стоит подчеркнуть, что история изучения Войн Роз представляет не меньший интерес, чем перипетии борьбы за английскую корону между домами Йорков и Ланкастеров. Споры о том, что представляли собой Войны Роз, какой период они охватывали, каковы были их последствия и т. п., начались еще в XV в. и не утихают до сих пор. Несмотря на то что дискуссия по указанным проблемам продолжается уже более 500 лет, в истории Войн Роз по-прежнему больше вопросов, чем ответов. В наши дни наиболее заметные разногласия существуют между национальными историческими школами. В частности, в трудах современных британских исследователей существует тенденция к пониманию Войн Роз как серии лишь опосредованно связанных между собой сражений и узурпаций престола, слабо влиявших на жизнь современников. В российской исторической науке Войны Роз, напротив, рассматриваются как проявление системного кризиса, охватившего все сферы жизни Англии XV в. Существование столь несхожих точек зрения тем более удивительно, что фактологическая сторона Войн Роз изучена досконально. Усилиями британских историков была полностью воссоздана хронология столкновений армий Йорков и Ланкастеров, восстановлены биографии всех крупных политических деятелей эпохи и даже подсчитано число участников каждого сражения.

В данной статье предпринимается попытка воссоздать историю изучения Войн Роз в российской и англоязычной историографии и выявить причины, по которым «проблема Войн Роз» до настоящего времени остается нерешенной.

Осмысливать политические катаклизмы второй половины XV в. начали еще современники событий. Как это часто бывает, первый вариант объяснения конфликта был предложен не историками, а политиками. Политическая пропаганда времен Эдуарда IV Йорка утверждала, что узурпация власти династией Ланкастеров в 1399 г. и их «беззаконное правление» привели к тому, что Бог покарал Англию, отняв у англичан владения во Франции, послав безумие последнему из династии Ланкастеров Генриху VI и т. д. Приход к власти Йорков, имевших гораздо более весомые права на престол¹, в рамках этой концепции означал восстановление законности и окончание всех бедствий².

После воцарения Тюдоров «йоркистская» версия истории Англии была откорректирована и, если можно так выразиться, доведена до совершенства. Исходной точкой конфликта по-прежнему провозглашалась узурпация 1399 г., однако выделялся и период открытой борьбы за престол домов Йорков и Ланкастеров (1455–1485 гг.). Генрих VII провозглашался спасителем королевства, поскольку при нем произошло счастливое воссоединение враждовавших домов (сам Генрих Тюдор происходил из династии Ланкастеров, а его супруга была дочерью Эдуарда IV Йорка).

Любопытно, что именно после бракосочетания Генриха VII и Елизаветы Йорк в истории Англии появляются алая и белая розы. По традиции к свадьбе Генриха VII и Елизаветы Йорк был составлен соединенный герб молодых, на котором появился новый геральдический символ – роза с лепестками алого и белого цветов³. Необходимо подчеркнуть, что до 1485 г. белая роза была всего лишь одной из многих геральдических эмблем Йорков, а алая роза – одной из частей герба Ланкастеров. При этом розы вовсе не воспринимались как единственные символы враждующих королевских домов, да и сам конфликт не именовался «Войной Роз», у него попросту не было названия. Только в конце XV в. розы начинают трактоваться как главные символы Йорков и Ланкастеров, появляется термин «Война Роз» (первоначально в единственном числе)⁴.

В первой половине XVI в. тюдоровская трактовка истории Войн Роз из политических прокламаций перекочевала в исторические труды. В частности, в хрониках Холла⁵ и Холиншеда⁶ причиной беспорядков XV в. называется свержение Ричарда II, а концом – воцарение Генриха VII. Для того чтобы ярче выделить относительную стабильность и упорядоченность тюдоровского режима, Войны Роз начинают рассматриваться как самые жестокие гражданские войны в истории Англии, от которых страдало все население страны.

Своеобразные итоги понимания эпохи Войн Роз были подведены в знаменитых «Исторических хрониках» Шекспира. В данном случае вполне уместно говорить о драматических произведениях как о части исторической науки. Несмотря на то что Шекспир вовсе не является историком, его «Исторические хроники» представляют собой официальную, елизаветинскую версию истории Англии, несколько упрощенную фактически, зато доведенную до драматического совершенства. Все XV столетие (от «Ричарда II» до «Ричарда III») изображается Шекспиром как почти непрерывная череда кровавых смут и беспорядков.

Необходимо подчеркнуть, что «Исторические хроники» Шекспира не просто вобрали в себя характерную для второй половины

XVI в. версию истории Англии, они на протяжении нескольких столетий оказывали более чем заметное влияние на историческую науку. Шекспировская трактовка Войн Роз оставалась историографической нормой вплоть до конца XIX в. Можно выделить несколько причин, способствовавших ее устойчивости. Прежде всего, до начала XX в. история Средневековья в значительной степени сводилась к истории королевской власти. В связи с этим датировка Войн Роз (фактически по царствованиям) и трактовка их хода (как борьбы за престол) как нельзя лучше соответствовали господствовавшим в то время принципам научности.

Кроме того, при изучении истории Англии второй половины XV столетия вплоть до середины XIX в. историки пользовались преимущественно сочинениями известных гуманистов (Томаса Мора, Полидора Вергилия и других). Преклонение перед вкладом деятелей эпохи Возрождения в развитие культуры автоматически распространялось и на их исторические сочинения, поэтому изложенная в них версия событий считалась наиболее достоверной; средневековые хроники, напротив, виделись собранием чудес и вымыслов.

Первые попытки пересмотреть тюдоровскую версию Войн Роз были предприняты во второй половине XIX столетия, когда история уже сформировалась как научная дисциплина.

Серьезные коррективы в понимание истории Англии XV в. были внесены так называемой вигской историографией. В частности, в работе Уильяма Стабса «Конституционная история Англии»⁷ история Англии рассматривается как непрерывный прогресс парламентаризма и конституционных свобод, в который вписывается и XV в. Эпоха Ланкастеров видится Стабсу временем грандиозного конституционного эксперимента, когда парламенту были предоставлены невиданные дотоле полномочия. В царствование Генриха VI Ланкастера баланс сил между королевской властью и парламентом был нарушен из-за слабости короны, но в правление Эдуарда IV восстановлен, наилучшее же соотношение полномочий короны и парламента было найдено во времена Тюдоров. Фактически как период нестабильности У. Стаббс оценивал только царствование Генриха VI и борьбу между Йорками и Ланкастерами в 50 – начале 60-х годов XV в.

Точка зрения Стаббса была развита в труде Д.Р. Грина «История английского народа». Грин ставил перед собой цель проследить историю Англии с точки зрения развития в стране демократических ценностей. Войны Роз Грин рассматривал как кризис непрочной власти Ланкастеров, который привел к воцарению дома Йорков. Результатом Войны Роз явился новый государственный

строй – абсолютная монархия, начало которого Д.Р. Грин относил к воцарению Эдуарда IV Йорка (1461). Следует подчеркнуть, что время господства абсолютной монархии оценивалось Д.Р. Грином как «период конституционного регресса»⁸, что означало отход от традиционной для английской историографии положительной оценки периода царствования Тюдоров.

В первой половине XX в. в британской историографии сформировалось достаточно сильное марксистское течение. В 1937 г. появилась книга А.Л. Мортонна «История Англии»⁹. Как для любого марксиста, для Мортонна важны, прежде всего, причины и последствия событий. В качестве причин Войны Роз (1455–1485) он отмечает поражение во Франции и восстание Джека Кэда, показавшее слабость правительства. В качестве результатов – установление монархии с новым соотношением классовых сил – абсолютизма Тюдоров, во многом предвосхищенного политикой Эдуарда IV¹⁰. Таким образом, в изложении А.Л. Мортонна Война Роз явилась конфликтом аристократии и более прогрессивных социальных сил, окончившимся в пользу последних.

Своего рода рубежом в исследовании истории Англии стала научная деятельность Джорджа Тревельяна (1876–1962). При создании «Социальной истории Англии» Д. Тревельян руководствовался методологической установкой – написать историю Англии без политики, т. е. действительно социальную историю¹¹. Концепция Д. Тревельяна стала фундаментом для дальнейших исторических построений в рамках новой социальной истории. В качестве одной из основных причин начала «Войны двух Роз» (1455–1485)¹² Тревельян указывал изгнание английской армии из Франции в 1453 г. Саму же Войну Роз Д. Тревельян понимал как «период общественных беспорядков, которые время от времени приводили к вспышкам настоящих войн», поскольку «вся социальная система была поражена вследствие дурного управления»¹³. Вред от этих вспышек насилия, по мнению Тревельяна, был столь силен, что лишь «сильные монархи из династии Тюдоров смогли обуздать звать и джентльменов»¹⁴.

Подлинным прорывом в исследовании истории Англии XV в. можно считать научную деятельность К.Б. МакФарлайна. МакФарлайн пришел к выводу о принципиально ином характере феодальных отношений в позднесредневековой Англии, подразумевавшем прямые контакты с арьер-вассалами и существование денежного вознаграждения за службу. Для обозначения этой системы социальных связей МакФарлайн использовал предложенный еще в конце XIX в.¹⁵ термин «ублюдочный феодализм» («the bastard feudalism»)¹⁶. По МакФарлайну, именно «ублюдочный феодализм»

стал основной причиной Войн Роз; стоит подчеркнуть, что сам исследователь рассматривал это явление не как вырождение, а как естественную эволюцию социальных отношений.

В своих исторических построениях МакФарлайн широко использовал малоизученные на тот момент архивы аристократических родов. Привлечение новых видов источников позволило существенно пересмотреть идущее еще от тюдоровской историографии восприятие Войн Роз как времени глубокого кризиса в политике, экономике и социальной сфере. МакФарлайн полагал, что политические катаклизмы XV в. лишь опосредованно влияли на жизнь большинства англичан. Именно МакФарлайн постулировал базовое для современных британских исследователей положение: Войны Роз нельзя рассматривать как единый конфликт. К.Б. Макфарлайн выделяет три отдельные войны, охватывавшие соответственно 1450–1464, 1464–1471 и 1483–1487 гг.¹⁷

Концепция МакФарлайна была развита его многочисленными учениками и последователями. Во многом благодаря его научной деятельности в 70-х годах XX в. произошел настоящий всплеск работ, посвященных истории Англии XV столетия, в том числе и Войнам Роз. В частности, появились монографии Д. Лоадса и Д.Р. Ландера. Если Д. Лоадс предлагает достаточно традиционный вариант датировки Войн Роз (1455–1485 гг.)¹⁸ и их интерпретации как борьбы Йорков и Ланкастеров за корону Англии, то в монографии Д.Р. Ландера сформулирована оригинальная исследовательская концепция. Говоря о причинах Войн Роз, Д.Р. Ландер отмечает, что «ублюдочный феодализм» усилил могущество магнатов, доведя его до того опасного предела, когда удерживать их в повиновении мог только сильный король¹⁹. В данном случае «неспособность Генриха VI управлять страной стала тем катализатором, который вывел соотношение политических сил в Англии середины XV в. из состояния неустойчивого равновесия»²⁰. Д. Ландер предложил относить к Войнам Роз период 1455–1487 гг., отмечая, что датировка явления, как и сам термин, является условной, более того, Войны Роз не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на современное им общество, и «по меркам того времени Англия второй половины XV в. была мирной и процветающей страной»²¹.

В монографии Д. Гиллингэма «Войны Роз: мир и конфронтация в Англии пятнадцатого столетия» (1981) было высказано противоположное мнение. По Гиллингэму, «"ублюдочный феодализм" – это не более чем неудачный термин», отсылающий нас к «системе связей между лордами, джентри и йоменами, которая была столь же характерна для XIV и XVI вв., как и для XV столетия»²². Д. Гиллингэм полагает, что Войны Роз были спрово-

цированы личными факторами – безумием Генриха VI, властолюбием Ричарда Йорка и т. п. Примерно та же точка зрения неизменно высказывается авторами многочисленных исторических биографий²³.

Оригинальную интерпретацию Войн Роз выдвинул А.Д. Поллард. Исследователь утверждает, что существовали две Войны Роз совершенно разного характера. Первые – это войны между Ланкастерами и Йорками (1459–1471); вторые – между Йорками и Тюдорами (1483–1487). «Вторые, – пишет А.Д. Поллард, – как раз и были тем, что современные историки описывают как Войны Роз – серией восстаний и битв со случайным исходом»²⁴. Войны Ланкастеров и Йорков Поллард характеризует как гражданские войны. Вторая серия конфликтов, по мнению исследователя, явилась началом конфронтации Юга и Севера Англии²⁵.

Итак, в целом в англоязычной историографии 60–80 гг. XX в. постепенно закрепился взгляд на Войны Роз как серию столкновений внутри политической элиты, не оказывавших сколько-нибудь заметного влияния на вполне благополучную жизнь англичан. Иными словами, от тюдоровского мифа исследователи пришли к его полной противоположности.

Наиболее отчетливо концепция Войн Роз как череды случайностей выражена в работах Э. Гудмана²⁶. В них Войны Роз рассматриваются как серия практически не связанных между собой выступлений магнатов и проявлений народного неповиновения, прерывавших правление английских королей второй половины XV в. Э. Гудман расширяет хронологические границы Войн Роз до 1452–1497 гг.²⁷ и отрицает обособленность данного периода истории Англии²⁸. Работы Э. Гудмана отличаются вниманием к ходу военных действий, тактике ведения боя и другим аспектам военной истории.

В исследованиях 90-х годов XX – начала XXI в. указанная концепция Войн Роз была подкорректирована. Большинство современных британских исследователей говорят о том, что Войны Роз затрагивали не только политическую элиту и настаивают на наличии взаимосвязи между событиями 50–80-х годов XV в. В частности, в своей последней монографии К. Карпентер полагает, что основной причиной Войн Роз стала сама система управления Англией, основанная на хрупком равновесии между интересами короны и аристократии. Войны Роз трактуются исследовательницей как затяжной политический кризис. К. Карпентер вообще предпочитает говорить не о Войнах Роз как таковых, а об эпохе Войн Роз (1437–1509), отмечая, что этот конфликт не имеет смысла рассматривать изолированно²⁹.

Майкл Хикс в своей монографии «Войны Роз. 1455–1485 гг.» возвращается к непопулярной в английской историографии трактовке причин Войн Роз. По его мнению, конфликт был вызван не столько внутренними, сколько внешними проблемами: потеря владений во Франции не позволила правительству Генриха VI преодолеть политический кризис и обуздать амбиции Ричарда Йорка. М. Хикс трактует 50–90 гг. XV в. как самый длинный в истории Англии период гражданских войн³⁰. В то же время исследователь полагает, что Войны Роз были скорее серией войн (1459–1461, 1469–1471, 1483–1497 гг.), каждая из которых имела свои причины, особенности и действующих лиц.

Итоги изучения Войн Роз британскими и американскими историками отражены в опубликованной в 2001 г. «Энциклопедии Войн Роз»³¹. В ней под Войнами Роз подразумеваются непосредственно военные столкновения между армиями Йорков и Ланкастеров. Выделяются три периода наибольшей военной активности: 1459–1461, 1469–1471, 1483–1487 гг., промежутки мирной жизни между военными кампаниями освещаются вскользь, как необходимые для понимания Войн Роз, но не относящиеся к ним непосредственно. В «Энциклопедии...» также подчеркивается, что проблема Войн Роз еще далека от разрешения. Британские и американские историки спорят о хронологических рамках конфликта, о том, сколько этапов насчитывали Войны Роз, наконец, о степени влияния, оказываемого данной серией конфликтов на жизнь английского общества второй половины XV в.

В отечественной историографии проблема Войн Роз освещена несравненно менее полно. В русской дореволюционной историографии это явление практически не освещалось. Войны Роз упоминаются в работах В. Александренко и К.А. Кузнецова³², однако сами авторы указывали на то, что в освещении политических катаклизмов второй половины XV в. они опирались исключительно на разработки своих британских коллег³³. В целом в русской дореволюционной историографии воспроизводилась тюдоровская трактовка Войн Роз как жестоких гражданских войн, сопровождавшихся политическим, экономическим и социальным кризисом.

Первые исследования, посвященные непосредственно Войнам Роз, в отечественной исторической науке появились только в конце 1950-х годов. До этого времени в обобщающих изданиях сохранялась слегка модернизированная тюдоровская версия конфликта. Поскольку в советской исторической науке были пересмотрены хронологические рамки Средневековья и его окончание стали относить ко времени Английской или же Французской буржуазной революции, то Война Роз (термин продолжал употребляться

в единственном числе)³⁴ стала рассматриваться как феодальная война в рамках феодальной же формации, «последний взрыв анархии перед установлением абсолютизма»³⁵.

Первым в отечественной исторической науке исследователем, посвятившим себя изучению Войн Роз, стал Е.В. Кузнецов. В трудах Е.В. Кузнецова преимущественное внимание было уделено становлению абсолютной монархии в Англии XV в., начало которой автор относил к царствованию Эдуарда IV. Войны Роз рассматривались Е.В. Кузнецовым как проявление глобального кризиса английского общества соответствующего периода. Говоря о причинах Войн Роз, Е.В. Кузнецов подчеркивал влияние народных движений (прежде всего восстания Джека Кэда) на начало военной фазы конфликта³⁶. Не случайно Е.В. Кузнецов предложил датировать Войну Роз (термин звучит у него в единственном числе) 1450–1502 гг., т. е. считать нижней хронологической границей конфликта именно восстание Кэда³⁷. В работах Е.В. Кузнецова было опровергнуто распространенное в историографии мнение об опоре Ланкастеров на баронов экономически отсталого Севера, а Йорков – на сравнительно более развитый юго-восток страны и «новое дворянство». Исследователь говорил об отсутствии прямой зависимости между географическим положением владений того или иного дворянина и его политическими симпатиями³⁸.

Помимо работ Е.В. Кузнецова непосредственно Войнам Роз в советской историографии была посвящена только кандидатская диссертация С.А. Сливко. В ней фактически повторяется концепция У. Стабса. С.А. Сливко датирует Войны Роз 1455–1461 гг.³⁹ Войны Роз в интерпретации С.А. Сливко явились вооруженной борьбой за корону между Йорками и Ланкастерами, окончившейся с воцарением Эдуарда IV.

В единственном в отечественной историографии обобщающем исследовании по истории средневековой Англии⁴⁰, принадлежащем перу В.В. Штокмар, основными причинами Войн Роз называются соперничество баронов за власть, неспособность партии Ланкастеров справиться с глубоким кризисом и восстание Джека Кэда. События 1450–1454 гг. В.В. Штокмар рассматривает как «канун баронских войн». Внутри самих Войн Роз Штокмар выделяет следующие периоды: 1455 – середина 1459 г., вторая половина 1459–1461 г., 1469–1471 гг. и, наконец, 1483–1485 гг. Приход к власти Генриха VII В.В. Штокмар считает концом Войн Роз и началом абсолютной монархии. В целом Войны Роз рассматриваются В.В. Штокмар как «жесткая борьба двух баронских клик», время «разорения и смуты»⁴¹.

Отдельные эпизоды Войн Роз были освещены в работах российских историков, посвященных анализу царствований англий-

ских королей второй половины XV в. В исследованиях М.А. Барга (1972)⁴², Т.Г. Ложкиной (1978)⁴³ и А.А. Петросьяна (1992)⁴⁴, посвященных анализу личности и правления Ричарда III, Войны Роз трактуются как высшее проявление глубокого социально-экономического и политического кризиса XV в.

В отличие от британских коллег, российские историки не склонны интерпретировать Войны Роз как серию битв со случайным исходом. Для них исход противостояния Йорков и Ланкастеров определяется глобальными социально-экономическими и политическими факторами.

Н.И. Басовская обращает внимание на взаимосвязь Столетней Войны и Войн Роз, подчеркивая существование прямой зависимости событий англо-французской войны и политической смуты в Англии второй половины XV в. В частности, всплеск военной активности англичан на континенте 1452–1453 гг. относится автором уже к Войнам Роз, а не к Столетней войне⁴⁵; тем самым отмечается европейское значение политического кризиса в Англии второй половины XV в.

Еще одна группа причин Войн Роз выдвигается в исследованиях, посвященных проблеме сословно-представительной монархии в Англии⁴⁶. Е.В. Гутнова констатирует постепенное уменьшение значения парламента, возрастание мощи королевской власти и обострение социальных противоречий, ставшее особенно явным к середине XV столетия⁴⁷. В.А. Савельев подчеркивает постепенное усиление роли и властных полномочий Королевского совета на протяжении XIII–XV вв.⁴⁸ Оба автора отмечают экономические предпосылки Войн Роз и социальные их корни в виде расхождения интересов «старого» и «нового» дворянства.

Говоря о новейшей российской историографии, следует отметить прежде всего исследования динамично развивающейся научной школы Е.В. Кузнецова. Так, ученица Е.В. Кузнецова Т.Б. Меркулова занимается изучением Северной Англии в эпоху Войн Роз⁴⁹; Т.Г. Минеева разрабатывает историю английского парламента в позднее Средневековье. Наиболее заметным достижением научной школы Е.В. Кузнецова за последние годы стал выпуск коллективной монографии «Англия и Уэльс в эпоху позднего средневековья» (1999)⁵⁰. В указанной монографии в основном сохраняется концепция Войн Роз, предложенная Е.В. Кузнецовым в 50–70 гг. XX в. Это касается и хронологических рамок Войн Роз (1450–1502), и склонности к преимущественно социально-экономическому объяснению исторических событий⁵¹, и даже трактовки образов английских монархов⁵².

Среди новейших разработок российских исследователей также заслуживают внимания работы В.И. Золотова, посвященные истории Англии первой половины XV в.⁵³ В.И. Золотов видит корни Войн Роз в параличе системы местного управления, полностью захваченной магнатами, что открывало им дорогу к узурпации короны. Кроме того, он считает, что Войны Роз были непосредственно инспирированы «мелкими и малозначащими стычками, нападениями отдельных дворян на маноры и усадьбы своих соседей»⁵⁴. Практически та же концепция содержится и в кандидатской диссертации ученицы В.И. Золотова Н.А. Пономаревой⁵⁵.

В целом можно констатировать, что в российской исторической науке Войны Роз рассматриваются как проявление системного кризиса английского общества второй половины XV в., вызванного целым комплексом причин социально-экономического и политического характера.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, в трудах британских, американских и российских исследователей более чем подробно восстановлен событийный ряд Войн Роз, детально изучены не только ход сражений, но даже количество участвовавших в них людей. Несмотря это, продолжается дискуссия по следующим вопросам: датировка конфликта, его характер, а также степень влияния Войн Роз на современное им общество.

Наиболее серьезные разногласия существуют между британской и российской историческими школами. Проведенный анализ позволяет судить о причинах этого расхождения. До 20 гг. XX в. позиции британских и отечественных историков по проблеме Войн Роз фактически совпадали. Существенные различия появились по мере оформления советской исторической науки, теоретико-методологические постулаты которой коренным образом расходились с методологией британских историков. В советской историографии Войны Роз были вписаны в общую формационную схему исторического процесса. Вторая половина XV в. в истории Англии стала рассматриваться как период глобального кризиса феодализма перед переходом его на новую стадию развития – к режиму абсолютной монархии. Войны Роз трактовались как проявление этого кризиса. В современной российской историографии сохранился генерализирующий подход к изучению Войн Роз, в котором акцент делается на связи этого явления с социальной и экономической историей соответствующего периода.

В британской историографии возобладала противоположная тенденция – индивидуализирующий подход, что также было связано с общим направлением развития теории исторической науки. Подход к изучению Войн Роз в данном случае эволюционировал

в сторону пересмотра существовавших в конце XIX – начале XX в. построений. В итоге Войны Роз стали восприниматься как ряд лишь опосредованно связанных военно-политических конфликтов, серия неурядиц с наследованием престола, весьма слабо влиявших на жизнь англичан.

Таким образом, причины расхождения национальных школ во взгляде на хронологические рамки и сущность Войн Роз объясняется различием их методологических установок. Такое различие позволяет британским и российским историкам сосредоточить внимание на различных сторонах указанного конфликта, что открывает возможности более объективного исторического анализа.

Примечания

- 1 Ланкастеры возводили свое родословное древо к Джону Гонту – четвертому сыну Эдуарда III, что формально давало право потомкам третьего сына Эдуарда III – Йоркам – претендовать на корону Англии.
- 2 *Lander J.R.* Crown and nobility 1450–1509. L.: Arnold, 1976. P. 61.
- 3 *Goodman A.* The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497). L.: Harper, 1981. P. 3.
- 4 *Ibid.* P. 321.
- 5 *Hall E.* Hall's Chronicle: The Union of the Two Noble and Illustre Famelies of Lancastre and Yorke, 1548. L.: J. Johnson, 1809. 578 p.
- 6 *Holinshed R.* Holinshed's Chronicles England, Scotland, and Ireland / Ed. Vernon F. Snow. N.Y.: AMS, 1965. 432 p.
- 7 *Stubbs W.* The Constitutional History of England in Its Origin and Development. L.: Clar. press, 1875. 322 p.
- 8 *Грин Дж. Р.* История английского народа. М.: К.Т. Солдатенков, 1869. С. 106.
- 9 *Мортон А.* История Англии. М.: Иностранная литература, 1965. 356 с.
- 10 Там же. С. 128–130.
- 11 *Тревельян Д.М.* Социальная история Англии. М.: Иностранная литература, 1959. С. 15.
- 12 Там же. С. 79.
- 13 Там же. С. 80.
- 14 Там же.
- 15 Впервые словосочетание «the bastard feudalism» (ублюдочный феодализм) предложил Чарльз Пламмер. Он подразумевал под этим словосочетанием вырождение феодальных связей, начавшееся в середине XIV в., деградацию классического феодализма (*Fortescue J.* The Governance of England / Ed. by C. Plummer. Oxford: The univ. press, 1885. P. 15.)
- 16 *McFarlane K.B.* The nobility of later medieval England. The Ford Lectures for 1953 and related studies. Oxford: The univ. press, 1973. P. 247–248.

- 17 *McFarlain K.B.* The Wars of the Roses // *McFarlain K.B.* England in the Fifteenth century. L.: Hambledon Press, 1981.
- 18 *Loades D.* Politics and the nation 1450–1660. Obedience, resistance and public order. Fontana: Collins, 1974. P. 21.
- 19 *Lander J.R.* Crown and nobility 1450–1509. L.: Arnold, 1976. P. 69.
- 20 Ibid.
- 21 *Lander J.R.* Government and community: England 1450–1509. L.: Arnold, 1980. P. 362.
- 22 *Gillingham J.* The Wars of the Roses: Peace and conflict in fifteenth-century England. Baton-Rouge: Louisiana State university press, 1981. P. 254.
- 23 *Tender D.R.* Henry VI. L.: Arnold, 1976. 402 p.; *Ross C.D.* Edward IV. Berkley; N. Y., 1974. 449 p.; *Chrimes S.B.* Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L.: Arnold, 1964. 413 p.; *Haswell J.* The ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian heritage. L.: Davice, 1976. 224 p.; *Kendall P.M.* Richard the Third. L.: Arnold, 1972. 514 p., etc.
- 24 *Pollard A.J.* The Wars of the Roses. N.Y.: St. Martin press, 1988. P. 111.
- 25 Ibid. P. 112.
- 26 *Goodman A.* The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497). L.: Harper, 1981, 294 p.; *Goodman A.* The Wars of the Roses: the soldiers' experience. L.: Tempus, 2005. 342 p.
- 27 *Goodman A.* The Wars of the Roses. P. 2.
- 28 Ibid. P. 4.
- 29 *Carpenter Ch.* The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c.1437–1509. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. 322 p.
- 30 *Hicks M.* The Wars of the Roses 1455–1485. N.Y.: Ostpray Publishing LTD, 2003. 294 p.
- 31 *Wagner J.A.* Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara: ABC-CLIO. 2001. 680 p.
- 32 *Александренко В.* Английский тайный совет и его история. Варшава, 1890. 234 с.; *Кузнецов К.А.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.). Владивосток, 1913. 123 с.
- 33 *Александренко В.* Указ. соч. С. 165.
- 34 *Петрушевский Д.М.* Восстание Уотта Тайлера. М.: Соцэжгиз, 1934. С. 345.
- 35 Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 414.
- 36 *Кузнецов Е.В.* Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). М.: Наука, 1958. С. 20.
- 37 Там же. С. 13–14.
- 38 *Он же.* Борьба магнатских партий в Англии в 50-е гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Горьковский гос. ун-т. Горький, 1959. Вып. 46. С. 142.
- 39 *Сливко С.А.* Социальная борьба в Англии в конце XV в и формирование английского абсолютизма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 16.

- 40 В 2007 г. текст работы В.В. Штокмар с незначительными добавлениями из исследований Е.А. Косминского и Д.М. Петрушевского был перепечатан под фамилией профессора Адыгейского государственного университета С.П. Марковой (*Маркова С.П.* Англия эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Учеб. пособие / Рос. акад. наук [и др.]. М., 2007. 339 с.). Данное учебное пособие являет собой один из наиболее ярких примеров откровенной нечистоплотности и пренебрежения авторским правом.
- 41 *Штокмар В.В.* История Англии в средние века. СПб: Алетейя, 2005. С. 130.
- 42 *Барг М.А.* Ричард III сценический и исторический // Новая и новейшая история. 1972 г. № 4. С. 147; *Он же.* Шекспир и история. М.: Наука, 1979. 200 с.
- 43 *Ложкина Т.Г.* К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. Вып. 2. С. 55.
- 44 *Петросьян А.А.* Ричард III: миф и реальность // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 179–184
- 45 *Басовская Н.И.* Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 136.
- 46 *Гутнова Е.В.* Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С 59–75; *Савельев В.А.* Изменения в структуре власти в Англии в период сословно-представительной монархии XIII–XV вв. // Сословно-представительные монархии: государственность – право – идеология. М., 1987. С. 7–16.
- 47 *Гутнова Е.В.* Указ. соч. С. 56, 64.
- 48 *Савельев В.А.* Указ. соч. С. 7–16.
- 49 *Меркулова Т.Б.* Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999; *Меркулова Т.Б.* Английский Север: региональная специфика в эпоху средневековья // Англия и Европа. Проблемы истории и историографии. Улан-Батор, 2001. С. 79–86; *Минеева Т.Г.* Конституционное развитие Англии в XIV–XV вв. Арзамас: АГПИ, 2005. 200 с.
- 50 Англия и Уэльс в эпоху позднего средневековья / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 1999.
- 51 В частности, женитьба Эдуарда IV на Елизавете Вудвиль объясняется стремлением короля нивелировать влияние аристократии, в первую очередь Невилей (Там же. С. 29).
- 52 К таким «казусам» можно отнести, в частности, почти шекспировскую версию царствования Ричарда III, «убившего наряду с соперниками и врагами, своих собственных племянников» (Там же. С. 31).
- 53 *Золотов В.И.* Английской общество накануне «Войны Роз». Брянск: Брянск. гос. пед. ун-т, 1996. 108 с.; *Он же.* К вопросу о местном управлении в законодательстве первых парламентов Генриха VI (1422–1433) // Англия в XIV–XVII вв. Вып. 2. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974. С. 120–135; *Он же.* Снова

- о социальных аспектах «Войны Роз» // Историческая мысль и история идей.
Вып. 6. Брянск: Брянск. гос. пед. ун-т, 1998. С. 79–88 и др.
- 54 *Золотов В.И.* Английской общество накануне «Войны Роз»... С. 89.
- 55 *Пономарева Н.А.* Джентри и горожане в Англии в 60–80 гг. XV в. Автореф.
дис. ... канд. ист. наук. Брянск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 16.

О.В. Саприкина

ТРАКТОВКА СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ
В.И. ЛАМАНСКИМ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье анализируется мнение известного российского ученого-слависта В.И. Ламанского (1833–1914) об изучении истории и современного ему состояния славянских народов, осмысливаются идеологические проблемы панславизма. Основными источниками выступают научные статьи В.И. Ламанского в Журнале министерства народного просвещения.

Ключевые слова: славянские народы, панславизм, славянофил, славянская идея, Владимир Иванович Ламанский, периодические издания, Журнал министерства народного просвещения, Российская империя.

Проблемы национализма и «особого пути» славянских народов всегда сопровождали изучение истории славянства. Идеи всеславяинства, исторической роли «славянской цивилизации» оказали огромное влияние не только на формирование национального самосознания народов Центральной Европы и Балканского полуострова, но и на специфику складывания их государственности. Оформившись как национально-культурное, этнопсихологическое движение на рубеже XVIII–XIX вв., панславизм все больше вторгался в сферу внутренней и внешней политики государств, включавших в состав славянские земли.

На протяжении практически полутора столетий славянская идеология, или славянская идея, переживая периоды взлетов и падений, присутствовала в политическом и этнопсихологическом сознании народов Центральной Европы, являясь основой для государственно-правовых и национальных теорий. Отсюда следует огромный интерес к изучению концептуальных основ славянского единства.

Исследование славянской идеи во всем многообразии ее направлений и аспектов было стержнем научных трудов замечатель-

© Саприкина О.В., 2010

ного русского ученого-слависта и педагога Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Он приложил много усилий для формирования общественного мнения по славянским проблемам. Исследователь сотрудничал со многими научными, просветительскими и публицистическими изданиями. Его статьи выходили в журналах «Русская беседа», «Библиографические записки», «Отечественные записки», «Русская старина»; в газетах «Голос», «День», «Новое время» и многих других; в специализированных научных и общественных изданиях, таких как «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» при Московском университете и «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества»¹. 60–80-е годы XIX в. стали периодом плодотворнейшего сотрудничества В.И. Ламанского с Журналом министерства народного просвещения (ЖМНП).

Первая его статья в этом издании была опубликована в 1862 г., во время путешествия Владимира Ивановича по славянским землям. «Заметка о Кенигсберге, Берлине и Дрездене. Извлечение из письма»² состояла из путевых записок молодого ученого, рассказывавших о его впечатлениях от встреч с представителями «народа немецкого», «романо-германского мира».

В разделе критики и библиографии журнала вышли рецензии слависта на труд И.Я. Эрбена «Заметки о славянских топографических названиях»³, на книги А.А. Котляревского «Книга о древностях и истории поморских славян в XII в.» и «Древности права балтийских славян»⁴, на «Словарь шести славянских языков»⁵. Эти критические статьи характеризуют достаточно молодого Ламанского не только как самостоятельного, прекрасно образованного исследователя, но и весьма интересного человека, обладавшего блестящим чувством юмора. В это же время изданы два выдающихся научных исследования ученого: «Непорешенный вопрос»⁶ – труд, посвященный историческому образованию древнеславянского и русского языков, а также болгарского наречия и письменности; и «Новейшие памятники древнечешского языка»⁷ – филологическое и историческое исследование «поддельных чешских глоссов» – Краледворской и Зеленогорской рукописей⁸, их значения для чешской культуры.

В 1890 г. В.И. Ламанский стал главным редактором журнала «Живая старина» – нового научного издания Императорского русского географического общества⁹. С этого времени большая часть его статей публиковалась в «Живой старине», но в ЖМНП в 1903–1904 гг. вышел труд, выдержавший позднее два самостоятельных издания, – «Славянское житие Святого Кирилла как религиозно-эпическое произведение и исторический источник. (Кри-

тические заметки)» – своеобразный итог историко-филологических изысканий Ламанского в области славянских языков и истории славянства.

В настоящей статье будут исследованы работы ученого, относящиеся к 60–80-м годам XIX в. Этот период являлся временем формирования научной концепции и определения политических взглядов В.И. Ламанского как зрелого исследователя и общественного деятеля. Одновременно это были годы активного взаимодействия Российской империи с зарубежными славянскими народами: этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г., восточный кризис 1875–1878 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг., существенно поколебавшая представление о приоритетном влиянии России на судьбы славянских народов и ставшая проверкой теоретических постулатов политиков и ученых по славянскому вопросу. Какие же формы приняла славянская идея в ранних и зрелых публицистических трудах В.И. Ламанского?

Публицистика и научная работа – основные направления деятельности этого ученого. Неудивительно, что в его трудах тесно сплелись два понятия: собственно славянская идея и «наука славянская». Под последней Ламанский подразумевал все науки о славянстве: филологию, историю, этнографию, палеографию, географию, т. е. те отрасли знания, которые могут изучать судьбы славянских народов, их языков, мест их расселения. Основу славянской идеологии В.И. Ламанского составили:

- идеи взаимной пользы от изучения и создания общеславянского языка;
- взаимные успехи русской и славянской образованности;
- успехи русской и славянской гражданственности;
- историко-сравнительное изучение социального и экономического быта, внутренней и внешней политики России и существовавших ранее славянских государств¹⁰.

Таким образом, важнейшими факторами развития славянского мира и России Ламанский считал гражданственность, образованность и внешнюю политику. Рассмотрим каждый из этих факторов в интерпретации ученого.

Успехи гражданственности – развитие действующего законодательства и юридической практики – зависят от исторического изучения права. История русского права еще очень слабо разработана, полагал исследователь, и она должна много выиграть от сравнительно-исторического изучения права у славянских народов. «Именно таким образом ... можно выработать для русской жизни твердые, прочные основы вполне самостоятельного, истинно национального развития русского общества и государства»¹¹.

«Образованность», т. е. развитие науки, культуры, искусства и образования Ламанский связывал с проявлениями «народного духа», считая, что «страна необразованная не может быть могущественна и уважаема соседями, ...страна бедная, неблагоустроенная всегда будет бессильна извне и скудна творчеством народного духа»¹². Ученый считал главными недостатками русской культуры и искусства численную скудость русских художников и художественных произведений, полагал, что даже «даровитейшие русские художники еще не вполне свободны от подражательства, от подчинения чужим идеалам и образцам и от отрицательного отношения к русской жизни», ставил в укор деятелям литературы и искусства «слабую производительность», «несколько небрежное служение своему делу». Свободными от иноземных примеров и заимствований исследователь признавал лишь М.И. Глинку и А.С. Пушкина, особенно в поздний период их творчества¹³.

В связи с обсуждением проблем, стоявших перед русской и славянской образованностью и искусством, В.И. Ламанский задается важнейшим вопросом периода национального возрождения или культурного национализма¹⁴: имеют ли наука, искусство и образование национальность? Для самого Владимира Ивановича ответ был очевиден: да, имеют. «Не только у древних греков, но и у народов романо-германских, художественные произведения различных школ и эпох всегда более или менее замечательны глубоко национальным характером, соответствуют идеальным народным требованиям. Отсюда-то, из этой народности греческого и римско-немецкого искусства и проистекает такое множество в нем школ, художников и памятников»¹⁵.

Таким образом, основное условие развития науки, искусства, образования Ламанский видел в национальности этих процессов, вырастающей из их народности. Мировая история искусств, подчеркивал он, раскрывает теснейшую общность народного и личного художественного творчества¹⁶.

Несмотря на признаваемую им глубокую связь между наукой и национальной природой государства, ученый далеко не всегда пытался поставить собственно научные, исследовательские задачи на службу злободневным политическим интересам и национальной идеологии. В своей рецензии на работы А.А. Котляревского «Книга о древностях и истории поморских славян в XII в.» и «Древности права балтийских славян» Ламанский полемизировал с автором по вопросу о доказательствах автохтонности немецкого населения балтийских областей и о более позднем приходе славян в эти регионы. Котляревский отмечал: «Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизации балтий-

ского поморья, некоторые исследователи утверждали, что население страны испокон века было и оставалось немецким, что дружины славян покорили его, составили высшее, численно незначительное сословие»¹⁷. В своей рецензии Ламанский возражал: «Нам кажется, автор наш напрасно по поводу вопроса чисто ученого заводит речь о патриотических увлечениях. Они, конечно, бывают, но не единственным же источником научных ошибок и заблуждений ... что касается гипотезы, то ее нет надобности объяснять увлечением немецкого патриотизма. В пользу того, что славяне явились в Балтийское поморье или в земли между Эльбою и Вислою после III в., что еще во II в. по Р.Х. оно было немецким, имеются неопровержимые свидетельства древних (Веллей Патеркул, Птолемей, Тацит). Дабы считать германскими упомянутые племена и вовсе не требуется немецкого патриотизма, а дабы считать их славянами еще мало одного патриотизма славянского, а нужно, прежде всего, обладать смелую решимостью – свободно и развязно обращаться с важными научными вопросами, без научной подготовки и без соблюдения необходимых критических приемов»¹⁸.

Можно предположить, что сфера политики и национальной идеологии и сфера научных исследований, связанных с изучением исторических фактов и их доказательств, у В.И. Ламанского не объединены, а достаточно дистанцированы одна от другой. Это позволяет говорить о научной этике Ламанского, не стоящей в зависимости от его политических и даже славянолюбивых воззрений. Несмотря на то что область Силезии всегда являлась предметом споров между славянскими и немецкими государствами, Ламанский вслед за П.И. Шафариком подчеркнул германское происхождение ряда географических названий на этой территории: «Некоторые собственные местные имена Балтийского поморья в период славянский (VI–XI вв.) объясняются из языка немецкого, а не из славянского, например, реки Гавель, Спрее, Одер, которые мы не сделаем славянскими, называя их даже Гаволею, Спревою и Одрюю, как название и самая земля Силезия не станут коренными славянскими, если даже будем называть ее Шленском или Слезком»¹⁹.

Исследуя средневековые латинские источники, Ламанский приходит к выводу, что слово «Sclavania» (Славания), которое использовал Адам Бременский, так же как и слово «Германия», имеет широкое значение. «Этим именем (Славии, Славонии и прочими) западные европейцы называли в средние века как каждую маленькую землю славянскую, каждый уголок, населенный славянами, так и весь громадный простор славянского мира»²⁰. Средневековые авторы оставили единый термин для обозначения славянства в наследство современным западным европейцам, тогда как сами пред-

ставители славянских народов используют его чрезвычайно редко, считал ученый²¹. В своих исследованиях и политических статьях В.И. Ламанский не отождествлял Россию и славянский мир полностью, отмечал, что несмотря на внутреннее единство, славянский мир отличается удивительным богатством и разнообразием. Ученый выделял два направления борьбы, которую ведут славянские народы с момента своего решительного выступления на историческом поприще: с одной стороны – с европейским Западом, с другой – с азиатским Востоком. Именно эта борьба олицетворяла всемирно-историческую миссию славянства. Однако существовала и другая борьба, считал исследователь, не менее ожесточенная, и происходила она внутри самого славянства – усобицы, «которые религиозная рознь не породила, а страшно усилила»²². Ламанский полагал, что эта борьба исторически необходима и называл ее «борьбой сил гегемонии и автономии»²³. Путь к единству, к достижению мира ученый видел в национальных, истинно народных образованности, науке, прогрессе, просвещении. «Этим словам мы издавна привыкли давать эпитет “европейский”. Но мы также привыкли и отделять Европу от России. И это не без причины: Россия Европой не ограничивается, хотя и скудно населенные азиатские владения ее дают ей право на звание мировой державы»²⁴, – писал Ламанский. Однако существует, считал он, глубочайшее заблуждение, выразившееся в противопоставлении: передовая Европа – отсталая Россия. И это мнение «будет у нас держаться, пока не укоренится в русском общественном сознании то убеждение, что прогрессивное стремление к чистому знанию, свободе духа и жизни, потребность постоянного усовершенствования, настойчивое преследование общих государственных целей, привычка к анализу, любовь к труду и самоуправлению – все эти качества составляют одинаковую, неотъемлемую собственность как Европы, так и России, которая как страна христианская и славянская, следовательно, индоевропейская, арийская по происхождению, ни в один самый тяжелый период своего существования, никогда не изменяла этим отличительным особенностям христианских и арийских племен»²⁵.

Следовательно, ученый подчеркивал общность происхождения европейских, в том числе славянских, народов. Однако в дальнейшем развитии их культуры и истории Ламанский видел два основных отличия. Во-первых, он считал, что перед славянской культурой стояла задача возрождения народного самосознания²⁶. Во-вторых, В.И. Ламанский придерживался теории различия исторических возрастов германо-романского и славянского миров. Для образованности, считал он, это имеет огромное значение: основание

первого русского университета относится к 1755 г., многие открыты лишь в XIX в., тогда как «римско-немецкая» Европа уже в Средние века имела до 30 университетов в Италии, Испании, Португалии, Франции, Англии, Германии»²⁷. (Справедливости ради отметим, что образование первого университета в славянских землях Центральной Европы – Карлова университета в Праге, который в это время был в основном немецким, произошло в 1348 г.) В то же время ученый выразил мнение, что более «позднее» развитие имеет и положительные аспекты: у славянских народов немислимы алхимия, астрология и «старые» теории грамотеев о сравнении языков, так же как невозможны инквизиция, Варфоломеевская ночь и другие «печальные последствия» западноевропейской учености²⁸.

Кроме различия возрастов, западноевропейская и славяно-русская «образованности» отличаются, считал Ламанский, характером своего внутреннего историко-этнографического содержания: поскольку славяно-русская образованность подвергалась разным историко-этнографическим влияниям (романо-германскому, азиатскому), она отличается большим разнообразием внутреннего состава²⁹.

Последнее отличие западноевропейской и славяно-русской образованности Ламанский видел в различии «школьных, дисциплинарных средств или образовательных орудий». Различие это ученый связывал со своеобразием просветительских начал, зависящих от характера христианства: «Латинская церковь и образованность, римское право имели огромное влияние не только на государственнй и общественный быт народов романо-германских, но и на все их образование, на весь склад их ума. <...> Латинское духовенство, само изучавшее латинских классиков, упорно сопротивлялось преподаванию и изучению не только языка европейского, но и эллинского, называя всех эллинистов схизматиками и обвиняя их в сочувствии к схизме, к греко-восточному направлению... Для нас, русских, для большинства славян, древнеславянский язык и письменность, византийская или греко-христианская образованность, греко-римское право составляют такое же главное образовательное орудие, какое некогда составляли для романо-германских народов латинский язык и римское право»³⁰. Западное христианство представлялось Ламанскому чуждым народному славянскому духу, искусственно привнесенным латинским, особенно немецким и «онемеченным» духовенством. Цитируя на страницах своей статьи историю о злоключениях испанского проповедника Бернарда, не нашедшего признания у балтийских славян, Ламанский заметил: «Какими скудными и жалкими, часто до смешного, миссионерскими силами, какой неспособностью к настоящей христианской про-

поведи и апостольству отличалась тогдашняя романо-германская Европа (X–XII вв.), особенно же германская, с ограниченностью и грубостью своих христианских чувств и воззрений»³¹.

Большое место в публицистических и научных работах Ламанского занимает вопрос о пути достижения единства славянских народов, преодоления ими междоусобной розни и, как следствие, улучшения всех аспектов развития славянских земель и государств. Главную роль в этом процессе ученый отводил общеславянскому языку, считая его несколько искусственным, но необходимым элементом литературного и национального объединения. «И древне-церковный язык славянский не есть собственно одно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный. <...> У племени славянского в среде всей его тысячелетней жизни постоянно чувствовалась и более или менее сознательно высказывалась живейшая потребность в языке искусственном, смешанном, в языке более или менее общеславянском»³². Исследователь отмечал, что аналогичное явление – создание единого языка – характерно для народов, уже литературно и национально объединенных, таких как немцы и итальянцы. Функции «искусственного общеславянского языка», по мнению Ламанского, должен выполнить русский язык. Его роль особенно усилилась, когда «грозные победы Пруссии, успехи итальянского и особенно германского единства, введение дуализма в Австрии и участие русской журналистики в деле западных и южных славян, наконец, приезд славянских гостей в Москву на этнографическую выставку, торжественный и радужный их прием в России произвели на умы славян глубокое впечатление, которое не останется без важных последствий для всего дальнейшего славянского движения на юг и на запад»³³.

Для распространения русского языка в качестве общеславянского, повышения его престижа Ламанский предлагал следующую программу. Он надеялся, что в Сербском княжестве, как в государстве автономном от Османской империи и самостоятельном во внутренних делах, в средних и высших учебных заведениях будет введено преподавание русского языка, литературы и истории. Другие же славянские земли, входившие в состав Австро-Венгрии и Османской империи, не имели возможности сделать это на своей территории³⁴. Ламанский считал необходимым создание в России славянских библиотек. Для этого он предлагал провести опись всех славянских книг Императорской Публичной библиотеки, библиотеки Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Генерального Штаба и многих других и создать в них славянские отделения. После этого ученый предполагал издание «Славянской библиотеки» – энциклопедии, охватывающей труды по языкознанию,

литературе и истории зарубежного славянства³⁵. В-третьих, не менее важным считал Ламанский составление общеславянского словаря. Подобный «параллельный словарь» был создан профессором Ф. Миклошичем по инициативе принца П.Г. Ольденбургского. В основу его были положены русский и церковно-славянский языки: слова их помещены в первом столбце, болгарские – во втором, сербские – в третьем, чешские – в четвертом, польские – в пятом, в шестом и седьмом – французские и немецкие слова, а также толкования славянских терминов. Однако Ламанский считал, что этот словарь не имел ничего общего с научным сравнительным словарем, идея создания которого выдвигалась еще А. Шлейхером и И.И. Срезневским. Цель издания Ф. Миклошича определялась Ламанским как чисто практическая: «дать западным славянам в руки пособие для чтения русских книг. <...> Если имелось в виду сравнение русского языка со сродными языками в словарном отношении, то нельзя же было ограничиваться только избранными наречиями и данным списком слов»³⁶. Составлять словарь должен был российский филолог, именно он смог бы создать перечень слов, оборотов, идиом, наиболее ярко характеризующих специфику русского языка, без указания которых чтение самих русских книг будет затруднено, подчеркнул Ламанский³⁷. Но несмотря на ряд замечаний, ученый считал издание словаря шести славянских языков знаменательным историческим фактом и сетовал на слишком высокую, по его мнению, цену продажи – 15 рублей за экземпляр. Ламанский отметил, что этот словарь предназначен для широкой публики, а не только для людей науки, его целью было распространение русского языка среди западного славянства. Поэтому цена на словарь должна быть значительно снижена, а Славянское благотворительное общество должно заняться рассылкой его экземпляров в земли западных славян³⁸.

Отметим, что Ламанский настаивал на публикации славянских исторических источников и литературных памятников Средневековья на языках оригиналов, считая перевод их на церковно-славянский «делом совершенно напрасным и бесполезным». Таково его мнение об издании древнечешских и древнепольских текстов «в церковно-славянском облачении»³⁹.

Объемный труд В.И. Ламанского «Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом в истории славистики», помещенный в ЖМНП, самым непосредственным образом связан с трактовкой ученым славянской идеологии. Собственно, в работе поставлен вопрос о том, что имеет приоритетное значение – помощь национальному возрождению всеми доступными средствами, включая фальсификацию исторических ис-

точников, или соблюдение научной корректности как основное правило развития «науки славянской». Поводом для споров между российскими и зарубежными славистами стало обсуждение подлинности нескольких средневековых чешских эпических произведений – «Песнь о Вышеграде», «Песнь о короле Вацлаве», «Песнь о суде Любуши» и некоторых других, а также знаменитой Краледворской рукописи, якобы найденной видным литературным и общественным деятелем Вацлавом Ганкой в городе Кенигингофе (Краледворе). Талантливо исполненные самим В. Ганкой совместно с поэтом-романтиком Йозефом Линдой, но все же поддельные «древнечешские» произведения стали не только средством национальной пропаганды, но и учебным пособием для молодых славистов даже за пределами чешских земель. Любопытно, что В.И. Ламанский, занимаясь в университете славянской палеографией, читал в семинаре И.И. Срезневского Краледворскую рукопись. В одном из своих студенческих писем молодой славист заметил: «Но самый мой любимый профессор – это Срезневский. К нему я хожу и во второй курс, где ... мы ... читаем Краледворскую рукопись или собрание древних чешских стихотворных памятников IX–XIV вв., найденных Ганкою ... в старой башне между разным хламом»⁴⁰. Письмо датировано 1850 г.

Во второй половине XIX в. поддельность этих источников была доказана. В своем труде «Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом в истории славистики» Ламанский подверг их всестороннему историческому и языковедческому анализу, объясняя несостоятельность положений защитников подлинности рукописей. Ученый назвал издание этих памятников Ф. Палацким и П. Шафариком книгой, которая имела самое вредное влияние на славянскую науку⁴¹. По мнению Ламанского, ни насущная национальная необходимость, продиктованная политической ситуацией, ни глубокое уважение к деятелям «славянской образованности» не должны мешать непредвзятому, строго научному анализу исторических источников. Ученый подчеркнул, что «период смешения политики с палеографией, период сердечных восторгов и слез умиления не ученых только ... а всех милославов и властимилов по поводу открытия славянских рун, новых известий о Свароге, Хорсе, Роде, Рожаницах – этот период уже миновал»⁴². Исследователь охарактеризовал публикации поддельных рукописей как памятники ученой доверчивости и слабости критики, заметив, что они были закономерны для начального периода развития славистики как науки.

Все вышеизложенное свидетельствует, что характеристика В.И. Ламанским славянской идеологии имеет культурологическую

основу. Образование самобытных национальных государств и их добровольное объединение под эгидой Российской империи были, по его мнению, главной задачей славянских народов. Предпосылки достижения независимости и национального объединения ученый видел в развитии науки и искусства как составляющих частей «славянской образованности». После восточного кризиса 1875–1878 гг. концепция Ламанского претерпела качественное изменение: она стала скорее политической, чем культурологической. А с конца 80-х годов XIX в. основное место в своих трудах исследователь отдает религиозно-философскому осмыслению прошлого и предстоящего пути славянских народов.

Примечания

- 1 Новый сборник статей по славяноведению. (Составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности). СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1905. С. XI–LVII.
- 2 *Ламанский В.И.* Заметка о Кенигсберге, Берлине и Дрездене. Извлечение из письма // ЖМНП. 1862. № 10. С. 111–118.
- 3 *Эрбен И.Я.* Заметки о славянских топографических названиях. Примечания В.И. Ламанского // ЖМНП. 1867. № 10. С. 243–261.
- 4 *Ламанский В.И.* Рецензия на книги А.А. Котляревского «Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке» и «Древности права балтийских славян» // ЖМНП. 1875. С. 1.
- 5 Словарь шести славянских языков. Рецензия В.И. Ламанского // ЖМНП. 1885. № 2. С. 239–250.
- 6 *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. № 1. С. 122–163; № 6. С. 349–378; № 7. С. 84–123; № 9. С. 108–123.
- 7 *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. № 1. С. 131–160; № 2. С. 313–366. № 3. С. 118–159; № 4. С. 247–276; № 8. С. 1–33; 1880. № 6. С. 312–353.
- 8 Краледворская (1817) и Зеленогорская (1818) рукописи – памятники эпохи чешского национального возрождения, созданные известным литератором В. Ганкой и поэтом-романтиком Й. Линдой и выданные ими за древнечешские произведения.
- 9 Подробнее об образовании журнала «Живая старина» см.: *Лантева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос: вехи истории. Памяти В.А. Дьякова. М.: ИСБ РАН, 1997. С. 118–129; *Саприкина О.В.* Теоретические воззрения О.М. Бодянского и В.И. Ламанского на славянство: общее и особенное // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. ст. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 82.

- 10 *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в Императорском Санкт-Петербургском университете. Чтение I. Изучение славянства и русское народное самосознание // ЖМНП. 1867. № 1. С. 145.
- 11 Там же. С. 117.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 118–119.
- 14 *Геллер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Междунар. философ. журнал. 1992. № 1. С. 28–30.
- 15 *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в Императорском Санкт-Петербургском университете. С. 119.
- 16 Там же. С. 119–120.
- 17 Цит. по: *Ламанский В.И.* Рецензия на книги А.А. Котляревского. С. 216.
- 18 Там же. С. 217–218.
- 19 Там же. С. 219.
- 20 Там же. С. 215.
- 21 Там же. С. 213–215.
- 22 *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. С. 120–121.
- 23 Там же. С. 121.
- 24 Там же. С. 123.
- 25 Там же. С. 123–124.
- 26 Там же. С. 119.
- 27 Там же. С. 124–129.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 129–130.
- 30 Там же. С. 135–136.
- 31 *Ламанский В.И.* Рецензия на книги А.А. Котляревского. С. 239.
- 32 *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос. Статья первая. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка // ЖМНП. 1869. № 1. С. 127.
- 33 *Ламанский В.И.* Распространение русского языка у западных славян // ЖМНП. 1867. № 6. С. 442.
- 34 Там же.
- 35 *Эрбен И.* Заметки о славянских топографических названиях. С. 260–261.
- 36 *Ламанский В.И.* Словарь шести славянских языков. С. 241–242.
- 37 Там же. С. 242.
- 38 Там же. С. 249.
- 39 *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка. С. 137.
- 40 Цит. по: Документы по истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 1.
- 41 *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка. С. 138.
- 42 Там же. С. 154.

А.В. Шарова

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СООБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
А.Н. САВИНА)

Цель статьи – по материалам дневника историка А.Н. Савина показать взаимоотношения власти и профессуры Московского университета в 1908–1911 гг. Сделана попытка реконструировать как видение политики Министерства народного просвещения со стороны московской университетской профессуры, так и те проблемы, которые вызывали наибольший резонанс в университетском сообществе. Также затрагивается проблема взаимоотношений профессуры и студенчества и вопрос о «нравственном авторитете» учителей. События 1908–1911 гг., завершившиеся отставкой значительной части профессуры Московского университета, были первой массовой «чисткой» университетского сообщества в России XX в.

Ключевые слова: А.Н. Савин, Московский университет, отставка, Министерство народного просвещения, Л.А. Кассо.

В первой четверти XX в. на долю России выпали радикальные политические изменения, разрушение старого и строительство нового социума, неоднократные смены идеологических ориентиров. Все эти явления самым непосредственным образом отразились на такой области, как высшая школа и методы руководства ею. Однако рискуем предположить, что явление, которое мы трактуем как политику советской власти по отношению к высшей школе, имело глубокие корни в российском обществе начала столетия. Несмотря на идеологическое обрамление соответствующей политики, создавалось впечатление, что власть использует уже готовые решения, опробованные меры воздействия. Более того, что пришедшие во власть новые люди пусть интуитивно (а иногда со знанием дела) готовы предсказать тактику поведения противной стороны (т. е. академического сообщества). Наконец, сами поступки

© Шарова А.В., 2010

новой власти по отношению к высшей школе выглядели тоже вполне ожидаемыми.

В начале XX столетия власть активно пополняла спектр воздействий на университетское сообщество. К тому же воспитанники университетов сами составляли значительную часть административного аппарата империи, а идеологами и проводниками наиболее консервативных идей в отношении всей системы образования оказывались недавние преподаватели университетов (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо)¹. Университетское сообщество само поставляло тех деятелей, которые могли способствовать установлению большего контроля власти над университетским социумом. Все заметнее становился раскол внутри самой профессуры – как по отношению к политике царского правительства, так и по отношению к студенчеству. Сложилась ситуация, когда в университетах сохранялись элементы автономии, но при этом профессуре приходилось проводить в жизнь политику Министерства народного просвещения и, таким образом, быть ее олицетворением как в глазах студенчества, так и всего общества. Студенчество видело в общей массе преподавателей исполнителей директив самодержавного режима. Именно такое отношение между студенчеством и профессурой стало той питательной почвой, на которой, как мне представляется, вырастало недоверие к высшей школе и «старым профессорам», столь явное в первые годы советской власти.

Самой крайней из форм сопротивления политике властей для профессуры оставалась отставка. Именно этот коллективный протест против реакционных реформ министра народного просвещения Л.А. Кассо в 1911 г. встряхнул общество и способствовал на короткое время созданию нового образа университетской профессуры². В отставку тогда подали ректор и около сотни профессоров Московского университета. Коллективная отставка представляла собой новый метод борьбы. Отставка для члена университетской корпорации была серьезным решением, поскольку в первую очередь этот поступок сказывался на материальном положении ученого и создавал сложности на пути его дальнейшей ученой и тем более служебной карьеры.

В настоящее время в историографии проблематика исследований, связанных с историей университетского сообщества, политики государства по отношению к высшей школе, равно как и в целом с периодом между Первой русской революцией и годами Первой мировой войны, заметно обогатилась³. Интерес исследователей закономерно – слишком долго именно эти годы оставались «за кадром» интереса историков, заслоненные политическими страстями предшествующего и последующего времени. Seriously расширился

и круг используемых источников, среди которых особый интерес представляют источники личного происхождения. Они – то самое недостающее звено, которое в полной мере может показать реакцию университетского сообщества и специфику самосознания этой части интеллектуалов. Порой намерения власти и понимание этих намерений в обществе не совпадают, а в любой корпорации имеются свои «подводные течения», придающие нередко неожиданные оттенки восприятию тех или иных событий.

Александр Николаевич Савин (1873–1923), специалист по истории Англии XVI–XVII вв., был учеником П.Г. Виноградова. Окончив Московский университет, он защитил магистерскую и докторскую диссертации и в 1908 г. был утвержден третьим профессором на кафедре всеобщей истории. Он вел дневник университетских дел с сентября 1908 по сентябрь 1917 г. Этот источник, отличающийся больше содержательной, чем аналитической частью, позволяет взглянуть изнутри на проблему взаимоотношений высшей школы и власти в 1908–1917 гг.⁴ Не предназначенный для опубликования, дневник отражал непосредственные впечатления А.Н. Савина о происходивших событиях и поступках людей.

В историографии сложилось мнение о А.Н. Савине как об ученом, далеком от политики и занятом только наукой⁵. Во многом истоки такой трактовки могут объясняться спецификой личности самого историка, человека тонко чувствующего, но не выносящего свои эмоции и чувства на всеобщее обозрение. В середине 1920-х годов, когда ученики и коллеги А.Н. Савина почтили память о нем изданием сборника статей, лучше было не упоминать о его либеральных взглядах и симпатиях к кадетской партии, об участии в делах университетской корпорации. Судя же по материалам дневника, ученый живо интересовался всем происходящим, активно участвовал в заседаниях совета университета и факультета, в комиссиях, предлагал решения возникавших проблем, формулировки некоторых важных документов, направлявшихся в министерство. На квартире А.Н. Савина собирались коллеги, чтобы решать вопрос о выборах нового ректора, о возвращении уволенных из университета преподавателей. Историк участвовал в переговорах с организациями младших преподавателей и студентов в бурные месяцы после Февральской революции.

Осенью 1908 г. Министерство народного просвещения во главе с А.Н. Шварцем последовательно «наводило порядок» в сфере высшего образования, отменяя ставшие привычными университетские «свободы». В дневнике А.Н. Савина источниками новостей об университетских делах становятся «слухи» из Петербурга. Историк не знает, как реагировать на следующий газетный «слух»: всех препо-

давателей университета заставят расписываться в том, что они читали сенатское разъяснение – «лица, состоящие на государственной службе, не могут принадлежать к противоправительственным партиям» (кадетам). 20 октября он получил копию «знаменитого и гнусного сенатского разъяснения». Постановление было прямым нарушением университетской автономии и крайне унижительно с точки зрения личной свободы каждого члена университетской корпорации. Отказаться подписывать означало лишить себя права преподавать в университете. Размышляя о положении российской профессуры, А.Н. Савин записывал: «Русский профессор начала XX в. не гарантирован от грубейших оскорблений со стороны учащейся молодежи, печати, всякого рода начальств, как бы ни была высока его научная ценность, как бы ни была безупречна его личная и гражданская жизнь. Но куда ему уйти от науки, от университета? Ему некуда уйти. <...> Переход к другим занятиям, если бы на него решилась значительная часть профессуры, означал бы временный разгром русской высшей школы. Профессора работают в высшей школе не только по “буржуазной” тяге к жалованью и гонорару, но и по высокопатриотическим и даже сверхнародным побуждениям»⁶.

Действия Министерства вызывают у него ощущение «неотвратимого стихийного бедствия», масштабы и разрушительная сила которого равно велики. Историк А.Н. Савин видел в действиях властей нечто странное. По его наблюдениям, самых мирных преподавателей и студентов «словно гонят на оппозицию. Что это? Провокация, или тупость, или озорство самоуверенных победителей черного колера? Если провокация (в виде забастовки студентов – А. III.), то значит, наверху хотят разрушить университет либо обратить его в лицей черносотенных студентов, обучаемых черносотенными профессорами». Возможно, «думают благожелательно успокоить всех без больших осложнений и мечтают, что по указанию начальства капризничавшие профессора и студенты исправятся и станут благонаравно слушаться начальства? ...Или вовсе не верят в наше исправление и просто издеваются над нами в уверенности, что мы молча проглотим и эту и последующие обиды и не посмеем протестовать открыто, а что затаенная из-за нашего ничтожества злоба совершенно безопасна для власть имущих»⁷. Позднее он выскажет еще одну догадку: может, в Санкт-Петербурге вообще не знают и не понимают того, что делается в университетах? И отсюда такие неадекватные меры и политика ошибок.

А.Н. Савин подробно описывал политику в отношении выборного ректора Александра Аполлоновича Мануйлова. Семь месяцев в университете ждали и сомневались, утвердит ли Министерство

его в должности⁸. А пока длились эти ожидания, в апреле 1909 г. в университетах Москвы и Петербурга началась ревизия. «Кажется, больше всего смотрят хозяйственную отчетность, хотят выяснить университетскую задолженность, – писал А.Н. Савин. – Но в ревизии к хозяйству примешалась политика. Наверху озорство, хотят окончательно сокрушить гидру (революции. – А. III.) и для этого почему-то хотят отдать под суд всех ректоров освободительного периода». По слухам из Петербурга, настала очередь А.А. Мануйлова, так что ревизия была кстати. А.Н. Савин замечал, что ревизор из столицы «ищет каких-то хищений», хотя назначение именно этого человека в качестве ревизора университетской задолженности «очень пикантно для наших бюрократических нравов». Опять же «по слухам», этот ревизор оставил в столице огромное собственное «долговое наследство»! В университете мало кто сомневался в печальном исходе ревизии. К октябрю 1910 г. растрата была обнаружена – дело касалось университетской типографии (машины Каткова)⁹. В целом история с университетской типографией будет тянуться еще долго, и по текстам дневника А.Н. Савина становится понятно, что среди профессуры шли разговоры: не попытаются ли к растрате (мнимой или истинной) притянуть все руководство университета?

В ноябре 1910 г. последовала новая напасть. Кассир общества взаимопомощи студентов-юристов проворовался, и ... послал донос В.М. Пуришкевичу, уверяя, что Мануйлов «покрывает растратчиков-кадетов»¹⁰.

Политические предлоги для осуждения ректора Московского университета тоже подбирались. 12 мая 1909 г. был срочно собран Совет университета, так как из министерства пришла очередная бумага, по мнению А.Н. Савина, «грубая и глупая». В ней сообщалось, что в марте была студенческая сходка в университете, о чем ректор не сообщил властям. С точки зрения профессора, в столице «решили придраться к этому собранию, на котором и было то всего человек 15, чтобы отдать ректора под суд за бездействие власти».

Проблема была не нова. В 1907 г. Комитет министров утвердил положение, по которому университетская администрация и лично ректор отвечали за благонадежность студентов и должны были препятствовать всякого рода антигосударственным заявлениям в стенах университета. Университетский совет отреагировал на это решение весьма эмоционально, заявив 22 декабря 1907 г., что «ознакомление со всем, что делается на студенческих собраниях, мыслимо либо при присутствии университетской администрации на собраниях, что непосильно, бесполезно и вредно, либо при организации тайной агентуры самой администрацией, что несомне-

стимо с достоинством профессоров и даже прямо опасно». Поскольку эта проблема опять встала на повестке дня, в 1909 г. было решено направить университетскую депутацию к председателю Комитета министров, чтобы отменить это постановление. А то получалось, что «профессорам либо предлагают заниматься сыском, либо идти под суд»¹¹.

Для воздействия на университеты Министерство народного просвещения широко использовало финансовые рычаги. Лаборанты и ассистенты на физико-математическом факультете получали вознаграждения из специальных средств, ассигнование на которые проходило утверждение через министерство. В ноябре 1908 г. документы были отосланы, но до мая 1909 г. ответа не было. А.Н. Савин записывал: «Выплаты младшим преподавателям и поставщикам остановлены. Некоторые в безвыходном положении». Министерство в течение года не утверждало смету на ремонт, который давно сделали в университете, что разоряло подрядчиков и рабочих¹². Таким образом, при «помощи» Министерства народного просвещения создавался в обществе негативный образ университетского сообщества, в котором профессура получает высокие гонорары, а младшие служащие и поставщики университета разорены. Получался образ жирующего на чужом труде несостоятельного должника.

Начиная с 1908 г. Министерство народного просвещения последовательно покушалось на право университетов самостоятельно определять содержание читаемых курсов и их структуру. В 1905 г. в Московском университете была введена предметная система, т. е. определены обязательные для каждой специальности предметы и соответствующие формы отчетности, но распределением их по годам обучения занимался сам студент. Дисциплины подразделялись на общие и специальные, а также семинарии, участие в которых было обязательным¹³. В конце сентября 1908 г. Совет был поставлен в известность о том, что не утверждено «обозрение преподавания» физико-математического факультета на текущий год. По мнению министерства, пособий к курсам специалисты указали слишком много, к тому же некоторые из них изданы давно, а многие – на иностранных языках. А.Н. Савин записал: «Комичный и печальный эпизод... Это наглое вмешательство в чисто учебные дела, наглое до смешного, так что при чтении этого удивительного документа больше смеялись, чем возмущались». Для подготовки ответа бумага из министерства была направлена на физико-математический факультет.

Ответ из министерства, судя по дневниковым записям, пришел лишь в конце января 1909 г.: университету предлагалось не критиковать замечания министерства, а «руководствоваться» ими.

Обсуждая эту коллизию на Совете университета, собравшиеся напоминали, что в соответствии с Уставом 1884 г. попечение о полноте и научности преподавания лежит на факультетах, за министром же – право вырабатывать правила для составления обзрений и утверждать обзрения. А.Н. Савин записал слова ректора А.А. Мануйлова: «Право составлять правила не есть право критиковать по существу отдельные обзрения». А поскольку в изданных министерством правилах по составлению обзрений ничего не говорится ни об объеме пособий, ни о годе издания или языке, то Совет университета принимает следующую резолюцию: «Всякое вмешательство извне в указанные факультетом пособия к читаемым курсам грозит большим ущербом интересам преподавания»¹⁴.

Профессура Московского университета продолжала отстаивать свое право определять содержание преподавания, хотя в октябре 1908 г. в газетах появились проекты нового университетского устава, имевшего определенно охранительный характер. Приводя детали устава, А.Н. Савин даже сомневался в его подлинности: «По отношению к русским условиям это почти безумный бред, безусловно утопичный в очень существенных частях и вредный в некоторых из осуществимых своих частей». В частности, настораживало историка положение о том, что министр «будто бы устанавливает новый учебный план, обязательный для всех университетов. Факультеты самостоятельны лишь в выработке специальных планов, прохождение которых для студентов не обязательно. Это легко может стать равносильным отмене предметной системы»¹⁵, – прозорливо замечал он.

Уже в марте 1910 г. последовала бумага из Министерства народного просвещения, в которой от университетов потребовали распределять курсы по семестрам с отчетностью в конце каждого, и таким образом итоговая оценка основывалась на семестре, а не на зачете всего предмета сразу. А.Н. Савин считал, что у министерства «нет мужества открыто осудить и отменить предметную систему. Хотят повалить ее некрасивыми подходами сзади»¹⁶.

Еще в январе 1910 г., когда разговоры о проекте нового устава приобрели форму неизбежности, на заседании Совета университета принималось решение послать в министерство материалы по университетской реформе, какой ее хотели бы видеть профессора. «Протест довольно невинный, но почти бесполезный», – резюмировал А.Н. Савин. Он считал, что более серьезным было бы задуманное издание коллективной работы о современном состоянии Московского университета и его «реформе»¹⁷.

Вчитываясь в строки проекта нового университетского устава, А.Н. Савин размышлял следующим образом. Если по проекту

нового устава «университет есть учреждение государственное, дает высшее образование и готовит к государственной службе», то куда исчезают «ученые задачи университета»? Если у министра будет право назначать профессоров, а выбранные ректор, проректор или декан в случае двукратного неутверждения министерством в должности назначаются министром, то что это значит для университета? Только одно – потерю автономии. Ректор А.А. Мануйлов о проекте высказался жестко, видя в нем попытку «отбросить русские университеты назад к тому режиму, полная несостоятельность которого доказана опытом»¹⁸.

В этой ситуации университетское сообщество задумалось о том, кто сможет быть его союзником. На послушную правительству Столыпина Государственную Думу никакой надежды не было. Опыт политической жизни начала столетия показал, что воздействовать на власть (чтобы остановить принятие нового университетского устава) можно через общественное мнение. Создать его поможет распространение проекта устава, созданного в Совете Московского университета в 1905 г. Однако в адрес университета из столицы последовала жесткая отповедь – считать решение Совета о рассылке материалов по университетскому вопросу незаконным. Можно было пойти «западным путем» и найти юридические ошибки в проекте нового устава. Но от этого предложения быстро отказались, поскольку «надеяться на чувство законности русских министров смешно, ибо их деятельность опирается на беззаконие».

Какие же методы воздействия оставались в распоряжении академического сообщества, по их собственному мнению? А.Н. Савин записал слова ректора: «Мало ли было в нашем прошлом самых вредоносных проектов, из которых ничего не выходило? ... Жизнь способна перемолоть очень плохой устав»¹⁹.

Оставалась еще «собственная нравственная сила», т. е. авторитет в обществе, на наличие которого претендовала российская профессура. Если судить по дневникам А.Н. Савина, то с осени 1908 г. этот вопрос постоянно будоражил умы преподавателей. Тогда университетское сообщество встало перед серьезной нравственной дилеммой: до какого предела стоять на защите «выборжцев» и не допускать их увольнения из университета²⁰. Вывод приват-доцента А.Н. Савина, был логичен: «Трудно думать, чтобы очень многие профессора демонстративно подали в отставку: жертва слишком велика». В двадцатых числах сентября в защиту «выборжцев» начал забастовку университет Петербурга, а Совет Московского университета объявил о прекращении занятий. С 24 сентября 1908 г. началась забастовка в Московском университете, студенты

на лекции практически не ходили, некоторые лекции срывали. А.Н. Савин записывал: «Я не читал лекцию. Обструкции нет». Министерство приказывало оставлять университет открытым, но из этого «вовсе не следует, что занятия возобновятся, а в пустой аудитории читать нельзя». 29 сентября ректор А.А. Мануйлов приостановил занятия, хотя знал о выговоре, который в подобной же ситуации получила администрация Петербургского университета.

На заседании Совета университета, состоявшемся 30 сентября, А.А. Мануйлов говорил о том, что студенческая забастовка – это угроза автономии. На этот раз студенты оказываются такой же деструктивной силой для университета, как и министерство. Студенты не прекратили забастовку в ответ на обращение совета факультета, поэтому ректор вынужден обращаться к «гражданским властям, т. е. к принудительным мерам». Он считал такое обращение вредным для университета, студентов и самой идеи автономии. Повторялась ситуация 1905 г., именно такой ее видел совет университета.

Для А.А. Мануйлова, равно как и для многих представителей либеральной профессуры, переживших университетское безвластие 1905 г., отставка – единственный приемлемый выход из создавшегося положения. Если правительство провоцирует недовольство, а студенты ставят политику выше университета, то профессуре остается один способ продемонстрировать свою позицию. А.Н. Савин не сразу понял причину упадочнических настроений своих старших коллег осенью 1908 г. Ему казалось, что ситуация 1905 г. была в университете более тяжелой, но тогда не отказывались от автономии. «Конечно, – размышлял А.Н. Савин, – тогда была революция, а теперь тишь <...>. Но неужели порядок, во что бы то ни стало, должен стать Молохом университетской автономии?» Этот «порядок» предстояло устанавливать именно той либеральной профессуре, которая отстаивала идеи автономии и протестовала против «порядка по Шварцу». В этом, вероятно, и крылась причина отчаяния творцов университетской автономии осенью 1908 г., осознавших, что никакой нравственной силы сегодня у профессуры нет. «Атмосфера оскорблений, ненависти, непонимания человека человеком есть неизбывный удел профессора наших дней. Профессоров чуть ли не бьют. И все это потому, что все уверены в совершенной беззащитности профессоров. Оружие автономии, – отмечал А.Н. Савин, – будет вырвано у профессорской коллегии соединенными усилиями студенческой обструкции и правительственной реакции».

«Забастовка была вызвана ненужными действиями Министерства народного просвещения», – было записано в обращении Совета университета к студентам о прекращении забастовки.

В итоговой редакции из документа исчезли пассажи о «немедленном возвращении к занятиям» и «о подчинении студентов профессорам», чему А.Н. Савин искренне порадовался. Для него это означало, что восторжествовала линия компромисса, сохранения университетского сообщества. Преподаватели возвращались в аудитории, пока еще полупустые, но им уже не мешали вести занятия для желающих. 6 октября 1908 г. А.Н. Савин записал в дневнике, что студенческая сходка решила забастовку прекратить²¹.

Осенью 1910 г. последовал новый подъем студенческих волнений. В ноябре прошли манифестации, связанные со смертью Льва Толстого. Руководство Московского университета получило бумаги от градоначальника и попечителя, в которых «конфиденциально» требовалось, чтобы студенты на сходках не выносили резолюций против правительства и Синода. В день похорон (9 ноября) Совет решил университет закрыть, а на похороны отправить делегацию в составе А.А. Мануйлова, М.Н. Сперанского и М.К. Любавского. К середине ноября в большинстве аудиторий шли занятия – руководство вуза решило «брать публику измором», т. е. читать пока возможно, даже если слушателей мало. «Худосочная канитель» – назовет эту ситуацию А.Н. Савин. А студенты воспримут такую примирительную позицию преподавателей как «штрейк-брехерство»²². 3 декабря 1910 г. А.Н. Савин пришел вести занятия, но слушателей не обнаружил: полиция закрыла ворота и пускала только преподавателей. «Смешно и печально, – констатировал историк. – Очень важной причиной беспорядков является и усиление правительственной реакции. Если дело пойдет дальше тем же путем, мы и в университете, и вне его, неминуемо встретимся с новой смутой. Я, признаться, думал, что нам предстоит еще немало лет апатии и подавленности. Беспорядки в университете меня несколько удивили, и я продолжаю считать их не имеющими глубокой почвы в общественных настроениях». Ученый поторопился с прогнозом – 8 декабря студенчество бастовало.

1911 г. начинался невесело. Множились слухи о возможных студенческих забастовках против административных исключений студентов, от правительства последовали суровые директивы как в адрес студенчества, так и профессуры. Если по отношению к студенчеству это были разного рода запреты – собраний, а в случае их организации вызов полиции и исключение, то и по отношению к профессуре меры принимались не менее серьезные. В соответствии с циркуляром министра Кассо, на ректора и Совет возлагалась обязанность «по восстановлению порядка» в университетах. Советы должны были «выработать мероприятия для подавления беспорядков в каждом вузе»²³.

15 января в Московском университете собралось экстренное заседание Совета, которое А.Н. Савин назвал «грустным», определяя царившую атмосферу. Ведь ректору, несмотря на все попытки, так и не удалось отстоять исключенных студентов. А.А. Мануйлов весьма точно уловил проблему момента: новые циркуляры министерства превращали университетскую выборную администрацию в орган начальства (из Петербурга) и делали ее «исполнителем велений свыше». Вопрос вставал ребром: или «подлинная автономия, либо ее ясная, формальная отмена».

«Чтобы уберечь хороших студентов», Совет решил разрешать только проверенно научные собрания студентов. А вопрос об установлении надзора за учащимися передал на рассмотрение специальной комиссии. Ей же предстояло и ответить на вопрос о том, что в данный момент желательно и приемлемо для университета – автономия или отказ от нее.

Интерес представляет комментарий А.Н. Савина к этому заседанию, тем более что собственные развернутые комментарии или оценки он дает в дневнике нечасто. Историка все время не оставляет сомнение, не являются ли все эти действия правительства спланированными. Не устраиваются ли беспорядки специально для того, чтобы потуже затянуть гайки. Другой вариант не менее печален. «Наверху, может быть, и не хотят беспорядков, может быть искренне думают, что новая политика выведет политику из университета. Но тогда какое слабое знакомство с действительностью», – отмечал он. Ведь все эти правительственные меры легко толкают на беспорядки самых аполитичных студентов²⁴.

События конца января 1911 г. подтвердили худшие опасения историка. 27 января «полиция явилась без зова администрации» в университет и переписала 188 студентов, посчитав их собравшимися на сходку. На следующий день полицейские вошли в юридический корпус, где были переписаны студенты, которые успели объявить забастовку. Лекции были сорваны. К А.Н. Савину на занятия никто не явился, так что он «мог спокойно уйти назад, не подвергаясь активной обструкции»²⁵. Вечером 27 января на заседании комиссии Совета университета ректор (Александр Аполлонович Мануйлов), проректор (Петр Андреевич Минаков) и помощник ректора (Михаил Александрович Мензбир) объявили о намерении подать в отставку.

Вечером 28 января собрался Совет на экстренное совещание. Ректор говорил о двоевластии, сложившемся в университете, когда выборная администрация оказалась в подчинении у полиции и полностью утратила самостоятельность. «Ввиду своего бессилия и убеждения в том, что дальнейшее применение постановления

(о запрете студенческих собраний. – А. III.) только обострит беспорядки» руководство университета подает в отставку. Мужественное решение встретили аплодисментами²⁶.

История с отставкой руководства, а затем и многих профессоров и приват-доцентов Московского университета развивалась самым трагическим образом. Потрясенный А.Н. Савин записывал информацию о том, что в Петербурге усмотрели в этой отставке политическую демонстрацию (а не защиту университетской автономии), и Мануйлова, Мензбира и Минакова высочайшим указом отстранили не только от административной должности, но и профессорской. Это вызвало тотчас сильное брожение в университетской среде. Лишение профессорской должности было равносильно изгнанию из государственного университета. Именно в этой отставке, которая обернулась отстранением от университета, ученые увидели высшее проявление деспотизма.

В ответ на подобный произвол в отставку начали подавать многие преподаватели (в дневнике А.Н. Савина почти 50 имен). Впоследствии правительство, чтобы скрыть масштабы акции, не будет считать подавшими в отставку тех, чья выслуга лет составила 30-летний срок, и они занимать профессорскую должность не могли. Правительство утвердило все прошения об отставке, а массовое увольнение профессуры не привело к закрытию университета. То, что сами преподаватели воспринимали как разгром, для власти могло считаться победой.

На экстренном вечернем (2–3 февраля) заседании Совета университета долго обсуждалось обращение к министру народного просвещения. А.Н. Савин записывал: «Совет не может умолчать, что некоторые профессора найдут дальнейшую преподавательскую деятельность *несовместимую со своим личным достоинством* (курсив мой. – А. III.), ввиду того, что совет выбрал нынешнего ректора, проректора и помощника ректора и присоединился к мотивам, заставившим их подать прошение об отставке. Одновременный уход значительного количества профессоров нанесет огромный урон преподаванию. Совет не может представить себе, чтобы управляющий Министерством народного просвещения, на обязанности которого лежит попечение о преуспевании высшей школы, мог содействовать разрушению старейшего русского университета». При составлении документа сначала собирались высказаться определеннее: «... чтобы управляющий министерством народного просвещения связал царствование императора Николая II с разрушением университета». Этот текст должны были отправить министру через попечителя, хотя уверенности в подлинности информации о снятии ректора и остальных с профессорских должностей еще не было.

Также решено было послать депутацию к министру с ходатайством об оставлении руководства на профессорских должностях. Заканчивая излагать события этого дня, А.Н. Савин резюмировал: «Это, конечно, самое печальное из моих заседаний, и может быть даже последнее, ибо при всей моей умеренности, может быть, даже я буду вынужден подать прошение об отставке. Настроение было грустное, несколько взволнованное, но не подавленное»²⁷. У университетского сообщества пока были смелость и чувство сплоченности перед лицом общего врага в лице министерства и правительства в Петербурге.

Спустя два дня А.Н. Савин опять возвращается к этому же сюжету – отставке. Товарищей, уволенных с профессорских должностей, на которые их выбирало университетское сообщество, по мнению историка, надо поддержать. Как? Отставкой! «Но я хорошо знаю, что этот путь, давая удовлетворение нравственному порыву, чувству товарищества, нисколько не поможет, а может быть, даже повредит университету. Пусть 30–40 штатных профессоров выйдут в отставку. На их место сейчас же, либо в скором времени назначат из провинции либо из числа приват-доцентов людей в духе “чего изволите” или прямых реакционеров». А значит, понизится уровень научно-педагогической жизни в университете, что «очень тяжело для людей, десятки лет живущих жизнью университета, даже совершенно независимо от грубой катастрофы в личной жизни многих профессоров»²⁸. Это восприятие университета как особой, самостоятельной ценности А.Н. Савин в полной мере передал многим своим ученикам.

Связь между политикой и университетом оказалась слишком сильна, и правительство увидело политический демарш там, где было сильное корпоративное чувство. Ведь речь опять шла о нравственном авторитете профессуры. Поддержка товарищей по университету становилась протестом против действий правительства. 12 февраля А.Н. Савин записывал: «...при теперешних обстоятельствах подача прошений об отставке несомненно приобрела в глазах правительства привкус политической манифестации, между тем как в глазах большинства подающих профессоров это исполнение *нравственного* (курсив мой. – А. Ш.) товарищеского долга, изъявление готовности пострадать вместе с товарищами-профессорами, и только, без политической примеси»²⁹.

Спустя несколько дней, когда выяснилось, что все прошения об отставках принимаются, историк признавался: «Мне трудно поверить, чтобы Столыпин был серьезно убежден в неблагонадежности профессоров. Что может быть умереннее и законопослушнее университетского профессора? Но свободный от политики универси-

тетский совет и теперешний русский политический строй две вещи несовместимые»³⁰.

Но уже с 4 февраля общий настрой записей меняется. В университете «печально и грустно», на заседания факультетского и университетского советов народа приходит немного – испугались, особенно медики и юристы, кое-кто приходит даже пьяным! В университетском сообществе разногласия. В собравшемся Совете университета не набралось кворума, и решения приняты не были, зато достало взаимных оскорблений³¹. «Людская пыль», точно подметил ученый.

11 февраля попечитель А.А. Тихомиров попытался заставить совет университета принять обращение к студентам «отказаться от забастовки». Такая позиция властей, которая может поссорить профессию со студенчеством и вызвать еще больший конфликт, опять спланирует преподавателей. Выступали против этого предложения на совете, по мнению Савина, люди «умеренные и далекие от какой-либо политики», те, кто не подавал в отставку. Итог – совет университета отказался поддержать попечителя. Все считают, что полиция врывается в аудитории без предупреждения, а такая суровая мера, как «административная высылка без суда и следствия», по отношению к студенчеству применяется слишком вольно и ошибочно. Нельзя рисковать жизнями студентов. А главное, о какой учебе может идти речь, если столь значительная часть профессуры подала прошение об отставках! А.Н. Савин считал, что если бы попечителю удалось добиться обращения к студентам, это сделало бы отставку массы преподавателей «малозначительным эпизодом университетской жизни»³².

Широко известными стали вскоре слова министра А.Л. Кассо, сказанные ходатаям от университета. Чиновник заявил, что ученые и педагогические дарования подавших в отставку сильно преувеличены, и у министерства не будет проблем с замещением вакантных мест, «даже если бы все московские профессора подали в отставку». Цитировали и самого П.А. Столыпина, признавшего, что «высшие государственные соображения заставляют пренебречь второстепенным вопросом о наличном составе преподавателей Московского университета». Все вместе взятое продемонстрировало, что правительство профессурой дорожить не собирается. Когда эта информация была изложена на заседании Совета, все выслушали это сообщение «в большом унынии и разошлись тихо и вяло».

Тем временем разгром университета подействовал на профессию весьма заметно. На Высших женских курсах и в университете Шанявского, где преподавали как уволенные, так и оставшиеся в Московском университете преподаватели, сложилась атмосфера

взаимного недоверия. «На меня смотрят как на изменника», – признавался не подавший в отставку А.Н. Савин. Попытка радикально решить вопрос с зачетом семестра и выпускными свидетельствами тех студентов, кому не хватало курсов из-за отмены занятий в 1905–1906 гг. внезапно натолкнулась на сопротивление многих профессоров, кто хотел «мира» с министром. И предложение А.Н. Савина, чтобы все студенты подавали прошение в министерство держать экзамены экстерном, не прошло. Решили разбираться с каждым случаем сами. Среди профессуры быстро появились желающие приписать себе студентов от тех, кто подал в отставку и таким образом заметно округлить свой гонорар. Другие поторопились подать прошения занять вакантные профессорские должности – медики это сделали уже к 19 марта. 23 марта заняли и четыре освободившиеся кафедры. «Это печальный и грозный признак нравственного разложения в профессорской среде», – замечал А.Н. Савин. Ведь в этом случае путь к возвращению подавших в отставку будет закрыт³³.

После выборов нового руководства в апреле 1911 г. А.Н. Савин сделал окончательный вывод – ушедшие в отставку совершили ошибку. Они думали, что тем самым спасают автономию, а на деле дали в руки правительству средства для разгрома университета.

А правительство продолжало расправляться с профессурой. Был отдан под суд ректор Юрьевского университета, уволен с поста директора и отстранен от профессорской должности директор Медицинского института, деканы факультетов Московского университета получили предписание из министерства о быстрейшем замещении всех свободных должностей на 12 кафедрах. В ноябре министр назначил (без выборов) профессоров в Петербургский университет. «Озорное желание показать свою власть», – подчеркнул А.Н. Савин, так как некоторые назначения были вполне заслуженные, и этих людей и так бы избрали факультеты³⁴.

Наконец, в сентябре 1911 г. был нанесен окончательный удар и по предметной системе. А.Н. Савин убеждался в верности своего мнения о том, что правительство спровоцировало людей на отставки и таким образом осуществило «чистку» (термин Савина) вузов, причем успешно³⁵.

В конце декабря 1911 г. А.Н. Савин записывал в дневнике: «Черный год кончается, кажется самый черный в истории Московского университета. Впереди может быть еще хуже, но это худшее будет прямым последствием краха 1911 г.»³⁶.

- ¹ См.: *Романов Ю.В.* Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научн. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов – 99». История. М., 1999. С. 76–804; *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994; *Дмитриев А.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2009. С. 121–125.
- ² Историография этого вопроса достаточно велика. Среди наиболее интересных работ см.: *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905–1917) // Там же. С. 205–371; *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Там же. С. 371–460; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1991; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. Социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008.
- ³ См, напр.: *Куликов С.В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг. Мат-лы междунар. науч. colloквиума. СПб., 2003. С. 54–71; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1991. *Он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX в: социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Куликов С.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *Омельянчук И.В.* Монархические «академические корпорации» в учебных заведениях России (1901–1914) // Украинские страницы. История национального движения Украины 1800–1920 гг. [Б.м., Б.д.]. URL: www.ukrstor.com/ukrstor/omeljancuk-akademobszestva.html
- ⁴ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а. Заголовок дела «А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1912». Всего 687 страниц машинописного текста. Документ представляет собой машинописную копию с дарственной надписью «Глубокоуважаемому и дорогому Евгению Алексеевичу Косминскому от любящих его Е. Гнесиной, В.М. Лавровского, Д. Сказкина 25 марта 1957 г.». Е.А. Косминский, в фонде которого хранится эта копия, добавил к дневнику стихотворения университетского товарища А.П. Рудакова 1908–1909 гг. К дневникам А.Н. Савина обращался В.М. Далин (А.Н. Савин: «Nil admirari» (Дневник историка) // Исторические этюды о французской революции: Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 31–69). Часть дневниковых записей ученого (с 12 января 1914 г. по 4 сентября 1917 г.) были опубликованы В.Ф. Молчановым по материалам, хранящимся в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (См. *Савин А.Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. / Публ. и примеч.

- В.Ф. Молчанова // Записки отдела рукописей. Вып. 52. Рос. гос. б-ка: М.: Пашков дом, 2004. С. 179–257).
- 5 См.: Памяти Александра Николаевича Савина 1873–1923. Труды Института истории: Сб. статей. Вып. 1. М., 1926; в статье М.В. Винокуровой о А.Н. Савине в сборнике «Портреты историков: Время и судьбы» (Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 143–154) рассматриваются исключительно научные штудии историка; о широком круге интересов историка свидетельствует статья В.Ф. Молчанова «А.Н. Савин: ученый, педагог, гражданин» (Записки отдела рукописей... С. 173–179).
 - 6 АРАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а. Л. 49, 37.
 - 7 Там же. Л. 11–12.
 - 8 А.А. Мануйлов был переизбран на заседании университетского Совета 9 сентября 1908 г., а утвержден в должности лишь 27 мая 1909 г. (Там же. Л. 102).
 - 9 Там же. Л. 92, 97, 146. Дело было связано с покупкой типографии Каткова и соответствующего оборудования. По информации А.Н. Савина при оформлении сделки был приглашен эксперт, который оценил типографскую технику в 12 тыс. руб. Позже выяснилось, что за завышенную оценку вдова Каткова заплатила ему хороший гонорар. Машины в конце концов пришлось просто списать на слом. Инспектор из министерства узнал об этой истории, квалифицировал ее как «растрату». Сам А.Н. Савин считал, что инспектору поступил донос (Там же. Л. 247).
 - 10 Там же. Л. 148
 - 11 Там же. Л. 95–97. Депутация от университета была принята в столице 1 июня 1909 г. (Там же. Л. 102).
 - 12 Там же. Л. 68, 70, 142. Разработка вопроса об экономическом положении российской высшей школы, в частности Московского университета, еще ждет своего часа.
 - 13 *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка // Московский университет в воспоминаниях современников: Сб. М.: Современник, 1989. С. 606.
 - 14 АРАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а. Л. 27, 68.
 - 15 Там же. Л. 44–45.
 - 16 Там же. Л. 126. На совете историко-филологического факультета 30 марта новые административные меры привели к конфликту. Часть филологов и Д.М. Петрушевский протестовали против «покушений на свободу преподавания», заявляя, что преподаватель может читать любой курс, который получает статус специального или общего. Судя по всему, некоторые коллеги попытались монополизировать определенные курсы.
 - 17 Там же. Л. 113.
 - 18 Там же. Л. 43, 48.
 - 19 Там же. Л. 139, 121.
 - 20 10 июня 1906 г. группа депутатов I Государственной думы (среди них – значительная группа кадетов), подписали обращение к народу с призывом в знак протеста против роспуска Думы проявить гражданское неповиновение –

не платить налоги и отказаться от военной службы. Затем это обращение поддержали еще более 50 депутатов распушенной Думы. В Московском университете опальных «выборжцев» набралось 5 человек (С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев).

- 21 АРАН. Ф. 1514. Оп. 2 Д. 103а. Л. 37–45.
- 22 Там же. Л. 150–151а.
- 23 Там же. Л. 152–156.
- 24 Там же. Л. 157–160.
- 25 Там же. Л. 163–164.
- 26 В дневнике А.Н. Савин поставил время, когда он записывал о произошедших событиях – 12 ч. ночи 28 января (Там же. Л. 165).
- 27 Там же. Л. 167–170. Официальный указ был опубликован 4 февраля 1911 г., до этого времени все в университете руководствовались информацией из газет.
- 28 Там же. Л. 172.
- 29 Там же. Л. 193. О корпоративном чувстве А.Н. Савин в своем дневнике скажет и позднее, причем в весьма специфическом контексте. Он пошел на панихиду по убитому П.А. Столыпину, поскольку «университет должен снять с себя опальную репутацию и должен проявлять политическую терпимость даже к таким жертвам террора, которые причинили университету много зла... Корпоративные настроения должны уступить место более широким побуждениям» (Там же. Л. 244).
- 30 Там же. Л. 195.
- 31 Там же. Л. 172–174, 180.
- 32 Там же. Л. 185–191.
- 33 Там же. Л. 198–209.
- 34 Там же. Л. 215–220, 269.
- 35 Там же. Л. 239.
- 36 Там же. Л. 290.

Т.А. Мухаматулин

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. САНЧЕСА-АЛЬБОРНОСА

Статья посвящена восприятию России выдающимся испанским ученым, педагогом и публицистом К. Санчесом-Альборносом. Малоизвестный в нашей стране, этот человек оказал значительное влияние на развитие испанской научной мысли. В его работах упоминания о России и о славянских народах редки и, как правило, носят негативный характер. Основная причина этого, как считает автор, в соотнесении России и коммунизма, против которого Альборнос выступал всю жизнь. Однако в начале 1930-х годов ученый входил в правление Испано-славянского комитета, который занимался развитием славянских культур в Испании. По мнению автора, это демонстрация общего отношения либеральной интеллигенции к СССР в тот период.

Ключевые слова: Испания, СССР, культурные связи, Санчес-Альборнос, взаимовосприятие, политика.

Проблема восприятия и взаимовосприятия культур – популярная и в определенной степени модная в нынешней российской науке тема¹. Столь же популярна активно осваиваемое сейчас в нашей стране направление «интеллектуальной истории»¹.

Из этого органически вытекает актуальность предложенной темы: восприятие России выдающимся испанским историком, политиком и педагогом. Поскольку этот деятель в России малоизвестен, следует предпослать этому тексту краткую биографию Клаудио Санчеса-Альборноса.

К. Санчес-Альборнос (1893–1984) родился в Авиле, в семье крупного политика, сенатора Николаса Альборноса³. По мнению части биографов, отец его был «ярким монархистом»⁴, другие же сообщают о том, что он избирался в испанский парламент –

Кортесы – как депутат-либерал. По окончании лицея герой этого исследования поступил одновременно на юридический и историко-филологический факультеты Мадридского университета.

Такой двойной выбор не удивителен – параллельное обучение на двух факультетах – юридическом и гуманитарном – было довольно распространенным явлением в среде юношей из обеспеченных испанских семей: считалось, что если первый из названных факультетов дает ремесло и кусок хлеба, то второй обеспечивает необходимый уровень общей культуры, соответствующий статусу истинного *кабальеро*.

В начале 1930-х годов ученый стал ректором Мадридского университета, но долго на этом посту не задержал – в Испании начал революция, и он с головой окунается в политическую жизнь. Альборнос становится депутатом Кортесов, в 1936 г. назначен послом Испании в Португалии. Затем, после начала Гражданской войны, покинул страну, а в 1944 г. окончательно осел в Аргентине, где сконцентрировался на научной деятельности. При этом он продолжал оставаться видной фигурой в среде испанской политической эмиграции, а в начале 1960-х годов стал даже главой правительства Испанской республики в изгнании. Уже после падения режима Франко в середине 1970-х годов его труды были изданы на Родине, на склоне лет ученый вернулся домой и умер в родном городе.

В России о Санчес-Альборносе писали крайне мало. В начале 1950-х годов его называли реакционером, который ведет систематическую работу по «изучению Средневековья», вернее, «по приспособлению истории Средневековья к нуждам империалистов»⁵. В 1960-е в российских книгах крупного историка средневековой Испании и феодализма могли аттестовать как «арабиста»⁶. Подробно на трудах ученого остановился лишь А.Г. Корсунский в своей «Готской Испании»⁷.

Ученые, рассматривавшие проблематику Испании XX в., лишь вскользь упоминали Альборноса как «либерального историка»⁸.

Определенные изменения в ситуации стали происходить лишь в начале 2000-х годов. Развернутые описания его концепции предприняты в диссертации Г.А. Поповой «Мосарабы в Толедо: проблемы самоидентификации» и в статье О.В. Аутова «Еще раз об истоках современных концепций истории средневекового пиренейского города».

В свою очередь, в испанской традиции Санчес-Альборнос признан одним из самых значительных ученых XX в., его труды переиздаются, действует фонд его имени, созданный в Авиле вскоре после смерти исследователя.

Использованный нами круг источников неоднороден: он включает научные и публицистические произведения самого Альборноса, его интервью, мемуары о нем; использованы также материалы периодической печати – как советской, так и иностранной.

Первое соприкосновение Альборноса и российской истории относится к самому началу его жизни. Как пишет его ученик Х.Л. Абелльян, во время русско-японской войны 1904–1905 гг. он «собирает всю доступную информацию об этих событиях»⁹. Следующий эпизод, заслуживающий внимания, произошел уже в начале 1920-х годов – тогда Санчес-Альборнос перевел на испанский язык книгу выдающегося русского ученого-испаниста В.К. Пискорского «Кастильские кортесы в переходный период от Средневековья к Новому времени»¹⁰. Правда, этот перевод был сделан со специально заказанного немецкого подстрочника.

Эти факты следовало бы рассматривать скорее как забавные курьезы, но уже в начале 1930-х годов ситуация несколько изменилась. В феврале 1931 г. в Мадриде возник Испано-славянский комитет¹¹. Его главой стал известный филолог и переводчик Р. Менендес-Пидаль (1869–1968). Клаудио Санчес-Альборнос вошел в состав правления этой организации. Кроме него туда входили и другие видные представители испанской интеллектуальной среды – историк Р. Альтамира-и-Кревеа (1866–1951), будущий глава республиканского правительства в Испании социалист Х. Негрин (1894–1956) и другие. К сожалению, история Испано-славянского комитета в русской историографии практически не изучалась. Помимо краткого описания его деятельности в уже упоминавшейся монографии В.В. Кулешовой¹² мне не удалось найти ни одного исследования или статьи, посвященной этой теме. Испанские же исследователи проявляют гораздо большее внимание к истории этого учреждения¹³.

Следует заметить, что деятельность Испано-славянского комитета не ограничивалась Россией. Он также занимался пропагандой в Испании культуры других славянских стран. Так, в феврале 1932 г. под его эгидой прошел вечер, посвященный столетию Ф. Шопена¹⁴. Однако русское направление было все же преобладающим – создавалась библиотека русских авторов, организовывались курсы русского языка¹⁵. Членский взнос комитета составлял 25 песет, к 1 декабря 1933 г. Комитет включал в себя 66 человек¹⁶.

Появление этой организации неудивительно: ситуация в испано-советских отношениях в области культуры резко изменилась именно в то время, когда возник Комитет, особенно после революции 14 апреля 1931 г. Если до этого связи между странами едва теплились¹⁷, то впоследствии произошел настоящий всплеск

взаимного интереса между этими странами и их народами. Помимо вышеупомянутого комитета, в разных городах Испании создаются «Общества друзей СССР». В апреле 1933 г. они объединились, и главой испанской секции Международного общества друзей СССР стал выдающийся испанский поэт Ф. Гарсиа Лорка (1898–1936). Общество устраивало встречи с вернувшимися из поездки в СССР, распространяло «правдивые» книги о Стране Советов, проводило вечера советской культуры и так далее¹⁸. К сожалению, история Испано-славянского комитета оказалась недолгой – последние известия о его деятельности датируются 1933 г. Более того, ни один из биографов Альборноса, которые оставили о нем многочисленные воспоминания, не сообщает о факте практического участия своего учителя в таком проекте¹⁹.

Возможно, причина кроется в просоветском характере деятельности Комитета. Несмотря на то что русский язык под его эгидой преподавали русские эмигранты, широкое внимание к курсам в испанском обществе было прямо связано с растущим в испанском обществе интересом Советскому Союзу²⁰, а глава организации Р. Менендес-Пидаль состоял в переписке с советским ВОКС (Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей). Таким образом, вне зависимости от целей его основателей Комитет воспринимался в обществе как «левая» и даже «просоветская» организация. Что же касается К. Санчеса-Альборноса, то он никогда не скрывал своих антикоммунистических взглядов. В частности, его ученица Рейна Пастор в статье «Санчес-Альборнос: историк, преподаватель и воитель» замечает, что «он определял себя как либерал, демократ и республиканец», отмечая также, что он испытывал «внутреннее отторжение относительно коммунизма и вообще относительно левых идей»²¹. Другой его ученик, Х.Л. Абелльян, в статье «Историк, ставший политиком» пишет, что Альборнос «всегда воевал с марксизмом в своих исторических трудах»²², отмечая, что он «никогда не соотносил себя с социалистами»²³. Интересно, что в своем последнем интервью в Аргентине, данном в 1975 г., ученый очень резко характеризует премьер-министра республиканской Испании периода Гражданской войны социалиста Франсиско Ларго Кабальеро, называя его в резко негативном контексте «испанским Лениным»²⁴. Ясно, что в устах человека, всю жизнь противопоставлявшего себя коммунизму, эти слова не могли звучать комплиментом.

Вместе с началом Второй республики наступил и пик политической активности К. Санчеса-Альборноса. Как умеренный либерал-республиканец он был избран в Кортесы, где, в частности, уделял значительное внимание аграрным проблемам Испании.

В одной из своих речей исследователь обращается к опыту проведения аграрной реформы в Советской России²⁵. 4 августа 1931 г. во время дебатов о земле Санчес-Альборнос прямо заявил, что земельные изменения в СССР произошли только из-за того, что к власти пришли коммунисты, и призывал собственников пойти на добровольный отказ от части своих владений²⁶. Впрочем, эти слова лишний раз подчеркивают уже отмеченные выше антикоммунистические взгляды историка и политика: в дальнейшем российский опыт аграрного передела уже не изучался Альборносом ни с политической, ни с исторической точки зрения²⁷.

После эмиграции историк практически не интересовался Россией: все его сознание было занято судьбами родной Испании. Пожалуй, единственным исключением из этого правила стала вышедшая в декабре 1941 г. его статья «От Залаки²⁸ до Смоленска», опубликованная аргентинской газетой «Ла-Пренса», где битва за Смоленск рассматривалась как такое же предвестие будущих побед советского оружия, как поражение кастильцев у аз-Залаки предопределило разгром мавров при Лас-Навас-де-Толоса. Лишь в начале 1960-х годов судьба вновь свела Альборноса с советскими сюжетами. В январе 1962 г. исчез глава испанского правительства в изгнании Диего Мартинес Баррио. Это вызвало правительственный кризис среди республиканских структур, эмигрантское политическое сообщество также вступило в полосу кризиса²⁹. Во время встречи в Париже в январе 1962 г., куда прибыли депутаты республиканских Кортесов в изгнании, было принято решение продолжать работать в рамках сформированных политических институтов³⁰. Президентом Республики Хименес де Асуа. Собравшиеся в Париже предложили Альборносу стать премьером нового правительства. В результате он пробыл на этой должности с марта 1962 по февраль 1971 г.³¹ Антикоммунизм Альборноса проявился и в этом эпизоде: против его кандидатуры выступили все шестеро депутатов Кортесов от Коммунистической партии Испании, в том числе все четверо, проживавших на тот момент в Советском Союзе, в частности Долорес Ибаррури³².

Значение эмигрантского правительства Испанской республики не стоит оценивать с точки зрения политического института. Сам Альборнос признавал, что он стал главой «из любви к Испании, а не из политических соображений». Тем не менее его внешняя политика была почти полностью ориентирована на Западную Европу и Америку: он посетил с визитом Вашингтон, участвовал в конференции, посвященной 25-летию начала Гражданской войны в Испании, которая проходила в Италии³³ и т. д. Более того, его дочь утверждает, что в рамках своей политической карьеры Альборнос

стремился не только к тому, чтобы сохранять преемственность политических институтов, возникших в Испании в 1931 г., но и «избежать того, чтобы представление Испании в изгнании на международной арене осталось в руках коммунистов»³⁴.

В своей публицистике Альборнос также не уделял России значительного внимания. Однако создается ощущение, что он попросту выносил ее за пределы европейского пространства. Так, в главе своего самого значительного историософского труда «Испания: историческая загадка», посвященной географическим условиям страны, он сравнивает испанские степи с венгерскими, утверждая, что нигде более в Европе таких условий нет, забывая про степи Кубани и Поволжья³⁵. Более резко сходную идею ученый выразил в своем эссе «Прощение о моем времени». Там ученый прямо противопоставляет Западную Европу и «ее законную дочь – Америку» так называемой «Славянии»³⁶, утверждая, что «создавший современную цивилизацию запад Европы и Америка, дочь его по крови и по духу, еще не сказали своего решающего слова»³⁷. Любопытно, что слово «Славяния» ученый также однажды упоминает в совершенно нейтральном контексте, описывая приток рабынь в XI в. на Пиренейский полуостров³⁸.

В конце жизни Альборнос обращает определенное внимание на проблему диссидентства в Советском Союзе. В 1978 г., уже после смерти Ф. Франко (которого он страстно желал пережить), исследователь, получивший возможность печатать на родине уже не только свои научные, но и политические тексты, подготовил материал «Солженицын, Альборнос и Мадарьяга» для мадридской газеты «Ла-Вангардия»³⁹. В своем позднем публицистическом эссе «Драма формирования Испании и испанцев» ученый, описывая ситуацию в Испании с лютеранской общиной, риторически восклицает: «Можно ли предположить, что общество в России сейчас конфликтно, так как там есть группа периодически преследуемых диссидентов?»⁴⁰ Последний раз ученый коснулся русской темы в 1981 г., выступив со статьей «От Кубы до Афганистана» в ежедневной испанской газете «Коррео Эспаньол»⁴¹.

При всей скудности и разнородности изложенного материала он дает основания для определенных умозаключений. Во-первых, очевидно, что К. Санчес-Альборнос (как и большинство консервативно настроенных западных интеллектуалов первой половины XX в.) не разделял понятия «Россия» и «Советский Союз». И то и другое без всяких различий включались в обобщающее понятие «Славяния», под которым подразумевалась вся совокупность славянских народов⁴². Во-вторых, антикоммунизм Альборноса, его вера в либерализм и демократию наложили зримый отпечаток на

его отношение к России, которое в целом нельзя назвать позитивным. Объяснить его антиславянские выпады сложно: вероятно, это может быть увязано с ролью славян-рабов в военной жизни мусульманских государств полуострова, но доказать этот тезис в настоящее время не представляется возможным.

На этом фоне тем более необъяснимым становится его участие, пусть и формальное, в деятельности культуртрегерской организации начала 1930-х годов. Можно лишь предположить, что в тот период симпатия к России и СССР (даже сугубо внешняя) на какое-то время превратилась в свидетельство известной «прогрессивности» того или иного политического деятеля, его приверженности Республике. Это замечание можно подтвердить целым рядом фактов и наблюдений. В частности, испанский католический философ М. Унамуну, которого никак нельзя назвать коммунистом, в тот период находился в переписке с М. Полонским⁴³, философ и историк Х. Ортега-и-Гассет писал о близости «русской» и «испанской» «души» и т. д.⁴⁴ Подобно тому, как Россия в 1930-е годы вдруг открыла для себя, что при всем их величии Дон-Кихот, дон Жуан и Кармен – это далеко не вся Испания, также и последняя, в конкретных политических условиях, довольно неожиданно для самой себя осознала бездонность «славянской души».

К сожалению, эта ситуация оказалась временной. Поражение Республики в 1939 г. надолго приглушило за Пиренеями интерес не только к СССР, но и к России. И тем не менее начало все же было положено: не случайно о России и славянстве, пусть и на краткое время, заявил такой завзятый антикоммунист и славянофоб, как К. Санчес-Альборнос.

Примечания

- ¹ Достаточно назвать монографию Голубева А.В. «Взгляд на Землю Обетованную: из истории советской культурной дипломатии», вышедшую в 2004 г. Кроме того, под эгидой ИРИ РАН регулярно проводятся семинары и круглые столы на тему взаимовосприятия культур.
- ² См., напр.: *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998.
- ³ *Grassotti H.* Homenaje a D.C. Sánchez-Albornoz. Buenos-Aires: Espasa-Calpe, 1964. P. 17–25.
- ⁴ *Aldea Q.* Sánchez-Albornoz: el patriarcho del historiografía español // *Del Ayer de España.* Madrid: Editorial obras selectas, 1973. P. 13.
- ⁵ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. Т.1. С. 6.

- 6 *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. М.: Наука, 1966. С. 9–18.
- 7 *Корсунский А.Г.* Готская Испания. М.: МГУ, 1969. С. 5–23.
- 8 *Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX в. М.: Наука, 1989. С. 33, 49–52.
- 9 *Abellán J.L.* El pensamiento español contemporáneo y la idea de América. Madrid: Anthropos, 1989. P. 531.
- 10 *Aldea Q.* Op. cit. P. 40.
- 11 ABC. 14.02.1931. P. 9.
- 12 *Кулешова В.В.* Испания и СССР: культурные связи 1917–1939. М.: Наука, 1975. С. 112–114.
- 13 Так, стоит упомянуть доклад Хесуса Габальдона «Менендес-Пидаль и Испано-славянский комитет», сделанный на конференции «Языки и культуры новых стран-членов Европейского союза», прошедшей в 2003 г. в Мадриде.
- 14 ABC. 18.02.1932. P. 49.
- 15 ABC. 15.01.1932. P. 35.
- 16 *Кулешова В.В.* Указ. соч.
- 17 Так, театральный режиссер начала 1930-х годов Л.В. Никитин упоминает, что полученная им в 1929 г. испанская виза стала восьмой с 1917 г., выданной советскому гражданину. См.: *Никитин Л.В.* Письма об Испании. М.: Федерация, 1932. С. 14–19.
- 18 *Кулешова В.В.* Указ. соч. С. 115–144.
- 19 Интересно обратить внимание, что при этом в подробнейших мемуарах дочери историка М.К. Альборнос описано участие отца в фонде, собиравшем средства на строительство здания медицинского факультета университета Мадрида. См.: *Albornoz M.C.* Semblanza histórico-político de C. Sánchez-Albornoz. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1992. P. 41–61.
- 20 Этот факт констатируют современные испанские историки М. Айспури и А.Ф. Буэно. См.: *Aizpuru M., Bueno A.F.* Exiliados russos en España. 1917–1936 // La facultad de filosofía y letras de Madrid en la Segunda República. Madrid: Fundación Universitaria Española, 2008. P. 396–399.
- 21 Sánchez-Albornoz a debate. Valladolid: SPIE, 1993. P. 11.
- 22 Ibid. P. 54.
- 23 Ibid. P. 65.
- 24 Несмотря на то что интервью было дано ученым в 1975 г., оно было опубликовано лишь в 2005 г., см.: М. Azaña: no quiero ser le Presidente de la República del asesinos // Solidaridad. [Madrid, 2005]. URL: <http://www.solidaridad.net/noticias.php?not=3565> (дата обращения: 18.09.2009).
- 25 Многие крупные исследователи революции и Гражданской войны в Испании отмечают, что нерешенность вопроса о земле усиливала социальную напряженность и стала одной из причин конфликта. Стоит отметить, к примеру, работу французского историка Ж. Дельпери де Байака, посвященную деятельности интербригад во время Гражданской войны, в которой содержится прекрасный очерк социально-экономической истории дореволюционной Испании.
- 26 *Abellán J.L.* Historiador metido a político // Sánchez-Albornoz a debate. P. 64.

Т.А. Мухаматулин

- 27 Проблемы аграрной истории составляли один из предметов интереса историка. Так, стоит выделить такие работы, как «Земельный режим в Астуриолеонском королевстве тысячу лет назад», «Суд свободного» в Леоне X в. и кастильский феодал XIII в.» и др.
- 28 Залака – городок в окрестностях Бадахоса, где в 1085 г. произошло сражение между войсками Альморавидов и армией короля Кастилии и Леона Альфонсо VI, закончившееся разгромом последних.
- 29 К сожалению, политическая история Республики в эмиграции оказалась мало изучена в России. Поэтому мне не удалось обнаружить каких-то работ, посвященных кризису 1962 г.
- 30 Тема сохранения и существования республиканских институтов после поражения в Гражданской войне заслуживает отдельного большого исследования. Поэтому я буду касаться лишь тех аспектов их истории, которые имеют отношение к Санчесу-Альборносу как политику.
- 31 *Albornoz M.C.* Op. cit. P. 117–211.
- 32 *Ibid.* P. 126–127.
- 33 *Ibid.* P. 155.
- 34 *Ibid.* P. 212.
- 35 *Sánchez-Albornoz C.* España: un enigma histórico. Barcelona: Espasa-Calpe, 1973. Vol. 1. P. 75–98.
- 36 Ученый использует испанское слово Eslavia, которое, скорее всего, обозначает единство славянских народов Восточной Европы.
- 37 *Sánchez-Albornoz C.* De ayer y de hoy. Madrid: CRIE, 1958. P. 122–123.
- 38 *Sánchez-Albornoz C.* La mujer musulmana y la mujer cristiana // De ayer de España. P. 100.
- 39 Этой статье мне также, к сожалению, найти не удалось.
- 40 *Sánchez-Albornoz C.* El drama de formación de España y los españoles. Barcelona: Lasa, 1976. P. 67.
- 41 Все сказанное выше относится и к этому материалу.
- 42 Так, ни в одной его работе мне не удалось найти ни одного упоминания аббревиатуры «СССР»: везде упоминается Rusia – «Россия».
- 43 См.: *Кулешова В.В.* Одно письмо М. де Унамуну // Проблемы испанской истории. М.: Наука. 1992. С. 201–207.
- 44 *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М.: Наука, 1991. С. 38.

Abstracts

I.P. Talbatsky
SOCRATES OF CONSTANTINOPLE
ON CONSTANTIUS II

Socrates, when he describes the rule of Constantius II in the second book of his Ecclesiastical History, resorts to different traditions known in representation of this emperor – from Athanasius of Alexandria to Julian the Apostate. The purpose of the present article is to analyze the image of Constantius created by Socrates. In order to find out the characteristic features in the way Socrates represents Constantius, we also have recourse to the works by two other Greek Christian historians – Sozomen and Theodoret. The analysis of the reports referring to Constantius, witnesses to the existence of two tendencies in Socrates description of this emperor. The first one consists in diminishing the emperor's guilt for persecutions of the Nicene bishops, which the latter is supposed to have undertaken at the instigation of the Arians. The second one, becoming dominant by the end of the book, tends to show the emperor as a confirmed Arian trying to promote Arianism by means of compulsion and violence.

Keywords: Late Antiquity, Arianism, Greek Christian Historians, Constantius II.

I.E. Ermolova
THE ECONOMICAL ASPECT
OF THE LATER ROMAN EMPIRE'S RELATIONS
WITH EXTERNAL PEOPLES

This article devotes to the analysis of the late ancient narrative sources' data about roman exchange with other peoples, not only trade in various goods, but also roman craftsmen' work over the empire's frontiers. It gives special attention to the late roman legislation which regulates the economical relations with any barbarians.

Keywords: the Later Roman Empire, barbarians, trade, frontiers, provinces, limitations.

O.V. Aurov

«GLADIO VINDICE LEUUIGILDI»:
THE GREAT KING IN THE CONTEXT OF MEMORY

The article is dedicated to the problem of the reconstruction of the biography of the early medieval king Leovigild (568–586), who was a governor of the Visigothic Kingdom of Toledo. His image was transformed by the centuries of the historical memory: in the Hispanic chronicles of the 7th–13th cen. we see the different interpretations of it. Leovigild's contemporaries (Isidor of Seville, Gregry of Tours, Pseudo-Fredegar and others) appreciated negatively the religious policy of the arian King. But if we compare their stories, we see that really Leovigild was not a kind of religious fanatic, and that the perception of he like the last was made by the Christian Hispanic clergy, which became a mane guardian of the historical memory in the Early Middle Ages. The concrete facts of king's biography shows us the great politician, whose deals were artificially connected in the medieval written histories with the name of Reccared the Catholic, who his son and successor.

Keywords: kingdom of Toledo, Leovigild, Arian Christianity, Orthodox Christianity, Goths, Francs, anti-Byzantium.

M.S. Petrova

DIFFERENT WAYS TO READ
AND INTERPRET EINHARD'S LETTERS
(A GUIDE)

The article discusses an episode in the court life of Einhard (c. 770–840) connected with his refusal to obey an order of the Empress Judith (d. 843) during the dynastic turmoil of the 830s. The episode is reconstructed from Einhard's letters to the Empress, to the Emperor Louis the Pious and other persons of the royal milieu. The author analyses the political situation of the 830s, the translation of the relics of SS. Marcellinus and Peter from Rome to Francia described by Einhard, as well as other chronographic, legal and narrative sources. Through comparison of various pieces of evidence not only Einhard's actions, but also his motives are reconstructed.

Keywords: letters, written source, text, historical situation, interpretation, reconstruction.

D.A. Borovkov
RELATIONS OF POLAND
AND EMPIRE IN THE X –
FIRST THIRD OF THE XI CENTURY

In article mutual relations of «Sacred Roman empire» are considered and the Polish state from the moment of its occurrence on the European political arena in 60th of X century before crisis of the Polish statehood in 30th of XI century. Within the limits of this period is allocated three stages: 1) strategic cooperation (second half X – the beginning of XI century); 2) the armed opposition caused by change of a political policy of empire at Henry II which unsuccessfully tried to prevent territorial expansion of Poland (1003–1018); 3) an exit of Poland from imperial sphere of influence after crowning Boleslav's I (1025) and the subsequent failure of an antiimperial politics of its successor Mieszko II (1025–1032).

Keywords: Holy Roman empire, Poland, Pjasty, foreign policy.

N.I. Basovskaya
DIALOGUE OF THE KING AND ESTATES
ON THE MIDDLE AGES DECLINE:
CHARLES V THE WISE

Article is devoted to a problem of origin of national consciousness in France during an epoch of the late Middle Ages. Nonconventional dialogue of the royalty in the name of king Charles V with not exclusive estates of the country became one of displays of this process.

Keywords: France, The Hundred Years War, General States, city estate, peasantry.

V.A. Barone
WOMEN OF NORMANDY
IN THE HUNDRED YEARS' WAR

In the XIV–XV centuries the biggest in the history of Europe military-political conflict broke out between England and France – the Hundred Years' War (1337–1453). One of its results was a liberation movement of the French people. It gained particular strength in the first half of the XV century after the conquest of Normandy by Henry V Lancaster.

French women took active participation in the fight against the English. They joined it straight from the very first days and kept on struggling till the end of the war. Women participated in and frequently organized anti-english plots in the Norman cities and towns. They were members of numerous partisan units, which flooded the territory of Normandy at that time, and were spies, messengers and agents of the French side.

Keywords: Middle Ages, England, France, the duchy of Normandy, the Hundred Years' War, liberation movement, partisans.

R.V. Zarapin

ATAHUALLPA AND CONCEPTION OF SUPREME POWER IN PREHISPANIC PERU

The author analyses the conditions of establishing Spanish Sovereignty in Peru in 1530s. The seizure of power in this region was facilitated by an internal crisis in the Inca empire. The author demonstrates that the crisis was caused by illegitimacy of the last Inca emperor Atahuallpa in the eyes of a considerable part of the empire's population. A tour round his territories by a new emperor was the basic form of establishing power in pre-colonial Peru, but Atahuallpa did not have enough time to do it.

Keywords: the Age of Discovery, Spain, Peru, Inca civilization, colonization, monarchy, legitimacy.

V.V. Upadishev

LIBRARY UTOPIA OF THE XVI CENTURY

One of the most mournful side effects of the dissolution of the monasteries in England was the dispersal and destruction of monastic libraries. John Dee, a famous English scholar of the sixteenth century in his Supplication to Queen Mary «For the recovery and preservation of ancient writers and monuments» planned to create a national library by finding, gathering and copying books and manuscripts from the destructed libraries. Thereby he thought to reach two purposes – to save books and to make written knowledge accessible for the masses. Dee was one of the first Englishmen, who took this problem seriously, and suggested such an interesting and advanced solution of it.

Keywords: Dee John, Library, Books, Dissolution, Great Britain, Renaissance.

M.A. Toumanov

WILLIAM BRADFORD: AMERICAN CALVINIST
ON «SOBRIETY» IN DAILY LIFE

This article is dedicated to the ideas of New Plymouth's governor about «sobriety», and also about the influence of these ideas on daily life of William Bradford himself, and other colonists. The author is trying to define Bradford's attitude to various aspects of daily life, such as leisure, recreational activity, nutrition, alcohol drinks, and intimate relations. There is also a problem of the conformity of William Bradford's ideas to «worldly asceticism», that Max Weber wrote about. As a result, the impacts of the governor's views on his economic activities are studied. The author of the research analyzes the structure of the governor's property, determines the role of rational temperance in his life, and reveals Bradford's position about accumulation of material benefits.

Keywords: sobriety, rational temperance, leisure, nutrition, alcohol drinks, vocation.

A.V. Voevodskiy

CETSHWAYO – THE LAST INDEPENDENT ZULU RULER

In the article the history of amazulu in XIX century is considered through the life and the personality of their last independent ruler Cetchwayo. During his young years the amazulu has struggled with afrikaner-immigrants for their chiefdom and land. For the Cetchwayo's rule years has come the English-Zulu War of 1879, which has led to the liquidation of independent Zulu power and brought hardship times for all amazulu. The reaction of amazulu rulers to the growing pressure of colonial society is a question the author is trying to answer in the article.

Keywords: The History of South Africa, Cetshwayo, amazulu, The English-Zulu War of 1879.

N.V. Rostislavleva

THE PRUSSIAN BUSINESSMAN DAVID HANSEMANN
(1790–1864) IN THE STRUGGLE
FOR CONSTITUTIONALISM

In the article considered political views of the representative of Rhine Province liberalism in Prussia, the outstanding industrialist

David Hansemann. According to the analysis of his works, he was the supporter of liberal constitution, bicameral parliament and monarchist principle, took clear anti-class stand and saw the foundation of state stability and development of the industrialization in middle class. Hansemann was the member of the «march» ministry in the revolution time 1848–1849 and introduced in Prussian state policy the spirit of enterprise liberty, but left his ministry post because of discrepancy of the accepted Prussian constitution with the spirit of liberalism.

Keywords: Prussia, Rhine Province, liberalism, David Hansemann, industrialization, constitution.

A.M. Gnedovsky

CHURCH QUESTION IN THE LEFT-OF-CENTRE
AND LEFT PARTIES IN THE LAST QUARTER
OF THE XIX AND FIRST THIRD
OF THE XX CENTURIES IN SPAIN

The article studies left parties attitude towards Spanish church in the last quarter of the XIX century and in the first third of the XX century. Author retraces evolution of this attitude. He examines parties that was not participating in the government forming and in the definition of the policy, but they were exerting influence on public opinion and were offering real reform projects. Research chronological frameworks is 1876 – the year of new Spanish constitution asseveration, which declared Spain as constitutional monarchy and Catholicism as established religion, and 1931 year, when Alfonso XIII leaves country and Spain was declared republic. Article main sources are official documents of the parties and political leaders' speech transcripts.

Keywords: church, education, reform, liberty of religion, liberty of conscience, state.

I.A. Zhenin

THE CONCEPT OF “VOLK” IN THE IDEOLOGICAL
CONSTRUCTIONS OF THE CONSERVATIVE REVOLUTION

The concept of “Volk” in the ideological constructions of the Conservative revolution This article intends to reveal a unified set ofgnoseological tools developed by the members of the Conservative Revolutionary movement and demonstrate their conceptual continuity. We analyzed the writings of the two leading members of the movement:

Oswald Spengler and Arthur Moeller van den Bruck. The concept of «Volk» was central in the ideological constructions of the Conservative revolution. The article is showing the romantic roots of the use of the «Volk» concept, depicts the terminological opposition between society (Gesellschaft) and community (Gemeinschaft); demonstrate the role of the socialist idea in the conservative revolution ideology.

Keywords: “Volk”, conservative revolution, Weimar republic, Oswald Spengler, Arthur Moeller van den Bruck, society (Gesellschaft), community (Gemeinschaft).

A.A. Turygin

ON THE FUHRER'S PARTY'S SERVICE:
TO THE HISTORY OF OCCURRENCE
AND DEVELOPMENT OF THE MAIN PRINTING
EDITION N.S.D.A.P.

The purpose of the history science kandidat A.A. Turygin's article is the analysis of the development of NS-propaganda on the example of the «Völkischer Beobachter» newspaper. Giving estimation to NS-propaganda in the context of modern historiography, the author studied the process, how the propaganda newspaper style was forming. To write the article, the author used original sources and the science literature in the German and the Russian languages. On the basis of studying this sources literature, the author comes to the conclusion, that the success of the NS-propaganda development mainly was connected with the spreading of printed editions, which didn't evolve, but were transformed with the help of special methods from partial edition into the national with strictly regulated problematic and specific material presentation.

Keywords: “Völkischer Beobachter”, national socialist propagation, the National State, Fuhrer, N.S.D.A.P, the “Thule”-society

V.A. Sadovskiy

«THE PLOT AGAINST CIVILIZATION»:
ANTI-BOLSHEVIST PHOBIAS IN FORMATION
OF BRITISH RIGHT-WING RADICALISM

The article based on archive documents and political publications of the time focuses on the role of anti-Bolshevist phobias in 1920-s Great Britain in constructing the conspiracy political myths which

later influenced the formation of the first radical right-wing groups in that country. The Author demonstrates the influence of then existing anti-Semitic and anti-Masonic «conspiracy theories» on right-wing thinkers' views on the ideas of communist «world revolution».

Keywords: Great Britain, «conspiracy theories», political myth, right-wing radicalism, the Third International

A.N. Komarov

THE CANADIAN CONSERVATISM FROM JOHN
DIEFENBAKER TO STEVEN HARPER:
THE MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT

This article is to finalize the evolution of the Canadian conservatism under John Diefenbaker, Joe Clark, Brian Mulroney and Steven Harper Conservative governments. The author draws the reader's attention especially to their measures on the development of the institutional structure of Progressive Conservative and then Conservative party itself, the revival of the interest of the voters to the conservative ideas, on the solution of the French Canadian problem as well as the constitutional reform in the country. The author also gives the analyses of the election campaigns, which were held by the above mentioned leaders of the party.

Keywords: John Diefenbaker, Joe Clark, Brian Mulroney, Steven Harper, Canadian conservatism, Conservative government.

S.Yu. Seregichev

ISLAMIC REPUBLIC OF SUDAN AS ONE
OF VERSION FOR THE DEVELOPMENT
OF SUDANESE SOCIETY AND STATE

The aim of the article is a detailed analysis of attempts to creation a state in the Sudan, the basis of the operation which should be the practice of universal application of the rules of the Koran and Sharia, replacing him secular law. The idea of building such a state and society as an alternative to the Westminster model of democracy and the socialist model of development is one of the central problems in modern Sudanese history. This problem divided the Sudan and the Sudanese into two irreconcilable camps: the North, the ruling circles that would like to build the Islamic Republic of Sudan, and South, dreaming of sec-

ularized, democratic and decentralized state. Around this theme happened and still continues to exist a lot of myths to debunk that partly intended to this article.

Keywords: the Islamic Charter Front, the National Islamic Front, the Islamic Republic of Sudan, the Revolutionary Command Council for National Salvation, the National Congress of Sudan.

O.O. Medvedeva

THE SOCIAL POLICY OF CLINTON'S
ADMINISTRATION STRATEGY
OF NATIONAL CONSOLIDATION

One of the key areas of social policy in the United States in the late XX century is to overcome the problems and controversies connected with increasing socio-cultural American society fragmentariness, consolidation of ethnic, racial, linguistic, behavioral and ethical boundaries. The article is devoted to basic principles of Clinton's social policy as the attempt to validate new multicultural nation identity. However, the failure of budget programs in the areas of pensions, health care, financial assistance, mortgage policy prevented from consolidation of the American society. The returning to the idea of multiculturalism was only after Democrats' coming in power in 2008.

Keywords: Contemporary USA History, Social Policy, National Consolidation, Multiculturalism, the Clinton Administration, the Democratic Party, Elections.

E.D. Braun

BRITISH AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
OF THE WARS OF THE ROSES:
COMPARATIVE ANALYSIS

We can find a set of historical researches devoted to the Wars of the Roses (1455–1487). However in the beginning of the XXI century the nature and chronological frameworks of the conflict remain the subjects of discussions. The most appreciable disagreements caused by different methodological principles, exist between British and Russian historical schools. Most British historians now agree that the Wars of the Roses were a series of inter-noble conflicts which exercised little influence on most aspects of fifteenth-century society. Modern Russian historians consider the Wars of the Roses as civil wars, the result of

political, social and an economic crisis. Such distinction opens opportunities for more objective historical analysis.

Keywords: the Wars of the Roses, the War of the Red and White Roses, Yorkists, Lancastrians, British historiography, Russian historiography.

O.V. Saprikina

INTERPRETATION OF SLAVIC IDEA
BY V.I. LAMANSKY ON THE PAGES
OF MINISTRY'S OF PUBLIC EDUCATION JOURNAL

The author of the article analyzes the views of the famous Russian scientist – slavist V.I. Lamansky (1833–1914) to study the history and contemporary status of the Slavic peoples, to interpret the ideological problems of pan-Slavism. The main sources are the research papers of V.I. Lamansky in the Journal of the Ministry of Education.

Keywords: Slavic peoples, pan-Slavism, Slavophil, Slavic idea, Vladimir Ivanovich Lamansky, periodicals, Journal of the Ministry of Public Education, Russian Empire.

A.V. Sharova

THE UNIVERSITY AND THE STATE AUTHORITIES
IN RUSSIA AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY (A.N. SAVIN'S DIARY)

This article is devoted to the problem of relationship between the government and the academic staff of the Moscow University in Russia during the years from 1908 to 1911. The research is based on the diary of historian A.N.Savin. It is an attempt to reconstruct the attitude of the university staff to the government policy and to reveal the most complicated and painful questions in the university life. Among all – it is a problem of relationship and mutual understanding between the student and academic body, the intelligentsia question of moral authority. Those events in Russian academic life and the mass resignation of the professors from Moscow University seemed to be the first «purge» of the intellectuals in Russia in the XXth century.

Keywords: A.N. Savin, Moscow university, resignation, Ministry of peoples enlightenment, L.A. Kasso

T.A. Mukhamatulin

THE IDEA OF RUSSIA IN POLITIC ESSAYS
AND ACTIVITY OF DR. C. SANCHEZ-ALBORNOZ

This article is concerned to a perception of Russia by eminent Spanish historian and politician C. Sánchez-Albornoz. Though this person had big influence on Spanish historiography, he is badly known in Russia. The references to Russia in his works are rare and preeminently unfavourable. Authors sees the origin of such a vision in equalization between Russia and communism, because Albornoz was an anticommunist during all his life. In spite of this, the scientist was on a board of Spanish-Slavic Comitee, which was an organization of cultural sharing between Spanish and Slavic cultures. Author thinks that it may be an illustration of the treatment of Russian by Spanish liberal intellectuals.

Keywords: Spain, USSR, cultural contacts, Sánchez-Albornoz, reciprocal perception, politic.

Сведения об авторах

Ауров Олег Валентинович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, olegaur1@yandex.ru

Бароне Виктория Александровна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, kiwi@inbox.ru

Басовская Наталия Ивановна – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, директор учебно-научного Центра визуальной антропологии и эгоистории, basovskaya@mail.ru

Боровков Дмитрий Александрович – выпускник ИАИ РГГУ, unlibri@mail.ru

Браун Елена Давыдовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, braun-helena@yandex.ru

Воеводский Александр Валентинович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, valeks77@mail.ru

Гнедовский Афанасий Михайлович – аспирант кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, gnedovsky@pochta.ru

Ермолова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, merira@mail.ru

Женин Илья Алексеевич – преподаватель кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ilya-zhenin@yandex.ru

Зарапин Роман Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, rzarapin@mail.ru

Комаров Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ruslan10@inbox.ru

Медведева Оксана Олеговна – аспирантка кафедры Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки МПГУ, преподаватель кафедры Всеобщей истории РГГУ, oxana.medvedeva@mail.ru

Мухаматулин Тимур Анварович – аспирант Института российской истории (ИРИ) РАН, timurina@rambler.ru

Петрова Майя Станиславовна – докт. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, mayapetrova@yandex.ru

Ростиславлева Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ranw@mail.ru

Садовский Владимир Алексеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), vladhistory@mail.ru

Саприкина Ольга Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, saprolga@yandex.ru

Серёгичев Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, sers80@mail.ru, +7-495-156-05-92 (дом.).

Талбацкий Ян Петрович – аспирант РГГУ, iantalbatsky@gmail.com

Туманов Михаил Александрович – канд. ист. наук, ассистент кафедры всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета, matfog@gmail.com

Турыгин Александр Александрович – канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории и теории государства и права РГГУ (г. Кострома), aturigin@mail.ru

Упадышев Владислав Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, gloom-mer@gmail.com

Шарова Антонина Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры политической истории факультета истории Государственного университета – Высшая школа экономики, antonisha16@yandex.ru

GENERAL DATA ABOUT THE AUTORS

Aurov Oleg V. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, olegaurov1@yandex.ru

Barone Victoria A. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, kiwi@inbox.ru

Basovskaya Natalia I. – Doctor of Science (History), Professor, chair of the Department of World History, director of Center for visual anthropology and ego-history, Russian State University for the Humanities, basovskaya@mail.ru

Borovkov Dmitry A. – the graduate, Russian State University for the Humanities, unlibri@mail.ru

Braun Elena D. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World history, Russian State University for the Humanities, braun-helena@yandex.ru

Ermolova Irina E. – PhD (in History), associated professor at Department of World History, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru

Gnedovsky Afanasy M. – PhD (in History) student, Russian State University for the Humanities, gnedovsky@pochta.ru

Komarov Andrey N. – PhD (in History), assistant professor at Department of World History, People's Friendship University of Russia, assistant professor at Department of World History, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru

Medvedeva Oxana O. – PhD (in History) student, MPSU, lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, oxana.medvedeva@mail.ru

- Mukhamatulin Timur A.* – PhD (in History) student, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (IRI RAN), timurina@rambler.ru
- Petrova Maya S.* – Doctor of Science (History), associated professor, Institute of World History of Russian Academy of Science, mspetrova@gmail.com
- Rostislavleva Natalia V.* – PhD (in History), associated professor at Department of World history, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru
- Sadooskiy Vladimir A.* – post-graduate student of World History Department of Russian State University for the Humanities (Moscow), vladhistory@mail.ru
- Saprikina Olga V.* – PhD (in History), associate Professor at Department of World History, Russian State University for the Humanities, saprolga@yandex.ru
- Seregichev Sergey Y.* – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, sers80@mail.ru
- Sharova Antonina V.* – PhD (in History), senior lecturer at History Department, State University – Higher School of Economics, antonisha16@yandex.ru
- Talbatsky Ian P.* – PhD (in History) student, Russian State University for the Humanities, iantalbatsky@gmail.com
- Toumanov Mikhail A.* – PhD (in History), assistant lecturer at Department of World History, Vologda State Teachers Training University, matfog@gmail.com
- Turygin Alexander A.* – PhD (in History), head of the Department of History and Theory of State and Right, Russian State University for the Humanities (Kostroma), aturigin@mail.ru
- Upadishev Vladislav V.* – PhD (in History) student, Russian State University for the Humanities, gloommer@gmail.com

Voevodskiy Alexander V. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, valeks77@mail.ru

Zaripin Romn V. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World history, Russian State University for the Humanities, rzararin@mail.ru

Zhenin Ilya A. – lecturer at Department of World history, Russian State University for the Humanities, ilya-zhenin@yandex.ru

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*
Корректор *Н.П. Гаврикова*
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 29.12.2010.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 20,0. Усл. печ. л. 19,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 298.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru